

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

5 · 1974

СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
А. Я. ГРУНТ, С. С. ДМИТРИЕВ,
В. З. ДРОБИЖЕВ (*зам. главного редактора*),
Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (*зам. главного редактора*),
Л. В. МИЛОВ,
И. И. МИНЦ, М. В. НЕЧКИНА,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
Б. А. РЫБАКОВ, А. М. САМСОНОВ,
С. С. ХРОМОВ,
Г. А. ЦЫПКИН, Л. В. ЧЕРЕПНИН

Адрес редакции:

103031. Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 294 29-31

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 223-56-93

EDITORIAL BOARD:

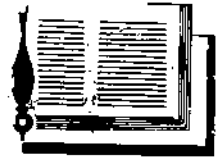
I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-Chief*),
A. Ya. GRUNT, S. S. DMITRIEV,
V. Z. DROBIZSHEV (*Assistant Editor-in-Chief*),
G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (*Assistant Editor-in-Chief*),
L. V. MILOV,
I. I. MINTS, M. V. NECHKINA,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
B. A. RYBAKOV, A. M. SAMSONOV,
S. S. KHROMOV,
G. A. TSYPKIN, L. V. CHEREPNIN

Address:

19. Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 294-29-31

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 223-56-93

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.**

Г. М. МАКСИМОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ТРУДЯЩИХСЯ СССР (1959—1970 гг.)

В огромном объеме информации, поступающей в распоряжение советских исследователей, содержатся обширные демографические, социально-экономические, профессионально-производственные характеристики населения страны. Ценнейшим источником являются материалы демографических всесоюзных переписей. Анализ этих статистических данных в сопоставлении с аналогичными материалами предыдущих лет дает возможность исследователям раскрыть закономерности развития социального общества, показать изменения в социальной структуре общества, охарактеризовать сдвиги в половозрастном составе, в уровне общеобразовательной и специальной подготовки трудящихся и т. д. В настоящей статье предпринята попытка на основании опубликованных данных переписи 1970 г. проанализировать профессиональный состав занятого населения СССР, раскрыть происшедшие изменения по сравнению с 1959 г. в квалификационном и общеобразовательном уровне работников народного хозяйства¹.

Для получения данных о распределении населения страны по различным занятиям и профессиям десятки тысяч их названий, внесенных в переписные листы, предварительно группировались, приводились в определенную систему. В связи с этим была выполнена большая работа по составлению классификации и словаря занятий.

Научно-технический прогресс приводит к существенным изменениям в отраслевой структуре народного хозяйства, обуславливает дальнейшее общественное разделение труда. Об этом, в частности, свидетельствует рост числа занятий населения: если в словаре занятий, составленном для разработки итогов переписи населения 1926 г., имелось лишь 5,5 тыс. наименований занятий, то в аналогичных словарях переписей 1939 г.—18,6 тыс., 1959 г.—28,2 тыс. и 1970 г.—около 30 тыс.²

¹ Анализ изменений численности населения, его территориального расселения, половозрастного и национального состава, уровня образования был сделан в журнале «История СССР», 1971, № 5.

² Необходимые классификация и словарь занятий населения составлялись для каждой советской переписи. При подготовке этого пособия для Всесоюзной переписи населения 1970 г. были использованы соответствующие пособия к прошлым переписям, новые тарифно-квалификационные справочники и полученные от предприятий и соответствующих организаций списки действующих названий занятий и должностей, учтены рекомендации постоянной комиссии СЭВ по статистике, а также рекомендации по Международной стандартной классификации занятий, одобренной Международной организацией труда в 1968 г.

Таблица 1

Численность и соотношение занятых в народном хозяйстве СССР работников физического и умственного труда *

	1959 г.		1970 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все занятое население	99 130	100	115 204	100
в том числе:				
занятые преимущественно физическим трудом	79 785	80,5	83 759	72,7
из них рабочие	47 490	47,9	66 321	57,6
занятые преимущественно умственным трудом	19 345	19,5	31 445	27,3

* Таблица составлена по: «Вестник статистики», 1973 г., № 3, стр. 85, 87, 89, 91; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI. М., 1973, стр. 14, 20.

В классификации занятий для разработки материалов переписи населения 1970 г. предусмотрено распределение всех трудящихся на два крупных подразделения: лица, занятые преимущественно физическим трудом, и работники умственного труда (хотя при этом допускаются некоторые условности, касающиеся небольшого числа занятий). В рамках указанных подразделений занятое население распределено на 49 профессионально-производственных и функциональных групповых разделов.

В 31 разделе, объединяющем занятия физического труда, выделены 230 конкретных профессий и отдельных профессионально-производственных групп, таких, как «занятия на силовых установках», «горняки», «занятия в машиностроении и металлообработке», «занятия текстильщицков» и т. д. В каждом разделе перечислены наиболее многочисленные занятия. Например, в группе «занятий в машиностроении и металлообработке» — токари, сверловщики, автоматчики, слесари, электро- и газосварщики, прессовщики и штамповщики, гальваники и др.; малочисленные же занятия закальщиков, калильщиков, отжигальщиков и цементовщиков представлены одной группой — «термисты».

В 18 разделах занятий умственного труда выделены 95 конкретных занятий и объединенных групп, среди которых «руководители органов государственного управления и их структурных подразделений», «инженерно-технические работники», «медицинские работники», «работники литературы и печати», «работники планирования и учета» и т. д., с расшифровкой по отдельным профессиям³.

Распределение населения по занятиям в переписи 1970 г. приведено в сочетаниях с возрастом, уровнем образования, по отраслям народного хозяйства, общественным группам и наиболее многочисленным национальностям. Все эти показатели дают обширную характеристику профессиональной структуры трудящихся по стране в целом, союзным республикам и другим административно-территориальным единицам, городской и сельской местности, по признакам пола, возраста и т. д.

Курс Коммунистической партии на ускорение темпов народнохозяйственного прогресса в сочетании с широкой программой социальных преобразований приводит к существенным изменениям в численности и соотношении занятых в народном хозяйстве прежде всего за счет абсолютного и относительного увеличения числа работников умственного

³ «Систематический словарь занятий для шифровки ответов на 13-й вопрос переписного листа (о занятии) Всесоюзной переписи населения 1970 года». М., 1969, стр. 8—19.

Таблица 2

Соотношение работников физического и умственного труда в союзных республиках *
(в процентах к общему числу занятых в народном хозяйстве)

	Занятые преимущественно			
	физическим трудом		умственным трудом	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
СССР	80,5	72,7	19,5	27,3
РСФСР	78,7	71,0	21,3	29,0
Украинская ССР	83,3	75,6	16,7	24,4
Белорусская ССР	85,7	76,0	14,3	24,0
Узбекская ССР	83,7	76,4	16,3	23,6
Казахская ССР	79,0	71,9	21,0	28,1
Грузинская ССР	78,4	70,3	21,6	29,7
Азербайджанская ССР	80,6	71,7	19,4	28,3
Литовская ССР	84,1	75,1	15,9	24,9
Молдавская ССР	89,4	82,0	10,6	18,0
Латвийская ССР	79,3	70,0	20,7	30,0
Киргизская ССР	81,8	75,5	18,2	24,5
Таджикская ССР	84,7	77,8	15,3	22,2
Армянская ССР	79,4	70,4	20,6	29,6
Туркменская ССР	80,8	74,3	19,2	25,7
Эстонская ССР	77,8	69,0	22,2	31,0

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 6—13.

труда. Если в 1926 г. в СССР насчитывалось всего 2,9 млн. человек, занятых преимущественно умственным трудом, то в 1970 г. их стало 31,4 млн. человек, или в 11 раз больше, а удельный вес этой группы поднялся с 19,5% в 1959 г. до 27,3% в 1970 г. (см. табл. 1).

Столь существенные изменения произошли за счет относительного уменьшения доли работников преимущественно физического труда — с 80,5% в 1959 г. до 72,7% в начале 1970 г., хотя общая их численность соответственно возросла с 79,8 до 83,8 млн. человек. И эта закономерность характерна для всех советских республик, что свидетельствует о взаимосвязанности народнохозяйственного комплекса СССР и отражает диалектическое взаимодействие процесса консолидации советского народа (см. табл. 2).

Доля лиц физического труда в общей численности занятых в народном хозяйстве уменьшилась во всех союзных республиках, причем в наибольшей степени это произошло в Белорусской ССР, республиках Закавказья и Прибалтики. Соответственно в этих республиках в большей мере возрос и удельный вес работников преимущественно умственного труда, как следствие выравнивания уровней социального развития советских республик. Сохраняющиеся некоторые отличия обусловлены в первую очередь общесоюзным разделением труда.

Среди работников преимущественно физического труда преобладают рабочие промышленных, строительных и транспортных предприятий, совхозов и других предприятий и организаций. По данным переписи населения 1970 г., они составили 75% от общей численности данной группы трудящихся. Ряды рабочего класса и его доля в составе занятого населения страны неуклонно растут (см. табл. 1). При этом в 1970 г. на долю рабочих приходилось почти 65% всех занятых в городах. В сельской местности рабочих стало на 3 млн. больше, чем колхозников, и удельный вес их среди всех занятых на селе возрос до 46,1% (см. табл. 3).

Таблица 3

**Социальный состав занятого населения СССР
на 15 января 1970 г. ***

	Всего (тыс. чел.)	В том числе		В % ко всему занятому населению		
		в гор. посе- лениях	в сельск. местности	всего	в гор. поселениях	в сельск. местности
Все занятое население	115 204	70 900	44 304	100	100	100
в том числе:						
рабочие	66 321	45 912	20 409	57,6	64,7	46,1
служащие	30 618	24 368	6 250	26,6	34,4	14,1
колхозники	17 900	502	17 398	15,5	0,7	39,3

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. V, М., 1973, стр. 26—27; «Вестник статистики», 973, № 3, стр. 85.

В результате высоких темпов индустриализации, специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, превращения все в большей степени сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, частичного преобразования колхозов в совхозы, численность лиц, занятых в колхозах, уменьшилась с 33 млн. в 1959 г. до 17,4 млн. человек в 1970 г., а удельный вес колхозников — соответственно с 33,3% до 15,5%⁴.

Важнейшей особенностью развития социалистического общества в условиях научно-технической революции являются опережающие темпы роста численности интеллигенции, в первую очередь технической. Если в целом за период с 1940 по 1971 г. число производственных рабочих и учеников в промышленности, строительстве и совхозах возросло с 13,3 до 40,9 млн. человек (в 3,1 раза), то инженерно-технических и агрозооветеринарных работников — с 1,2 до 4,9 млн. (в 4,1 раза), а служащих — с 1,1 до 1,8 млн. (в 1,6 раза)⁵. В общей сложности ряды служащих, инженерно-технических работников, научной и культурно-просветительной интеллигенции увеличились с 18,3 млн. в 1959 г. до 30,6 млн. человек в 1970 г. и их доля во всем занятом населении — с 18,5 до 26,6%. При этом 24,4 млн. человек (или 79,6%) из них проживали в городских поселениях. В 1970 г. среди всех занятых в сельской местности работники преимущественно умственного труда составляли 14,1% против 9,4% в 1959 г.

Быстрый рост интеллигенции происходит в своей основе за счет выходцев из рабочих и крестьян, а не в результате ее «самовоспроизводства». Так сама жизнь подтвердила правильность ленинских слов о том, что революция в нашей стране разбудит народную инициативу, что Советская власть выдвинет из народных масс организаторов и руководителей, что простой рабочий и крестьянин научатся управлять государством, овладеют всеми достижениями современной науки и техники⁶.

В годы седьмой и восьмой пятилеток большие изменения, связанные с техническим прогрессом и повышением культурно-технического уровня рабочих, произошли в профессиональном составе рабочего класса (см. табл. 4).

Наиболее быстро росла численность рабочих в отраслях народного хозяйства, развитие которых в рассматриваемый период шло ускоренными темпами. Так, например, ежегодный рост рядов рабочих, занятых

⁴ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. V, стр. 26—27.

⁵ «Народное хозяйство СССР в 1972 году». М., 1973, стр. 181, 414, 496.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 315; т. 36, стр. 196, 199, 203; т. 42, стр. 140.

Таблица 4

Профессиональный состав работников преимущественно физического труда *

	1959 г.	1970 г.	1970 г. в % к 1959 г.
	(тыс. чел.)		
Занятые преимущественно физическим трудом, в том числе:	79 785	83 759	105
занятые на силовых установках	1 124	1 336	119
горняки	1 187	1 004	85
металлурги и литейщики	469	545	116
занятые в машиностроении и металлообработке	8 843	15 009	170
химники	385	677	176
занятые в производстве строительных материа- лов, бетонных и железобетонных, стеклянных и фарфоро-фаянсовых изделий	539	553	103
занятые на лесозаготовках и подсочке леса	727	520	72
деревообработчики	1 407	1 405	99,9
бумажники и картонажники	67	88	131
полиграфисты	182	207	114
текстильщики	1 130	1 180	104
швейники	1 302	1 851	142
кожевники и меховщики	145	118	81
обувщики	372	352	95
пищевики	815	903	111
строители	5 094	5 432	107
сельскохозяйственные занятия	33 950	22 724	67
занятые в рыболовстве, рыбоводстве и охоте	161	91	56
железнодорожники	1 664	1 380	83
водники	244	225	92
занятые в автотранспорте и городском электро- транспорте	3 395	6 244	184
контролеры, браковщики, сортировщики	522	846	162
кладовщики, весовщики, приемщики, раздатчики	905	1 228	136
санитарки, сиделки, няни	895	1 605	179
рабочие в торговле и общественном питании	1 900	3 576	188
рабочие коммунального, хозяйственного и быто- вого обслуживания	5 428	5 443	100,3
разнорабочие, складские рабочие	2 462	1 968	80

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 14—20; «Вестник статистики», 1973, № 3, стр. 89—91.

в машиностроении и металлообработке, составил в 1959—1969 гг. в среднем 561 тыс. человек против 150 тыс. в предыдущий межпереписной период (с 1939 по 1958 г.), т. е. был почти в 4 раза больше⁷. В результате численность наиболее крупного отряда рабочего класса страны — машиностроителей возросла в целом на 70%. При этом среди них ряды фрезеровщиков, слесарей, сборщиков, монтажников оборудования и аппаратуры увеличились на 81%; электромонтеров — на 90%; наладчиков, настройщиков и регулировщиков оборудования, механиков (рабочих) — на 75%, токарей — на 54% и т. д. Еще более быстрый рост квалифицированных кадров рабочих характерен для химической промышленности — с 385 тыс. до 677 тыс. человек, или на 76%; для рабочих, занятых на автотранспорте и городском электротранспорте, — с 3,4 млн. до 6,2 млн. человек, или на 84%. Число рабочих в торговле и общественном питании возросло с 1,9 млн. до 3,6 млн. человек, или на 88%, в том числе поваров и кулинаров — с 523 тыс. до 1087 тыс., или в 2,1 раза (их чис-

⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года». Сводный том. М., 1962, стр. 161.

ленность увеличивалась в среднем ежегодно на 51 тыс., в 6,1 раза быстрее, чем в 1939—1958 гг.⁸

Механизация трудоемких процессов, замена ручного труда механизмами и автоматами, широкое внедрение передовой технологии привели в ряде отраслей производства к сокращению численности рабочих при росте объема продукции. Так, например, в угольной промышленности механизация таких работ, как навалка, разгрузка угля и породы, отбойка угля, обусловила уменьшение числа горняков на 15%. На лесозаготовках и подсоске леса за период с 1959 по 1969 г. в результате широкого применения электрических пил на валке и разделке леса, мощных трелевочных тракторов и другой современной техники на погрузочно-разгрузочных и транспортных работах количество рабочих сократилось на 28%. Уменьшение числа кожевников и меховщиков (на 19%), обувщиков (на 5%) также связано с внедрением современного высокопроизводительного оборудования. Вследствие механизации погрузочно-разгрузочных работ количество рабочих на железнодорожном транспорте сократилось на 17%, водном транспорте — на 8%, численность складских рабочих и разнорабочих уменьшилась за это же время с 2,5 млн. до 2 млн. человек, или на 20%. Несмотря на грандиозные масштабы строительства в нашей стране численность рабочих-строителей благодаря техническому прогрессу в данной отрасли народного хозяйства увеличилась незначительно — всего на 7%, с 5,1 млн. до 5,4 млн. человек.

Развертывание научно-технической революции значительно усилило влияние науки на все стороны общественной жизни. Одним из следствий этого является резкое увеличение рядов трудящихся, занятых преимущественно умственным трудом, рост тех слоев интеллигенции, которые становятся непосредственными участниками производственного процесса. Особенно стремительно растет число инженерно-технической интеллигенции, темпы роста которой превосходят темпы увеличения всех других социальных групп (см. табл. 5).

С 1959 по 1969 г. численность инженерно-технических работников возросла в 2,1 раза, при этом инженеров — в 3,6 раза. Ряды агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и других сельскохозяйственных специалистов увеличились за это время с 477 тыс. до 625 тыс., или в 1,3 раза. Если в дореволюционной России в 1913 г. работало всего лишь 136 тыс. специалистов с высшим образованием, то в начале 1941 г. — 909 тыс., а в ноябре 1970 г. — 6853 тыс., т. е. в 50 раз больше, чем до Октябрьской революции; специалистов со средним образованием было соответственно 54 тыс., 1492 тыс. и 9988 тыс., или в 185 раз больше. На конец 1972 г. в народном хозяйстве было занято 19 млн. специалистов с законченным высшим и средним специальным образованием. По числу дипломированных инженеров Советский Союз в настоящее время превосходит США в 2,8 раза⁹.

Новые проблемы, касающиеся развития всех сторон духовной жизни общества, решение важнейших задач, связанных с совершенствованием системы здравоохранения, сферы обслуживания, деятельности по воспитанию подрастающего поколения и т. д. обуславливают повышение роли работников, занятых вне сферы материального производства. За период с 1959 по 1969 г. общая численность медицинских работников в СССР возросла в 1,6 раза, а число врачей на конец 1972 г. составило 732 тыс.

⁸ Подсчитано по «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года». Сводный том, стр. 163; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 14—20.

⁹ См. «Народное хозяйство СССР в 1972 году», стр. 121, 524; «СССР в цифрах в 1972 году». М., 1973, стр. 168.

Таблица 5

Профессиональный состав работников преимущественно умственного труда *

	1959 г.	1970 г.	1970 г. в % к 1959 г.
	(тыс. чел.)		
Занятые преимущественно умственным трудом, в том числе:	19 345	31 445	163
руководители органов государственного управ- ления и их структурных подразделений	247	211	86
руководители партийных, комсомольских, проф- союзных и других общественных организаций и их структурных подразделений	146	195	134
руководители предприятий (промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта, связи) и их структурных подраз- делений	1 098	1 570	143
инженерно-технические работники	4 045	8 450	209
агрономы, зоотехники, ветеринарные работники и лесничие (включая главных специалистов)	477	625	131
медицинские работники	1 702	2 744	161
научные работники (включая преподавателей вузов)	316	759	240
педагоги и воспитатели	2 520	4 192	166
работники литературы и печати	104	143	137
культурно-просветительные работники	623	811	130
работники искусства	191	275	144
юридический персонал	79	109	138
работники связи	476	598	126
работники торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и сбыта	1 152	1 440	125
работники планирования и учета	3 502	5 074	145
работники коммунальных предприятий и быто- вого обслуживания	100	161	161
машинистки и стенографистки	130	246	189
секретари и прочий делопроизводственный персонал	388	609	157
агенты и экспедиторы	146	170	116

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 20—23; «Вестник статистики», 1973, № 3, стр. 91.

(ср.: в 1913 г.—28,1 тыс., в 1940 г.—155 тыс.). Если в 1913 г. на 10 тыс. жителей приходилось 1,8, в 1940 г.—7,9, то в 1972 г.—29 врачей. По числу врачей СССР превосходит США в 1,8 раза, а в расчете на 10 тыс. жителей — в 1,5 раза. Работников коммунальных предприятий и бытового обслуживания стало в 1,6 раза больше, чем в 1959 г.; работников просвещения, искусства и культурно-просветительных учреждений — в 1,3—1,7 раза больше¹⁰.

Усложнение процесса управления социалистическим обществом, возрастание задач коммунистического строительства, ввод новых производственных мощностей сопровождаются увеличением численности руководителей промышленных, строительных, сельскохозяйственных, транспортных и других производственных предприятий и их структурных подразделений. За время между двумя последними переписями населения их численность возросла на 43%. В то же время в результате предпринятых партией и правительством мер по дальнейшему совершенствованию и повышению эффективности государственного аппарата, произошло

¹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 22—23; «Народное хозяйство СССР в 1972 году», стр. 122, 683—684.

Таблица 6

Выпуск специалистов средними специальными и высшими учебными заведениями
(в тыс. чел.)*

Годы	В среднем за год		Годы	В среднем за год	
	вузы	средн. спец. уч. зав.		вузы	средн. спец. уч. зав.
1914	12,2	7,4	1956—1960	299,7	515,4
1918—1928	30,9	18,0	1961—1965	346,3	514,4
1929—1940	72,3	132,8	1966—1970	523,6	889,1
1946—1950	130,4	255,7	1971	672,4	1083,3
1951—1955	224,3	311,9	1972	684,3	1115,6

* «Народное хозяйство СССР в 1972 году», стр. 645—647.

сокращение на 14% персонала руководящих органов государственного управления и их структурных подразделений¹¹.

Закономерным процессом повышения интеллектуального потенциала советского общества является рост общеобразовательного и профессионального уровня рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. В СССР проводится огромная работа в целях повышения уровня образования населения: подготовка специалистов высшей и средней квалификации, обучение новых рабочих в учебных заведениях профессионально-технического образования, подготовка и повышение квалификации рабочих и служащих непосредственно на производстве и в организациях и т. д.

Всеми видами обучения в стране ежегодно охватываются десятки миллионов людей, и их численность неуклонно возрастает. Если в 1940/41 уч. г. в СССР обучалось 47,6 млн., в 1960/61 уч. г.—52,7, то в 1970/71 уч. г.—79,6, в 1972/73 уч. г.—80,7 млн. человек, что в 8 раз больше, чем в царской России в 1914/15 уч. г. Из этой громадной армии учащихся непосредственно на производстве и на курсах приобретали профессию и повышали свой профессионально-квалификационный уровень в 1940/41 уч. г. 9,5 млн., в 1960—1965 гг. в среднем ежегодно 10,9—14,3 млн. и в 1970—1972 гг.—около 20 млн. человек ежегодно¹².

В общеобразовательных школах в 1970—1972 гг. в среднем ежегодно училось 49,3 млн. человек, тогда как в 1914/15 уч. г.—только 9,7 млн., а в 1940/41 уч. г.—35,6 млн. В училищах и школах профессионально-технического образования и школах ФЗУ обучалось в 1940/41 уч. г. 0,7 млн. и в 1971—1972 гг. по 2,7—2,8 млн. человек. Еще более существенные сдвиги произошли в численности учащихся средних специальных учебных заведений: их контингент увеличился с 1 млн. в 1940/41 уч. г. до 2,1 млн. в 1960/61 уч. г. и 4,4 млн. в 1970—1972 гг. ежегодно (в 1914 г.—0,05 млн.). В высших учебных заведениях число студентов возросло с 0,8 млн. в 1940/41 уч. г. до 2,4 млн.—в 1960/61 и 4,6 млн.—в 1970—1972 гг.¹³.

В начале девятой пятилетки ежегодный выпуск специалистов с высшим образованием приблизился к 700 тыс., а специалистов со средним специальным образованием—превысил 1,1 млн. человек и был больше, чем в годы первой послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.), соответственно в 5,2 и 4,4 раза (см. табл. 6).

¹¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 20.

¹² «СССР в цифрах в 1972 году», стр. 201—204.

¹³ Там же.

По данным Всесоюзной переписи населения, на 15 января 1970 г. в СССР было 8,3 млн. человек с законченным высшим образованием и 2,6 млн. — с незаконченным высшим, 13,4 млн. — со средним специальным образованием, 23,4 млн. — со средним общим и 47,3 млн. человек — с неполным средним образованием. В общей сложности в начале 1970 г. в стране было 95 млн. человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, что составило 483 человека в среднем на 1000 жителей в возрасте от 10 лет и старше. Этот средний показатель был выше, чем в 1959 г., на 34% и в 4,5 раза — по сравнению с 1939 г. К началу 1973 г. численность населения с высшим и средним (полным и неполным) образованием достигла 107,7 млн. человек, в том числе 10 млн. имели высшее, 2,8 млн. — незаконченное высшее, 16,1 млн. — среднее специальное, 28 млн. — среднее общее и 50,8 млн. — неполное среднее образование¹⁴.

Исключительные успехи в области подготовки высокообразованных кадров специалистов особенно рельефны при рассмотрении уровня образования лиц, занятых в народном хозяйстве страны. За период с 1959 по 1969 г. численность трудящихся, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование, увеличилась с 42,9 млн. до 75,4 млн. человек и доля их среди всех занятых в народном хозяйстве СССР — с 43 до 65%, или в 1,5 раза. В то же время удельный вес работающих с незаконченным неполным средним и начальным образованием уменьшился с 33 до 25%, а имеющих только начальное образование — с 24 до 10%¹⁵.

К январю 1973 г. 72% населения, занятого в сфере общественного производства, имели среднее (полное и неполное) и высшее образование. При этом среди работников преимущественно физического труда доля лиц с данным образованием составляла 62%, в том числе полное и незаконченное среднее и высшее образование было у 66% рабочих. Среди работников умственного труда общеобразовательную и специальную подготовку имели 96%¹⁶. Как показывают материалы переписей, в результате систематического вовлечения молодежи в школы, профессионально-технические училища и вузы все более интенсивно происходит выравнивание в уровне образования различных классов и социальных групп. По сравнению с довоенным 1939 г., удельный вес образованного населения среди всех занятых возрос в 5,8 раза, при этом у работников физического труда он увеличился в 14,2 раза (у рабочих — в 7,8 раза), а у лиц умственного труда — в 1,8 раза¹⁷.

При всей значимости достигнутых успехов приведенные данные в то же время свидетельствуют о стоящих перед обществом серьезных задачах по дальнейшему повышению уровня образования населения. В речи на торжественном заседании в Киеве 26 июля 1973 г., посвященном вручению Украинской ССР ордена «Дружбы народов», Л. И. Брежнев говорил: «Мы с гордостью отмечаем, что теперь у нас 66% рабочих имеют среднее (полное и неполное) или даже высшее образование. Действительно, тут есть чем гордиться, особенно если вспомнить, что перед войной таких рабочих было всего 8%. Но есть и над чем задуматься. Та же статистика говорит, что 34% рабочих имеют только начальное образование или еще меньше. Это создает для нас определенные проблемы, которые мы должны решить и которые мы сейчас решаем.

¹⁴ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. III. М., 1972, стр. 6—7; «Народное хозяйство СССР в 1972 году», стр. 38.

¹⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. III, стр. 408; «Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР», М., 1971, стр. 22.

¹⁶ «Народное хозяйство СССР в 1972 году», стр. 38, 40.

¹⁷ Там же, стр. 38.

Уровень образования населения, занятого в народном хозяйстве СССР *

	На 1000 человек данного занятия имеют образование					1970 г. в % к 1959 г.
	1959 г.	1970 г.				
	среднее (полное и неполное) и высшее	среднее (полное и неполное) и высшее	в том числе			
высшее и среднее специальное			среднее общее	неполное среднее		
1	2	3	4	5	6	7
Все занятое население	433	653	183	159	311	151
Занятые преимущественно умственным трудом	892	952	589	195	168	107
Занятые преимущественно физическим трудом	322	540	31	143	366	168
Занятые на силовых установках	350	480	38	107	335	137
Горняки	407	592	43	145	404	145
Металлурги и литейщики	438	641	55	184	402	146
Занятые в машиностроении и металлообработке	540	742	57	254	431	137
Химики	520	741	83	270	388	143
Занятые в производстве стройматериалов, бетонных и железобетонных, стекольных и фарфоро-фаянсовых изделий	403	582	26	154	402	144
Занятые на лесозаготовках и подсочке леса	252	382	14	56	312	152
Деревообработчики	374	538	22	130	386	144
Бумажники и картонажники	415	604	42	173	389	146
Полиграфисты	677	809	63	298	448	120
Текстильщики	478	680	31	209	440	142
Швейники	565	733	37	236	460	130
Кожевники и меховщики	318	575	27	157	391	181
Обувщики	397	616	23	181	412	155
Пищевики	393	567	32	149	386	144
Строители	318	541	20	116	405	170
Занятые в рыболовстве, рыболовстве и охоте	159	319	22	59	238	201
Железнодорожники	408	595	54	144	397	146
Водники	466	728	69	203	456	156
Занятые на автотранспорте и городском электротранспорте	437	683	19	153	511	156
Прочие рабочие на транспорте	241	368	14	75	279	153
Почтальоны	453	632	18	143	471	140
Занятые на подъемно-транспортных механизмах	446	654	27	181	446	147
Рабочие в торговле и общественном питании	599	762	84	227	451	127
Рабочие коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания	150	282	13	51	218	188
Машинисты, мотористы без указания специальности	443	600	42	153	405	135

(продолжение таблицы 7)

1	На 1000 человек данного занятия имеют образование					7	
	2	3	1970 г.				1970 г. в % к 1959 г.
			в том числе				
среднее (полное и неполное) и высшее	среднее (полное и неполное) и высшее	высшее и среднее специальное	среднее общее	неполное среднее			
Лаборанты (рабочие)	802	917	132	479	306	114	
Контролеры, браковщики, сортировщики	617	814	90	324	400	132	
Кладовщики, весовщики, приемщики, раздатчики	562	739	56	201	482	131	
Разнорабочие, складские рабочие	333	449	16	109	324	135	

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 620—627; «Вестник статистики», 1973, № 3, стр. 92—93.

Нынешний этап развития нашего общества делает особенно актуальными задачи повышения образовательного и профессионального уровня рабочих и совершенствования всей системы подготовки научно-технической интеллигенции»¹⁸.

Уровень образования является одним из существенных факторов того, что и в условиях развитого социалистического общества рабочий класс представляет собой дифференцированную социальную общность, с определенными социальными различиями отдельных внутриклассовых слоев (см. табл. 7).

Наиболее высокий удельный вес лиц со средним (полным и неполным) и даже высшим образованием был среди рабочих-полиграфистов (81%), рабочих, занятых в торговле и общественном питании (76%), машиностроителей и химиков (74%). У рабочих автотранспорта и городского электротранспорта, текстильщиков этот показатель был примерно одинаков — 68% и т. д. Заметно ниже уровень общеобразовательной и специальной подготовки имели рабочие, занятые на лесозаготовках и подпочке леса, в рыболовстве, рыбоводстве и охоте, разнорабочие и складские рабочие, среди которых лица с неполным и полным средним образованием составляли 32—45%. Особенно низкий уровень образования был у рабочих коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания — всего лишь 28% из них имели полное и незаконченное среднее образование.

Вместе с тем насыщение современного производства новейшей техникой, механизация многих ручных операций способствует преодолению существенных различий в содержании, характере труда отдельных групп рабочих, определяет повышение уровня их общеобразовательной подготовки, тем самым способствуя подтягиванию всех слоев рабочего класса к уровню его передовых отрядов. Показателем этой прогрессивной тенденции являются опережающие темпы роста численности лиц со средним и высшим образованием в отраслях производства, характеризующихся наиболее низким уровнем общеобразовательной и специальной подготовки — кожевников и меховщиков, рабочих коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания, строителей и т. д. Здесь доля лиц со средним (полным и неполным) и высшим образованием за период

¹⁸ «Правда», 27 июля 1973 г.

Уровень образования коренных народов в пределах соответствующих союзных республик *

	На 1000 чел. занятого населения имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование					1970 г. в % к 1959 г.
	1959 г.	1970 г.				
		всего	высшее и среднее специальное	среднее общее		
Русские	445	663	192	143	328	149
Украинцы	404	637	147	182	308	158
Белорусы	309	555	133	143	279	180
Узбеки	410	640	108	232	300	156
Казахи	384	630	153	197	280	164
Грузины	520	745	268	288	189	143
Азербайджанцы	436	642	189	200	253	147
Литовцы	222	465	156	82	227	209
Молдаване	222	435	69	76	290	196
Латыши	502	658	203	135	320	131
Киргизы	387	618	127	203	288	160
Таджики	378	572	98	167	307	151
Армяне	539	705	208	260	237	131
Туркмены	478	658	108	182	368	136
Эстонцы	417	626	202	137	287	150

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. III, стр. 571, 577, 579—580, 582, 584—586, 588, 90, 592, 594—595, 597, 599, 606, 618, 620, 622, 624, 626, 628, 630, 632, 634, 636, 638, 640, 642, 644.

с 1959 по 1969 г. возросла на 70—100%, в то время как у полиграфистов только на 20%, у рабочих торговли и общественного питания — на 27%, у швейников — на 30%, среди контролеров, сортировщиков, браковщиков — на 32% и т. д.

В условиях научно-технической революции стремительно растет не только численность интеллигенции, но и существенно изменяется ее профессионально-квалификационный уровень, повышается удельный вес в ее составе дипломированных специалистов. Если в 1939 г. только 51,2% инженерно-технических, агрозоотехнических и ветеринарных, научных, педагогических, медицинских работников и других служащих имели высшее и среднее (полное и неполное) образование, то в 1959 г. их доля возросла до 89,2% и в 1970 г. — до 95,2%. Из 31,4 млн. работников преимущественно умственного труда в 1970 г. 18,7 млн. человек (58,9%) имели высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, 6,2 млн. (19,5%) — среднее общее и 5,2 млн. (16,8%) — неполное среднее образование. В 1973 г. из 33 млн. работников умственного труда высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 96%. Остальные 4% с образованием ниже неполного среднего приходились на служащих, обладающих, как правило, большим практическим опытом работы¹⁹.

В результате успешного претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики в союзных республиках достигнуты большие успехи в создании многочисленных высококвалифицированных кадров для народного хозяйства, в повышении их культурно-технического уровня. Осуществление всеобщего восьмилетнего и переход к обязательно-му среднему образованию, политика Советского государства в области

¹⁹ «СССР в цифрах в 1972 году», стр. 16.

культурного строительства обеспечивают равные возможности для получения среднего и высшего образования во всех республиках, всеми нациями (см. табл. 8).

Опережающими темпами в 1959—1969 гг. возрастал уровень образования среди литовцев, молдаван, белорусов и казахов, т. е. у народов с исторически сложившимся низким образовательным цензом. По данным переписи 1970 г. самый высокий удельный вес лиц с высшим и средним образованием был у грузин (75%), армян (71%), русских и латышей (по 66%); ниже среднесюжного уровня этот показатель был среди работающих молдаван (44%), литовцев (47%), белорусов (56%), таджиков (57%). При этом молдаване, туркмены и таджики имели намного меньшую, чем у других народов, долю занятого населения с высшим, незаконченным высшим и специальным средним образованием.

Во всех автономных республиках, автономных областях и национальных округах также намного поднялся уровень образования населения. Наиболее значительный удельный вес лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием был среди осетин (51% от числа жителей этой национальности в возрасте от 10 лет и старше), татар и чувашей (по 45%), бурят и адыгейцев (по 44%), абхазцев (43%), кабардинцев и черкесов (по 42%), коми (41%). Вместе с тем все еще остается относительно низким уровень образования у чеченцев, среди которых указанное образование имели только 22%, ингушей — 25%, народностей Дагестана (даргинцев — 27%, аварцев — 31%, кумыков — 35%, лезгин — 36%), калмыков — 31%, алтайцев — 28%, хакасов — 30%, мордвы и тувинцев (по 34%), марийцев и карачаевцев (по 35%), карелов (36%), якутов (37%), удмуртов и каракалпаков (по 38%). Значительно отстает от уровня образования других народов образовательный ценз коренных национальностей и народностей автономных областей и национальных округов (число образованных людей в национальных округах не превышает 30%)²⁰.

Высокая трудовая активность женщин на всех участках коммунистического строительства, их полное равноправие с мужчинами — важнейшие завоевания социалистического общества. В результате быстрого развития сети общественного питания, предприятий коммунально-бытового обслуживания, детских учреждений происходит неуклонный количественный рост женщин среди рабочих и служащих. Осуществляется он в основном за счет вовлечения в производство женщин, ранее занятых в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве. Однако в целом этот источник пополнения рабочей силы становится все более ограниченным.

По данным переписи 1970 г., в народном хозяйстве СССР работали 57,4 млн. женщин, или 50% всего занятого населения, против 47,6 млн. (48%) в 1959 г. Среди работников физического труда удельный вес женщин в 1970 г. составлял 46,5%, выше он был среди работников преимущественно умственного труда — 58,6%.

В истекшем десятилетии отчетливо проявлялись сдвиги в распределении женщин по отраслям народного хозяйства. Доля женщин в производствах, требующих тяжелых физических нагрузок, неуклонно уменьшалась. В 1970 г. в промышленности было занято 48%, в сельском хозяйстве — 45%, в строительстве — 29% женщин, при росте их удельного веса в таких сферах народного хозяйства, как торговля, общественное питание до 75%, в здравоохранении и социальном обеспечении —

²⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, стр. 445—474, 571—644.

Таблица 9

Возрастная структура занятого в народном хозяйстве населения СССР (в %) *

	До 30 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Все занятое население					
1959 г.	42	25	18	11	4
1970 г.	31	31	25	11	2
Занятые преимущественно физическим трудом					
1959 г.	44	22	17	12	5
1970 г.	32	30	24	11	3
Занятые умственным трудом					
1959 г.	34	36	19	9	2
1970 г.	29	33	26	10	2

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 448, 454.

до 85%, просвещении и культуре — до 72%²¹. Среди врачей женщины в 1970 г. составляли 74%, педагогов — 72%, воспитателей в детских учреждениях — 98%. Значительная доля женщин была среди научных работников — 40% и в рядах инженерно-технической интеллигенции — 44%. В составе отдельных занятий физического труда женщины преобладали среди текстильщиков (85%), швейников (93%), пищевиков (77%), доярок (98%), садоводов (72%), продавцов (91%), поваров и кулинару (91%), почтальонов (84%)²².

Заметные количественные и качественные изменения произошли в возрастной структуре трудящихся, соотношении численности занятого населения разных возрастных групп. Темпы и глубина этих изменений определяются целым рядом факторов, к числу важнейших из которых относятся социальная политика партии и правительства, уровень рождаемости и смертности населения, масштабы подготовки молодых специалистов, внешние причины (войны) и т. д. (см. табл. 9).

За период между переписями 1959 и 1970 гг. удельный вес трудящихся среднего возраста (от 30 до 50 лет) возрос с 43 до 56%, а молодежи до 30 лет снизился с 42 до 31%; вдвое уменьшилась доля трудящихся в возрасте 60 лет и старше, что явилось прямым следствием увеличения размеров пенсии и распространения пенсионного обеспечения на все группы работников сельского хозяйства. Доля пожилых лиц в возрасте 50—59 лет, занятых физическим трудом, уменьшилась с 12 до 11%, а занятых умственным трудом возросла с 9 до 10%.

Среди работников преимущественно физического труда удельный вес молодежи до 30 лет уменьшился с 44 до 32%. Наиболее молодой состав работающих характерен для персонала отраслей машиностроения и металлообработки. В возрасте до 30 лет здесь трудится 46% всех занятых. При этом среди фрезеровщиков данная возрастная группа составляет 60%, токарей — 58%, станочников-автоматчиков — 52%, монтажников конструкций — 54%, электромонтеров, автокарщиков и электрокарщиков — 50%. В то же время относительно меньший удельный вес молодежи был среди профессий, не требующих высокой профессиональной и общеобразовательной подготовки: кузнецов и молотобойцев (до 30 лет — 13%, в возрасте 50 лет и старше — 58%), жестянщиков

²¹ «Народное хозяйство СССР в 1970 году». М., 1971, стр. 516; «Вестник статистики», 1972, № 1.

²² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 165—169.

(соответственно 33 и 38%), занятых на лесозаготовках и подсочке леса (26 и 34%), деревообработчиков (33 и 37%), столяров (32 и 39%), бондарей (18 и 53%), сапожников (29 и 46%), мукомолов (14 и 60%), плотников (26 и 43%), печников (17 и 52%), стекольщиков (29 и 42%), занятых в сельском хозяйстве (24 и 45%), грузчиков (25 и 42%), кладовщиков, весовщиков, приемщиков, раздатчиков (21 и 50%), разнорабочих и складских рабочих (32 и 39%)²³.

В составе занятых умственным трудом в период с 1959 по 1969 г. произошло заметное постарение кадров: число молодых работников до 40 лет уменьшилось с 70 до 62%, а в возрасте 40 лет и старше соответственно возросло с 30 до 38%. Среди этой группы трудящихся более молодой состав кадров был у инженерно-технического персонала (71% лиц до 40 лет), инженеров (72%), техников (79%), чертежников (86%), зоотехников (72%), агрономов (65%), врачей (56%), заведующих детскими яслями и воспитателей в детских яслях (68%), научных работников (63%), преподавателей школ (62%), работников культурно-просветительных учреждений (76%), работников планирования и учета (56%), руководителей партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций и их структурных подразделений (53%)²⁴.

Советский Союз обладает многомиллионными высококвалифицированными кадрами рабочих, колхозников и интеллигенции, обеспечивающими дальнейший прогресс советской экономики, науки и культуры, успешно претворяющими в жизнь величественные задачи дальнейшего научно-технического прогресса и построение материально-технической базы коммунизма в нашей стране.

²³ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. VI, стр. 448—454.

²⁴ Там же, стр. 454—458.

Г. А. ШИСТЕР

РАБОЧИЙ КЛАСС УЗБЕКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Изучение истории рабочего класса Узбекистана в период развитого социализма занимает важное место в исследованиях узбекских историков. Проблемы количественных и качественных изменений рабочего класса в этот период еще не изучены с достаточной полнотой¹. В статье предпринята попытка раскрыть некоторые изменения в структуре рабочего класса Узбекистана, обусловленные современным научно-техническим прогрессом.

* * *

60-е годы в развитии экономики Узбекистана характеризуются дальнейшим наращиванием многоотраслевого промышленного потенциала. В годы восьмой пятилетки на базе выявленных в пустыне Кызыл-Кумы месторождений рудного золота возникла современная золотодобывающая промышленность. Цветная металлургия из горнодобывающей переросла в горнометаллургическую, налажено производство химических волокон и продуктов органического синтеза². Переживающими темпами развивались электроэнергетика, машиностроение, химическая и газовая промышленность, цветная металлургия. Если среднегодовой темп прироста продукции промышленности Узбекистана в целом за 1966—1970 гг. составлял 6,3%, то в электроэнергетике он достиг 11,5%, в газовой промышленности 13,1%, нефтеперерабатывающей — 13,7%, химической промышленности — 12,7%³.

Уже к 1967 г. на отрасли тяжелой индустрии приходилась почти половина всего объема промышленного производства, тогда как в 1913 г. удельный вес их был немногим более 2%⁴. За 1960—1970 гг. удельный вес легкой промышленности в республике сократился с 54 до 38%, и ныне легкая промышленность уже не определяет индустриальный облик Узбекистана.

Важнейшим направлением развития промышленности Узбекистана в условиях развитого социализма был курс на всемерное ускорение научно-

¹ Изменения социальной структуры рабочего класса в Узбекистане рассматриваются в трудах: «История рабочего класса Узбекистана», т. I—III. Ташкент, 1964—1966; «Осуществление ленинских идей индустриализации в Узбекистане». Ташкент, 1970; Т. Р. Абдушукуров. Закономерности и особенности культурно-технического роста рабочего класса Узбекистана. Ташкент, 1971; М. А. Ахунова. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. «Коммунист Узбекистана», 1972, № 6; Л. Тетенева, А. Ибрагимова, Л. Гольденберг, К. Муминов. Вклад трудящихся Узбекистана в создание материально-технической базы коммунизма. Ташкент, 1971, и др.

² «Отчет Центрального Комитета Компартии Узбекистана XVIII съезду Коммунистической партии Узбекистана». Доклад первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова. «Правда Востока», 3 марта 1971 г.

³ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1971, стр. 33.

⁴ «Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет». Сб. статист. материалов. Ташкент, 1967, стр. 44.

технического прогресса, внедрение в нее новейших достижений науки и техники. Только за годы восьмой пятилетки в промышленности республики было осуществлено около 1500 крупных мероприятий по внедрению новой техники и передовой технологии, модернизировано большое количество оборудования, введены в эксплуатацию сотни автоматических и полуавтоматических линий, специальных автоматических станков⁵.

О техническом прогрессе в промышленности можно судить и по росту электровооруженности труда. С 1960 по 1970 г. этот показатель в промышленности Узбекистана вырос на 77%, в том числе в газовой промышленности — на 156%, в нефтеперерабатывающей — на 249%, в цветной металлургии — на 187%⁶.

Осуществление программы индустриального развития Узбекистана требовало от Коммунистической партии республики большого внимания к проблеме подготовки рабочих кадров, особенно для новых отраслей промышленности, а также в области совершенствования социальной структуры рабочего класса.

Большую помощь в создании промышленности и формировании рабочих кадров в республике оказал русский рабочий класс. Узбекскому народу были переданы промышленные предприятия, оборудование, в республику направлены квалифицированные рабочие. Десятки тысяч рабочих из центральных районов страны составили ядро рабочего класса республики, стали инструкторами, преподавателями, готовившими рабочих из представителей местных национальностей.

Эта интернациональная помощь продолжается и в настоящее время. Многочисленные кадры рабочих Узбекистана, особенно для вновь создаваемых отраслей промышленности, проходят учебу и стажировку на родственных предприятиях Москвы, Ленинграда, Украины, Урала. Квалифицированные рабочие из центральных районов страны оказывают помощь в пуске и освоении новых предприятий. Так, в 60-е годы на Наманганском комбинате шелковых и костюмных тканей профессиональное обучение женщин-узбечек возглавили передовые ткачихи, приехавшие из Российской Федерации.

Анализ распределения рабочих по отраслям производства показывает, что за период с 1959 по 1970 г. удельный вес рабочих, занятых в отраслях материального производства Узбекистана, снизился на 4,7%, составив 84,4% всех рабочих. В этом проявилась тенденция, определявшаяся научно-технической революцией, механизацией и автоматизацией производства. В 1970 г. рабочие, занятые в отраслях материального производства республики, распределялись следующим образом: в промышленности — 26,2%, в строительстве — 13,2%, в сельском и лесном хозяйстве — 26,5%, на транспорте и в связи — 9,5%⁷.

Основная масса индустриальных рабочих Узбекистана занята на крупных промышленных предприятиях, оснащенных современным оборудованием. Так, в 1969 г. 62,6% всех промышленных рабочих трудились на предприятиях с числом рабочих более 500⁸.

Проанализируем изменения, которые произошли в исследуемый период в численности и структуре работников промышленности Узбекистана (см. табл. 1).

Как видно из приведенных данных, численность промышленно-производственного персонала в 1970 г. по сравнению с 1960 г. увеличилась

⁵ «Правда Востока», 3 марта 1971 г.

⁶ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году», стр. 42.

⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. V. М., 1973, стр. 224.

⁸ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1970, стр. 48.

Таблица 1

Изменения в среднегодовой численности работников промышленности Узбекистана в 1960—1970 гг.*

	1960 г.		1965 г.		1966 г.		1967 г.		1968 г.		1969 г.		1970 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Промышленно-производственный персонал в том числе:	372,2	100	494,2	100	519,0	100	532,4	100	553,7	100	567,8	100	583,0	100
	309,2	83,1	404,6	81,9	421,7	81,3	432,8	81,3	445,7	80,5	455,5	80,2	469,4	80,5
	7,3	2,0	10,8	2,2	13,8	2,7	10,6	2,0	12,3	2,2	11,6	2,0	11,8	2,0
	29,6	8,0	45,3	9,2	49,2	9,5	53,3	10,0	56,9	10,3	60,2	10,6	61,0	10,5
	16,5	4,4	21,4	4,3	22,9	4,4	24,5	4,6	26,2	4,7	27,2	4,8	27,2	4,7

* Таблица составлена на основании данных статистических ежегодников: «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1968 г.», Ташкент, 1970, стр. 46; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 г.», Ташкент, 1970, стр. 43; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г.», Ташкент, 1971, стр. 36. В настоящей таблице не учтены работники промышленных предприятий колхозов, рабочие и служащие части мелких подсобных промышленных предприятий. В таблице не выделены также сведения о младшем обслуживающем персонале и работниках охраны.

почти в 1,6 раза, в том числе рабочих — в 1,5 раза, инженерно-технических работников — в 2 раза. Отметим, что значительный рост промышленно-производственного персонала в тот период наблюдается во всех республиках Среднеазиатского региона. В Киргизии он вырос в 1,9 раза, Таджикистане — 1,7, Туркмении — 1,3, Казахстане — 1,7 раза⁹.

Большой объем капитального строительства в Узбекистане в 60-е годы повлек за собой и значительное увеличение численности строительных рабочих. Так, если в 1960 г. среднегодовая численность рабочих (включая учеников) в строительстве была 133,2 тыс. человек, то в 1970 г. — 239,9 тыс. человек, т. е. увеличилась в 1,8 раза¹⁰.

Превращение Узбекистана в мощную индустриально-колхозную республику, основу промышленности которой составляют ныне отрасли тяжелой индустрии, привело к существенным сдвигам в отраслевой структуре рабочего класса.

В 1940 г. в легкой и пищевой промышленности республики было занято 69% всего промышленно-производственного персонала. В последующие годы эти отрасли промышленности получили значительное развитие, однако к 1969 г. в них был занят только 41% промышленно-производственного персонала.

За это же время доля работающих только в машиностроении и металлообработке выросла с 15 до 29%. Значительно увеличился удельный вес работающих в топливно-энергетической, химической и ряде других отраслей тяжелой индустрии¹¹.

⁹ Подсчитано по данным статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1970 году», стр. 159.

¹⁰ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году», стр. 195. В приведенные данные включены рабочие, занятые в ремонтно-строительных конторах, машинопрокатных базах, обслуживающих строительство, и рабочие межколхозных организаций.

¹¹ «Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет», стр. 54.

В 1970 г. по сравнению с 1960 г. численность рабочих в электроэнергетике увеличилась в 1,9 раза, в машиностроении и металлообработке — в 1,7 раза, в промышленности строительных материалов — в 1,6 раза¹².

Указанные изменения в отраслевой структуре рабочих Узбекистана выражают тенденцию, присущую рабочему классу СССР в целом, — наиболее интенсивный рост рабочих в отраслях, определяющих технический прогресс.

Важно подчеркнуть, что технический прогресс в промышленности привел к значительному росту квалифицированных и сокращению численности малоквалифицированных рабочих. Это одно из главных направлений изменения профессиональной структуры рабочего класса, характерное для всей страны, нашло свое проявление и в Узбекистане. За 1962—1969 гг. удельный вес квалифицированных рабочих в промышленности Узбекской ССР увеличился с 56,3 до 62,5%, а малоквалифицированных — снизился с 43,7 до 37,5%¹³.

Значительно возрос удельный вес квалифицированных рабочих в таких отраслях, как нефтедобывающая промышленность, машиностроение и металлообработка, цветная металлургия. За эти годы доля квалифицированных рабочих в нефтедобывающей промышленности возросла на 15,6% и достигла 80,4% всех рабочих отрасли, в машиностроении — на 13,7% и составила 55,1% всех рабочих, в цветной металлургии — на 11,7 и достигла 64,9% всех занятых рабочих¹⁴.

Особенностью формирования профессиональной структуры индустриальных рабочих в 60-е годы как по Союзу в целом, так и по национальным районам, явились сокращение и ликвидация профессий тяжелого физического труда и возрастание числа новых профессий, где труд рабочих связан с управлением, регулировкой, наладкой сложных машин, механизмов, автоматов, механизированных установок. Это машины горных и горнопроходческих комбайнов — в угольной промышленности; аппаратчики, лаборанты — в химической промышленности; наладчики, операторы прокатных станков — в металлургии; экскаваторщики, машинисты и мотористы дорожных машин — в строительстве и т. п.

Анализ распределения промышленных рабочих Узбекистана по степени механизации показал, что с 1959 по 1969 г. почти на 6% увеличился удельный вес рабочих, работающих при помощи машин, механизмов, аппаратов, а также осуществляющих наблюдение, контроль за действием машин и механизмов и автоматизированных агрегатов, аппаратов и установок. В то же время снизился удельный вес рабочих, выполняющих работу вручную. С 1959 по 1969 г. удельный вес таких рабочих в промышленности Узбекистана снизился на 8,8%.

И тем не менее в промышленности Узбекистана, как и в целом по стране, еще велики затраты ручного и неквалифицированного труда.

К числу важных характеристик социального облика рабочих относятся стаж их работы, ибо стабильность кадров является важнейшим условием повышения их культурно-технического уровня, роста производительности труда.

Как показывают приведенные данные, 73% рабочих и служащих имеют стаж работы 5 лет и выше. Среди отраслей промышленности Узбекистана наиболее стабильными кадрами располагает черная металлургия.

¹² Подсчитано на основании данных статистических ежегодников: «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году», стр. 44; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году», стр. 37.

¹³ «Агитатор Узбекистана», 1973, № 17, стр. 41.

¹⁴ «Агитатор Узбекистана», 1974, № 1, стр. 25.

Распределение численности рабочих и служащих по общему стажу работы в промышленности (в %) *

Стаж	Количество рабочих и служащих	Стаж	Количество рабочих и служащих
До 5 лет	27	От 15 до 20 лет	17
От 5 до 10 лет	21	От 20 до 25 лет	10
От 10 до 15 лет	18	От 25 лет и более	7

* «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1968 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1970, стр. 229.

Здесь наименьшее число работников со стажем менее одного года и 48,2% — со стажем более 10 лет.

И все же в вопросах закрепления кадров в промышленности и в строительстве существуют серьезные недостатки, 21% работников промышленности и 40,6% занятых в строительстве имеют стаж работы до 1 года. Это свидетельствует о большой текучести кадров в исследуемых отраслях народного хозяйства. По данным социологических исследований, большую часть увольняющихся составляют рабочие в возрасте до 25 лет, с образованием 8—10 классов, стажем работы на предприятии до 2 лет.

Одной из центральных задач республики является дальнейшее вовлечение в ряды промышленных рабочих представителей местных национальностей. Уже в предвоенные годы при помощи русского и других народов Советского Союза в Узбекистане были созданы многочисленные квалифицированные национальные кадры рабочего класса, своя производственно-техническая интеллигенция¹⁵.

В исследуемый период благодаря серьезному вниманию и контролю со стороны партийной организации республики удельный вес представителей местных национальностей в составе промышленных рабочих неуклонно возрастал. Если в 1959 г. удельный вес рабочих-узбеков в промышленности Узбекистана составлял 26,7%, то в 1963 г. — 29,5%, в 1967 г. — 32,9%¹⁶.

И тем не менее задача подготовки и вовлечения в промышленность национальных кадров, особенно женщин, оставалась очень важной и в последующие годы, поскольку рост численности узбеков в промышленности не соответствовал общему росту их численности в составе населения республики. Достаточно сказать, что за 1959—1970 гг. удельный вес узбеков в общей численности населения возрос с 61,1 до 64,7%¹⁷.

Исследователи объясняют относительно невысокий удельный вес рабочих местных национальностей в Среднеазиатских республиках, и в частности в Узбекистане, специфическими условиями формирования рабочего класса¹⁸, который с самого начала складывался как класс многонациональный, с невысоким удельным весом представителей местных национальностей. Кроме того, следует иметь в виду, что в Узбекистане в 1970 г. 64% населения проживало в сельской местности. В большин-

¹⁵ Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956.

¹⁶ Г. Шистер. Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса. Ташкент, 1965, стр. 97.

¹⁷ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1971, стр. 12.

¹⁸ Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956, стр. 41; Т. Р. Абдушукуров. Закономерности и особенности культурно-технического роста рабочего класса Узбекистана, стр. 84.

стве своем это лица местных национальностей, занятые в сельскохозяйственном производстве.

Как указывает Р. Т. Камилов, сравнительно небольшой рост численности лиц местных национальностей в промышленности объясняется и тем, что в республике интенсивно развивается хлопководство и другие отрасли сельского хозяйства, создаются новые совхозы, осваиваются земли Голодной степи и Центральной Ферганы, широко ведутся ирригационные работы и сельскохозяйственное строительство¹⁹.

Анализ источников формирования и развития промышленных рабочих Узбекистана показывает, что роль одного из основных источников пополнения промышленных рабочих в 60-е годы продолжало играть колхозное крестьянство. Однако перераспределение трудоспособного населения из сельскохозяйственных отраслей в промышленность было весьма умеренным. Районы промышленного освоения формировали свои трудовые ресурсы преимущественно из представителей некоренного населения²⁰, за счет интенсивной межрайонной миграции²¹. Причем в исследуемый период непланируемая миграция намного превышала планируемое перераспределение рабочей силы.

А между тем в ряде областей и районов республики — исключительно высокая плотность населения. Если в целом по Узбекистану на 15 января 1970 г. число жителей на 1 кв. км составляло 26,6 человека, то в Андижанской области — 246,5, в Ферганской — 187,4, Ташкентской — 183,6, Хорезмской — 123,2 и Наманганской — 108,6 человек²².

Высокая плотность населения в районах Ферганской долины обуславливает очень небольшие размеры посевных площадей на каждого работника, что отрицательно сказывается на росте производительности труда, а следовательно, и на рациональном использовании имеющихся трудовых ресурсов в колхозах.

Перераспределение значительных избыточных трудовых ресурсов из колхозов в промышленность не отразилось бы на выполнении сельскохозяйственных планов, в то же время оно позволило бы устранить трудности в промышленности, длительное время испытывающей недостаток в рабочей силе.

Однако сельские жители Узбекистана, особенно коренной национальности, отличаются малой мобильностью. Как правило, они имеют очень большие семьи, где женщины в основном заняты в домашнем и личном подсобном хозяйстве. По приблизительным подсчетам З. М. Акрамова, в 1964 г. около 265 тыс. женщин республики в трудоспособном возрасте занималось личным подсобным сельским хозяйством, домашним хозяйством и воспитанием детей²³. Именно этим и объясняется относительно низкий удельный вес женщин местных национальностей как в промышленности в целом, так и в отдельных ее отраслях. В Узбекистане, как и в других республиках Средней Азии, удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих ниже общесоюзных показателей (на 10%). В 1970 г. он составлял 41% (в Туркмении — 39%, в Таджикской ССР — 38%)²⁴.

¹⁹ Р. Т. Камилов. Развитие рабочего класса Узбекистана (1913—1956). В кн. «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР». М., 1962.

²⁰ И. Исхаков. Использование трудовых ресурсов в Узбекской ССР. Ташкент, 1969.

²¹ И. Мулладжанов. Народонаселение Узбекской ССР. Ташкент, 1967, стр. 203.

²² «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году», стр. 15.

²³ Приводится по: И. Мулладжанов. Народонаселение Узбекской ССР, стр. 212.

²⁴ «Народное хозяйство СССР в 1970 году». Статист. ежегодник. М., 1971, стр. 517

Специфика миграции и малая мобильность сельского населения Узбекистана диктуют необходимость организовать строительство промышленных объектов в районах, где проживает избыточное население, т. е. в малых и средних городах, с целью вовлечения в промышленность дополнительных трудовых ресурсов.

На январь 1970 г. 28% городского населения республики проживало в городах и поселках городского типа с числом жителей от 3 до 50 тыс. человек, 15% — в городах с числом жителей от 50 до 200 тыс. человек²⁵. А между тем основная масса наиболее квалифицированных рабочих была сосредоточена в крупных индустриальных центрах.

Достаточно указать, что в Ташкенте и Ташкентской области, где проживает 21% населения республики, в промышленном производстве было занято 54% всего промышленно-производственного персонала. В то же время в Сыр-Дарьинской, Кашка-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской и Хорезмской областях, на долю которых приходилось 22,6% населения Узбекистана, промышленно-производственный персонал составлял 7,4—7,5% от его общереспубликанской численности²⁶.

«Строительство новых предприятий многих отраслей пищевой промышленности,— отмечалось на XXIII съезде КПСС,— следует осуществлять в сельской местности, где находится сырье и имеется свободная рабочая сила. Целесообразно создавать в колхозах и совхозах сезонные филиалы предприятий легкой и пищевой промышленности»²⁷. Это указание содержится в материалах XXIV съезда партии²⁸ и в решениях XVIII съезда Компартии Узбекистана²⁹.

Одним из наиболее важных показателей изменений социального облика рабочего класса, обусловленных техническим прогрессом, является рост его культурно-технического уровня. «Современное производство,— читаем в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— предъявляет быстрорастущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и прежде всего к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»³⁰.

Благодаря серьезному вниманию, которое уделяет Коммунистическая партия подъему культурно-технического уровня рабочего класса, в его составе произошли огромные изменения. Только с 1939 г. число рабочих, имеющих полное среднее образование, специальное или общее, возросло более чем в 30 раз³¹.

На фоне общих успехов в культурно-техническом росте рабочего класса особенно показательны изменения в национальных республиках, население которых в прошлом было сплошь неграмотным. Эти достижения — ярчайшее свидетельство торжества ленинской национальной политики.

Одним из основных направлений культурно-технического роста рабочего класса является повышение общеобразовательного уровня молодежи до прихода ее на производство. В связи с этим развитие народного образования, объем общих и политехнических знаний, которые дает

²⁵ Подсчитано по: «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году», стр. 17.

²⁶ «Трудовые ресурсы Узбекистана». Ташкент, 1970, стр. 63.

²⁷ «XXIII съезд КПСС». Стенограф. отчет, т. II. М., 1966, стр. 361.

²⁸ «XXIV съезд КПСС». Стенограф. отчет, т. II. М., 1972, стр. 277.

²⁹ «Правда Востока», 3 марта 1971 г.

³⁰ «XXIV съезд КПСС». Стенограф. отчет, т. I. М., 1972, стр. 65.

³¹ «Материалы XV съезда профессиональных союзов СССР». М., 1972, стр. 17.

школа, являются определяющими в деле дальнейшего подъема культурно-технического уровня рабочих.

Важнейшей задачей дальнейшего развития и совершенствования структуры рабочего класса становится вовлечение в производство выпускников средних школ. Большое внимание уделяют решению этой задачи руководящие органы республики, партийные организации промышленных предприятий. Только за три года (1968—1970) в промышленности Узбекистана было трудоустроено более 40 тыс. выпускников средней школы. На ряде заводов в числе поступавших рабочих большую часть составляла молодежь со средним образованием. Так, на Чирчикском электрохимическом комбинате среди принятых в 1969—1970 гг. рабочих молодежь с полным средним, средним специальным и высшим образованием составляла 53%³².

Однако, как и прежде, основными каналами подготовки высококвалифицированных рабочих были производство и учебные заведения системы профтехобразования.

Вместе с тем в изучаемый период наметилась тенденция некоторого изменения в соотношении рабочих, подготовленных непосредственно на предприятиях и в профессионально-технических учебных заведениях республики.

О значительном росте подготовки молодых рабочих в системе профтехобразования свидетельствует тот факт, что за 1960—1970 гг. в республике в учебных заведениях профтехобразования подготовлено столько рабочих, сколько за предшествующие двадцать лет. Только за годы восьмой пятилетки выпущено более 172 тыс. человек, что в два с лишним раза больше, чем в предыдущем пятилетии. Открыто 38 новых училищ; контингент учащихся увеличился почти вдвое³³.

Выпускники профессионально-технических училищ Узбекистана работают на 168 промышленных предприятиях и стройках, более чем в тысяче колхозов и совхозов. Есть немало заводов,строек, железнодорожных депо, где рабочие коллективы состоят в основном из выпускников профтехучилищ. Имена многих из них широко известны не только в республике, но и далеко за ее пределами. 24 человека удостоены звания Героя Социалистического Труда. Среди передовых людей республики бывшие воспитанники профтехучилищ лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда механизатор-хлопкороб Турсуной Ахунова, Заслуженный механизатор Уз. ССР, член Президиума Верховного Совета СССР Манап Джалалов, бригадир-путеец треста «Алмалыксвицеестрой» Герой Социалистического Труда Низам Газиккулов, кавалеры ордена Ленина аппаратчик Кокандского суперфосфатного завода С. Турсунходжаев, руководитель бригады коммунистического труда машинистов-экскаваторщиков Ангреноского угольного разреза Ходжа Аликулов.

Основную массу учащихся профтехучилищ в годы восьмой пятилетки составляли юноши и девушки с образованием 8 классов. Среди принятых в учебные заведения в 1970 г. 81,5% учащихся имели образование 8 классов и выше, почти каждый третий — полное среднее образование³⁴, что создает возможность готовить в массовом масштабе рабочих более сложных профессий, насыщать учебные программы сведениями из области механизации и автоматизации производства.

³² Данные отдела кадров Государственного Чирчикского электрохимического комбината за 1969 и 1970 гг.

³³ «Правда Востока», 3 марта 1971 г.

³⁴ Подсчитано на основании данных ежегодных отчетов Госкомитета профтехобразования Совета Министров Узбекской ССР.

Принципиально новым путем является создание в системе профтехобразования училищ по подготовке квалифицированных рабочих для молодежи, окончившей восьмилетние общеобразовательные школы, дающих выпускникам вместе с профессией и общее среднее образование.

В Директивах XXIV съезда КПСС предусмотрено довести в 1975 г. по всей стране прием в такие училища до 300—400 тыс. человек³⁵. В 1970 г. в Узбекистане уже действовало 18 таких училищ, в которых обучалось 3800 человек.

Несмотря на то, что выпуск молодых рабочих из училищ профтехобразования из года в год растет, уровень развития профессионально-технического образования в республике все еще отстает от современных требований. В конце 1964 г. удельный вес квалифицированных рабочих, выпускаемых училищами, составлял всего лишь 13—20% к общему числу готовившихся в республике кадров. Немного изменилось положение и в последующие годы. В общем числе подготовленных в конце 1960-х годов квалифицированных рабочих выпускники профтехучилищ составляли в промышленности — 11%, в строительстве — 20%, в сельском хозяйстве и мелнорации — 37%.

В связи с решениями XXIV съезда КПСС и XVIII съезда Компартии Узбекистана, намечалось создание к концу пятилетки общей сети училищ в количестве 264, среди них — 85 средних профессионально-технических училищ³⁶.

Не менее важной задачей является повышение квалификации, углубление инженерно-технических знаний многочисленной армии рабочих, уже занятых в процессе производства.

Таблица 3

Численность рабочих, повысивших квалификацию в промышленности Узбекской ССР (в тыс. чел.)*

Год	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
К-во	49,8	53,6	65,1	73,7	74,0	77,6	90,4	87,2	85,1	92,9

* Подсчитано на основании данных статистических ежегодников: «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1965 году». Ташкент, 1966, стр. 264; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 году». Ташкент, 1970, стр. 216; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 году». Ташкент, 1971, стр. 212.

Как видно из приведенных данных, численность рабочих, повысивших свою квалификацию в 1970 г., по сравнению с 1961 г. увеличилась в 1,8 раза.

Самыми распространенными формами повышения квалификации рабочих, используемыми на промышленных предприятиях Узбекистана, как и во всех республиках Советского Союза, являются производственно-технические курсы, школы по изучению передовых методов труда, курсы целевого назначения, обучение вторым и совмещаемым профессиям. Более 60% всех повысивших квалификацию промышленных рабочих республики в 60-е годы закончили производственно-технические курсы и курсы целевого назначения, которые позволяют рабочим овладеть и элементами инженерно-технических знаний.

³⁵ «XXIV съезд КПСС». Стенограф. отчет, т. II. М., 1972, стр. 289.

³⁶ Данные Госкомитета профтехобразования Совета Министров Узбекской ССР. Отдел планирования подготовки кадров.

В исследуемый период Коммунистическая партия Узбекистана уделяла также большое внимание обучению рабочих в школах рабочей молодежи, в техникумах и вузах.

В школах рабочей молодежи численность учащихся с 1961/62 по 1970/71 учебный год увеличилась в 1,7 раза. Причем в последние годы восьмой пятилетки более 70% составляли учащиеся 9—11 классов³⁷. Количество студентов, обучавшихся на вечерних и в заочных отделениях вузов, увеличилось в 2 раза, а в техникумах и других средних специальных учебных заведениях — в 5,4 раза³⁸.

Если же взять группу вузов и средних специальных учебных заведений только промышленности и строительства, где, как правило, должны учиться рабочие и инженерно-технические работники промышленных предприятий истроек, то здесь за 10 лет (1961/62—1970/71 учебные годы) число студентов вечерних отделений вузов увеличилось в 6,5 раза, заочных отделений — в 2 раза. За то же время число студентов вечерних отделений техникумов возросло в 2,2 раза, заочников — в 4 раза³⁹.

В результате принятых мер в культурно-техническом уровне рабочего класса Узбекистана, как и других национальных районов страны, произошли значительные изменения.

В 1970 г. по сравнению с 1959 г. на 1000 занятых численность рабочих, имевших высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, возросла более чем в 2 раза, а рабочих со средним общим образованием — более чем в 3 раза. Соответственно сократилось число рабочих, не имевших начального и незаконченного семилетнего образования. Если в 1959 г. их было 282 на каждую тысячу занятых, то в 1970 г. — 243. В 1970 г. 26,1% рабочих имели общее среднее, среднее специальное или высшее образование. Вместе с учетом рабочих, имеющих неполное среднее образование, этот процент составлял 60,6⁴⁰.

Еще более значительны изменения в культурно-техническом уровне работников промышленности. В 1970 г. на 1000 занятых в промышленности республики полное среднее, среднее специальное или высшее образование имели 385 человек. Особенно высок образовательный уровень работников в электроэнергетике, где 502 человека на каждую 1000 имеют полное среднее, среднее специальное и высшее образование. Далее в порядке убывания признака идут: химическая промышленность — 475, машиностроение и металлообработка — 439, цветная металлургия — 429⁴¹.

Необходимо отметить, что исключительно высокие показатели роста общеобразовательных и инженерно-технических знаний работников промышленности Узбекистана отражают общую тенденцию роста культурно-технического уровня всех трудящихся, занятых в народном хозяйстве Среднеазиатского региона. Так, на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, численность лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием в республиках Средней Азии с 1939 по 1970 г. увеличилась более чем в 10 раз. В Узбекистане этот показатель возрос с 61 человека в 1939 г. до 661 человека в 1970 г., т. е. в 10,8 раза. Небезынтересно отметить, что по числу лиц с высшим и средним образованием на 1000 заня-

³⁷ Подсчитано на основании данных годовых отчетов Министерства просвещения УзССР.

³⁸ Подсчитано на основании данных Министерства высшего и среднего специального образования УзССР.

³⁹ Подсчитано на основании тех же источников. См. также «Коммунист Узбекистана», 1974, № 2, стр. 38.

⁴⁰ «Агитатор Узбекистана», 1973, № 17, стр. 42.

⁴¹ «Коммунист Узбекистана», 1974, № 2, стр. 39.

тых в народном хозяйстве Узбекистан превзошел общесоюзные показатели (по Союзу — 653 человека) и показатели многих союзных республик⁴².

И все-таки, несмотря на серьезные успехи в повышении общеобразовательного уровня и специальных знаний рабочих, на производстве еще остается значительным число лиц, имеющих низкую общеобразовательную подготовку и не охваченных какой-либо учебой. В связи с этим в решении задачи дальнейшего культурно-технического роста рабочих предстоит еще сделать очень многое.

Особенностью структурных изменений промышленно-производственного персонала является значительное увеличение численности инженерно-технических работников, — яркий показатель научно-технического прогресса. Темпы роста инженерно-технических работников в Узбекистане значительно опережают темпы роста рабочего класса. Если за 1960—1970 гг. численность рабочих в промышленности республики выросла в 1,5 раза, то численность инженерно-технических работников — в 2 раза. Удельный вес инженерно-технических работников в общей численности работающих в промышленности за эти годы увеличился с 8 до 10,5%⁴³.

Заметим, что по удельному весу инженерно-технических работников в промышленности Узбекистан еще не достиг общесоюзных показателей. По Союзу ССР удельный вес инженерно-технических работников составлял в 1969 и 1970 гг. 12%⁴⁴, в Узбекистане же — 10,5%. Однако увеличение этого показателя в республике за 1960—1970 гг. на 2,5% является свидетельством технического прогресса.

Характерно, что рост численности инженерно-технических работников в промышленности Узбекистана происходит преимущественно за счет специалистов с высшим и средним специальным образованием (см. табл. 4).

Таблица 4

Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в промышленности Узбекистана (в тыс. чел.) *

Специалистов	На 1/XII 1960 г.	На 15/XI 1968 г.	На 16/XI 1970 г.
Всего	24,4	50,4	60,2
в том числе:			
с высшим образованием	7,5	15,0	18,1
со средним специальным образованием	16,9	35,4	42,1

* Без учета военнослужащих. Таблица составлена на основании данных: «Народное хозяйство УзССР в 1968 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1970, стр. 231; «Народное хозяйство УзССР в 1970 году». Статист. ежегодник. Ташкент, 1971, стр. 207.

Приведенные данные показывают, что за 11 лет численность специалистов с высшим и средним специальным образованием увеличилась почти в 2,5 раза.

В 1970 г. 60,1% инженерно-технических работников имели высшее или среднее специальное образование. Наиболее высоким уровень специального образования был среди работников, занимающих должности инженеров. Здесь высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование имели 85,7% работников.

⁴² «Народное хозяйство СССР в 1970 г.». Статист. ежегодник. М., 1971, стр. 25.

⁴³ «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г.», стр. 36.

⁴⁴ «Народное хозяйство СССР в 1970 г.». Статист. ежегодник. М., 1971, стр. 158.

Представляет интерес анализ возрастного состава инженерно-технических работников промышленности Узбекистана. Из всех занятых на 1 июня 1967 г. на промышленных предприятиях республики инженерно-технических работников 87,6% имели возраст 18—49 лет, 6,2%—50—54 года, 3,5%—55—59 лет и только 1,5% были старше 60 лет⁴⁵. Эти данные свидетельствуют о том, что основная масса интеллигенции обладает высокими потенциальными возможностями творческого роста.

Состав инженерно-технических работников в промышленности отличался в изучаемый период и большой стабильностью. Так, работники со стажем менее одного года составляли всего 12,7%, от 1 до 3 лет — 20,2%, от 3 до 5 лет — 16,3%, от 5 лет и выше — 51,8%⁴⁶.

В условиях развитого социализма все больше и больше рабочих становятся техниками и инженерами. Так, на Чирчикском электрохимическом комбинате во многих цехах подавляющее большинство инженерно-технических работников начинали свой путь с рабочих профессий. Только за 1961—1971 гг. около 600 работников комбината получили без отрыва от производства дипломы инженеров⁴⁷. По данным анкетного опроса (январь 1971 г.) и отдела кадров комбината, в цехе электроснабжения 43 из 51 инженерно-технического работника начинали работу на комбинате в качестве рабочих, в цехе по производству карбамида — 16 из 26, в цехе контрольно-измерительной аппаратуры — 17 из 22.

Интересен состав инженерно-технических работников комбината и по социальному происхождению. В названных нами цехах из 99 инженерно-технических работников 45 — выходцы из рабочих, 31 — из крестьян, 23 — из интеллигенции.

Чирчикский электрохимический комбинат по праву называют кузницей подготовки кадров. Десятки его питомцев, начинавшие работу на комбинате с рядовых рабочих, возглавляют сегодня крупнейшие промышленные предприятия республики.

Трудовая биография С. Г. Якубова началась в 1942 г. с работы в качестве ученика прибориста, а ныне он директор Ферганского завода азотных удобрений. Бывший машинист газовых компрессоров М. С. Сайдалиев стал директором Ташкентского лакокрасочного завода. Электрослесарем комбината начинал свой трудовой путь директор Чирчикского трансформаторного завода В. Д. Афонин. Бывший аппаратчик цеха конверсии метана Чирчикского электрохимического комбината Р. Акрамов сейчас работает главным инженером Навоийского химического комбината. Учеником электромонтера пришел на комбинат В. Н. Дежин, а ныне он директор Чирчикского опытно-конструкторского бюро автоматики.

Немало бывших работников комбината стали партийными и государственными деятелями, научными работниками, преподавателями вузов. Механиком цеха водоснабжения поступил на комбинат Л. А. Костандов, затем работал в качестве главного механика, директора комбината, начальника Главазота, заместителя председателя Госкомитета химии Совета Министров СССР. Ныне Л. А. Костандов — министр химической промышленности СССР. В 1941 г. с должности сменного инженера начал свою трудовую деятельность И. Г. Анисимкин, ставший вскоре начальником цеха, а затем директором комбината. Сейчас И. Г. Анисимкин —

⁴⁵ Подсчитано на основании данных статист. ежегодника «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1968 году». Ташкент, 1968, стр. 228.

⁴⁶ Подсчитано на основании данных статист. ежегодника «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1968 году», стр. 229.

⁴⁷ По данным отдела технического обучения Чирчикского электрохимического комбината.

секретарь ЦК Компартии Узбекистана. Большой трудовой путь на комбинате прошел и его нынешний директор В. К. Кадыров. Работал начальником смены, начальником отделения, начальником производственно-технического отдела, главным инженером.

Директором и главным инженером Чирчикского филиала Государственного научно-исследовательского института азотной промышленности, созданного в 1959 г., являются также в прошлом работники комбината В. М. Беглов и Б. К. Данченко. Большинство научных работников института ранее работали на комбинате, многие из них начинали свой трудовой путь с рабочих профессий.

Ряд бывших работников комбината стали научными сотрудниками Академии наук УзССР, Института ядерной физики и других научно-исследовательских учреждений. Среди них академик АН УзССР М. Набиев, работавший на комбинате начальником смены, а затем главным инженером.

Характерной особенностью развитого социалистического общества является неуклонный рост числа рабочих, сочетающих в своей деятельности функции умственного и физического труда.

Высокий уровень образовательной подготовки позволяет им выполнять сложные операции, проявлять в своей трудовой деятельности элементы технического творчества, и именно в этом наиболее ярко проявляется тенденция сближения культурно-технического уровня рабочего класса и интеллигенции.

* * *

Анализ количественных и качественных изменений в составе рабочего класса Узбекистана позволяет сделать вывод, что в 60-е годы происходил процесс дальнейшего совершенствования его социальной структуры. Изменения в его социальном облике в эти годы подтверждают общие закономерности, присущие развитию рабочего класса всего Советского Союза. До сих пор основная масса рабочих занята в сфере материального производства, однако в условиях развитого социализма происходит процесс некоторого перераспределения рабочих из отраслей материального производства в непродовольственные сферы.

Особенностью изменения социальной структуры рабочего класса Узбекистана явился наиболее быстрый рост удельного веса рабочих, занятых в тех отраслях производства, которые определяют технический прогресс.

Научно-техническая революция повлекла за собой серьезные изменения в профессиональной и квалификационной структуре рабочего класса. Быстрыми темпами рос удельный вес рабочих высокой квалификации при одновременном сокращении численности работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда.

Хотя работа по вовлечению в ряды рабочего класса представителей местных национальностей требует дальнейшего совершенствования, в исследуемый период произошло некоторое увеличение как абсолютной, так и относительной численности рабочих-узбеков в промышленности Узбекистана.

Особенность демографических процессов в Узбекистане требует поисков более совершенных и рациональных приемов перераспределения избыточного трудоспособного населения колхозов в ряды рабочего класса и вовлечения в промышленное производство все большего числа женщин.

Одним из наиболее ярких показателей, характеризующих социальный облик рабочего класса Узбекистана, является рост его культурно-технического уровня.

Качественные сдвиги в профессиональном и квалификационном составе рабочих Узбекистана, неуклонный рост их общеобразовательного уровня, инженерно-технических знаний свидетельствуют о том, что в условиях развитого социализма происходит процесс сближения культурно-технического уровня рабочего класса и интеллигенции, создаются определенные предпосылки для стирания существенных различий между работниками физического и умственного труда.

Новым важным шагом на пути решения этой грандиозной задачи является выполнение девятого пятилетнего плана, предусматривающего широкую программу дальнейшего социально-политического развития советского общества.

И. С. МИЛЛЕР

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ *

За последние полтора десятка лет в изучении первой революционной ситуации в России сделаны существенные успехи. Не буду перечислять монографии и исследовательские статьи, значительно обогатившие наше представление о различных сторонах развития общественных процессов этой эпохи. Особая заслуга в этой области принадлежит академику М. В. Нечкиной, и она определяется не только значимостью ее исследовательских работ, посвященных периоду первой революционной ситуации, но и последовательным проведением в них мысли о необходимости комплексного изучения революционной ситуации — всей совокупности составляющих ее социальных, экономических, политических, идеологических, культурных процессов, явлений, событий. Не изолированное изучение отдельных звеньев и элементов, как бы они ни были важны, а соответствующее ленинскому пониманию революционной ситуации целостное ее толкование, — такой методологический подход, сформулированный М. В. Нечкиной, оказался чрезвычайно плодотворен и в собственно научном, и в научно-организационном отношении. На его основе М. В. Нечкиной удалось объединить большой круг исследователей в группу по изучению революционной ситуации в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. С января 1958 г., т. е. в течение 16 лет, этим коллективом изданы шесть томов исследовательских статей и сообщений¹, многочисленные монографии, основные положения которых были проверены в ходе дискуссий на заседаниях группы. Ведется работа по созданию коллективного обобщающего труда о первой революционной ситуации.

Вместе с тем еще много важных вопросов этой темы ждут дальнейшей разработки, осмысления, обсуждения. В их числе конкретные исследовательские проблемы первой революционной ситуации и вопросы понимания и применения методологических принципов изучения революционных ситуаций вообще. Начнем с этих общих вопросов.

Привычным является употребление термина «революционная ситуация таких-то лет». Видя в революционной ситуации, когда она налично, наиболее существенную черту жизни общества в это время, мы принимаем ее как основную характеристику периода подобно тому, как мы говорим о «революции таких-то лет». С этим связано обиходное противопоставление революционной ситуации и революции, в том смысле, что одна (революционная ситуация) перерастает в другую (революцию) или, что одна (революция) сменяет другую (революционную ситуацию). Но мы должны сознавать условность, неточность подобного противопоставления понятий.

Характеризуя революционную ситуацию как состояние общества, необходимое для возникновения революции, В. И. Ленин нигде не гово-

---

* Статья печатается в порядке обсуждения.

¹ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960—1974.

рит, будто с началом революции это состояние общества исчезает или утрачивает свое значение. Иными словами, революция возникает в условиях революционной ситуации, и эти условия (т. е. революционная ситуация) сохраняются на протяжении революции вплоть до ее победы, или же до победы контрреволюции. Вспомним, как в 1910 г. Ленин анализировал уроки недавнего прошлого: «Почему, например, большевики в 1906—1907 гг. так часто противопоставляли оппортунистам лозунг: революция не кончилась? Потому, что объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи. Возьмите хоть период II Думы. Самый революционный парламент в мире и едва ли не самое реакционное самодержавное правительство. Отсюда не было непосредственного выхода кроме переворота сверху или восстания снизу и, как бы ни качали теперь головой великомудрые педанты, а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шею. Лозунг „революция не кончилась“ имел самое живое, непосредственно важное, практически осязаемое значение, ибо *только* он правильно выражал, что есть, к чему дело идет в силу объективной логики событий»². Сохранение революционной ситуации как реальная возможность нового подъема и победы революции — таков смысл ленинской оценки обстановки в феврале — июне 1907 г. Прямым доказательством того, что Ленин не считал принципиально разновременными понятия «революционная ситуация» и «революция», может служить пример, взятый из той самой статьи «Крах II Интернационала», где дана классическая формула революционной ситуации: «В августе 1905 г. в России была налицо революционная ситуация»³.

Понятие «революционная ситуация» охватывает весьма широкую гамму вариантов состояния общества, объединенных наличием основных признаков революционной ситуации. О чертах революционной ситуации идет речь в трудах В. И. Ленина и на стадии созревания революции (включая и те случаи, когда революция так и не разразилась), и в разгар революции, и на стадии отлива революционной волны, когда, однако, победа контрреволюции еще не закреплена.

Как известно, в принятых XIV конференцией РКП(б) тезисах о задачах Коминтерна и РКП(б) говорится: «Следует различать между: а) революционной ситуацией вообще, б) непосредственно-революционной ситуацией и в) прямой революцией»⁴.

Вопрос о закономерности применения данной терминологии широко обсуждался в ходе дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории КПСС»; единства взглядов участники дискуссии не достигли.

Можно полагать, что положение, сформулированное в 1925 г., было продиктовано потребностями борьбы против левацкого путчи́зма, против «революционной фразы». В условиях общего кризиса капитализма была велика опасность, против которой предостерегал Ленин в «Детской болезни „левизны“ в коммунизме», говоря, что это «самая опасная ошибка для революционеров»⁵ — опасность принимать желаемое за объективную действительность. Необходимо было вооружить коммунистические партии против попыток толковать все проявления классовых антаго-

² В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 248.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 238.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», изд. 7. М., 1954, т. II, стр. 164.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 41.

низмов как революционную ситуацию, как непосредственное преддверие революции.

Мы полагаем, что при изучении проблем допролетарских революций необходимости прибегать к термину «непосредственно-революционная ситуация» нет. Практика применения В. И. Лениным понятия «революционная ситуация» без дополнительных его подразделений говорит в этом смысле сама за себя.

Следует, однако, заметить, что терминологическое противопоставление разных типов революционных ситуаций породило у некоторых историков представление о том, что революционная ситуация — явление относительно кратковременное.

Разумеется, продолжительность революционной ситуации может быть весьма различна, ни о каком единообразии здесь не может быть и речи. Хотелось бы лишь отметить, что В. И. Ленин в своих трудах приводил примеры длительных революционных ситуаций. Такой революционной ситуацией, не перешедшей в революцию, является ситуация, сложившаяся в 60-х годах прошлого века в Германии⁶. Конкретизируя в других произведениях характеристику данной революционной ситуации, Ленин называл 1862, 1866 и 1870 гг.⁷

Та же эпоха дает нам пример революционной ситуации, которая после подъема, не ставшего началом революции, идет временно на убыль, а затем переживает период нового подъема. Такова была революционная ситуация, которая сложилась в Австрийской империи после поражения Габсбургов в войне против Франции и Сардинии в 1859 г. Она не переросла в революцию и после 1861 г. пошла на спад, но не исчезла, а вновь усилилась после нового разгрома Австрии в 1866 г., в войне против Пруссии и Италии. Она и на этот раз не переросла в революцию: роль спасительного клапана сыграло превращение Австрии в двуединое Австро-Венгерское государство. Потеряв свой общегосударственный характер, распавшись на несколько имевших разную остроту и разную продолжительность «частных» революционных ситуаций, эта революционная ситуация завершилась, исчерпала себя. Здесь мы имеем дело не с одним, а по крайней мере с двумя пиками революционной ситуации, так и не переросшей в революцию. Думается, что приливы и отливы можно проследить и в революционной ситуации 60-х годов XIX в. в Пруссии-Германии. В ходе дальнейшего изложения мы еще остановимся на проблеме неоднозначного завершения революционной ситуации — революционного взрыва, охватывающего лишь часть государства и не способного изменить общую нисходящую тенденцию развития революционной ситуации.

Вопрос о динамике развития революционной ситуации, о ее поворотных пунктах, о факторах, влияющих на ее периодизацию, весьма сложен. Спецификой российского исторического процесса на всех этапах борьбы за решение задач буржуазно-демократической революции — от первой революционной ситуации до второй буржуазно-демократической революции включительно — является наличие трех лагерей. Их облик и тенденции развития получили исчерпывающую характеристику в трудах В. И. Ленина⁸. И в период первой революционной ситуации каж-

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 219.

⁷ Там же, т. 20, стр. 312—314; т. 21, стр. 276.

⁸ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 174—175; т. 21, стр. 220; см. также «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970, стр. 42—54, 163—181.

дый из общественных лагерей претерпевал изменения, взаимовлияющее развитие этих лагерей создавало на разных этапах революционной ситуации новое соотношение сил.

Вместе с тем ход событий изменял и конфигурацию тех «силовых линий», в отношении которых занимали позицию, поляризовались общественные лагеря. Несомненно, что важнейшей проблемой первой революционной ситуации была ликвидация крепостного права, ликвидация феодального способа производства. Эта основная социальная проблема получила свое решение в реформе 1861 г., которое, будучи неполноценным, непоследовательным, «мерзостью», по определению Н. Г. Чернышевского, все же сняло революционную остроту социальной проблемы. Сама проблема эта не перестала существовать и влиять на развитие революционной ситуации, но рядом с нею, а в определенный момент и на первый план, выдвинулся комплекс проблем политических, и среди них важнейшая — ликвидация самодержавия. К кругу этих проблем относился и национальный вопрос.

В подходе к каждой из проблем эпохи можно проследить и варианты решений, и динамику развития позиций каждого из общественных лагерей. Добавим, что ни один из этих вопросов не выступал изолированно, в «чистом виде». Из взаимодействия многообразных факторов рождалась та равнодействующая, которая определяла в конечном счете динамику развития революционной ситуации как целого.

Исходным пунктом при анализе кризиса «верхов» в первой русской революционной ситуации является раскол господствующего класса в связи с вопросом о формах и методах ликвидации крепостного права. Часть господствующего класса, как и раньше, остается опорой правительственного лагеря, другая — оказывается в лагере либеральной оппозиции. Не приходится преувеличивать значение борьбы этих двух лагерей. Мы знаем, что «пресловутая борьба крепостников и либералов... была борьбой **внутри** господствующих классов, большей частью **внутри помещиков**, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок»⁹. И тем не менее в этой борьбе **внутри** господствующего класса находил проявление кризис «верхов». Уместно напомнить, что «кризис „верхов“ — понятие более широкое, чем «кризис правительственной политики», составляющий весьма важный элемент, но все же только элемент кризиса «верхов».

Кризис «верхов» это прежде всего «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство»¹⁰. Господствующим в России того времени был весь класс землевладельцев, не только великорусских, но и тех нерусских, которые в плане политическом были оттеснены от власти. На повестку дня был поставлен широчайший круг вопросов политических. В этих условиях активность масс, «привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“», к самостоятельному историческому выступлению»¹¹, налагала отпечаток и на формы кризиса «верхов».

Специфические черты развития первой общероссийской революционной ситуации в национальных окраинах, особенности политики эксплуа-

⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 174.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 218.

¹¹ Там же.

таторских классов различных национальностей в условиях революционного кризиса дают основание говорить об особенностях кризиса «верхов» в плоскости политических проблем, прежде всего проблемы национальной. Здесь расстановка сил оказывается несколько иной.

Примером может служить позиция определенных кругов т. н. партии «белых» в Царстве (Королевстве) Польском и особенно в Литве. Эти «белые», такие, как Якуб Гейштор — автор брошюры «Голос шляхтича к своим братьям о свободе и равенстве крестьян» (1858 г.), написанной в ответ на первые рескрипты по крестьянскому вопросу, брошюры, пронизанной мыслью об исключительности и незабываемости прав дворянского сословия на владение землей, — по своим воинствующим консервативным взглядам на крестьянский вопрос примыкали к общероссийскому лагерю крепостников, к правительственному лагерю. Но национальный вопрос определял их оппозиционность по отношению к самодержавию. Этот лагерь отнюдь не отвергал компромисса с царизмом, более того, он активно стремился к нему, но развитие событий, определяемое в первую очередь активной позицией масс и революционного лагеря, не дало осуществиться этой политической концепции. И вот, в 1863 г. мы видим Якуба Гейштора во главе повстанческого правительства в Литве. Это не означает, что «белые» вообще, и Гейштор в частности, стали революционерами, — само их участие в восстании диктовалось в значительной мере стремлением не допустить его перерастания в социальную революцию; но как показатель того, как далеко мог зайти конфликт внутри господствующего класса, осложненный национальными противоречиями, каков в условиях первой русской революционной ситуации был диапазон кризиса «верхов», приведенный пример бесполезен.

До сих пор речь шла о многоплановости и о сложности объективных факторов, определявших развитие революционной ситуации. Остановимся кратко на вопросе об обратном влиянии общественного сознания на развитие объективных общественных процессов.

Отражение социальных процессов в общественном сознании не нейтрально в отношении самих процессов, оно оказывает на них влияние, налагает свой отпечаток на их развитие.

Не только общественное сознание отражает (с разной степенью адекватности) объективный общественный процесс, но и процесс этот испытывает обратное воздействие общественного сознания.

Посмотрим с этой точки зрения на основные признаки революционной ситуации. Говоря, что «верхи» не могут жить по-старому, мы имеем в виду прежде всего объективное историческое явление. Сами «верхи» могут понимать, что по-старому жить уже нельзя, но могут и не понимать этого — объективной сущности явления это не меняет, однако может стать причиной таких трагических событий, катализаторов революционной ненависти «низов», как 9 января 1905 г. Нет необходимости доказывать, что недостаточное понимание «верхами» кризисной ситуации, негибкая, близорукая их политика, разногласия в среде господствующего класса и правящей бюрократии, а также неоднородность самих «верхов», наличие в них внутренних противоречий, обостряющихся в условиях революционной ситуации, оказывают немалое воздействие на ход развития революционной ситуации.

Отставание общественного сознания «верхов» от объективного развития революционной ситуации в условиях ее нарастания является, на наш взгляд, наиболее типичным примером «ножниц» между двумя сторонами процесса — его объективным содержанием и его субъективным восприятием. Наиболее типичным, но отнюдь не единственным. Иным

примером этих «ножниц» является положение, с которым мы сталкиваемся именно в истории первой революционной ситуации: объективные условия для преодоления кризиса правительственной политики уже налицо, а в «верхах», не отдающих себе в этом отчета, царит растерянность, а моментами и паника.

Точно таким же объективным фактором, отражающим достигнутый уровень развития производительных сил, назревшие социально-экономические перемены, потребности прогрессивного развития общества, является нежелание «низов» жить по-старому. Но нельзя не учитывать того, что «низы» в классовом обществе представляют собой сложный конгломерат социальных и политических сил, что их нежелание жить по-старому выражается в весьма различных по своему политическому сознанию формах от сознательной готовности к революционному действию до пассивного согласия на частичные облегчения, на полумеры. В условиях революционной ситуации вполне реальным следствием этого может стать то, что наиболее революционные элементы «низов», наиболее последовательные выразители интересов «низов» могут, в первых, возможно принять желаемое за сущее, преувеличить революционные возможности либо революционную готовность «низов», а во-вторых, могут проглядеть отлив революционной волны. Но (для вопроса, который мы рассматриваем, это имеет первостепенное значение) их вера в дальнейшее восходящее развитие революционного движения, в перерастание революционной ситуации в революцию, мобилизуя, сплачивая сознательные революционные силы, может стать важным фактором воздействия в этом направлении.

Все указанные аспекты важны в том отношении, что историк, анализирующий ход и исход конкретного революционного процесса — революции или революционной ситуации, не вправе рассматривать этот процесс лишь под углом зрения известных ему конечных результатов, итогов этого процесса.

Разумеется, историк не может не исходить из того, что процесс завершился так, а не иначе, но, если он не хочет превратиться в простого регистратора фактов, он должен раскрыть те реальные исторические возможности, которые были заложены в этом процессе, и выяснить, почему они остались нереализованными; иными словами, выявить и проанализировать всю ту совокупность экономических, социальных, политических, международных и иных факторов, которые определили данное, а не иное развитие событий. Необходимость такого анализа нигде, быть может, не является столь очевидной и столь насущной, как при изучении революционной ситуации, не переросшей в революцию, т. е. такого этапа развития, который характеризуется, с одной стороны, наличием объективных предпосылок для революции, а с другой — тем, что предпосылки эти не были реализованы.

Механизм формирования и функционирования общественного сознания связан с отбором и опробованием различных, вытекающих из данной обстановки вариантов, планов действий. И оставшиеся нереализованными планы оказывают вполне реальное, хотя и подспудное воздействие на ход событий, подчас даже более мощное, чем конкретные действия, происходящие, так сказать, на поверхности истории.

В революционной ситуации мы видим прежде всего реальный исторический процесс, который определялся в конечном счете взаимодействием участвовавших в нем общественных сил. В то же время мы не можем абстрагироваться от того, как каждая из этих сил воспринимала смысл и ход событий, в каком направлении она стремилась действовать и т. д. Лишь диалектическая взаимосвязь реального процесса и его опосредо-

ванного отражения через общественное сознание приближает нас к пониманию процесса в его объективном значении и подлинной сложности.

Представим себе такой поворот развития революционных событий: высшая точка революционного подъема уже пройдена, но этого еще не осознали ни наиболее активные силы «низов», стремящихся к дальнейшему развитию революции, ни напуганные «верхи». Очевидно, что формулируемая в этих условиях тактика и даже стратегия борющихся сил будет оказывать немаловажное обратное воздействие на развитие событий. Примером, близким к нарисованной здесь ситуации, могут послужить первые месяцы после поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Но в еще большей мере эта схема соответствует развитию событий в период первой русской революционной ситуации, примерно с мая 1861 г.

В трудах В. И. Ленина ликвидация крепостного права — реформа 19 февраля 1861 г. характеризуется как рубеж, отделяющий в истории нашей Родины феодальную формацию от формации капиталистической. «В России в 1861 году... произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом»¹². И — устраняя всякие сомнения в том, что не какое-либо иное событие и даже не сумма событий этого года, а именно — «19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи»¹³.

Итак, именно эта дата, эта реформа является важнейшим рубежом в общей периодизации истории СССР. Означает ли это, что реформа 19 февраля исчерпала революционную ситуацию, замкнула ее, что тем самым вся первая революционная ситуация относится к предреформенному времени?

Реформа 1861 г. была вырвана революционной классовой борьбой, но будучи побочным продуктом этой борьбы, она не соответствовала ее целям, не удовлетворяла чаяний масс. Процесс реализации реформы не был мирным процессом, борьба продолжалась и безрезультатно: вспомним манифест 1 марта и указ 2 ноября 1863 г., содержавшие существенные уступки крестьянству на западной окраине империи, завоеванные восстанием 1863 г. За «устройством быта помещичьих крестьян» на очередь встал вопрос о положении удельных и государственных крестьян. Нет, даже для самой социальной проблематики эпохи реформа 19 февраля 1861 г. составляла важнейший, но далеко не единственный пункт. Революционное состояние общества не было ликвидировано этой реформой. Порожденная революционной ситуацией, она явилась важным периодизационным рубежом, но не завершила ее. Революционная ситуация, начавшаяся в недрах эпохи крепостничества как протест против него, как свидетельство зрелости условий для его ликвидации, не была исчерпана реформой «сверху». Именно потому, что произошедший в 1861 г. переворот был результатом не революции, а призванной предотвратить ее реформы, революционная ситуация сохранялась еще определенное время и после реформы 19 февраля 1861 г. Задача исследователей первой революционной ситуации — определить, как долго она сохранялась и в каких условиях завершилась.

Среди аргументов, приводимых в поддержку датировки завершения первой русской революционной ситуации 1861 годом, имеется ссылка на

¹² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 71.

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 174.

то, что якобы это соответствует ленинской датировке. Посмотрим, вполне ли основателен этот довод. Хорошо известно, что в трудах В. И. Ленина мы встречаем две характеристики первой революционной ситуации в России: а) развернутую, перечисляющую целый ряд конкретных проявлений, дающих бесспорные основания для датировки, но не приводящую самой этой датировки, — в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901 г.) и б) сжатую, с конкретной датировкой — в статье «Крах II Интернационала» (1915 г.). М. В. Нечкина раскрыла значение и хронологическое место каждого из названных в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» явлений, констатируя, что среди них мы встречаем такие, которые относятся к концу 50-х годов (в том числе и до 1859 г.), и такие, которые относятся к 1862 г. Отметив несовпадение (или по крайней мере неточное совпадение) этих моментов с датировкой, приведенной в статье «Крах II Интернационала», — 1859—1861 гг., М. В. Нечкина высказала мнение о том, что вопрос о хронологических рамках революционной ситуации должен рассматриваться как одна из исследовательских задач ее изучения. Формулируя конкретные задачи исследования, она включила в их круг ряд общественных явлений, не укладывавшихся в хронологические рамки 1859—1861 гг.¹⁴

По существу, в основу работы по изучению первой революционной ситуации группа, руководимая М. В. Нечкиной, положила (и последовательно придерживалась) ту развернутую характеристику революционной ситуации, которую дал ей Ленин в «Гонителях земства и Аннибалах либерализма». Однако в противоречие с содержанием статей сборников, где можно найти работы, посвященные Крымской войне, с одной стороны, событиям 1863, 1864, 1865 и даже 1866 гг. — с другой, на обложке сборников группы неизменно значится: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». Выдвинутый в докладе-программе группы, ставший основой конкретной практики ее исследовательской работы постулат о трактовке проблематики первой революционной ситуации в духе ленинского определения из статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма» сосуществовал с датировкой революционной ситуации 1859—1861 годами.

Никакого противоречия между двумя ленинскими характеристиками первой революционной ситуации, на наш взгляд, не существует. Дело, однако, в том, что смысл и назначение этих текстов существенно различаются.

В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» первая революционная ситуация является предметом непосредственного изучения, и все элементы ее характеристики, пусть и не сопровождаемые датировкой, дают нам возможность вникнуть в ленинскую трактовку эпохи, понять проблематику именно данной революционной ситуации.

В статье же «Крах II Интернационала» эта революционная ситуация названа в ряду других фактов отечественной и всеобщей истории. Да, здесь приведена дата — 1859—1861 гг., но если мы вчитаемся в текст, то обнаружим, что В. И. Ленин отнюдь не говорит о «революционной ситуации 1859—1861 годов».

После известного классического определения трех главных признаков революционной ситуации Ленин пишет: «Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—

¹⁴ М. В. Нечкина. Революционная ситуация в России в исходе 1850-х — начале 1860-х годов (Исследовательская проблематика и основные задачи изучения). «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 3—14.

1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было»¹⁵. Прочтя этот текст без какой-либо предвзятости, мы убедимся, что В. И. Ленин констатирует, что в 1859—1861 гг. в России была революционная ситуация, но не говорит, что она только этими годами ограничивалась. Сугубо формальное чтение каждой части этого отрывка ведет и к такому неверному выводу, будто революционная ситуация в период революции 1905—1907 гг. ограничивалась одним только 1905 годом — ведь в этом случае дат ни до, ни после 1905 г. Ленин не называет. Приведенная выше цитата имеет в ленинском контексте совсем иную смысловую нагрузку, чем ошибочно приписываемое ей назначение точно датировать первую и вторую революционные ситуации в России. Первая часть приведенной фразы продолжает и иллюстрирует ленинскую мысль о том, что «революция невозможна без революционной ситуации»¹⁶; вторая — является переходом к положению о том, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция»¹⁷.

Напомним о том, как трактуют вопрос о датировке второй революционной ситуации две недавние работы на эту тему. Авторы этих работ — М. И. Хейфец и П. А. Зайончковский — далеко не во всем согласны друг с другом, однако оба они считают началом второй революционной ситуации 1878 год (Зайончковский¹⁸ — весну, Хейфец¹⁹ — вторую половину года), оба относят ее завершение к середине 1882 г. М. И. Хейфец так истолковывает значение интересующей нас датировки из статьи «Крах II Интернационала»: «В. И. Ленин конец 70-х годов XIX в. обозначил как „время второго демократического подъема в России“, а 1879—1880 гг. выделял как самый острый и напряженный период данной революционной ситуации»²⁰. В целом это направление решения вопроса представляется нам правильным.

Мы полагаем, что для иллюстрации мысли о том, что не из каждой революционной ситуации возникает революция, В. И. Ленин использовал в качестве примера не первую и вторую революционные ситуации в России вообще, а высшие фазы каждой из этих революционных ситуаций. Именно они, эти высшие моменты предреволюционного кризиса, и были особенно контрастной иллюстрацией того, как при всей напряженности ситуации она может остановиться на пороге революции. Ту же мысль можно сформулировать и несколько иначе: приведенные даты определяют не революционную ситуацию (первую и вторую) в целом, а тот ее период, когда объективное существо революционной ситуации, как преддверия революции, было выражено наиболее отчетливо.

Отсюда следует, что 1859—1861 гг. мы рассматриваем не как начальную и конечную границы первой революционной ситуации, а как выделенный Лениным важный элемент ее внутренней периодизации. По нашему мнению, первая русская революционная ситуация возникла ранее 1859 г. и завершилась позднее 1861 г.

Ничего принципиально нового в этом выводе, конечно, нет, он соответствует существованию обобщенного результата коллективной исследова-

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 219.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 218.

¹⁷ Там же, стр. 219.

¹⁸ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 5.

¹⁹ М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики. М., 1963, стр. 230.

²⁰ Там же.

тельской деятельности группы²¹. Но некоторые конкретные вопросы периодизации первой революционной ситуации еще являются дискуссионными.

Первая русская революционная ситуация возникла ранее 1859 г. Когда же именно?

Вчитаемся вновь в ленинское определение трех главных признаков революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению»²².

Где же тот исходный пункт, в котором дают себя знать признаки революционной ситуации? Им является, на наш взгляд, Крымская война²³. Именно она выявила тупик, в который зашла политика господствующего класса, обострила нужду и бедствия угнетенных классов, вызвала повышение активности масс.

В таких сложных процессах общенационального значения, протекающих еще подспудно, каким является возникновение революционной ситуации, датировка с точностью до месяца — дело необычайно трудное. Определенно можно полагать, что революционная ситуация возникла и возникла в ходе самой войны. Эту дату вряд ли можно отнести к началу войны; выражаясь фигурально, она может относиться лишь к тому времени, когда отдаленная Восточная война превратилась в близкую и потрясшую всю Россию Крымскую войну. Мы полагаем, что исходный пункт складывания революционной ситуации — это рубеж 1854/1855 г., вероятно, не ранее начала осады Севастополя (октябрь 1854 г.), определенно, не позднее смерти Николая I (февраль 1855 г.).

Складывание первой революционной ситуации (а именно так, по нашему мнению, правильно было бы именовать ее первый период) было процессом длительным. На его развитие наложили отпечаток такие тормозящие этот процесс факторы, как прекращение войны, а следовательно, и известное уменьшение нужды и бедствий угнетенных классов; относительно умеренные, не задевавшие русского национального достоинства условия мирного договора; смена на престоле и связанные с нею надежды и иллюзии отнюдь не только патриархального крестьянства, но и значительной части так называемых «образованных классов». Эти надежды и иллюзии некоторое время поддерживались такими актами нового императора, как амнистия декабристам и петрашевцам, ослабление цензурного гнета, расширение доступа в высшие учебные заведения и т. п. и, разумеется, приступ к подготовке крестьянской реформы. Лишь по мере того, как ход событий все отчетливее обнаруживал пропасть между чаяниями народных масс и прогрессивных общест-

²¹ По этому поводу и ряду более конкретных соображений по вопросам периодизации первой революционной ситуации автор во многом разделяет точку зрения, выраженную Н. Г. Сладкевичем в его книге «Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации)». Л., 1962, стр. 270—273.

²² В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 218.

²³ См. там же, т. 20, стр. 140.

венных сил и реальным значением политики «верхов», углублялся и процесс складывания революционной ситуации.

Можно предвидеть возражение, что авторы, датирующие начало революционной ситуации 1859 годом, отнюдь не упускают из виду развитие событий в 1854—1858 гг. и трактуют их как непосредственные предпосылки революционной ситуации, как ее канун, а потому дело сводится к несущественному терминологическому спору. Разумеется, все те факты общественной жизни России в 1854—1858 гг., которые знаменовали и кризис «верхов», и нарастание активности «низов», широко известны и нет нужды их перечислять. Вопрос заключается в том, как мы оцениваем совокупность этих фактов. Либо мы видим в ней наличие объективных перемен, соответствующих трем признакам революционной ситуации, следовательно, видим в ней ранний, но внутренний, органически ей присущий этап революционной ситуации. Либо выводя этот период за рамки революционной ситуации, мы считаем тем самым ее наступление не неизбежным, усматриваем наличие в эти годы некоей альтернативы, когда «верхи» (благодаря более гибкой или более мудрой правительственной политике?) могли бы избежать грозившего им, но еще не наступившего кризиса. Такое различие позиций не может рассматриваться лишь как терминологический спор и как спор по второстепенному вопросу.

«Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него», — писал Герцен, как бы отвечая на интересующий нас вопрос, в статье, открывающей 2-й лист «Колокола», датированный 1 августа 1857 г. Статья эта называется «Революция в России». Конечно, Герцен ошибался, мы-то знаем, что революции в России не было ни в 1857, ни в последующих годах; но то, что события в России Герцен воспринял как живое дуновение приближающейся революции очень существенно для оценки состояния общественной жизни в России.

О начале революции в России говорит и Маркс осенью 1858 г.²⁴ Мы полагаем, что его слова: «таким началом я считаю» — должны пониматься как фиксирование нарастания революционной ситуации, приближения ее к порогу революции. В статьях конца 1858 г. Маркс отмечает важность рубежа, к которому подошла подготовка крестьянской реформы²⁵. Вероятно, именно вторая половина 1858 г. явилась границей между начальным периодом революционной ситуации, ее складыванием, который, предвосхищая события, Герцен уже называл революцией, и тем периодом, который характеризовался развитой революционной ситуацией, ее нарастанием, периодом, который считал нужным выделить как ее высшую фазу В. И. Ленин.

Для историка, рассматривающего события постфактум, очевидно, что крестьянская реформа 1861 г., несмотря на все недовольство ею угнетенных масс, сыграла роль предохранительного клапана. Но при установлении периодизации революционной ситуации нельзя отрывать от акта реформы непосредственный отклик на нее — народное возмущение, которым были ознаменованы март — май 1861 г.

Март 1861 г., по нашему мнению, может быть завершен начавшийся во второй половине 1858 г. период нарастания революционной ситуации. Нет нужды пояснять, что и складывание и нарастание являются частями восходящей стадии революционной ситуации. Но вот наступил

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 295.

²⁵ Там же, т. 12, стр. 605—608, 692—701.

1861 год, объявлена крестьянская реформа, подавлены стихийные крестьянские бунты — ответ на помещичью реформу. Мы знаем, что массовое движение далее идет на убыль. Завершилась ли восходящая стадия революционной ситуации?

Изложенные выше соображения о различии оценки хода событий историком издалека и участниками движения изнутри движения, как кажется, облегчают уяснение того, на первый взгляд, парадоксального положения, что хотя массовое движение после мая 1861 г. уже не нарастает²⁶, восходящее развитие революционной ситуации продолжается. Впрочем, парадоксальность этого факта не следует преувеличивать. Вспомним, что о времени второй революционной ситуации В. И. Ленин писал, оценивая значение борьбы с самодержавием горсти героев, борьбы за политическую свободу: «Благодаря этой борьбе, и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»²⁷.

Факторы, способствовавшие в 1861 г. сохранению и углублению революционной ситуации, многообразны. Это — дальнейший общедемократический подъем, и в частности студенческое движение осени 1861 г., это — бурный подъем национально-освободительного, прежде всего польского, движения, это — активизация революционного подполья и такие явные его действия, как выпуск прокламаций. Перечисление можно было бы продолжить. Важнее, однако, то, что снижение уровня массового движения, которое уловить сразу было нелегко даже внимательному и проницательному наблюдателю, не могло быть понято и оценено им как явление спада революционной ситуации. Причиной тому был сам механизм реформы, которая вводилась в действие постепенно и на два года оставляла как бы все по-старому до оформления уставных грамот. Эта мера, которой первоначально несомненно было предназначено сыграть роль амортизатора, оберегающего помещичье хозяйство от резкого, внезапного потрясения, оказалась еще одним спасительным клапаном, создав в массах представление о «предварительности», неокончателности положений 19 февраля и ожидание подлинной, «большой» воли. В этой обстановке сам спад крестьянского движения воспринимался как временный, широко распространенным было мнение о новом подъеме движения весной 1863 г., когда должна была обнаружиться безосновательность ожиданий крестьянства. Каждый из борющихся лагерей относился к этой перспективе по-своему: правительственный — со страхом, либеральный — по меньшей мере с опаской, демократический — со страстной надеждой; важно, что все верили в эту возможность. Вспомним герценовское: «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы, да верило и само правительство»²⁸. Наличие известных сомнений у наиболее выдающихся деятелей революционной демократии («отчасти» Герцена, «вот, говорят, будет крестьянское движение в 63 году... будет ли?», Чернышевского²⁹) не меняло общей оценки ситуации. Она была такова, что «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв впол-

²⁶ С. В. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 132.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 39.

²⁸ А. И. Герцен. Соч. в 30 т., т. XI, стр. 368.

²⁹ Записки А. А. Слепцова. См. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. 3. Саратов, 1962, стр. 278.

не возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»³⁰.

Для данного периода революционной ситуации характерно, что хотя борьба за «окончательное решение крестьянского вопроса» продолжалась и сохраняла свое значение, неизмеримо выросло значение борьбы за политические свободы, борьбы против самодержавия. Говорить в этих условиях о спаде революционной ситуации не приходится. Таким образом, хотя крестьянская реформа, ставшая в масштабах всего этого исторического периода главным фактором предотвращения революции, уже была объявлена и хотя волна стихийного крестьянского движения была подавлена, кризис «верхов» не был преодолен. Правительство не останавливалось перед репрессиями; за польской и крестьянской пролилась «третья кровь» — кровь демократического студенчества, было введено военное положение в Литве, а затем и в Царстве Польском, аресты Михайлова и Обручева открыли цепь ударов по революционному подполью, — и при всем том растерянность правительственного лагеря, метания в поисках правильной политики, смена лиц высшей бюрократии были свидетельством того, что «верхи» остаются в обороне, что накал революционной ситуации не ослабел.

Как определить тот период революционной ситуации, который начинается примерно с июня 1861 г.? С одной стороны, высший подъем массового движения остался позади, что имело в конечном счете решающее значение для судьбы революционной ситуации, ее исхода. С другой же стороны, сила уже набранного разгона, накопленная «энергия кризиса» двигала этот кризис в направлении дальнейшего его обострения, не давала передышки «верхам», не обескураживала их противников. Историк знает, что первая революционная ситуация не переросла в революцию, но историк не вправе не замечать, что революционный взрыв был в полном разгаре во второй половине 1861 — начале 1862 г. Сохранение же революционной перспективы является важнейшим фактором оценки развития революционной ситуации: это означает, что она продолжает развиваться по восходящей линии. Как показал дальнейший ход событий, именно этот период стал для нее кульминацией революционной ситуации.

При изложении точки зрения на определение завершающей стадии первой революционной ситуации мы пользуемся понятием «частной» революционной ситуации, на котором следует кратко остановиться³¹. «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»³². Принимая за основу то, что революционная ситуация развивается в масштабах государства, мы констатируем, что она может быть явлением неоднородным, непростым, подразделяющимся на революционные ситуации на «субгосударственном» уровне, на «частные» революционные ситуации.

Так, в рамках первой революционной ситуации в России исследователями выделяются революционная ситуация в Царстве Польском, в Литве³³ и т. д. Закономерность такого выделения бесспорна. Являясь со-

³⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 30.

³¹ См. И. Миллер. О некоторых вопросах, связанных с понятием «революционная ситуация». «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 110—116.

³² В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 145.

³³ См. С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., 1961.

ставным элементом общероссийской революционной ситуации, революционные события на входивших в состав Российской империи национальных территориях — в частности, в Царстве Польском, Литве, Белоруссии, на Украине — отмечены специфическими чертами. Среди них особо важно отметить иной, особый и сход революционной ситуации: если в общероссийском масштабе революционная ситуация не переросла в революцию, то здесь ее завершением стал революционный взрыв 1863 г. Не вырывая эту специфическую, «частную» революционную ситуацию из общегосударственной, что было бы прямым искажением истории, ибо связь общего с частным и частного с общим неразрывна, мы не вправе игнорировать само это явление.

Возникает закономерный вопрос, если иметь в виду перспективу перерастания этих революционных процессов в восстание 1863 г.: а есть ли вообще основание говорить раздельно «о частной» революционной ситуации в Царстве Польском, «частной» революционной ситуации в Литве, не имеем ли мы дело с одной «частной» революционной ситуацией, охватывающей и Царство Польское, и Литву, и Белоруссию, и Правобережную Украину?

Представляется, что ответ на этот вопрос определяется двумя совершенно различными и независимыми друг от друга факторами: развитием самих революционных событий и аспектом оценки их значения.

Возьмем в качестве наиболее показательного примера Царство Польское и Литву. На первый взгляд, развивавшееся по обе стороны Немана движение в сущности едино: и там, и здесь оно охватывает прежде всего города и местечки; и там, и здесь оно развивается в среде прежде всего польского населения, под польскими национально-освободительными лозунгами; и там, и здесь немалую роль играет общая для Царства Польского и Литвы и противопоставляющая эти территории всей остальной Российской империи католическая религиозная окраска и символика манифестаций и т. п. Все это использовалось польской националистической политикой и историографией для доказательства тезиса о том, будто общественное движение в 60-х годах в Литве являлось лишь частью, «филиалом» польского движения.

Между тем революционная ситуация в Литве имела важные объективные черты, отличавшие ее от революционной ситуации в Царстве Польском. И в период подготовки крестьянской реформы, и в ходе ее реализации крестьянский вопрос в Литве существенно отличался от крестьянского вопроса в Царстве Польском, что налагало отпечаток на развитие крестьянского движения, на крестьянские требования и на программные установки революционной демократии, имевшие в Литве также существенные отличия в сравнении с Царством Польским. Собственно литовское национально-освободительное движение в 60-х годах действительно еще только нарождалось, но именно в плоскости проблемы «Литва и Польша» его роль была уже немаловажной, ибо оно опиралось, с одной стороны, на тесную связь с классово-борьбой литовского крестьянства против помещиков, в большинстве своем либо поляков, либо полонизированных; а с другой — на сохраняющую свое значение «областническую» психологию польского населения Литвы. Даже в самой повстанческой организации взаимоотношения между варшавским и виленскими центрами были весьма и весьма сложными. В силу этого мы вправе сказать, что исходно «частная» революционная ситуация в Литве была явлением особым, имеющим свою специфику не только в отношении общероссийской революционной ситуации, но и в отношении «частной» революционной ситуации в Царстве Польском.

Однако по мере нарастания событий, приближения к восстанию происходит реальное сближение, можно сказать, почти слияние — с точки зрения расстановки классовых и политических сил — этих «частных» революционных ситуаций. С точки же зрения значения, роли этих факторов для общероссийской революционной ситуации правомерно говорить о специфической «частной» революционной ситуации по всей западной окраине империи уже во второй половине 1861 г., со времени введения военного положения.

Вопрос «С кем Литва?» интересовал не только Герцена. Политика царизма на территории тогдашнего Северо-Западного, а в значительной мере и Юго-Западного краев свидетельствует о том, что при наличии существенных отличий от политики царизма в Царстве Польском она диктовалась представлением о теснейшей взаимосвязи событий по всей западной окраине империи.

Именно с этой общероссийской точки зрения естественно и закономерно пренебречь различиями, немаловажными с точки зрения локально-национальной, и рассматривать как единую «частную» революционную ситуацию обстановку во всем районе, где позднее развернулось восстание. Такая трактовка уже применялась нами ранее³⁴, что не вызвало возражений.

Постановка вопроса о связи и соотношении первой русской революционной ситуации и восстания 1863 г., польского восстания, является и закономерной, и глубоко дискуссионной. Много факторов разного рода препятствовало достижению единства взглядов в этом вопросе.

Восстание 1863 г. представляет собой во многих отношениях важнейшее звено истории польского национально-освободительного движения конца XVIII—XIX в. Оно — неотъемлемая часть этого движения, и в нем нашли отражение насущные для польского народа национальные и социальные проблемы. Это истины, очевидные не только для марксистов, но и для дворянско-буржуазной, в том числе националистической историографии.

Дело не просто в том, чтобы осудить националистическую историографию, но и в том, чтобы показать, в чем и как она искажает историю. Марксистской историографией сделано уже немало в этом отношении не только в области истории русско-польских отношений вообще, но и для раскрытия масштаба русско-польских революционных связей 60-х годов. Уже сами по себе эти исследования убедительно свидетельствуют против теории непримиримой межнациональной вражды. Проблематика межнациональных революционных связей, единодушно игнорируемая националистической историографией — и польской, и дореволюционной русской, украинской и т. д., заняла ныне свое законное место в изучении истории революционных событий 60-х годов. Но было бы ошибкой считать, что этим исчерпывается проблема. Взаимосвязь истории России и истории Польши в эту эпоху определяется не только сознательным и целенаправленным движением их революционных сил навстречу друг другу. Сами эти контакты были выражением той глубинной, объективной взаимосвязи исторического развития России и Польши в эту эпоху, высшей формой которой была общность революционного кризиса, знаменующего переход от феодализма к капитализму.

³⁴ И. Миллер. Вокруг «Великорусса» — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1965, стр. 122—123.

Отсюда следует, что революционные процессы начала 60-х годов, вершиной которых стало восстание 1863 г., надлежит рассматривать не только в контексте польского освободительного движения XIX в., но и в контексте первой русской революционной ситуации. Именно этот подход, этот угол зрения обеспечил, на наш взгляд, наиболее существенные достижения последнего времени в изучении восстания 1863 г., при этом не только в общеконцепционном смысле, но и в понимании конкретных моментов истории революционной борьбы.

Но может быть в меньшей мере такой подход плодотворен для изучения проблем первой русской революционной ситуации.

В рамках настоящей статьи, разумеется, нет возможности достаточно подробно рассмотреть всю проблематику соотношения первой русской революционной ситуации и восстания 1863 г. Ограничимся некоторыми наиболее важными тезисами.

Революционный подъем начала 60-х годов в Царстве Польском, сложившаяся там революционная ситуация — явление, всеми своими корнями опиравшееся на собственно польскую действительность: зрелость социальных предпосылок к смене феодальных отношений капиталистическими, степень недовольства политическим и национальным гнетом были таковы, что, возникнув, революционная ситуация в Царстве Польском все более накалялась, созрела до повстанческого взрыва. Нельзя не заметить, однако, что немногими годами ранее социальные и политические предпосылки движения были налицо, между тем и в 1848 г., когда волны революционной стихии подкатились к границам Царства Польского, и в годы Крымской войны, когда царизм терпел поражения, никакого значительного общественного движения здесь не было. Для его возникновения потребовались не только внутренние предпосылки, но и благоприятные условия. Эти условия создала первая русская революционная ситуация, которая ослабила политического противника польского освободительного движения — царизм, выявила существование важного союзника в лице русского революционного движения, коренным образом изменила всю политическую, общественную атмосферу.

Общественный подъем в Царстве Польском проявился летом 1860 г., уже в феврале — марте 1861 г. здесь была налицо революционная ситуация такой остроты, что лишь незрелость субъективного ее фактора — общественных сил, враждебных царизму, — помешала ее непосредственному перерастанию в революционный взрыв.

Возникнув в прямой связи с революционной ситуацией в России, революционная ситуация в Царстве Польском («польское брожение») оказывала далее на нее мощное ответное воздействие.

С чем же мы имеем дело? С двумя параллельными и лишь перекликающимися революционными процессами? Но эти процессы развивались в рамках одного и того же государства, были направлены против одного и того же политического противника, на большой территории прямо перекрывали друг друга. Мы полагаем, что революционная ситуация в Царстве Польском была частью общероссийской революционной ситуации, была «частной» революционной ситуацией со своей значительной спецификой, особенностями и т. д., но со всеми этими особенностями и спецификой она вписывалась в общегосударственный общественный процесс. И как на развитие событий в Царстве Польском влияла вся совокупность политической обстановки в Российской империи, так и на развитие революционной ситуации в России влияло «польское брожение». Его влияние было неоднозначным: оно усиливало революционную энергию, подкрепляло надежды последовательно демократических сил, способство-

вало обратной эволюции некоторых до того оппозиционных царизму кругов, оно стало фактором поляризации общественного движения в русской армии и т. д. Несомненно одно, а именно это важно для нас в данной связи, что революционная ситуация в Царстве Польском оказывала сильнейшее воздействие на развитие общероссийской революционной ситуации.

Революционная ситуация на западной окраине империи переросла в восстание 1863 г. Какое это имеет значение для понимания общероссийской революционной ситуации, для ее периодизации?

Отвечая на этот вопрос, мы должны определить, ограничивалось ли значение того специфического варианта завершения революционной ситуации, каким было восстание 1863 г., лишь тем районом, где непосредственно разворачивалось восстание, или оно имело более широкое значение и должно оцениваться в общероссийском масштабе.

Правильным ответом на интересующий нас вопрос является, по нашему мнению, признание за восстанием 1863 г. (эта сжатая формула, разумеется, включает в себя весь комплекс событий, предшествующих восстанию) общероссийского значения, признание того, что наличие и обострение революционной ситуации на западной окраине продлевали о общероссийскую революционную ситуацию.

Два важнейших фактора определяли поддержание уже по существу исчерпанной во всероссийском масштабе революционной ситуации. Это, во-первых, сохранение действительной «частной» революционной ситуации на значительной территории страны. Это, во-вторых, о ж и д а е м ы й подъем массового движения весной 1863 г.

В этих условиях говорить о завершении первой русской революционной ситуации весной 1862 г. было бы неправомерно.

Почему мы выделяем весну 1862 г. как внутренний рубеж периодизации революционной ситуации? Именно в это время, задолго до приближения «слушного часа», происходит перегруппировка сил, выражающаяся в консолидации «верхов», в переходе правительства в контрнаступление, в поэтапном и пофракционном переходе либерального лагеря от умеренной оппозиции правительству к поддержке его, к одобрению его репрессий против лагеря революционной демократии. Эти явления не единовременны; можно, однако, принять в качестве основного рубежа, завершающего период кульминации революционной ситуации, апрель — май 1862 г. Это не только дата происшедших на диво своевременно для правительства петербургских пожаров, это время выработки ответственного курса борьбы с польским освободительным движением. И в то же время в лагере революционной демократии это момент смены тактики, прекращение выпуска прокламаций.

Начало преодоления кризиса «верхов» представляет собой важную веху в развитии каждой революционной ситуации. Оно могло бы быть оценено как переломный момент, как переход первой революционной ситуации в свою нисходящую стадию. В какой-то мере так оно и было. Но специфика первой революционной ситуации в России заключалась, с одной стороны, в своеобразной «мистификации» общественных процессов, какой была «отсрочка» подведения итогов отношения народа к царской «воле», а с другой — в неравномерности развития многопланового процесса на гигантской территории Российской империи. На всей западной окраине империи — в Царстве Польском, Литве, Белоруссии, отчасти и на Украине — революционная ситуация все более обострялась. Здесь общие для революционной ситуации в целом социальные и политические проблемы переплетались с проблемами национально-освободительными. Здесь в силу специфики развития ситуации возникли

большинство объективные и субъективные возможности внесения революционной пропаганды в царскую армию.

Начался новый период — период, когда революционная ситуация оказалась на перепутье. Налицо признаки спада революционной ситуации в общероссийском масштабе, что, казалось бы, исключало перерастание ее в революцию, но в то же время углубление ее на окраинах империи и возможность нового подъема массового движения делали перспективу революции и реальной, и непосредственно близкой. Назревавшее на западной окраине восстание могло, сомкнувшись с военно-крестьянским движением, разрастись в общероссийскую революцию. Такова была одна из возможностей развития, и пока она не была снята самим ходом событий, исход революционной ситуации не был предопределен.

Развивающийся от мая 1862 г. период революционной ситуации включает в себя начало восстания 1863 г., усилившего основные тенденции этого периода. Начальный этап восстания — это время, когда намечившиеся варианты дальнейшего развития революционных процессов были актуальны, когда ход и исход его еще не был предопределен.

Эта перспектива в полной мере определилась, когда:

а) весна 1863 г. не принесла ожидаемого подъема массового движения в России;

б) в польском движении руководство было захвачено «белыми», враждебными идее русско-польского революционного союза, враждебными социальными революциями;

в) повстанческое движение на территории Украины и большей части Белоруссии, не найдя поддержки в массах, было разгромлено, а на территории Литвы понесло тяжелый урон;

г) дипломатическая игра западных держав вокруг польского вопроса создала угрозу, либо видимость угрозы новой антирусской коалиции, что было умело использовано правительственной и экс-либеральной пропагандой для обработки общественного мнения в националистическом и антиреволюционном духе. Хронологическим рубежом, когда определились все перечисленные выше факторы, был апрель — май 1863 г. (мы имеем ввиду здесь, как и всюду ранее, датировку по старому стилю — оговорка необходима, поскольку речь идет о польском восстании, события которого обычно датируются по новому стилю).

От мая 1863 г. мы можем говорить о решительном спаде революционной ситуации, о ее завершении, несмотря на то, что восстание в Царстве Польском и Литве еще продолжалось и даже с точки зрения размаха партизанской борьбы еще некоторое время шло на подъем. Однако с лета 1863 г. вырисовывается неотвратимый упадок восстания.

По существу первая революционная ситуация в России замыкается 1863 годом.

Добавим, что подобно иным крупным историческим явлениям первая революционная ситуация имела прямо с нею связанные последствия, отбрасывала свою «тень» на непосредственно следующие за нею годы. Рассматриваем ли мы деятельность революционного подполья, мы видим, как уже после исчерпания революционной ситуации инерция предшествующей деятельности, инерция мышления, надежды на новый подъем движения пронизывают деятельность и русских и польских революционеров. Изучаем ли мы правительственную политику, мы обнаруживаем непреодоленную боязнь нового подъема революционного движения и инерцию определенного ранее плана реформ, реализуемых шире, чем это

диктовалось политической обстановкой в момент, когда революционная ситуация уже миновала. Еще не отброшена либеральная личина, принятая в предшествующие годы частью правительственной бюрократии, еще не отправлены в отставку либеральствующие агенты правительства, еще Муравьева-«вешателя» отзывают из Вильно, не предвидя того, что завтра во власть ему отдадут Петербург. Уже отошедшая в прошлое революционная ситуация продолжает сохранять влияние на развитие общественных процессов, на мышление различных общественных сил. И в этом смысле оправдано не отрывать изучения краткого периода, следующего за революционной ситуацией, от проблематики самой революционной ситуации. Определение границы этого эпизода первой русской революционной ситуации не составляет труда: ею стала изменившая всю политическую обстановку попытка цареубийства — выстрел Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 г.

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ {XVI ВЕК}

1

Политическая история XVI в. всегда привлекала к себе внимание исследователей, ибо это столетие — важный этап в процессе ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного государства на Руси. Только за последние десять с небольшим лет вышел целый ряд фундаментальных работ советских ученых, посвященных данной проблеме. Это монография А. А. Зимина о княжении Василия III¹, труды И. И. Смирнова², А. А. Зимина³, Н. Е. Носова⁴ о первом (доопричном) периоде царствования Ивана Грозного, книги С. Б. Веселовского⁵, А. А. Зимина⁶, Р. Г. Скрынникова⁷ об опричнине, С. О. Шмидта⁸ о русской государственности времени Грозного в целом. Я назвал лишь монографии, да и то только те, в которых поднимаются общие проблемы развития государства. Число же работ по более частным вопросам значительно больше.

В центре внимания исследователей — вопрос о характере и форме русского государства XVI в., особенно времени Грозного, к которому относятся наиболее ранние сведения о сословно-представительных учреждениях — земских соборах. Интерес к последним значительно усилился после появления в печати статьи М. Н. Тихомирова⁹.

Авторы перечисленных выше монографий по-разному определяют форму государственности на Руси в царствование Грозного. И. И. Смирнов переносит на XVI столетие формулу, которой В. И. Ленин пользовался для XVII в. в сопоставлении его с XVIII столетием: самодержавие с боярской думой и боярской аристократией¹⁰. Р. Г. Скрынников считает, что русское государство XVI в. было самодержавной монархией с аристократической боярской думой лишь до земского собора 1566 г., а с этого времени пошло по пути превращения в сословно-представительную монархию¹¹. По мнению А. А. Зимина, Россия первой

¹ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

² И. И. Смирнов. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958.

³ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁶ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

⁷ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966.

⁸ С. О. Шмидт. Становление Российского самодержавства. М., 1973.

⁹ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века. «Вопросы истории», 1958, № 5.

¹⁰ И. И. Смирнов. Очерки ..., стр. 262.

¹¹ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 127, 317.

половины XVI в. представляла собой сословную монархию (великий князь делил свою власть с удельными и служилыми князьями, боярской думой и церковью), а с 1549 г. (когда был создан так называемый «собор примирения») превратилась в сословно-представительную монархию¹². Согласно точке зрения Н. Е. Носова, в 50-х годах XVI в., в период избранной рады, в России сложились устойчивые сословно-представительной монархии, и в годы опричнины в стране установился режим военно-феодальной диктатуры дворян-крепостников¹³. С. О. Шмидт полагает, что как в западноевропейских странах развитие парламентаризма происходило наряду с укреплением абсолютистских начал в государственном строе, так и в России в XVI в. первые сословные учреждения (земские соборы) оформляются тогда же, когда становятся заметными первые признаки абсолютизма¹⁴.

К голосам гражданских историков можно присоединить голос историка права Г. Б. Гальперина. Его книга построена в основном не на источниках, а на литературе. Автор сделал полезное дело, уточнив некоторые юридические категории, но новых исследовательских положений не выдвинул. Во второй половине XV и в первой половине XVI в., пишет он, в России сложилась сословная монархия: наряду с великим князем, а затем царем, страной управляла боярская дума — «сословное учреждение высшей феодальной аристократии». Во второй половине XVI в. русское государство становится сословно-представительной монархией. Создается новый орган — земский собор; он, в отличие от боярской думы, где «представители сословий назначались царем из узкого круга княжеско-боярской аристократии, конституировался как сословно-представительный орган дворянства и посадских людей, представители которых избирались указанными условиями»¹⁵.

Названных выше ученых объединяет представление о XVI столетии в России как времени формирования сословно-представительной монархии, однако в трактовке этого процесса имеются различия, что заставляет исследователей еще и еще обращаться к проблеме, а она теснейшим образом связана с историей земских соборов.

2

Не ставя задачей рассмотрение проблемы о форме государства в России XVI в. в целом, я хотел бы коснуться только трех моментов: 1) о смене и преемственности политических органов времени, предшествующего объединению русских земель, и периода образования централизованного государства; 2) о характере первых соборов; 3) о сословно-представительной монархии и опричнине.

С. О. Шмидт не без основания отметил «прочность традиций сословного представительства» в России и указал в качестве отдаленного предшественника соборов XVI в. на древнерусский княжеский «снем»¹⁶. Думаю, что вопрос об исторической преемственности этих учреждений действительно заслуживает внимания.

¹² А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, стр. 397; его же. Реформы..., стр. 325—326.

¹³ Н. Е. Носов. Становление..., стр. 12.

¹⁴ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 260.

¹⁵ Г. Б. Гальперин. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVII веков. Л., 1964, стр. 55, 89.

¹⁶ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 191.

Историки права, говоря о смене государственных форм, время до XVI в. рассматривали как период господства в России строя монархии, сначала раннефеодальной, затем периода раздробленности. Эта прямая линейная схема давно уже подвергается сомнениям общегражданскими историками.

Лишь для отдельных этапов политического прошлого древней Руси можно говорить о раннефеодальной монархии (княжения Владимира, Ярослава, Святополка, Мономаха, Мстислава). Форма эта неустойчива, и с ее распадом Русь представляет собой средневековую федерацию — союз князей, оформленный договорными отношениями на началах сюзеренитета-вассалитета. При князьях отдельных земель существуют боярские советы или думы. В городах действуют вечеые собрания. От степени значимости на вече феодальных верхов, городского патрициата, рядовых горожан, от характера взаимоотношений князя и веча в значительной мере зависят формы политического строя, которые складываются в разных русских землях, входящих в состав федерации. Для решения дел, касающихся ряда княжеств, собираются княжеско-боярские «снемы» (съезды); княжеские и боярские конфликты разбираются сословными третейскими судами.

Таковы были порядки, установившиеся на Руси ко времени татаро-монгольского завоевания. В это же время складывается и какой-то прообраз представительного органа, отдаленно напоминающего будущий земский собор. По летописи, великий князь Всеволод Юрьевич в 1211 г. «созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана, и игумены и попы, и купце, и дворяны, и вси люди», назначил своим наследником сына Юрия и потребовал принесения ему присяги¹⁷. Вероятно, эта форма сословного представительства при князе противопоставлялась князем вечевому строю.

Орда сохранила внутреннее устройство Руси, присвоив себе право взимания дани и утверждения князей: «яко же есть обычай взяти тамо (в Орде.—Л. Ч.) великое княженье»¹⁸. В процессе народно-освободительной борьбы с татаро-монгольским игмом совершался переход формы русской государственности от системы «всех княжений Русских», возглавляемых великим князем владимирским, к централизованной монархии¹⁹. Носитель «старейшинства в всем Русском языке», великий князь всея Руси, становился «самодержцем... всея Русския земли»²⁰. В связи с этой политической эволюцией в XIV—XV вв. происходила и трансформация отдельных государственных органов, изменение их качеств и функций, исчезновение одних, появление других, перерастание одних в другие и т. д.

Термин «снем» применительно к Московской и Новгородской Руси XIV—XVI вв. летописи, как правило, не употребляют. Они говорят о княжеских «съездах», собирающихся по мере надобности и рассматривающих вопросы, общие для ряда княжеств или для ряда уделов одного княжества. Таких сведений немного, но они заслуживают внимания. Так, в 1296 г. «князем всем бысть съезд в Володимери». Столкнулись две коалиции из-за претензий на Переяславль-Залесский, «и малым не бысть межи ими кровопролития», но при посредничестве двух духовных иерархов, было достигнуто соглашение²¹. В 1304 г. на съезде в Пере-

¹⁷ ПСРЛ, т. 25, стр. 108.

¹⁸ Там же, стр. 194.

¹⁹ Там же, стр. 144.

²⁰ Там же, стр. 136, 217.

²¹ Там же, стр. 158.

яславле этот феодальный центр был официально передан князю Юрию Даниловичу московскому²². В 1340 г., после смерти Ивана Калиты, «бысть съезд на Москве всем князем русским», на котором обсуждались вопросы совместных военных действий²³. В 1360 г. княжеский съезд в Костроме разбирал вопрос о борьбе с ушкунниками²⁴.

Конечно, было бы неправильно устанавливать непосредственную связь или отношения преемственности между подобными княжескими съездами и последующими земскими соборами. Перед нами явления разнородные. В одном случае — это институт, регулирующий политические взаимоотношения в пределах средневековой федерации, состоявшей из отдельных княжеств; в другом — сословно-представительный орган единого централизованного государства. В одном — собрание разных князей-правителей эпохи раздробленности со своими боярами, в другом — совещание правительства объединенной Руси с сословными представителями. Но поскольку «съезд» («снем») и «земский собор» были институтами не просто разновременными, а характерными для разных форм феодального государства, отмирание одного подготавливает условия для зарождения другого.

Летописи почти не говорят о княжеских съездах уже с XV в. Конечно, отсутствие упоминаний еще не доказывает, что их не было. Но их значение явно падало, и здесь уже, очевидно, играли роль прямо противоположные факторы: политика Орды, стремившейся помешать объединению политических сил Руси, с одной стороны; тенденция к единодержавию, все более проявлявшаяся у московских великих князей, — с другой.

Соборы XVI в. были общегосударственными органами и поднимали общегосударственные вопросы, которые требовали совета сословных представителей и согласованного решения. Они отличались от съездов, как учреждений межкняжеских, и действовали силами правительств, не опираясь на совет «земли». Но ведь само понятие «земля» не однозначно. Для времени централизованного государства оно было единым в смысле территориально-политическом и культурно-этническом. Для периода раздробленности наряду с широким представлением о «земле» как культурно-этническом целом существовало иное понятие земли — княжества, разделенные политическими границами. И когда на съезде встречались правители отдельных «земель» и их бояре, это означало, что они выходили на более широкую арену всей Русской земли и что решение съезда согласовывалось с представителями феодальных сословий разных княжеств. Но, конечно, характер представительства был иной, чем на земских соборах, и не только потому, что отсутствовал принцип выборности и круг представляемых сословий был узок (это характерно для земских соборов тоже), а и потому, что структура и назначение этих учреждений не одинаковы. На съездах их участники встречались друг с другом, выполняя государственные функции, на соборы царское правительство собирало лиц, которым придавалось и общественное назначение.

Государственным органом при князе любой русской земли был, как хорошо известно, совет (или дума). Летописи, говоря об этом органе, обычно употребляют глагольные формы, обозначающие его в действии:

²² ПСРЛ, т. 18, стр. 86.

²³ Там же, т. 15, вып. 1, стр. 53.

²⁴ Там же, т. 25, стр. 181.

князь «приде на съвет и думу»²⁵; «съветовов з бояры»²⁶; «съвет съво-
рять с своими бояры»²⁷; «начат думати»²⁸; «здумаша»²⁹; «обмыс-
лив»³⁰; «помыслив»³¹; «нача о сем мыслити»³²; «приговоря»³³ и т. д.

О составе совета судить по лаконичным и, вероятно, не всегда точ-
ным летописным заметкам трудно. Возможно, этот совет не был стан-
дартным, менялся. Имеются такие варианты: князь советуется «с сво-
ими бояры»³⁴, «з братьею и з бояры»³⁵, «с отцем своим митрополи-
том, и с матерью своею великою княгинею... и з братнею, и з боары сво-
ими...»³⁶, «с владыками и з боары»³⁷, «с отцем своим митрополитом... и
с прочими святители и з боары своими»³⁸, «с отцем своим митрополи-
том... и с своею братьею, и с прочими князьми русскими»³⁹. Особенно
интересен состав совещания 1425 г. в Москве, в котором участвовали
великий князь Василий II «с отцем своим митрополитом, и с матерью
своею... и з дядми своими... обосла же ся тогда и со братом своим и де-
дом великим князем литовским Витовтом и со всеми князи и бояры
земли своея»⁴⁰. Весьма внушительным по составу был совет, вынесший
решение о походе на Новгород в 1478 г.: «По благословению же пресвя-
щенного митрополита... и еже о нем священнаго собора, архиепископ, и
епископ, и всего священническаго сана, также и советом матере своея
и молитвою, и братии своея думою, и бояр своих, и князей, и воевод...»⁴¹.

Как видно, совещания были и более и менее узкие, и с участием цер-
ковных иерархов и без них.

С образованием единого государства, с отмиранием съездов («снем-
мов») как формы междукняжеских политических отношений дума (со-
вет) при московском великом князе становится общегосударственным
органом. Она унаследовала функции как древнерусского «снима» —
съезда, так и княжеского совета периода раздробленности. Это подняло
ее над обоими институтами и сообщило ей значение представительства
высшего феодального сословия «земли». В условиях единого государст-
ва дума делается ядром нового представительного органа — земского
собора.

Летописи сохранили сведения о некоторых заседаниях боярской ду-
мы. В основе летописных описаний лежат, вероятно, официальные при-
казные записи, а может быть, данные, сообщенные очевидцами. Видно,
что на заседаниях поднимались споры, высказывались разные точки
зрения по вопросам, поставленным на обсуждение. Для примера можно
остановиться на совещании царя с боярами в 1541 г. в связи с набегом
на Русь Саиб-Гирея. Речь шла о том, как организовать оборону. По оче-
реди высказывались великий князь, митрополит, бояре. Летописное из-
ложение звучит почти протокольно: Иван IV «прииде в палату, иде же

²⁵ ПСРЛ, т. 25, стр. 327.

²⁶ Там же, т. 13, ч. 1, стр. 85.

²⁷ Там же, стр. 87, 101.

²⁸ Там же, т. 25, стр. 267.

²⁹ Там же, стр. 246.

³⁰ Там же, стр. 228, 293.

³¹ Там же, стр. 273.

³² Там же, стр. 299.

³³ Там же, т. 13, ч. 1, стр. 5.

³⁴ Там же, стр. 86, 87, 101.

³⁵ Там же, стр. 5.

³⁶ Там же, т. 25, стр. 293, 327.

³⁷ Там же, стр. 267.

³⁸ Там же, стр. 273.

³⁹ Там же, стр. 228.

⁴⁰ Там же, стр. 246.

⁴¹ Там же, стр. 310.

з бояры седяше, и рече отцу своему Асафу митрополиту...»; «...И почаша бояре говорити...»; «...иные бояре реша...»; «...Митрополит же рече...»; «...И бояре сошли все на одну речь...». Князь принял решение, лишь «выслушав речи у отца своего Иосафа митрополита и бояр»⁴². На земских соборах обсуждение шло уже по «чинам» или сословным группам.

В XV в. приходил в упадок и институт третейского княжеско-боярского суда — система решения междукняжеских споров путем передачи их на рассмотрение выбранного обеими сторонами судьи: митрополита, князя, боярина. Летописи сохранили интересные сведения об использовании этого института в междукняжеской борьбе. Они относятся к XIV в. В 1366 г. московский великий князь Дмитрий Иванович и митрополит Алексей «заваша на Москву любовью» тверского князя Михаила Александровича «и бысть ему суд на третей...»⁴³. Различные летописи говорят об этом по-разному. Одни видят в действиях московского правительства произвол, другие считают, что оно поступало законно. Но так или иначе, вызов князя Михаила из Твери в Москву был облечен в нормы феодального права. Сходный случай произошел в 1395 г.: литовский князь Витовт, подойдя к Смоленску, предложил враждовавшим князьям выступить их третейским судьей, а когда они ему поверили и открыли городские ворота, то были захвачены вместе с боярами и отправлены в Литву. Это был уже явный обман («облесь»), ибо Витовт обещал: «слышал бо есмь, что есть промежи вами неодиначество и недружба велика, а каково межии вами будет слово или пря, да сошлетеса на меня, яко на третей, и аз межии вами в правду разсмотрю»⁴⁴.

Исчезновение третейских княжеско-боярских судов как результат ликвидации раздробленности имело противоречивые последствия. Прежде всего оно означало единовластие великого князя (царя), стоявшего во главе «дръжавы великия Росиа»⁴⁵. Со своими противниками Грозный расправлялся сам, без суда подвергая их опале и казни, чтобы «замятни и волнения не было»⁴⁶. Но была и другая политическая линия, которой Грозный придерживался в 50-х годах и которая заключалась в стремлении к сплочению феодальных групп (в том числе и боярства). Эта линия проявилась в деятельности земских соборов. Вспоминая в послании Курбскому «опалы», причиненные боярам в годы своей юности, а также боярское «сопротивление» и «проступки», царь подчеркивал, что затем было достигнуто «примирение»: «...во всем в том простихомся... и впрядь того не воспоминати...»⁴⁷. Здесь, как и в третейском суде, противопоставление произвола феодальному праву. Только третейский суд разбирал дела междукняжеские и межбоярские, Грозный же говорит о взаимном прощении: боярами — «содеянного» царем, и последним — «сопротивления» и «проступков» бояр. Конечно, в послании царя превалируют социальная тактика и фразеология. Ведь в годы опричнины режим деспотизма достиг крайнего предела. Но речь сейчас не об этом, а о том, что институт княжеско-боярского третейского суда оказал воздействие на формы разбора на соборах середины XVI в. социально-политических конфликтов в среде господствующего класса.

Третейским судьей был часто митрополит, и Иван IV также писал Курбскому о «прощении» перед митрополитом и освященным собором:

⁴² ПСРЛ, т. 13, ч. 1, стр. 105—106.

⁴³ Там же, т. 25, стр. 184.

⁴⁴ Там же, стр. 235.

⁴⁵ Там же, т. 13, ч. 1, стр. 102.

⁴⁶ Там же, стр. 118.

⁴⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 62—63.

«Потом же вся собрахом, все архиепископы, и епископы, и весь освященный собор русския митрополия» и «пожаловал бояр своих и всех людей своих»⁴⁸.

Наконец, надо отметить, что «пожалование» Ивана IV в его формулировке охватывает более широкую социальную сферу («все люди», т. е. все подданные) сравнительно со сферой воздействия княжеско-боярского суда. Но оно звучит скорее как политическая декларация, чем как конкретное обещание.

Много написано и высказаны различные точки зрения по вопросу о взаимоотношениях земского собора и веча. Но как бы этот вопрос ни решать, бесспорно, что земские соборы ведут свое начало примерно с того времени, когда вече прекращает существование. Вече играло большую роль в Киевской Руси XI—XII вв. Для конца XIII — начала XIV в. вечевые собрания зафиксированы в ряде городов Московской Руси: Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле, Костроме, Твери. Упоминания о них в летописях связаны в значительной мере с описанием освободительных движений в городах против татаро-монгольского ига. И в дальнейшем вече не раз становятся центрами антиордынских выступлений горожан в тесной связи с классовой борьбой против феодального гнета. Но обычно это происходило в отсутствие князей (например, в 1380 и 1445 гг. в Москве, в 1440 г. в Смоленске). В Новгороде и Пскове, вплоть до утраты ими политической самостоятельности, вече, напротив, было постоянным верховным органом республиканской государственности. У нас мало данных, которые позволяли бы говорить о влиянии веча на избрание и изгнание князей в других русских землях после установления ордынского ига. Но все же такие факты известны. От позиций горожан во многом зависели победы и поражения князей в феодальной войне второй половины XV в.

Вечевые собрания в отдельных феодальных центрах активизируются накануне ликвидации их независимости, включения их в состав единого русского государства. По вопросу о дальнейшей политической судьбе Новгорода, когда приближалось его падение, столкнулись представители разных боярских партий, которые подкупали и заставляли выступать на вече людей неблагородных сословий — «худых мужиков вечников».

Приведа в 1478 г. Новгород в покорность, Иван III «вече и колокол и посадника отложи»⁴⁹. В 1510 г. та же участь постигла псковичей, которые получили великокняжеское предписание: «чтобы они колокол бы вечной свесили»⁵⁰. Но, отмерев как постоянный государственный орган, вече возобновляло иногда свою деятельность в моменты социальных антагонизмов как форма проявления инициативы горожан, народных масс. Имеются сведения о вечевых собраниях в Москве в 1517 г., в Пскове в 1534 г. и в начале XVII в.⁵¹ Вечевые традиции дают себя знать в Москве и Новгороде во время городских восстаний середины XVII в. Очевидно, они были живучи.

Великокняжеская власть относилась отрицательно к вече и потому, что оно являлось орудием, используемым феодалами отдельных русских земель в их борьбе против государственной централизации, и потому, что оно не раз становилось ареной народных выступлений. Но в то же время вече было местом, где князья или их посланцы могли непосредственно встречаться с представителями различных общественных групп,

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ПСРЛ, т. 25, стр. 284.

⁵⁰ Там же, т. 13, ч. 1, стр. 12.

⁵¹ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 91—92.

узнавать их потребности, выступать перед ними с декларациями, проводить свою политическую линию (так было еще в древнем Киеве и Новгороде). Например, в 1392 г. послы великого московского князя Василия I пришли в Нижний Новгород и обратились к «людям», собранным по колокольному звону (т. е. на вечевое собрание), с предложением подчиниться московскому правительству. На протяжении 1471—1478 гг. военные походы Ивана III на Новгород чередовались с переговорами на вече.

Централизованной монархии вече как государственный орган было не нужно. Но ей нужен был другой институт на смену вече и взамен ему: сословно-представительный орган (соответственным образом классово сформированный), который поддерживал бы политику власти, через который власть узнавала бы об общественных запросах и обращалась бы к обществу. Таким институтом и явились земские соборы⁵².

Решению некоторых вопросов, связанных с историей земских соборов, могут, думается, помочь наблюдения над организацией военных сил в период складывания русского централизованного государства. Указание на совещание типа земского собора иногда видят в летописном рассказе о подготовке Иваном III похода на Новгород в 1471 г. Согласно летописи, московский великий князь «возвещает» митрополиту Филиппу, своей матери великой княгине Марье «и сущим у него бояром его» о намерении «пойти на Новгород ратью». Очевидно, это намерение было заявлено на заседании боярской думы, где Иван III получил «совет» — «исполнити мысль свою». Тогда он «разосла по братью свою, и по вси епископы земли своея, и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа свои» и «вси снюдошася к нему». Таким образом, собрался большой совет — светские феодалы разных рангов, духовные иерархи, представители «земли», а также крупная военная сила. Иван III изложил прибывшим свой план, и они «мыслившие о том немало», одобрили его⁵³. Было ли это совещание с руководящими лицами государства и с военным командованием или же великий князь обращался непосредственно к войску (могло быть и то и другое), голос «земли» (в сословно-ограниченном понимании: бояре, дворяне) прозвучал. Но необходимо подчеркнуть, что вопрос о войне с Новгородом был решен не после совещания с воеводами и «воями», а на заседании боярской думы, предварительно, и Ивану III важно было не столько получить «совет» от войска, сколько убедиться в его пригодности к походу.

Предпринятая Иваном III попытка заручиться поддержкой «земли» накануне выступления общерусского значения представляла собой нечто новое по сравнению с предшествующей практикой. Очевидно, это было вызвано ответственностью стоявшей перед московским правительством задачи. Ведь речь шла о наступлении на старинную феодальную республику с устойчивыми вечевыми традициями. Надо было получить уверенность в готовности и настроении войска.

Но следует отметить и другое обстоятельство. Для времени образования единого Русского государства характерна также правительственная тенденция к проведению феодальной войсковой демократии при наличии классовой структуры и централизации военных сил. Показательна летописная повесть о походе 1469 г. (бывшем на два года ранее новгородского). Иван III «посла на Казаньские места рать в судех», во главе с воеводой К. А. Беззубцевым, «а с ним многие дети боярские, двор свой, так же и от всея земли своея дети боярские изо всех градов своих,

⁵² С. О. Шмидт. Становление..., стр. 192—193.

⁵³ ПСРЛ, т. 25, стр. 190.

и изо всех отчин братии своею потому же». Рать должна была явиться в Нижний Новгород. Туда же из Москвы князь направил представителей торгового населения — «сурожан, и суконников, и купчих людей, и прочих всих москвичь, кои пригоже, по их силе...». Беззубцев получил великокняжескую грамоту и прочитал ее «всем князем и воеводам: „кто вьсхоchet итти воевати Казаньские места по обе стороны Волги, и вы пойдете, а к городу Казани не ходите“». «Вои», прослушавшие грамоту, отвечали: «все хотим на оканных татар»⁵⁴. Это приказ (или воззвание) верховного правителя войску, доведенный через командный состав. Хотя в числе участников похода — представители разных сословий (в том числе и купеческого), здесь отсутствует элемент совещания князя с «землей». Но здесь налицо стремление правительства узнать настроение «воев» и договориться с ними.

3

Таковы некоторые данные о трансформации государственных органов в период ликвидации политической раздробленности, а также соображения о их связи с последующими земскими соборами. Переходя теперь к характеристике самих земских соборов, мы, естественно, прежде всего должны затронуть вопрос об определении этого понятия. Задача затрудняется тем, что в памятниках XVI в. термин «земский собор» не встречается. Отмечая это, Н. И. Павленко пишет: «Однако неустойчивость и нечеткость терминологии у современников не освобождает историков от необходимости ее уточнить и оперировать научными понятиями, в которые вкладывается определенное содержание». «Без дефиниции земского собора, совещания соборной формы и т. п. спор о земских соборах XVI в. может стать беспредметным», — продолжает Павленко. Исходя из практики XVII в., он относит к земским соборам лишь те государственные совещания, которые происходили «с участием боярской думы, освященного собора и представителей земли. Все прочие совещания, — считает исследователь, — не стоит вводить в ранг земских соборов»⁵⁵.

С. О. Шмидт возражает в полемике с Н. И. Павленко против попытки «конструировать как бы типический земский собор на основании фактов, относящихся к истории соборов XVI—XVII вв., созданных при различных и отнюдь не схожих обстоятельствах». «История земских соборов — это прежде всего история внутреннего развития этого учреждения, отнюдь не сразу конституированного». «Историю соборов можно изучать только в теснейшей связи с конкретно-историческими обстоятельствами. При этом желательно было бы в определенной мере отрешиться от представлений о заранее якобы известной модели земского собора, а также его дефиниции. Напротив, именно эту-то дефиницию (в том плане, что понимали современники под „земским собором“ или вообще „собором“) и следует искать...». Принятое в науке наименование «земский собор» «имеет характер скорее научного обобщения». Но употребление этого «общего термина, как бы покрывающего разнообразность конкретных собраний, — пишет С. О. Шмидт, — допустимо»⁵⁶.

Думается, что и Н. И. Павленко, и С. О. Шмидт правы каждый по-своему. Нужно познание как конкретной эволюции учреждения, так и его типологии (во времени и пространстве). И методика изучения этой

⁵⁴ Там же, стр. 281.

⁵⁵ Н. И. Павленко. К истории земских соборов XVI в. «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 83, 105.

⁵⁶ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 127—129.

проблематики не может быть единообразной. Изучать явление необходимо в историческом развитии, но иногда знание его более зрелых форм помогает раскрытию форм зародышевых. Дефиниции также необходимы, только их роль на разных стадиях процесса исследования различна: в начале это предварительное рабочее орудие, помогающее разобраться в многовариантности исторической действительности, в итоге — социологическое обобщение, сведение в теоретическую модель обследованных вариантов. Н. И. Павленко и С. О. Шмидт сделали полезное дело, осветив с разных сторон большую методологическую проблему, а полемичность обсуждения лишь подчеркнула ее важность.

С. О. Шмидт прав, говоря, что термин «земский собор» является научным обобщением. Он не характерен для XVI в. и редко употребляется в XVII столетии. Документы XVII в., трактующие о созыве земских соборов, чаще говорят просто «собор», «совет», «земский совет»⁵⁷. Это терминология не исследователей, а документов. Каков же ее смысл?

Слово «земский» в XVI в. значит «государственный». Отсюда «дела земские» — государственные дела: царь Иван IV послал в Ливонию бояр и воевод и «велел дело свое земское... делати»⁵⁸. «Устроение («строение») земское»⁵⁹ — государственное строительство, устройство: Василий III в своей духовной отдал распоряжение «о своем сыну великом князе Иване Василиевиче и о устроении земском, како бы правити после его государство»⁶⁰; Иван IV «все чины, суды и управы земские по бозе строяше»⁶¹. Иногда «земские» дела противопоставляются «воинским» или «ратным». В таком контексте различаются акции гражданские и военные: Иван Грозный, уезжая из Москвы, поручил своему старшему сыну «быти в свое место и о всяких делех о воинских и о земских во все свое государство... писати грамоты от себя»⁶²; в другой раз царь оставил в городе бояр и приказал им в свое отсутствие «дела воинские и всякие земские дела управляти»⁶³. Различаются дела «земские» и «церковные»: литовскому гонцу царь велел разъяснить, что митрополит ведает «вещи церковные», а «о делех земских» пусть виленский епископ и королевская рада «ссылаются... со царевыми и великого князя бояры»⁶⁴.

Иногда слово «дело» встречается в сопровождении двух прилагательных: «земское» и «государево» (государское), как соединенных через союз «и», так и без него: «И многое промежь их (бояр.— Л. Ч.) бяше вражды о корыстех и о племях их, всяк своим печется, а не государским, ни земским»⁶⁵; Иван Шуйский перестал «з бояры съветовати о государских делех, ни о земских»⁶⁶; «И умысли государь отпустити на свое дело и земское в судех рать»⁶⁷. Очевидно, значение этих терминов единое — «государственные дела». Употребление же их вместе для обозначения одного понятия объясняется тем двойственным содержанием, которое в это понятие вкладывается: государственное дело есть дело одновременно и царя и «земли», правительственное и общественное. Такова политическая география феодальной монархии. Особенно хорошо рас-

⁵⁷ «Акты, относящиеся к истории земских соборов». Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909, стр. 16, 19, 21 и др.

⁵⁸ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 314.

⁵⁹ Там же, стр. 362, 518; ч. 1, стр. 223.

⁶⁰ Там же, ч. 2, стр. 464.

⁶¹ Там же, ч. 1, стр. 231; ч. 2, стр. 529.

⁶² Там же, ч. 2, стр. 339.

⁶³ Там же, стр. 399.

⁶⁴ Там же, стр. 345.

⁶⁵ Там же, ч. 1, стр. 126.

⁶⁶ Там же, стр. 132.

⁶⁷ Там же, стр. 173; см. там же, ч. 2, стр. 306, 399.

крыто значение слов «земский», «земские» в летописном изложении указа об опричнине. Иван IV «государство же свое Московское, воинство, и суд, и управу и всякие дела земские», «приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских... А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити»⁶⁸.

Ту же терминологию мы находим и в документах о земских соборах XVII в.: выборные приезжают «для нашего (царского) великого и земского дела», для «государева и земского дела», для того, чтобы «исправить и земля устроить»⁶⁹. Таким образом, для современников земский собор — это совещание представителей «земли», посвященное государственному строительству: «совет» «о устроении земском», «о чинах, судах и управах земских». Вот, по-моему, наиболее общая дефиниция земского собора, если попытаться представить себе образ мышления людей XVI—XVII вв. Но она вполне приемлема и как наиболее широкое обобщение в научных целях, если, конечно, раскрыть его классовый смысл. Что касается состава, форм, полноты представительства, то это уже величины переменные, которые нельзя вводить в основное определение земского собора. Они зависят от конкретных условий.

Переходя теперь к термину «собор», надо сказать, что в XVI в. он обычно употреблялся для обозначения корпорации высших духовных иерархов («освященный собор») или совещаний духовенства (в которых могли участвовать, а иногда и играли видную роль великий князь — царь и его приближенные). Терминология здесь довольно устойчивая. Вот несколько данных: 1503 г. — «събор был о землях церковных, святительских, монастырских»⁷⁰; 1525 г. — «взыскание бысть о той хуле (со стороны Максима Грека.— Л. Ч.) и в прочих великому освященному собору, бывшу в полате великого князя»⁷¹; 1531 г. — «сседашу соборне господину Данилу митрополиту всея Руси со архиепископом и епископы, со всем священным собором...»⁷²; 1549 г. — «Бысть же сий собор в христоролюбивое царство... царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца, и при его отце Макарии митрополите всея Русии... в царствующем граде Москве, в митрополиче дворе, в Белой полате»⁷³ и т. д. Во всех приведенных случаях указаны и светские участники соборов, но это — совещания церковников и по церковным (или имеющим отношение к церкви) вопросам.

О вынесении решения «соборне» говорили применительно или к постановлению церковного собора или к решению (мнению) духовенства, принимавшего участие в каком-то земском «совете». Так, под 1566 г. в летописи читаем: «И князь Володимир Ондреевичь, и архиепископы и епископы все соборне, и царевы и великого князя бояре, и приказные люди, и князи, и дети боярские, и гости, и купцы, и все торговые люди приговорили»⁷⁴. Термина «собор» здесь нет (хотя это типичный земский собор, если пользоваться устоявшейся научной терминологией), а слово «соборне» относится к церковным представителям. Точно так же накануне учреждения опричнины в 1564 г. «архиепископы же, и епископы и

⁶⁸ Там же, ч. 2, стр. 395.

⁶⁹ «Акты, относящиеся к истории земских соборов», стр. 21, 35.

⁷⁰ «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 322.

⁷¹ «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки». Изд. подготовил Н. Н. Покровский. М., 1971, стр. 140.

⁷² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 285.

⁷³ «Судные списки», стр. 138.

⁷⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, стр. 402; С. О. Ш м и д т. Становление..., стр. 219.

архимариты и игумены соборне... биша челом... чтобы их государь пожаловал, ...очи свои видети им велел»⁷⁵. Опять «соборне» выступают духовные иерархи.

Совещание светского характера обычно в источниках XVI в. называется «советом». Поэтому, вероятно, правильнее было бы говорить о «земских советах», а не соборах, тем более, что такая терминология встречается и в документах XVII в. — времени расцвета сословного представительства. Однако нет надобности менять сложившееся словоупотребление, ибо это не вызывается принципиальными соображениями. Гораздо важнее, мне думается, дать классификацию тех совещаний середины XVI в., которые подводятся в литературе под понятие земских соборов или обозначаются менее четкими терминами: совещания соборной формы, расширенное заседание «думного собора», «импровизированный» земский собор и т. д. Критериев классификации может быть, по-моему, несколько: 1) цели собора или содержание его работы; 2) характер представительства; 3) происхождение или генетическая связь с учреждениями предшествующего времени. Сделаем попытку применения этих критериев в хронологических рамках вплоть до учреждения опричнины.

Исходя из характерного для XVI в. понимания «земского дела» как «строительства» «чинов, судов и управ», вероятно, прежде всего надо выделить по целевому признаку (содержание работы) соборы, занимающиеся вопросами общегосударственными, так сказать, большой политики. Это прежде всего собор 1549 г. Я не ставлю сейчас вопроса (вызванного и большую дискуссию, и значительные источниковедческие изыскания) о соотношении известия Продолжения Хронографа редакции 1512 г. об этом соборе⁷⁶ и имеющейся в тексте речи Ивана IV (которая помещена в Стоглаве 1551 г.) ссылки на собор «в преидущее лето»⁷⁷. Об одном и том же совещании (1549 г.) идет дело или о двух (1549 и 1550 гг.)? По поводу этого ведутся споры. Но бесспорно, что собор 1549 г. (или соборы 1549 и 1550 гг.) послужил началом больших государственных реформ: изъятие детей боярских из подсудности наместникам, принятие нового Судебника, начало введения земского самоуправления на местах и т. д. Даже И. И. Смирнов, избегающий квалификации совещания 1549 г. как земского собора, говорит о его программном значении⁷⁸.

С. О. Шмидт выдвинул предположение, что на каком-то «соборе» в 1555—1556 гг. были приняты решения об отмене кормлений, Уложение о службе и подтвержден приговор об отмене местничества. О характере этого совещания он говорит очень осторожно. Это мог быть «думный собор» (т. е. расширенное заседание боярской думы), могло быть совещание, напоминающее земский собор. Доказательства своей точки зрения у С. О. Шмидта косвенные: публицистичность летописного текста об отмене кормлений, напоминающего речи царя на соборах конца 40-х — начала 50-х годов (Шмидт думает, что таких соборов было несколько); данные поздних летописей, а главное, изображения совещаний царя по вопросу о реформах на рукописных миниатюрах⁷⁹. Конечно, одних этих доказательств недостаточно, и им можно противопоставить иные данные. В Никоновской летописи сообщение о реформах разбито на несколько кусков, приведенных под заголовками: «Приговор государев», «Приговор

⁷⁵ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, стр. 392; С. О. Ш м и д т. Становление..., стр. 216.

⁷⁶ С. О. Ш м и д т. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. «Исторический архив», М., вып. VII, 1951, стр. 295.

⁷⁷ «Стоглав», изд Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 38.

⁷⁸ А. А. З и м и н. Реформы..., стр. 349—350; Н. Е. Н о с о в. Становление..., стр. 29—31, 53; С. О. Ш м и д т. Становление..., стр. 156, 163—164.

⁷⁹ С. О. Ш м и д т. Становление..., стр. 196—208.

царской о кормлении и о службе», «О повелении царьском», «О рассмотрении государьском». Решения по этим вопросам расцениваются как акты деятельности боярской думы: «лета 7064-го приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии з братиею и з бояры о кормлениях и о службе всем людем, как им вперед служити»⁸⁰. Но при узости источниковедческой базы твердые суждения невозможны, и, как гипотеза, суждение Шмидта правомочно. Что касается тематического критерия классификации, то на его основе (независимо от состава и характера представительства) совещание 1555—1556 гг. может быть отнесено к первой (основной) группе (совещания по «устроению земли», по рассмотрению «земских дел»).

Безусловно, к числу земских соборов как сословно-представительных органов, собираемых для обсуждения общегосударственных («земских») дел, принадлежит собор по вопросу о мире с Литвой 1566 г. Это первый земский собор, от которого до нас дошел подлинный документ («грамота»). В летописи этот документ назван «приговорным списком», причем указано, что участники собора «приговорили» не уступать военному противнику «Ливонские земли городов»⁸¹. Это не совсем точно. Выражения «приговорили» в грамоте нет и составлена она скорее в виде протокола, чем «приговора». Построение документа такое—государь «говорил» (т. е. ставил вопросы), и отдельные сословные группы высказывали ему свое мнение: духовные иерархи — по формуле: «И мы государю своему совет учинили таков», светские представители — по формуле: «И государю нашему... наша мысль...», «...И мы государю своему изъявляем свою мысль...», «И мысль наша то...», «И нам ся види...». Прежде чем дать ответ царю, сословные группы «говорили» (советовались) между собой. В конце документа — обобщающая статья о рукоприкладстве представителей ряда сословных групп к «своим речам», о печатях, привешенных к грамоте высшими духовными иерархами, о присяге царю светских участников собора⁸².

Это первая из дошедших до нас грамот земского собора, как можно думать, не была первым юридическим актом такого рода вообще, ибо формуляр его достаточно разработан. Об устойчивости формуляра можно судить и по сравнению акта 1566 г. с летописным рассказом о соборе 1549 г. Построение там такое: царь «говорил» разным группам феодальных сословий (в присутствии освященного собора), те «били ему челом». Тексты челобитной (присяги) 1549 и 1566 гг. во многом совпадают. Собор 1549 г.: «а они [бояре] хотят служити [ему] государю царю и великому князю и до[бра] [х]отети ему и его людем⁸³ во всем вправду, безо всякия хитрости [того]му же, как служили и добра хотели [го]сподарю своему, отцу его, велик[ому] князю] Василию Ивановичю всеа Русии...»⁸⁴. Собор 1566 г.: «И всем нам государю своему царю и великому князю и его детям служити правдою, и добра хотети государю своему царю и великому князю, и его детям и их землям вправду, безо всякие хитрости»⁸⁵.

В особую группу следует выделить совещания царя с воинами накануне походов. Их иногда сближают с земскими соборами, иногда называют «совещаниями соборной формы»⁸⁶. Лучше именовать их, как пред-

⁸⁰ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, стр. 267—269.

⁸¹ Там же, ч. 2, стр. 402.

⁸² «Акты, относящиеся к истории земских соборов», стр. 1—12.

⁸³ Вероятно, надо: «детем».

⁸⁴ «Исторический архив», вып. VII. М., 1951, стр. 295.

⁸⁵ «Акты, относящиеся к истории земских соборов», стр. 10.

⁸⁶ С. О. Ш м и д т. Становление..., стр. 183.

ложил Н. Е. Носов, войсковыми собраниями⁸⁷. Одно из них подверг анализу М. Н. Тихомиров. Оно происходило в начале 1550 г. во Владимире, где собралось русское войско, направлявшееся в поход под Казань. По данным Продолжения Хронографа редакции 1512 г., Иван IV, прослушав молебен и обедню в Успенском соборе, обратился в присутствии митрополита Макария с речью к боярам, воеводам, княжатам, детям боярским, дворовым и городовым Московской и Новгородской земель с призывом отказаться от местнических счетов на царской службе во время похода. Речь имела успех и воины заявили: «...твое царьское наказание и повеление сугубо восприимем; как ты, государь, повелишь, так и делаем». По рассказу Никоновской летописи, с речью (поучением) выступил митрополит Макарий⁸⁸.

Конечно, это не был земский собор в том устойчивом смысле органа сословного представительства, который укрепился за этим понятием впоследствии. Совещание не было заранее созвано, проходило в походных условиях. Выступление царя (или митрополита) походило скорее на воззвание, чем на программную речь на соборе, предназначенную для обсуждения. И в то же время термин «совещание соборной формы» применительно к владимирским событиям, хотя и неудачен, но не случаен. Вопрос, поднятый в выступлении царя, — это дело «ратное», «воинское», но в то же время «земское». Митрополит, по Никоновской летописи, призывал воинов: «и государево бы дело земское делали»⁸⁹. Здесь не было специально для данного совещания организованного представительства «чинов», но это было достаточно представительное собрание различных групп феодального класса основных русских земель. Трудно сказать, была ли действительно столь единодушна реакция войска на царскую (или митрополита) речь, но, во всяком случае, договоренность правительства с войском была достигнута.

Еще интереснее в этом отношении рассказ летописи об одном эпизоде в Коломне во время похода Ивана IV под Казань в 1552 г.⁹⁰ В Коломне проявили недовольство новгородские дети боярские и стали подавать челобитные, жалуясь на тяжесть службы и долготу пути. Тогда, по словам летописи, Иван IV «прикрашает многонародных гласов молву» и велит детей боярских «о нуждах вьспросити», обещая тех, кто с ним пойдет, «жаловати и под Казанью перекормити». Убеденные царем воины «отвещаша вси по единому и равногласы: „готови с государем...“»⁹¹. Здесь было не только обращение к войску, но и рассмотрение его челобитий и царский приговор, т. е. все элементы совещания перед военным походом. Сыграли, очевидно, роль и начала феодальной демократии и демагогии (попытка установить связь непосредственно с рядовыми «воями»).

Третью группу соборов составляют такие, на которых разбирались судебные дела. Подобных соборов исследователи насчитывают два: на одном рассматривалось дело Адашева и Сильвестра (1560 г.), на другом — митрополита Филиппа (1568 г.). Источником по истории первого собора является «История о великом князе Московском» Курбского — источник мутный, тенденциозный. Автор язвительно называет судебную коллегию «соборищем» и состав его определяет так: царский «сенат... мирский» (т. е. боярская дума), митрополит, «градские епископы» и какие-то «прелукавые... мнихи»⁹². Р. Г. Скрынников, говоря о «соборном

⁸⁷ Н. Е. Носов. Становление..., стр. 29, прим. 12.

⁸⁸ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, стр. 159.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 191.

⁹¹ Об этом см. С. О. Шмидт. Становление..., стр. 186.

⁹² РИБ, т. XXXI, стлб. 260.

суде» над Сильвестром и Адашевым⁹³, не определяет характер собора. С. О. Шмидт пишет, что это был «акт судебного процесса», и подчеркивает, что «описание собора 1560 г. близко напоминает соборы на „еретиков“ середины 1550-х годов»⁹⁴ (я бы сказал — и более раннего времени). Думаю, что правильно будет отнести собор 1560 г. к категории церковных, а активное участие в нем светских лиц — характерное для того времени явление⁹⁵.

Церковным по своему назначению (предназначенным разбирать духовное дело) был и собор 1568 г., осудивший митрополита Филиппа. В суде участвовали «представители всех духовных и светских чинов»⁹⁶; последнее вызвало резкую отповедь Курбского: «Кто слышал зде епископа от мирских судима и испытуема?»⁹⁷. Но вряд ли участие мирян дает право называть собор 1568 г. «импровизированным земским» (А. А. Зимин)⁹⁸. Само слово «импровизированный» здесь не очень ясно. Шмидт толкует его как собор, заранее не объявленный или даже не предполагавшийся. А может быть, смысл термина, по Зимину, иной: созданный наподобие земского?

Была, очевидно, еще одна категория собраний, на которых Иван IV обращался с воззваниями или политическими декларациями к людям разных «чинов». До сих пор остается источниковедческой загадкой происхождение вставки в Хрущовскую степенную книгу текста речи двадцатилетнего царя, якобы произнесенной с Лобного места. Что это поздняя интерполяция — доказательств тому достаточно; но просто ли это домысел или в основе сообщения лежит что-то реальное, — пока остается спорным. Во всяком случае, некоторые политические мотивы, звучащие в тексте вставки (демагогические призывы к социальному миру) перекликаются с мотивами других произведений (речь Грозного на Стоглавом соборе, его послание Курбскому, Степенная книга и т. д.). Это дает право ряду исследователей говорить о реальности подосновы Хрущовской интерполяции и реконструировать выступление (или выступления) Грозного конца 40-х — начала 50-х годов. Эти выступления нельзя приравнять к соборам, ибо земские соборы — учреждения с определенным статутом, составом, регламентом, процедурой, а не просто собрания с прокламациями и заявлениями. Но из практики этих собраний формировались и постоянные органы сословного представительства.

Итак, выделяются четыре категории совещаний: 1) общегосударственные (земские), 2) войсковые (ратные), 3) церковные, 4) широкие собрания с выступлениями царя декларативного характера. Это классификация по общему характеру, целям, содержанию деятельности собраний разного типа. Лишь совещания первого типа укладываются в понятие земских соборов. Об остальных этого сказать нельзя. Они представляют собой специфические формы общественных организаций, но у них имеются черты, сближающие их с земскими соборами, и поэтому их необходимо учитывать в числе институтов складывающейся сословно-представительной монархии.

⁹³ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 139—141.

⁹⁴ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 209.

⁹⁵ А. А. Зимин. Зарождение земских соборов. «Вопросы историографии и источниковедения», сб. IV. Казань, 1969, стр. 18, прим. 2.

⁹⁶ Послание И. Таубе и Э. Крузе («Русский исторический журнал», кн. 8. Пг., 1922, стр. 44).

⁹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 311; Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 306—307.

⁹⁸ А. А. Зимин. Опричнина..., стр. 55; С. О. Шмидт. Становление..., стр. 249. В другой работе Зимин именует собор 1568 г. церковным (А. А. Зимин. Зарождение земских соборов..., стр. 18, прим. 2).

Тот же вывод напрашивается при подходе к вопросу о классификации соборов с точки зрения характера представительства. Было три пути попадания в состав земского собора: по общественно-политическому положению, по назначению (приглашению), по выбору. Состав общегосударственных земских соборов 50—60-х годов определяли первые два фактора. В 1549 г. на соборе были митрополит с освященным собором, бояре, окольные, дворецкие, казначей, княжата, воеводы, большие дворяне, дети боярские⁹⁹. Выборы на собор, по-видимому, не производились¹⁰⁰.

На соборе 1566 г. участвовали архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, старцы, бояре, окольные, казначей, дяки, дворяне первой и второй статьи, дети боярские, торопецкие и луцкие помещики, приказные люди, гости, гости-смоляне, купцы¹⁰¹. Выборов, опять-таки, по всем данным, не было¹⁰².

Итак, составные части двух ранних земских соборов — освященный собор и боярская дума по положению, представители феодальных сословий, а в 1566 г. и «третьего» сословия по назначению.

На войсковых совещаниях в правительстве обращалось непосредственно к воинам, собравшимся в поход. Это было тоже представительство разных категорий господствующего класса различных земель, причем достаточно солидное. Судя по летописи, на войсковом совещании во Владимире в 1550 г. Иван IV произнес речь, обращаясь к боярам, воеводам, княжатам, детям боярским, дворовым и городовым Московской и Новгородской земель¹⁰³. Сословный состав этой аудитории такой же, что и земского собора 1549 г. Кроме участников похода, во Владимир прибыли вызванные царем митрополит Макарий и крутицкий архиепископ Савва «со своим собором»¹⁰⁴. В походах бывали и купцы. Еще Дмитрий Донской, отправляясь в поход против Мамаю, взял с собой гостей-сурожан. Гости-сурожане, суконники, простые купцы, ходили в казанский поход в 1469 г. Таким образом, войсковые собрания могли стать и становились формой сословных совещаний.

Участие членов правительства, представителей светских сословий в церковных соборах сообщает им характер церковно-земских. Термин этот, относимый обычно к Стоглавному собору 1551 г., может быть применен и к некоторым другим церковным соборам.

У нас нет данных для определения состава таких собраний, которые служили бы ареной выступления для царя или царского правительства в целях обоснования своей политической линии. Вероятно, аудитория подбиралась и контролировалась, но в нее, как и на вече, попадали разнородные элементы.

4

Остается рассмотреть еще один критерий классификации совещаний середины XVI в.: с точки зрения их генетической связи с предшествующими институтами, с точки зрения истории преемственности общественных форм. Земские соборы общегосударственного характера, требовавшие

⁹⁹ «Продолжение Хронографа редакции 1512 года», стр. 291.

¹⁰⁰ Вряд ли можно считать указанием на выборность запись на полях списка Львовской летописи, принадлежавшего Татищеву и найденного А. И. Копаневым: «...велел князь великий собрати от городов добрых людей по человеку...» (А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву. «Труды БАН», т. II. М.—Л., 1955, стр. 236—237).

¹⁰¹ «Акты, относящиеся к истории земских соборов», стр. 2—12.

¹⁰² А. А. Зимин. Опричнина, стр. 1—12; Р. Г. Скрынников. Канун опричнины, стр. 314.

¹⁰³ «Продолжение Хронографа редакции 1512 года», стр. 397.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 460.

участия представителей господствующего класса всей земли, в какой-то мере заменили княжеские съезды и вместе с думой унаследовали их политическую роль. В то же время земские соборы — это орган, пришедший на смену вечу, воспринявший традиции участия разных общественных групп в решении правительственных вопросов, но заменивший присутствующие ему элементы демократизма началами сословного представительства.

Совещания по ратным делам восходят к войсковым собраниям XV в. Имея сословный характер, они подчиняют феодальную демократию задачам государственной централизации, сдерживая тем самым проявления со стороны участников походов тенденции к неповиновению командному составу. Сословное совещание в войске противопоставлялось неорганизованным собраниям типа войскового круга или вечевых сходок, подобных той, которую устроили новгородцы под Смоленском в 1214 г.¹⁰⁵

Церковные соборы старше земских, появились раньше их и, как можно думать, передали последним наименование, некоторые организационные и процедурные формы¹⁰⁶. Освященный собор и боярская дума были теми институтами, через которые происходило взаимодействие совещаний: церковных (в которых участвовали бояре) и светских (куда привлекались высшие духовные иерархи). И на церковных и на земских соборах активно проявлялась организующая роль великого князя — царя. Не были достаточно разграничены сферы дел духовных и «земских» (государственных) и не была отчетливо определена компетенция совещаний: церковных и светских. Отсюда переплетение их деятельности, недостаточная расчлененность их функций.

Так называемый «собор (или соборы) примирения» как форма общения царя с обществом, цель которой парализовать классовые и внутриклассовые противоречия, связаны в какой-то мере с традицией вечевых собраний древней Руси, на которых выступали князья в моменты острых политических и социальных ситуаций. Только вечевые порядки были для правительства централизованной Руси уже непригодны. Их место заступили и им противостояли совещания сословий. В то же время «собор примирения» — это новая форма третейского суда, направленная, при посредничестве митрополита, к установлению иллюзии мира не только внутриклассового (царя с боярами, бояр между собой), но и классового (царя и бояр с народом). Это была не просто утопия, а политически целенаправленная линия, демагогическая пропаганда иллюзорной идеи примирения антагонистических общественных сил.

Приведенный выше материал о генетической связи земских соборов с институтами предшествующего времени показывает, что процесс формирования сословно-представительной монархии начинается задолго до середины XVI в., когда появились первые земские соборы. Этот процесс идет с конца XV в., и вряд ли стоит выделять в нем два этапа, различая сословную и сословно-представительную монархию.

Остается последний вопрос: как примирить тезис о сословно-представительной монархии с фактами опричного деспотизма Грозного, представлявшего собой целую систему, растянувшуюся на много лет.

Прежде всего, был ли указ об опричнине утвержден на земском соборе? Вопрос дискуссионный. Некоторые авторы отвечают на него утвердительно (Н. И. Костомаров¹⁰⁷, А. А. Зимин¹⁰⁸, С. О. Шмидт¹⁰⁹,

¹⁰⁵ НПЛ, стр. 53, 251.

¹⁰⁶ А. А. Зимин. Зарождение земских соборов, стр. 16—17.

¹⁰⁷ Н. И. Костомаров. Старинные земские соборы (в кн. «Исторические монографии и исследования», т. 19, СПб., 1887, стр. 328—330).

¹⁰⁸ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 131.

¹⁰⁹ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 211—246.

Р. Г. Скрынников¹¹⁰). Решительно отрицает это Н. И. Павленко¹¹¹. Дума-ется, полемика в значительной мере основана на неясности исходных позиций: что такое собор? Имеются сложности и в датировке собора. Есть предположение, что он открылся еще до 3 декабря 1564 г. — дня отъезда Грозного в Александрову слободу¹¹². 3 января 1565 г., по летописи, были доставлены в Москву и (как думают исследователи) обсуждены грамоты царя московскому населению. 5 января 1565 г. произошло свидание в слободе московских представителей с Грозным. 15 февраля (по летописи) царь вернулся в Москву. Среди исследователей имеются расхождения по поводу того, с какой из этих дат (или со всеми) можно связать деятельность собора.

В нашем распоряжении нет данных, которые позволили бы утверждать, что в Москве в конце 1564 г. действовал земский собор. Указание на него видят в сообщении Таубе и Крузе о выступлении Грозного в «большой палате» перед «духовными и светскими чинами» («в присутствии представителей всех чинов») с заявлением об отречении от престола; через две недели Грозный «приказал всем духовным и светским чинам» явиться на митрополичье богослужение в Успенский собор¹¹³. Послание Таубе и Крузе — источник мутный, с неточными датами. Делать на его основе выводы трудно. Но он зафиксировал слухи о каких-то словесных совещаниях. Неизвестно, что за «чины» заседали в «большой палате», возможно, члены боярской думы и освященного собора, т. е. высшие государственные и церковные сановники. Но собрание в церкви было более широким (упоминаются митрополит, архиепископы, игумены, священники, монахи, высшие чиновники, военачальники, бояре, купцы). Очевидно, церковная служба, устроенная царем, была для него политической демонстрацией перед сословиями. Если те, кто был на богослужении, присутствовал и на царском «совете», то это уже представительное совещание.

В распоряжении исследователей две версии об обстоятельствах отъезда царя из Москвы в Александрову слободу: одна (летописная) утверждает, что он произошел для населения неожиданно; другая (иностранная информация) говорит о предварительной подготовке. Так или иначе, сношения Грозного с общественными группами Москвы происходили в формах обращения царя к сословиям.

В грамоте, посланной митрополиту, царь пишет о своем гневе и опале на архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, бояр, дворецкого, конюшего, окольных, казначеев, дьяков, детей боярских, приказных людей. В послании «к гостем же, и к купцом, и ко всему православному христианству града Москвы» Иван IV заявляет, что на них он опалы и гнева не держит¹¹⁴. Имеется ли в виду под «православным христианством» все тяглое население Москвы¹¹⁵ или специально «купецкий чин»¹¹⁶, сословный принцип остается в силе.

Царские грамоты обсуждались на митрополичьем дворе. Порядок их обсуждения летопись излагает не очень отчетливо. Она называет три группы лиц, собравшихся у митрополита: 1) высшие церковные иерархи; 2) бояре, окольные, дети боярские, приказные люди, «священнический и иноческий чин»; 3) гости, купцы «и все граждане града Москвы»¹¹⁷. Нет

¹¹⁰ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 239—242.

¹¹¹ Н. И. Павленко. К истории земских соборов XVI в., стр. 91—97.

¹¹² С. О. Шмидт. Становление..., стр. 237.

¹¹³ «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 31—32.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 392.

¹¹⁵ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 94.

¹¹⁶ С. О. Шмидт. Становление..., стр. 214.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 392—393.

оснований считать, что вторая группа присутствовала «неофициально»¹¹⁸. Грамоты рассматривались не «адресатами»¹¹⁹, а теми социальными группировками, которые они затрагивали. Члены освященного собора «в величье недоумении быша», остальные группы подавали челобитные, «молища» митрополита и освященный собор склонить «царя на милость». Митрополит отправил своих представителей к Грозному ходатайствовать о снятии опалы. Кроме того, в Александрову слободу поехали «сами о себе» представители всех трех сословных групп.

Переговоры в слободе велись в обстановке смятения среди посланцев и недоверия к прибывшим со стороны царя. Здесь было не до соблюдения всех норм соборного дипломатического этикета. Но договоренность была достигнута: Иван IV возвращался на царство при условии введения опричнины. 5 января 1565 г. царь отпустил в Москву духовных лиц, бояр, приказных людей. «Архиепископы же, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, да и бояре, и приказные люди то все положили на государской воле»¹²⁰.

Таубе и Крузе несколько иначе излагают ход событий. Они говорят о речах Грозного перед «представителями сословий» («представителями всех чинов», перед «обоими сословиями» — очевидно, духовным и светским) в середине января в Александровой слободе, в начале февраля — в Москве.

Указ об учреждении опричнины был издан, вероятно, после возвращения царя в Москву. В описи царского архива о нем говорится так: «Указ, как государь приехал из Слободы, об оприщине»¹²¹.

Несмотря на недостаточность и неясность источниковедческой базы, имеются все основания утверждать, что отъезд Грозного из столицы вызвал активизацию действий сословий, причем отнюдь не стихийного характера, а в организованных формах собора. Этот собор, рожденный к жизни необходимостью решить основной государственный вопрос — о главе государства, нельзя иначе назвать как «земским» (он рассматривал «великое земское дело»). Труднее сказать, связан ли он с предшествующими обращениями Грозного к сословиям в декабре 1564 г. Обмен посланиями и посланцами между Александровой слободой — резиденцией царя Ивана и Москвой — столицей государства весьма напоминает хождение делегаций земских соборов в 1598 г. в Новодевичий, а в 1613 г. в Ипатьевский монастырь с приглашениями на царство в одном случае Бориса Годунова, а в другом — Михаила Романова.

Если даже указ об опричнине и был принят царем на заседании боярской думы и освященного собора, предварительно он был согласован с земским собором.

И здесь мы подходим к сложному вопросу о противоречивости политического развития России в XVI в., недавно поставленному в труде Н. Е. Носова. В 50—60-х годах в стране утвердились сословно-представительные институты, и тут же она делает шаг в сторону деспотического режима. Такие политические зигзаги наблюдаются и дальше.

Система опричной военной диктатуры была принята органом сословного представительства. Но это не означало перехода от одной формы государства к другой, от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Через полтора года, в 1566 г., в трудное военное время, Грозный снова обратился за содействием к земскому собору. Очевидно,

¹¹⁸ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 94—95.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 395.

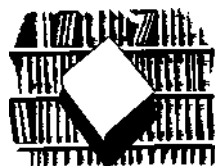
¹²¹ «Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа за 1614 г.», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 37.

введение опричнины представляло собой опыт применения на практике одного из возможных вариантов государственного строя. Грозный так и писал в духовной детям: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов»¹²². Это был действительно «образец», или, точнее, один из «образцов». Середина XVI в. — время появления ряда государственных проектов. Максим Грек, Иван Пересветов, князь Андрей Курбский, сам царь Иван IV выступают с предложениями политического характера. Используют (каждый по-своему) опыт (положительный и отрицательный) Византии, Турции, Польши и т. д., а прежде всего наблюдения над русской действительностью. А в жизни совершалось противоречивое взаимодействие двух линий развития, из которых одна вела к сословно-представительной монархии общеевропейского типа, другая — к абсолютизму с отчетливыми чертами восточной деспотии. К этому выводу склоняются новейшие исследователи.

¹²² ДДГ, стр. 444.

**ИСТОРИОГРАФИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

К. П. МАРСАКОВ, Р. М. МАСОВ

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В ТАДЖИКСКОЙ ССР**

Исследование истории Советского Таджикистана началось буквально по горячим следам событий, связанных с установлением и упрочением Советской власти. Написанные в 20-е годы статьи и брошюры, посвященные отдельным вопросам революции, гражданской войны, хозяйственного и культурного строительства, были немногочисленны и издавались не в самой республике, а за ее пределами. Причиной тому являлось отсутствие научных кадров, научных учреждений и издательской базы в Таджикистане. Выполнялись эти работы, как правило, не профессиональными историками, а непосредственными участниками борьбы за установление Советской власти, партийными и советскими работниками, возглавлявшими хозяйственный и культурный фронт.

В 30-е и 40-е годы с развитием социалистической экономики, возникновением научных учреждений, созданием высших учебных заведений, ростом кадров историков, прошедших подготовку как в самой республике, так и в Москве, Ленинграде, Ташкенте и других городах страны, изучение истории Советского Таджикистана приобретает интенсивный, хотя и далеко не планомерный характер. Историческая наука в указанные годы находится в стадии становления, накопления фактического материала по отдельным проблемам. Ученые приступили к разработке архивов, изучению опубликованных в 20—30-х годах партийных и советских документов, материалов статистики, которые содержали ценные данные по истории первых шагов Советской власти в области социалистического строительства в республике. Первые работы, изданные к десятилетнему юбилею республики, носили научно-популярный характер¹.

В 1932 г. учреждается Таджикская база АН СССР, которая в 1941 г. была реорганизована в Таджикский филиал АН СССР (ТФАН), где на основе соответствующих секторов были созданы научно-исследовательские институты, в том числе Институт истории, языка и литературы. Организация научных учреждений, накопленный фактический материал позволили приступить к созданию обобщающих исследований. Первую

---

¹ Г. Н. Бажулин. Советский Таджикистан. Сталинабад, 1939; Д. З. Протопопов. Таджикистан за 10 лет. Сталинабад, 1939; В. И. Барднер. Таджикистан. Сталинабад — Ленинград, 1939.

попытку в этой области сделали Б. Г. Гафуров и Н. Н. Прохоров². Было положено начало углубленному исследованию отдельных проблем социалистического строительства в Таджикистане³. Этому во многом способствовало образование в 1951 г. Академии наук Таджикской ССР и в ее составе самостоятельного Института истории, археологии и этнографии (ныне Институт истории им. А. Дониша), который стал центром научно-исследовательской работы в области истории. Институт возглавил изучение важнейших проблем истории Советского Таджикистана. В 50-е годы вышел ряд статей, в которых доминировала историко-революционная тематика⁴. Определенным итогом развития исторической науки в республике в середине 50-х годов явился сборник статей, в которых рассматривалась история установления и упрочения Советской власти, развития народного хозяйства на различных этапах строительства социализма⁵. Этот коллективный труд способствовал подготовке изданной позднее «Истории таджикского народа» за советский период. Конечно, в данных работах не все отвечает современным требованиям науки. Многим из них присущи субъективизм, схематизм и фактология в ущерб глубокому выводу и обобщениям.

Новый этап развития исторической науки в республике начался с середины 50-х годов. В 1956 г. в результате широкой дискуссии была разработана научная периодизация истории Советского Таджикистана, в которой нашли отражение общие закономерности перехода Советской страны к социализму и специфические особенности развития Таджикистана в первые годы социалистического строительства.

Возросший фронт научных исследований, получение исследователями широкого доступа к архивным материалам и другим источникам, пополнение рядов историков десятками молодых квалифицированных специалистов позволили создать в 1957 г. обобщающий труд по истории Советского Таджикистана⁶. Интенсивно продолжалось изучение вопросов, связанных с установлением и упрочением Советской власти в Таджикистане. Отдельные статьи, касавшиеся данной проблематики, были опубликованы непосредственными участниками боевых операций еще в 20—30-е годы⁷. В 40-х и первой половине 50-х годов ведется планомерное изучение указанной проблемы. В ряде статей и брошюр⁸ раскрывается

² Б. Г. Гафуров и Н. Н. Прохоров. Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940; их же. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Сталинабад, 1944.

³ П. А. Васильев. К истории коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане. «Сообщения ТФАН», вып. XXI. Сталинабад, 1949.

⁴ Т. Р. Каримов. Октябрьская революция и аграрный вопрос в северных районах Таджикистана. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 5, 1955; его же. Развитие революции в Северном Таджикистане в марте — сентябре 1917 года. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 14, 1956; О. Р. Маджлисов. Борьба за установление Советской власти в Таджикистане. «УЗ Сталинабадского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», т. 1, 1955.

⁵ «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сб. статей. Сталинабад, 1954.

⁶ М. И. Иркаев, Ю. А. Николаев, Я. Ш. Шарипов. Очерк истории Советского Таджикистана (1917—1957 гг.). Сталинабад, 1957.

⁷ Л. Соловейчик. Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре. М., 1923; Н. Е. Кокурин. Боевые операции в Бухаре (1922). В кн. «Гражданская война», т. 3; «Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре». М., 1924; «Красная Армия Таджикистана». Сб. статей. Душанбе, 1925; Ф. Ильяютко. Басмачество в Лакае. М.—Л., 1929; Джурра Закиров. Мир Матчинский и басмачество. В сб. «Революция в Средней Азии», № 1. Самарканд, 1931.

⁸ Д. К. Фаньян, М. Зелинская. Красная Армия — освободительница таджикского народа. Сталинабад, 1943; Б. И. Искандаров. Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане. «Изв. ООН АН Таджикской ССР»,

огромная помощь частей Красной Армии местному населению в разгроме басмачества, выявляются многочисленные факты участия трудящихся в борьбе с басмаческой контрреволюцией, их всесторонней помощи Красной Армии (продуктами питания, фуражом, проводниками, в восстановлении мостов и дорог, разрушенных при отступлении басмаческими бандами, и т. д.). Хотя в ряде этих работ имели место определенные недостатки теоретического и фактического характера, в целом они послужили основой для создания обобщающих исследований по данному вопросу, предпринятых в середине 50-х годов. Вышли в свет монографии по истории победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Таджикистане и в отдельных его районах⁹. Данная проблема была освещена и в обобщающих трудах по истории Таджикистана — «Истории таджикского народа» (т. 3, кн. 1. М., 1964), «Истории Таджикской ССР» (уч. пос. для вузов. Душанбе, 1965), «Очерках истории Коммунистической партии Таджикистана» (Душанбе, 1964). В эти же годы были написаны биографии многих активных участников гражданской войны и борьбы с басмачеством¹⁰. Вышел в свет ряд сборников воспоминаний и документов, содержащих ценные материалы¹¹.

Наиболее полно и систематически весь период гражданской войны рассмотрен в трудах М. И. Иркаева¹². На основе богатейшего фактического материала автор обстоятельно освещает широкий круг вопросов истории борьбы за установление и упрочение Советской власти в Таджикистане, показывает участие трудового дехканства в борьбе с басмаческой контрреволюцией, громадную помощь русского и других братских

вып. 4, 1953; М. И. Иркаев. Разгром последней басмаческой авантюры в Таджикистане в 1931 году. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 2, 1954; его же. Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества. В кн. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад, 1954; Р. Аманов. Братская помощь Красной Армии таджикскому народу в борьбе за разгром басмачества. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 5, 1955; О. Р. Маджлисов. Борьба за установление Советской власти в Таджикистане. «УЗ Сталинабадского гос. пед. ин-та», т. 1, 1955; И. Т. Юсифзаде. Борьба за установление Советской власти в Таджикистане. В кн. «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея», вып. 2. История, этнография. Сталинабад, 1955.

⁹ Т. Р. Каримов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане (апрель 1917—1918 г.). Сталинабад, 1957; А. В. Макашов. Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане. Сталинабад, 1957; М. Иркаев, Ю. Николаев. В боях за Советский Таджикистан. Сталинабад, 1957; Б. Шарифзода. Из истории установления и укрепления Советской власти в бывшем Кулябском вилояте. Сталинабад, 1958; А. Набиев. Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Памире. Душанбе, 1962; Г. Х. Хайдаров. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане (1917—1923 гг.). Душанбе, 1966; В. М. Ионова. Коммунисты Северного Таджикистана в борьбе за власть Советов (1917—1923). Душанбе, 1968; Т. Р. Каримов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и решение аграрного вопроса в Таджикистане, ч. 1. Душанбе, 1968; Р. А. Абулхаев. Упрочение Советской власти в районах верховьев Зеравшана. Душанбе, 1972.

¹⁰ М. Б. Бегматов. Командир бригады Н. Д. Томин. Сталинабад, 1958; А. В. Макашов. Верный сын народа. Сталинабад, 1959; Т. Р. Каримов. Хайдар Усманов. Душанбе, 1970; И. Кельдиев. Абдулло Рахимбаев. Душанбе, 1970.

¹¹ «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917—1920 гг.)». Сб. док. Ленинабад, 1957; «За власть Советов в Таджикистане». Сталинабад, 1958; «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». Сб. док. и мат-лов, т. 1. Алма-Ата, 1963; т. 2. Алма-Ата, 1964; «Боевой путь войск Туркестанского военного округа». М., 1959; Я. А. Мелькумов. Туркестанцы. М., 1960; М. С. Топильский. Ранние зори Таджикистана. М., 1968.

¹² М. И. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1971 (изд. 2).

народов нашей страны трудящимся Таджикистана в военно-политической, хозяйственно-экономической и культурно-просветительной областях жизни. Автор дал определение басмачества, раскрыл его контрреволюционную сущность и доказал, что вдохновителями кровопролитной гражданской войны в республике были реакционные круги империалистических государств; предложил периодизацию истории гражданской войны в Таджикистане. В его работах показана руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в организации разгрома контрреволюции, пробуждении классового самосознания трудящихся масс и мобилизации их на разгром врага.

В трудах по истории гражданской войны рассмотрена социальная база басмачества. Довольно подробно освещен ход исторических событий. Наряду с описанием боевых операций раскрыто значение первых социально-экономических мероприятий Советской власти, показаны трудности борьбы за победу революции и разгром басмачества. Большое внимание уделено показу участия трудящихся Таджикистана в революционной борьбе и подчеркнута решающее значение помощи русского народа и других народов нашей страны таджикскому народу в деле упрочения Советской власти.

Однако далеко не все вопросы истории установления Советской власти и гражданской войны выяснены с достаточной глубиной. Слабо изучена история установления и упрочения Советской власти в ряде горных районов Таджикистана (Гарм, Памир). В литературе существуют различные точки зрения на периодизацию истории гражданской войны и время ее окончания. Если в результате дискуссии по периодизации истории Таджикистана было принято считать временем окончания гражданской войны в республике 1926 г., то в ряде последних работ авторы датируют окончание гражданской войны в Таджикистане 1924¹³ или 1923 гг.¹⁴

Ученые республики уделили большое внимание изучению проблем, связанных с историей становления и развития советской государственности в Таджикистане, формированием таджикской социалистической нации и упрочением дружбы народов Советского Союза¹⁵. На большом фактическом материале показан процесс формирования и развития таджикской советской социалистической государственности — ее зарождение, образование Таджикской автономной, а затем союзной республики, процесс и особенности формирования таджикской социалистической нации. Авторы рассматривают деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Советов в Таджикистане как органов

¹³ М. И. Иркаев. Указ. соч.

¹⁴ А. В. Макашов. Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918—1923 гг.). Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1971.

¹⁵ Ю. А. Николаев. Укрепление органов государственной власти Таджикской АССР (октябрь 1924—октябрь 1929 гг.). В кн. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад, 1954; В. Г. Гранберг. Образование Таджикской ССР. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 5. 1955; А. М. Богоутдинов. К вопросу о консолидации таджикской нации. В кн. «Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма». Сталинабад, 1957; С. А. Раджабов. Таджикская ССР — суверенное советское государство. Сталинабад, 1957; Н. Г. Дегтяренко. Развитие советской государственности в Таджикистане. М., 1960; Р. С. Гимпелевич. Становление социалистической демократии в Таджикистане. Душанбе, 1965; Г. Е. Беляков. Из истории укрепления местных Советов Таджикистана в годы второй пятилетки. «Изв. ООН АН Таджикской ССР», 1966, № 1; его же. Из истории укрепления Советов Таджикистана на основе Конституции СССР 1936 года. Там же, 1966, № 3; С. А. Раджабов. Образование и развитие СССР — торжество ленинской национальной политики. Душанбе, 1973.

подлинного народовластия. В упорной борьбе с классовыми врагами партия смогла привлечь на сторону Советской власти широкие слои местного населения, поднять роль и авторитет Советов, развивающих творческие способности трудящихся масс в борьбе за построение социалистического общества.

Важное место в историографии Советского Таджикистана занимает проблема социалистического преобразования сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строя в республике. В опубликованных работах освещается расстановка классовых сил в деревне после окончания гражданской войны¹⁶, хозяйственное развитие в 20-х годах¹⁷. Большая литература посвящена земельно-водной реформе¹⁸.

В отличие от других республик Средней Азии, в которых одновременно с провозглашением национализации земли была проведена земельно-водная реформа, в центральных и южных районах Таджикистана провести эту реформу в начале восстановительного периода в силу ряда обстоятельств не удалось. Поэтому аграрный вопрос стоял здесь особенно остро и его разрешение представляло большие трудности. Этим объясняется большой интерес к изучению темы аграрных преобразований, которые велись в сложных и своеобразных условиях. За последнее время учеными республики проделана большая работа по разработке истории аграрных преобразований в республике вообще и причин, задержавших проведение земельно-водной реформы в центральных и южных районах, в частности.

Однако не все проблемы, связанные с этой темой, изучены полностью. Кроме того, в литературе, посвященной этим вопросам, существуют различные точки зрения. В ряде исследований делается вывод, что меры, принятые к ограничению крупного землевладения, переселению и расселению, были не чем иным, как своеобразной земельно-водной реформой в Центральном и Южном Таджикистане; другие авторы (и их большинство) считают, что земельно-водная реформа в центральных и южных районах Таджикистана не проводилась. Признающие проведение реформы по-разному объясняют причины ее задержки. В работах раннего периода явно преувеличена роль субъектив-

¹⁶ Б. А. Антоненко. Социально-экономическое развитие таджикского кишлака в первые годы восстановительного периода (1926—1929 гг.). «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та», т. 16, вып. 2, 1957.

¹⁷ Ю. А. Николаев. Военно-политическая и хозяйственная помощь братских советских республик трудящимся Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (1924—1929 гг.). «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 5, вып. 2, 1955; его же. К истории развития Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (октябрь 1924 — октябрь 1929 г.). «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 1, 1955; Х. К. Ходжаев. Из истории восстановления и развития хлопководства в Таджикистане (1917—1920 гг.). «УЗ Кулябского гос. пед. ин-та», вып. 1955.

¹⁸ Я. Шарипов. К вопросу о земельно-водной реформе в Южном Таджикистане (1924—1929 гг.). «Изв. ООН АН Таджикской ССР», вып. 8, 1956; Н. С. Журавлева. Земельно-водная реформа в Северном Таджикистане. Там же; ее же. Первые земельно-водные преобразования Советской власти в Северном Таджикистане (1917—1920 гг.). «УЗ Ленинабадского гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова», вып. 7, история. Ленинабад, 1957; Р. С. Гимпелевич. К вопросу о содержании земельно-водной реформы в Таджикистане. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 20. «Труды юрид. фак.», вып. 18, 1959; Ш. Базаров. Социально-экономические мероприятия по решению земельно-водной проблемы в Таджикистане в восстановительный период (1925—1928 гг.). «Изв. ООН АН Таджикской ССР», вып. 2, 1961; Г. Наврузов. Еще раз к вопросу о земельно-водной реформе в Таджикистане (1924—1929 гг.). «Изв. ООН АН Таджикской ССР», вып. 3, 1965; его же. К вопросу о роли земельно-водных комиссий в осуществлении аграрной политики Советской власти в Таджикистане (1926—1929 гг.). Там же, вып. 3, 1966; Т. Р. Каримов. Организация земельно-водных комиссий и их деятельность в Таджикистане. «УЗ Кулябского гос. пед. ин-та им. А. Рудаки», сер. обществ. наук. Куляб, 1971.

ного фактора — враждебного отношения к реформе буржуазно-националистических элементов.

Процесс социалистической перестройки сельского хозяйства Таджикистана был крайне сложным, его своеобразие было обусловлено особенностями экономического и общественно-политического развития республики. Особый интерес представляло изучение процесса создания условий, предпосылок массовой коллективизации¹⁹. Историки выяснили состояние сельского хозяйства в годы, предшествовавшие коллективизации; значение всесторонней помощи, которая оказывалась дехканским хозяйствам государством; роль организаций бедноты и батрачества, массового распространения простейших форм кооперации; значение контрактации как формы взаимоотношений государства с крестьянством. Исследованы грандиозные преобразования в социально-экономической сфере, аграрных отношениях накануне коллективизации дехканских хозяйств.

Наиболее полно в исторической литературе освещен процесс коллективизации сельского хозяйства Таджикистана²⁰. Показаны своеобразные формы и методы борьбы за победу колхозного строя, специфические трудности, которые пришлось преодолевать в Таджикистане. Известно, что классовые враги, опираясь на феодально-патриархальные пережитки, сильное влияние мусульманского духовенства, используя унаследованную от прошлого забитость населения, оказывали отчаянное сопротивление политике Советской власти. В трудах четко определены особенности организации колхозов, в частности, преобладание в Таджикистане сравнительно длительное время их низшей формы — ТОЗов, приводятся данные о помощи рабочего класса и Союзного правительства крестьянству Таджикистана, переходившему на путь социализма²¹.

¹⁹ Б. А. Антоненко. Подготовка массовой коллективизации в Таджикистане. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», кн. 1. Сталинабад, 1957; его же. Социально-экономическое развитие таджикского кишлака в первые годы восстановительного периода (1926—1927 гг.). «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», сер. обществ. наук, т. 16, вып. 2, 1957; М. Мирзоев. Из истории борьбы Коммунистической партии Таджикистана за создание условий массовой коллективизации сельского хозяйства. «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», т. 16, вып. 2, 1957; Л. И. Яковенко. Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в подготовке массового колхозного движения в Таджикистане (1927—1929 гг.). Там же, т. 22, вып. 1957 г.; С. Н. Турсунов. К вопросу о возникновении деятельности союза «Кошчи». «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко». Душанбе, 1964.

²⁰ П. А. Васильев. К истории коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане. «Сообщения ТФАН СССР», вып. 21, 1949; К. А. Богомолова. К истории борьбы за сплошную коллективизацию в Северном Таджикистане. «Доклады АН Тадж. ССР», вып. 3, 1952; ее же. Из истории коллективизации Ленинабадской области Таджикской ССР. «Труды АН Тадж. ССР», т. 19, 1954; М. М. Яхьяев. Коллективизация сельского хозяйства в Таджикской ССР (1930—1935 гг.). «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», т. 16, вып. 2, 1956; М. М. Мирзоев. Из истории массовой коллективизации в 1930—1932 гг. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 1. Сталинабад, 1957; Х. К. Ходжаев. Из истории борьбы таджикского народа за сплошную коллективизацию хлопковых районов республики (1929—1933 гг.). «УЗ Ленинабадского гос. пед. ин-та», вып. 8, 1958; Л. И. Яковенко. Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в массовом колхозном движении в Таджикистане. 1930—1932 гг. «Изв. ООИ АН Тадж. ССР», вып. 3, 1958; Б. А. Антоненко. Великий перелом в сельском хозяйстве Таджикистана (1930 г.). «Изв. ООИ АН Тадж. ССР», вып. 3, 1958; Х. Н. Дриккер. К истории коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане в период первой и второй пятилеток (1929—1937 гг.). Сталинабад, 1959; А. А. Набиев. Из истории осуществления ленинского кооперативного плана на Памире. «УЗ Таджикского с.-х. ин-та», т. 4, вып. 1, 1960; М. Яхьяев. Победа ленинского кооперативного плана в Таджикистане. Душанбе, 1968.

²¹ К. А. Богомолова. Двадцатипятидесятники в Таджикистане. «Доклады АН Тадж. ССР», вып. 9, 1953; Ю. А. Николаев. Военно-политическая и хозяйственная помощь братских советских республик трудящимся Таджикской ССР. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 5, вып. 2, 1955.

Изучены борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов как необходимое условие подъема их производственной деятельности, улучшения материального благосостояния колхозников²² и тесно связанная с организационно-хозяйственным укреплением колхозов острейшая проблема кадров МТС и колхозов²³. Эти вопросы рассматриваются историками в тесной связи с вопросом производственной деятельности колхозов, дальнейшего развития сельского хозяйства, особенно хлопководства²⁴. Здесь особенно наглядно показана большая постоянная помощь государства колхозам техникой, финансированием, расширением ирригационного строительства. Рассматривается история развития ирригации Таджикистана, в которой особое место занимают скоростные ирригационные народные стройки²⁵.

Непосредственной роли Коммунистической партии в проведении аграрных преобразований, коллективизации, дальнейшего развития колхозного строительства, ирригации и мелиорации посвящен целый ряд историко-партийных работ. В них показаны борьба партийной организации за восстановление сельского хозяйства, мероприятия партии и Советского правительства по оказанию помощи бедноте, в частности путем переселения дехканских хозяйств из безземельных и малоземельных районов на необрабатываемые свободные земли в Гиссарской и Вахшской долинах, руководящая роль партийных организаций по проведению земельно-водной реформы в северных районах республики; приведены данные о подъеме сельскохозяйственного производства, развитии сельскохозяйственной кооперации в 1926—1929 гг., развитии колхозного строительства в годы послевоенных пятилеток и современном их состоянии²⁶.

²² К. А. Богомолова. К вопросу организационно-хозяйственного укрепления колхозов Таджикистана (1930—1936 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 8, 1956; М. М. Яхъяев. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов в Таджикистане (1933—1935 гг.). В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 1. Сталинабад, 1957; М. М. Мирзоев. К истории организационно-хозяйственного укрепления колхозов Таджикистана. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 2. Сталинабад, 1959.

²³ К. П. Марсаков. Борьба за разрешение проблемы кадров колхозов и МТС в Таджикистане в годы второй пятилетки. «УЗ Кулябского гос. пед. ин-та», вып. 4, 1958.

²⁴ Х. К. Ходжаев. Из истории восстановления и развития хлопководства в Таджикистане (1917—1929 гг.). «УЗ Кулябского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1955; е го же. Из истории борьбы таджикского народа за превращение Таджикистана в одну из хлопковых баз Союза ССР (1934—1938 гг.). Сталинабад, 1956; Х. С. Саидмуратов. Развитие сельского хозяйства Таджикистана в начале сплошной коллективизации (1929—1930 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 2, 1961.

²⁵ С. З. Мирошниченко. Развитие ирригации в Таджикской ССР. Сталинабад, 1953; М. Саидов. Трудящиеся Таджикистана в борьбе за освоение Вахшской долины и создание в ней базы тонковолокнистого хлопка. Сталинабад, 1956; К. П. Марсаков. Освоение целинных земель в Таджикистане в годы второй пятилетки. «УЗ Кулябского гос. пед. ин-та», вып. 3, 1957; С. З. Мирошниченко. Ирригация Таджикистана за годы Советской власти. «Гидротехника и мелиорация», 1957, № 12; А. Ахмедов. Ирригация в Таджикистане. Сталинабад, 1957; С. Хамидов. Народное скоростное ирригационное строительство в Таджикистане в 1929—1942 гг. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 4, 1962.

²⁶ К. А. Богомолова. Из истории борьбы нашей партии за организацию и укрепление колхозов (по материалам Северного Таджикистана). Душанбе, 1954; М. В. Шупикова. Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства и подъем хлопководства республики в годы довоенных пятилеток. «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та», сер. обществ. наук, т. 1, 1955; Н. И. Миронов. Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства и подъем хлопководства в годы довоенных пятилеток. «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та», сер. обществ. наук, т. 1, 1955; М. М. Мирзоев. Из истории борьбы Коммунистической партии Таджикистана за создание условий массовой коллективизации сельского хозяйства. Там же, т. 16, 1957; Х. Мухамедов. К истории борьбы Компартии за коллективизацию сельского хозяй-

Разработка отдельных вопросов колхозного строительства позволила приступить к созданию обобщающего исследования по данной проблеме. «Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.)» вышел в свет в Душанбе в 1968 г. Монография подготовлена коллективом сектора истории советского общества Института истории им. А. Дониша. На основе большого количества архивного материала, опубликованной литературы, в «Очерке» впервые в обобщенном виде показывается сложный процесс колхозного строительства в Таджикистане. Коллектив авторов большое внимание уделил вопросам социально-экономического состояния доколхозного кишлака, становлению общественных хозяйств, созданию их материальной базы, формам экономических взаимоотношений колхозов и государства. В монографии обстоятельно освещены история проведения коллективизации, сроки и пути ее осуществления, ход классовой борьбы в кишлаке, своеобразие ликвидации байства как класса в отдельных районах республики и отличие этого процесса от подобных процессов в других областях нашей страны и т. д. Всесторонний анализ дан современным колхозам, материально-техническому и культурному их развитию на современном этапе, показана роль передовиков и организаторов колхозного производства.

Несмотря на наибольшую изученность проблемы социалистической реконструкции сельского хозяйства, историкам республики предстоит еще исследовать историю совхозов, обобщить опыт деятельности Коммунистической партии по техническому перевооружению сельского хозяйства, подготовке кадров. Долг ученых глубоко изучить и обобщить процессы изменения социального облика и психологии колхозного крестьянства. Думается, что настало время вплотную приступить к созданию трудов по истории отдельных колхозов и совхозов, показать на примере их становления и развития значение крепнущей дружбы народов СССР, воспитание в людях советского патриотизма и социалистического интернационализма. Особого внимания заслуживает история переселенческих колхозов, которые с громадной помощью государства успешно превращают пустынные земли в цветущие сады.

За последние годы внимание ученых было привлечено к изучению вопросов, связанных с историей индустриализации, формирования и дальнейшего развития рабочего класса. Эти вопросы нашли отражение в ряде обобщающих трудов и монографий по истории Таджикской ССР, Коммунистической партии Таджикистана, профсоюзов и комсомола республики²⁷. Наиболее крупными исследованиями, написанными в

ства Таджикистана в годы первой пятилетки. «УЗ Ленинабадского гос. пед. ин-та», вып. 8, 1958; С. Хамидов. Из истории борьбы Компартии Таджикистана за преобразование Вахшской долины. Там же, вып. 9, 1959; М. Шергазиев. Из истории борьбы Компартии Таджикистана за коллективизацию сельского хозяйства на Памире (1930—1955 гг.). «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та», 1964; М. Иркаев, П. Сафаров. Роль Компартии в превращении дехкан в активных строителей социализма. Душанбе, 1968; М. Хамраев. Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане. Душанбе, 1972.

²⁷ М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шарипов. Очерк истории Советского Таджикистана (1917—1957 гг.). Сталинабад, 1957; «История таджикского народа», т. 3, кн. 1 и 2, М., 1964—1965; Я. Шарипов. Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане (1929—1932 гг.). Сталинабад, 1960; А. Я. Мирзабаев. Таджикский народ в борьбе за восстановление и реконструкцию народного хозяйства (1924—1937 гг.). Душанбе, 1962; В. А. Казачковский. От феодализма до победы социализма. Душанбе, 1966; «Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана», изд. 2, доп. Душанбе, 1968; С. Раджабов, М. Шукуров. Профсоюзы Советского Таджикистана, М., 1964; А. Турсунов, К. Лагунов, Ю. Исламов. Материалҳо оид ба таърихи комсомоли Тоҷикистон. Сталинобад, 1957; Ю. Исламов, В. А. Казачковский. Очеркҳои таърихи комсомоли Тоҷикистон. Душанбе, 1967.

плане экономической истории, являются работы А. В. Сучкова, Ш. И. Соломонова и коллективный труд «Очерки истории народного хозяйства Таджикистана»²⁸.

Главное внимание в этих работах уделено темпам роста промышленности республики и ее различных отраслей, развитию отраслевой структуры социалистической индустрии. В книгах и статьях, посвященных отдельным аспектам формирования и развития рабочего класса в ходе индустриализации республики²⁹, показаны специфические особенности ее осуществления, охарактеризованы основные этапы и особенности процесса формирования и развития рабочего класса³⁰.

Социалистическое разделение труда, помощь, оказанная Таджикистану братскими республиками, Союзным правительством, позволили начать индустриальное развитие республики с легкой промышленности, что соответствовало требованиям правильного размещения производительных сил и приближения промышленности к источникам сырья.

В научный оборот введены многочисленные материалы, отражающие развитие ведущих отраслей промышленности и отдельных предприятий Таджикистана, сложный и чрезвычайно важный процесс подготовки квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических работников, численность рабочего класса, его национальный состав, источники формирования, ведущую роль рабочего класса в деле построения и упрочения социалистического общества.

В многочисленных трудах историков и экономистов раскрыта громадная помощь, которую оказало Союзное правительство в развитии социалистической индустрии республики, руководящая роль Коммунистической партии³¹, возглавившей дело промышленного развития Таджикистана, мобилизовавшей рабочие массы на борьбу за технический прогресс, повышение трудовой и политической активности на всех этапах социалистического и коммунистического строительства³².

²⁸ А. В. Сучков. Социалистическая индустриализация в Таджикской ССР. Душанбе, 1965; Ш. И. Соломонов. Развитие социалистической промышленности Таджикистана (1917—1965 гг.). Душанбе, 1967; «Очерки истории народного хозяйства Таджикистана (1917—1965 гг.)». Душанбе, 1967.

²⁹ У. Д. Исмаилов. Развитие промышленности в Таджикистане в годы второй пятилетки. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 1. Сталинабад, 1957; Г. Я. Курцер. Основные итоги социалистической индустриализации Таджикистана. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 3, 1964.

³⁰ Я. Ш. Шарипов. Некоторые специфические особенности индустриализации Таджикской ССР. В сб. «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 1. Душанбе, 1963; М. С. Садыков. Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса Таджикистана. «Труды Таджикского гос. ун-та», сер. истор. наук, вып. 1, 1960; Н. С. Сангинов. Формирование и развитие рабочего класса в Таджикской ССР. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 2, 1961; его же. Формирование рабочего класса. Возникновение и деятельность профсоюзов в Таджикской ССР. В кн. «Вопросы истории Таджикистана». Сталинабад, 1961; его же. Формирование и развитие рабочего класса в Таджикской ССР. Душанбе, 1963; Х. Н. Дринкер. Основные этапы и особенности формирования рабочего класса в Таджикистане. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 1, 1969; Ю. А. Николаев. К истории первого пятилетнего плана промышленности Таджикской ССР. В кн. «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 4, 1971.

³¹ М. С. Садыков. Коммунистическая партия в борьбе за создание и развитие социалистической промышленности в Таджикистане в годы довоенных пятилеток. «УЗ ТГУ им. В. И. Ленина», т. 13, сер. гуманитарных наук, 1956; Б. Н. Гутницкая. Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за развитие социалистической промышленности, транспорта и связи в годы первой пятилетки. «Труды Душанбинского мед. ин-та», т. 31, 1958; И. Т. Сагай. Деятельность Коммунистической партии Таджикистана по развитию промышленности в годы третьей пятилетки. В кн. «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана». Душанбе, 1965.

³² Ш. А. Ахмедов. Развитие социалистического соревнования в промышленности Таджикистана в годы первой пятилетки. «УЗ Ленинабадского пед. ин-та», вып. 7,

Х. Х. Холджураеву — автору книги «Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за технический прогресс в промышленности» присуждено звание лауреата Всесоюзного смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина³³.

В исследованиях по рассматриваемой теме показано ускоренное развитие промышленности республики, возрастание роли Таджикистана в общесоюзном разделении труда, осуществленного в результате проведения в жизнь ленинской национальной политики, рассчитанной на достижение фактического равенства в прошлом отсталых народов, выравнивание их уровней экономического развития с более развитыми районами страны.

Конечно, многие стороны проблемы формирования рабочего класса Таджикистана на определенных этапах промышленного развития республики изучены еще недостаточно. Нет, за редким исключением³⁴, работ по истории городов — крупных социалистических промышленных центров, по истории фабрик и заводов. Требуют уточнения многие факты и цифровые данные, относящиеся, в частности, к численности рабочего класса республики в целом и представителей местных национальностей в его рядах периода первых лет индустриализации. Почти не разработаны вопросы планового руководства промышленностью Таджикистана в довоенные годы, в том числе вопросы перспективного планирования. Весьма слабо изучена также подготовка кадров производственно-технической интеллигенции для промышленности Таджикистана. Нет пока серьезных исследований о росте материального благосостояния рабочих и инженерно-технических работников как в довоенные годы, так и на современном этапе.

Разной в фактических и цифровых данных, бытующий в исторической литературе, в значительной степени объясняется состоянием источников, и прежде всего неполнотой и противоречивостью статистических данных по истории промышленности и рабочего класса 20-х гг. Следует учитывать и то, что изучение истории промышленности и рабочего класса Таджикистана началось сравнительно недавно.

Первым обобщающим трудом по данной проблеме явилась подготовленная коллективом ученых сектора истории советского общества Института истории АН Таджикской ССР в сотрудничестве с преподавателями высших учебных заведений республики двухтомная «История рабочего класса Таджикистана (1917—1970 гг.)» (тт. I и II, Душанбе, 1972—1973). В монографии на большом фактическом материале прослежены основные этапы формирования и развития рабочего класса в республике, показаны его борьба за построение социализма и комму-

история, 1958; М. А. Алиджанов. К вопросу о росте политической активности рабочего класса Таджикистана в годы второй пятилетки. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 3, 1964; Х. Х. Холджураев. Коммунистическая партия Таджикистана в борьбе за технический прогресс в промышленности. Душанбе, 1967; Ю. А. Николаев. Формирование и рост кадров производственно-технической интеллигенции в промышленности Таджикской ССР в 1920—1940 гг. В сб. «Из истории культурного строительства в Таджикистане», вып. 3, Душанбе, 1972.

³³ «К итогам конкурса молодых ученых». — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 10.

³⁴ Ш. Ахмедов. Строительство Ленинабадского шелкокомбината в годы первой пятилетки. «УЗ Ленинабадского гос. пед. ин-та», вып. 7, 1958; А. Хасанов, А. Вишневский. Сталинабад — столица Таджикской ССР. Сталинабад, 1959; Г. Х. Хайдаров. Краткий очерк истории Ленинабада. Душанбе, 1965; Ю. А. Николаев. Хоросская ГЭС им. В. И. Ленина — первенец электрификации советского Памира. (К истории строительства электростанции). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», № 2, 1970; Г. И. Ишанкулов. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинабадский шелкокомбинат. Душанбе, 1973.

низма, количественные и качественные изменения в его составе, рост культурно-технического уровня, производственная и общественно-политическая деятельность. Книга написана на основе документов центральных и местных государственных и партийных архивов, материалов статистики, периодической печати и других источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Авторам в основном удалось проследить сложный путь становления и развития рабочего класса Таджикистана, показать, что таджикский рабочий класс, как и остальные его собратья из других республик Советского Востока, сумел ликвидировать за короткий срок глубокую отсталость и прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, что стало возможным только в условиях социалистической системы, в ходе осуществления принципов пролетарского интернационализма, дружбы, сотрудничества и братской взаимопомощи советских народов.

Сложный процесс формирования и развития рабочего класса Таджикистана прослеживается на фоне экономических, социальных и политических изменений, происходивших за годы Советской власти в жизни всей страны. Наряду с общими закономерностями в монографии показаны специфические особенности формирования таджикского рабочего класса, руководящая роль Коммунистической партии, Советского правительства в деле воспитания местных квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров.

За годы Советской власти таджикский народ добился выдающихся успехов в области развития культуры: была ликвидирована неграмотность трудящегося населения, сформировался большой отряд национальной интеллигенции, успешно развиваются наука, литература, искусство. По уровню развития образования республика значительно обогнала сопредельные страны Востока и многие капиталистические страны Запада.

Ученые республики сумели обобщить огромный материал по истории становления и подъема национальной по форме и социалистической по содержанию культуры Советского Таджикистана, изменению быта трудящихся, раскрепощению женщин; показали сложную борьбу за марксистско-ленинское содержание советской культуры в Таджикистане, громадные трудности осуществления культурной революции в отсталом крае, каким в прошлом была Восточная Бухара, ныне основная территория Таджикской ССР; раскрыли особенности культурного строительства в Таджикистане. В трудах М. Р. Шукурова, З. Ш. Раджабова и других очерчены отдельные периоды и проблемы культурной революции³⁵. Опубликованы многочисленные статьи и брошюры по истории строительства общеобразовательной и высшей школы³⁶, показаны про-

³⁵ Р. Завулунов. Развитие культуры Таджикистана в послевоенные годы. Сталинабад, 1956; М. Р. Шукуров. Культурная революция в Таджикистане. Сталинабад, 1957 (на тадж. яз.); Т. У. Умаров. Из истории культурного строительства в Таджикистане. В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. I. Сталинабад, 1957; А. Имаматов. Расцвет культуры таджикского народа. Сталинабад, 1960; З. Ш. Раджабов. Некоторые страницы культурной жизни Советского Таджикистана. Душанбе, 1964; П. Хамрокулов. Успехи таджикского народа в развитии культуры и науки. В кн. «Таджикистан за годы Советской власти». Душанбе, 1967; М. Р. Шукуров. История культурной жизни советского Таджикистана. Душанбе, 1970.

³⁶ Х. Негматуллаев. Народное образование Таджикской ССР за 20 лет. Сталинабад, 1949; Р. Я. Хамидов. К истории развития народного образования в Таджикской ССР. «УЗ Ленинабадского пед. ин-та», вып. 1, 1953; М. Р. Шукуров. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в Таджикской ССР в предвоенные годы. «УЗ ГТУ им. В. И. Ленина», т. 14, 1956; И. Обидов. История развития народного образования в Таджикской ССР (1917—1967 гг.). Душанбе, 1967; М. Яхьяев. Из истории создания и развития высшей и средней школы в Таджикистане. В сб. «Из истории культурного строительства в Таджикистане», вып. 1, 1968.

цессы становления и развития советской школы, пути и методы преодоления трудностей, которые обуславливались объективными (острый недостаток кадров, отсутствие материальной базы и т. д.) и субъективными (сопротивление мусульманского духовенства, классово чуждых элементов, заботность населения, неравноправное положение женщин) факторами. В трудах Е. Н. Павловского, С. У. Умарова, М. С. Асимова, И. К. Нарзикулова, З. Ш. Раджабова и других получили освещение основные этапы развития советской науки в Таджикистане³⁷. Авторы рассматривают историю ее становления и развития в исторически короткий срок, показывают, что уже в годы довоенных пятилеток ученые приступили к планомерному изучению производительных сил и природных богатств республики, чему способствовало создание в Таджикистане стационарных научных учреждений, бескорыстная братская помощь ученых РСФСР и других союзных республик. Авторы рассматривают развитие науки и ее возрастающую роль в народном хозяйстве Советского Таджикистана в непосредственной связи со строительством социализма в республике.

История формирования советской интеллигенции Таджикистана в целом и по отдельным этапам освещена в работах К. И. Кулагина, С. Г. Гулямова, Ш. М. Султанова и других ученых³⁸.

В исследованиях освещены особенности процесса создания интеллигенции в Таджикистане, показано, что в годы построения социализма она формировалась прежде всего за счет выдвижения на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу наиболее способных, преданных Советской власти трудящихся — рабочих, крестьян и кустарей из местного населения, впоследствии — путем подготовки в высших и средних учебных заведениях страны и республики. В многочисленных статьях и отдельных работах³⁹ обобщен опыт, специфические особен-

³⁷ «Наука в Таджикистане». Сталинабад, 1945; Е. Н. Павловский. Развитие науки в Таджикской ССР. «Труды ТФАН СССР», т. 27. Душанбе, 1951; Ш. М. Султанов. Развитие науки в Таджикистане в первой послевоенной пятилетке (1946—1950 гг.). «УЗ Ленинабадского гос. пед. ин-та», вып. 8, история, 1958; С. У. Умаров. Развитие науки в Таджикской ССР. Сталинабад, 1959; его же. Рассвет науки в Таджикистане. Сталинабад, 1969; З. Ш. Раджабов. Развитие науки в Таджикской ССР. М., 1964; его же. Наука Советского Таджикистана. Душанбе, 1968; его же. Таджикский государственный университет — детище Великого Октября. Душанбе, 1967; М. С. Асимов. Развитие науки в Таджикистане. «Вопросы философии», 1970, № 12; Е. С. Шагалов, М. Г. Бугаенко. Подбор и планирование подготовки научных кадров в Таджикской ССР (1966—1970 гг.). Душанбе, 1971.

³⁸ К. И. Кулагин. Создание социалистической интеллигенции таджикского народа. «УЗ Сталинабадского гос. пед. ин-та», сер. обществ. наук, 1955; П. В. Бояршинов. Выдвижение трудящихся в государственный аппарат — один из путей формирования таджикской советской интеллигенции (1925—1937 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1964, № 2; Ш. М. Султанов, В. И. Ленин и формирование таджикской советской интеллигенции. В кн. «Материалы по истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 2. Душанбе, 1971; С. Г. Гулямов. Формирование и развитие таджикской советской интеллигенции. Душанбе, 1972. И. О. Обидов. Подготовка учительских кадров в педагогических учебных заведениях республики (1945—1955 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 12, 1958; П. В. Бояршинов. Из истории формирования производственно-технической интеллигенции в Таджикистане (1929—1958 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1965, № 2; его же. К вопросу о подготовке и воспитании кадров производственно-технической интеллигенции Таджикистана в годы семилетки (1959—1965 гг.). «Сб. аспирантских работ ТГУ им. В. И. Ленина». Душанбе, 1966; его же. О роли технической интеллигенции Таджикистана в решении народнохозяйственных задач семилетки (1959—1965 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1957, № 1.

³⁹ С. А. Халикова. Женщины Советского Таджикистана. Сталинабад, 1949; М. Д. Хансуварова. Участие женщин Таджикистана в борьбе за выполнение первой пятилетки (1928—1933 гг.). «УЗ Сталинабадского гос. пед. ин-та», т. 1, 1955; С. А. Халикова. Вклад женщин Таджикистана в борьбу за победу в Великой Оте-

ности борьбы Коммунистической партии и Советской власти за подлинное равноправие женщин. Следует, однако, заметить, что не все аспекты культурного строительства достаточно полно освещены в исторической литературе. Нет серьезных исследований о развитии специального среднего и высшего образования, постановке культурно-просветительной работы, особенно на современном этапе и, что очень важно, специальных работ по истории культурных преобразований в кишлаке (исключение составляют статьи К. П. Марсакова и И. А. Стеценко)⁴⁰, где население было наиболее забытым и где осуществление культурной революции встретило особые трудности. Недостаточно освещено участие женщин-таджичек во всех сферах хозяйственной и общественно-политической жизни. Почти не ведется работа по изучению коренных изменений в быте рабочего класса, который сформировался и вырос за годы Советской власти; колоссальных сдвигов в жизни социалистической деревни. Лишь в общих чертах показаны пути и особенности формирования таджикской национальной интеллигенции. Работа по изучению культурных преобразований продолжается. В настоящее время над сводным трудом по истории культурного строительства в Таджикистане (1917—1970 гг.) работает коллектив сотрудников сектора истории советского общества Института истории АН Таджикской ССР.

Значительная литература опубликована по истории Таджикистана периода Великой Отечественной войны⁴¹. В исследованиях показаны героизм воинов-таджиков на фронтах и самоотверженная работа труженников тыла. Вместе с тем следует признать, что до сих пор не написано глубоких обобщающих трудов, в которых всесторонне была бы раскрыта жизнь республики в суровые годы войны, когда особенно проявилась прочность советского государственного и общественного строя, нерушимой дружбы народов.

Большая работа проведена по разработке истории Коммунистической партии Таджикистана — одного из боевых отрядов КПСС. На первых

чественной войне (1941—1945 гг.). В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 2. Сталинабад, 1959; ее же. Роль женщин Таджикистана в экономическом и культурном расцвете республики. В кн. «Вопросы истории Таджикистана». Сталинабад, 1961; Р. Набиева. Ликвидация неграмотности женщин Таджикистана. В сб. «Из истории культурного строительства в Таджикистане», вып. 1. Душанбе, 1968; ее же. В. И. Ленин и раскрепощение женщин Востока. Там же, вып. 2. Душанбе, 1970; Н. Сафаров. Ликвидация неграмотности женщин-таджичек в годы построения социализма. «УЗ Душанбинского гос. пед. ин-та», т. 76, 1971; Р. Набиева. Вклад женщин Таджикистана в культурно-просветительную работу (1933—1937 гг.). В сб. «Из истории культурного строительства в Таджикистане», вып. 4. Душанбе, 1973.

⁴⁰ «Исторический опыт осуществления культурной революции в таджикском кишлаке (1917—1965 гг.)». В сб. «Из истории культурного строительства в Таджикистане», вып. 1. Душанбе, 1968.

⁴¹ А. Рустамов и Б. Искандаров. Подвиги воинов Таджикистана на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза. В кн. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад, 1954; Л. П. Сечкина. Промышленность и сельское хозяйство Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Там же; ее же. Патриотический подъем трудящихся Таджикистана в первые месяцы Великой Отечественной войны (июнь — декабрь 1941 г.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», т. 8, 1956; ее же. Из истории промышленности Ленинградской области Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Изв. ООН АН Тадж. ССР», т. 33, 1957; А. Я. Кабилов. Самоотверженный труд работников науки и искусства Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. «УЗ Ленинградского гос. пед. ин-та», вып. 7, 1957; А. Турсунов. Трудовая доблесть советской молодежи Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. Там же; Л. П. Сечкина. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад, 1960; ее же. Овеянные славой. Сталинабад, 1960; Д. У. Усманов. Героический труд таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад, 1960; Г. А. Мухтарова. Колхозницы Таджикистана — фронту. «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1973, № 1.

порах были написаны работы, освещающие отдельные периоды деятельности парторганизации республики или отражающие борьбу за решение определенных задач в развитии народного хозяйства и культуры⁴². Разработка отдельных проблем позволила приступить к созданию обобщающего исследования, которое предпринял Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1964 г. вышли «Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана», а в 1968 г. — второе, дополненное издание. В «Очерках» наиболее полно показана руководящая роль Коммунистической партии республики в великих преобразовательных периодах строительства социализма и подготовки материально-технической базы коммунизма. Авторский коллектив избежал субъективистских оценок многих событий в жизни парторганизаций республики; старался показать все многообразие форм и методов борьбы в специфических условиях становления и укрепления нового строя в Таджикистане. Конечно, «Очерки» — первая попытка сводного труда — не раскрывают всего богатейшего опыта деятельности Коммунистической партии республики. В них недостаточно отражены многие вопросы, вытекающие именно из специфических условий работы Коммунистической партии Таджикистана в первые годы Советской власти и особенно ее низовых звеньев. Много сделано Институтом истории партии по изданию воспоминаний участников гражданской войны в Таджикистане, подготовке трудов, освещающих деятельность руководящих партийных и советских работников, выявлению и изучению архивных документов по истории парторганизации республики, подготовке и изданию стенографических отчетов съездов Коммунистической партии Таджикистана.

История создания и развития органов народного контроля рассматривается в работах К. М. Мавлянова и А. А. Мулладжанова⁴³. Авторы, исследовав большой документальный материал, имеющийся в архивах республики, раскрывают конкретное содержание контрольных функций РКИ, особенно ее местных органов, участие широких кругов трудящихся в работе РКИ. На основе анализа архивных источников они исследуют также историю становления, развития и совершенствования органов государственного и общественного контроля, принципы и функции которого были разработаны В. И. Лениным. Справедливо

⁴² Б. Г. Гафуров. Партийные организации Таджикистана в борьбе за подъем хлопководства. М., 1955; С. Г. Гулямов. Партийная организация Таджикистана в борьбе за выполнение задач четвертой пятилетки, Сталинабад, 1957; Х. И. Мухамедов. К истории борьбы Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства Таджикистана в годы первой пятилетки. «Уз Ленинадского гос. пед. ин-та», вып. 8, 1958; «Материалы по истории Компартии Таджикистана». Сб. статей. Душанбе, 1963; И. М. Скоробогатов. Компартия Таджикистана в борьбе за развитие народного хозяйства и культуры в послевоенный период (1945—1953 гг.). Душанбе, 1963; Б. А. Антоненко, Я. Ш. Шарипов. Компартия в период наступления социализма по всему фронту (1929—1932 гг.). Душанбе, 1963; А. В. Макашов. Партийная организация Таджикистана в 1924—1926 гг. Душанбе, 1964; В. К. Машенцев. Развитие общественных начал в работе парторганизаций Таджикистана. Душанбе, 1965; «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 1, 2 и 3. Душанбе, 1965, 1968, 1971.

⁴³ К. М. Мавлянов. К истории создания партийно-государственного контроля. В кн. «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 1. Душанбе, 1965; его же. Деятельность ЦКК и РКИ Таджикистана по обеспечению контроля в народном хозяйстве. В кн. «Материалы к истории Коммунистической партии Таджикистана», вып. 3, ч. 2. Душанбе, 1968; А. А. Мулладжанов. Ленинские принципы народного контроля в Таджикистане. Душанбе, 1970; К. М. Мавлянов. Деятельность органов партийного и государственного контроля Таджикистана в период строительства социализма. Душанбе, 1971; А. А. Мулладжанов. Из истории органов народного контроля в Таджикистане. Душанбе, 1972.

отмечено, что органы РКИ были острым оружием партии в борьбе против бюрократизма, волокиты, расхищений народного добра, злоупотреблений властью, представляли великую силу революционной общественности.

Предметом специального исследования стала история общественных организаций — комсомола и профсоюзов. Наиболее полно разработана история комсомольской организации республики⁴⁴. В многочисленных статьях, брошюрах и монографических исследованиях раскрыты как отдельные этапы и периоды деятельности, так и история в целом союза молодежи Таджикистана — верного помощника партии в развитии экономики, культуры и общественно-политической деятельности партийной организации республики.

К настоящему времени лишь в общих чертах разработана история профсоюзов республики. Кроме нескольких статей Н. Г. Сапрыкина и единственной монографии С. А. Раджабова и М. Р. Шукурова историография указанного вопроса пока еще не располагает другими работами⁴⁵. Перед исследователями стоит задача раскрыть всю многогранную деятельность наиболее массовой организацией как в период строительства социализма, так и на современном этапе.

Начало публикации документов и аннотированных библиографий было положено в 1940 г., когда вышел первый сборник документов по истории советского строительства в республике⁴⁶. Следующий сборник был опубликован лишь через 17 лет⁴⁷. И только начиная с середины 60-х годов публикация архивных документов и материалов приобрела планомерный характер. Вышли в свет сборники документов по истории культурного строительства, истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в республике⁴⁸. Изданы аннотированные указатели литературы по истории партии, Октябрьской революции и гражданской войны в Таджикистане⁴⁹.

Историческая наука в Таджикистане за годы Советской власти достигла значительных успехов. Она переживает новый качественный

⁴⁴ А. Т. Турсунов. К истории комсомола Таджикистана (1930—1940 гг.). «Уз Ленинадского гос. пед. ин-та», вып. 5, история, 1957; А. Т. Турсунов и др. Материалы к истории комсомола Таджикистана. Сталинабад, 1957; Ю. А. Исламов. Комсомол Таджикистана — верный помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1929—1937 гг.). Душанбе, 1963; В. А. Козачковский, Ю. А. Исламов. Очерки истории комсомола Таджикистана. Душанбе, 1967 (на тадж. яз.); Ф. Зикриёев. Радн жизни на земле. Душанбе, 1970 (на тадж. яз.).

⁴⁵ Н. Т. Сапрыкин. Возникновение и укрепление профсоюзов в Таджикистане (1925—1928 гг.). В кн. «Очерки по истории Таджикистана», т. 1. Сталинабад, 1957; его же. Роль профсоюзов в социалистической реконструкции народного хозяйства Таджикистана в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Там же, т. 2, Сталинабад, 1959; С. А. Раджабов, М. Р. Шукуров. Профсоюзы Советского Таджикистана, 1964.

⁴⁶ Д. С. Фаньян. К истории советского строительства в Таджикистане (1920—1929 гг.). Сб. док., ч. 1. Сталинабад, 1940.

⁴⁷ «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917—1920 гг.)». Сб. док. Ленинад, 1957.

⁴⁸ «Из истории культурного строительства в Таджикистане (1924—1941 гг.)». Сб. док., т. 1. Душанбе, 1966; т. 2 (1941—1969 гг.). Душанбе, 1973; «Из истории индустриализации Таджикской ССР, 1926—1941 гг.». Сб. док., т. 1. Душанбе, 1972; «Из истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Таджикской ССР, 1926—1937 гг.». Сб. док., т. 1. Душанбе, 1973.

⁴⁹ «Великая Октябрьская социалистическая революция и расцвет Советского Таджикистана». Аннот. указ. лит. Сталинабад, 1957; «Участники гражданской войны и борьбы за ликвидацию басмачества в Таджикистане». Указ. лит. Сталинабад, 1957; «Документальные материалы Центрального гос. архива Таджикской ССР». Сталинабад, 1961; М. В. Николаева. Коммунистическая партия Таджикистана, Аннот. указ. лит. Душанбе, 1962.

этап своего развития, когда историки приступили к углубленному коллективному изучению наиболее важных проблем. В этом направлении большую работу проводит сектор истории советского общества Института истории АН Таджикской ССР. Опираясь на накопленный опыт исследовательской работы, используя большой фактический материал, историки получили возможность в середине 60-х годов приступить к разработке фундаментального труда по истории таджикского народа. Это обобщающее исследование в трех томах (пяти книгах)⁵⁰, подготовленное большим коллективом ведущих ученых республики (над его созданием трудилось около 50 специалистов), наиболее полно раскрывает древнейшие страницы истории таджикского народа; длительный процесс формирования таджикской народности, преобразования ее в социалистическую нацию; этапы истории культуры и славной борьбы трудящихся с нашествиями извне и внутренними эксплуататорами, закономерности победы Советской власти в Таджикистане; важнейшие этапы социалистического строительства, участие в нем народных масс; колоссальные достижения таджикского народа во всех сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни. В работе показано, что расцвет экономики и культуры Советского Таджикистана — это результат неуклонного претворения в жизнь ленинской национальной политики КПСС, братского сотрудничества и взаимопомощи всех народов СССР. «История таджикского народа», «Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.)», «История рабочего класса Таджикистана (1917—1970 гг.)» и ныне подготавливаемая «История культурного строительства в Таджикистане (1917—1970 гг.)» отражают состояние историографии Советского Таджикистана на данном этапе с ее несомненными успехами, определенными проблемами и недостатками. Крупным достижением историков Таджикистана является издание учебных пособий для общеобразовательной и высшей школы — «Истории Таджикской ССР» для различных классов школы и учебного пособия для студентов вузов⁵¹.

В истории таджикского народа, как и других народов Средней Азии, неизгладимый след оставила бескорыстная помощь братских народов нашей страны и, прежде всего русского народа, в ликвидации эксплуататорских режимов, упорении Советской власти, создании советской государственности, восстановлении и развитии народного хозяйства, становлении и развитии культуры и науки. Таджикский народ глубоко сознает, что только благодаря этому он сумел в кратчайшие сроки преодолеть исторически сложившуюся отсталость, построить социалистическое общество.

Поэтому идеи крепнущей дружбы народов, всесторонней взаимопомощи красной нитью проходят во всех исторических исследованиях по истории Таджикской ССР и ее Коммунистической партии. Эти вопросы занимают ведущее место в обобщающих исследованиях — таких, как «История таджикского народа», «Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана», в монографиях, посвященных истории рабочего класса и колхозного крестьянства, развитию науки и культуры. Помимо этого написан ряд специальных исследований, раскрывающих исторические корни дружбы таджикского и русского народов⁵².

⁵⁰ «История таджикского народа». т. I—III. М., 1963—1965.

⁵¹ «История Таджикской ССР». Уч. пос. для вузов. Душанбе, 1954.

⁵² З. Ш. Радажабов. Великий русский народ — старший брат и друг народов Средней Азии. Сталинабад, 1954 (на тадж. яз.); его же. К вопросу об исторических

На современном этапе, когда в условиях социально-политического единства происходит дальнейшее сближение наций, все интенсивнее становится обмен материальными и духовными ценностями между ними, растет вклад каждой республики в общее дело построения коммунизма в нашей стране, ибо коммунизм — то главное, что объединяет наши народы, особенно усилился интерес историков к исследованию проблем, связанных с упрочением нерушимой дружбы народов Советского Союза, растущей взаимопомощи во всех сферах экономики и культуры, возрастающей роли Таджикистана в общесоюзном разделении труда.

Ушел в свет ряд работ и тематических сборников⁵³, в которых на примере развития республики за годы Советской власти показана великая жизненная сила ленинских принципов национальных отношений, национальная политика Коммунистической партии. В эти работы вошли многоплановые статьи, посвященные разным периодам и вопросам истории таджикского народа. Но их объединяет одно общее — тема развития дружбы, сотрудничества и взаимопомощи таджикского народа, сделавшего гигантский скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистического развития, с другими народами нашей страны. В публикуемых статьях на большом фактическом материале прослеживается развитие экономики и культуры в Таджикистане со всеми особенностями, вытекавшими из специфического развития республики в первые годы Советской власти, и общими закономерностями, присущими социалистическому строю. Большой интерес представляют материалы, раскрывающие формирование нового человека, активного строителя социализма и коммунизма, новой исторической общности людей — советского народа.

В историографии Таджикистана с каждым днем становится все меньше «белых пятен». Но они еще есть. В целом недостаточно изучены проблемы социальной истории и этногенеза таджикского народа, фактически еще не обобщен накопленный огромный этнографический материал, особенно по вопросам сложения и роли историко-культурных районов в этническом процессе. Слабо ведутся исследования в области истории научной и общественной мысли в дореволюционный период. Сравнительно мало изучены такие проблемы истории Советского Таджикистана, как осуществление здесь политики «военного коммунизма» и новой экономической политики; деятельность Чрезвычайной диктаторской комиссии по делам Восточной Бухары, история аграрных преобразований в первые годы Советской власти, история культурного строительства в таджикском кишлаке и ряд других.

Несмотря на имеющиеся пробелы, историческая наука Советского Таджикистана играет все более значительную роль в советской историографии в целом. Исследования по истории Таджикистана, насыщенные богатейшим фактическим материалом, способствуют более глубокому изучению важнейших в современных условиях проблем некапиталистического пути развития отсталых в прошлом народов к социализму. Они вносят весомый вклад в общий фронт борьбы с апологетами империа-

---

корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954; С. А. Раджабов. Роль русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.

⁵³ «О дружбе таджикского народа с другими народами СССР», сб. статей. Душанбе, 1967; А. Богоутдинов, А. Вишневский. Роль русского рабочего класса в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1967; «Горжество ленинских идей», сб. статей. Душанбе, 1969; «За народное дело», сб. статей. Душанбе, 1970; «Таджикистан в братской семье народов СССР», сб. статей. Душанбе, 1972.

лизма, различными фальсификаторами истории, которые пытаются в ложном свете представить историю народов Востока вообще и Советского Востока, в частности.

Советская историческая наука в Таджикистане развивалась и развивается в тесной связи с историографией Средней Азии и Казахстана, которая разрабатывает аналогичные проблемы, переживала те же трудности и недостатки на пути своего становления. По мере развития исторической науки в республиках Средней Азии и Казахстане, когда ученые перешли к решению комплексных проблем, требующих коллективного творчества, эти связи усиливаются. Общность исторического развития народов Средней Азии и Казахстана дает возможность легко устанавливать точки соприкосновения и коллективно, более глубоко исследовать общие закономерности развития республик по пути к социализму и коммунизму. Историография Таджикистана, несмотря на некоторые отличия и особенности, всегда развивалась как неразрывная часть советской исторической науки.

К XIV Международному конгрессу исторических наук

Член-корреспондент АН ЭССР Ю. Ю. КАХК, член-корреспондент АН СССР
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Последние годы в развитии исторической науки характеризуются все более широким применением новейших количественных и машинных методов исследования. Это стало возможным с появлением третьего «поколения» электронно-вычислительных машин, в которых электромагнитные ленты заменены быстродействующими дисками. Вычислительные машины последнего типа имеют и значительно больший объем памяти, что особенно ценно для общественных наук, где мы имеем дело с огромными массивами информации. Кроме того, новая техника дает возможность одновременно вести работу с несколькими массивами и по нескольким программам. Совершенствуется и процесс ввода и выдачи информации. Ныне разработаны оптические аппараты для введения информации непосредственно в память электронно-вычислительной машины без чрезвычайно трудоемкой предварительной ее перфорации.

Все это породило среди историков одновременно и чувство облегчения и озабоченности. Облегчения — в связи с тем, что новая техника сулит огромную экономию времени и труда исследователей, а вместе с новыми количественными методами анализа открывает реальные перспективы ставить и решать такие задачи, которые раньше считались неразрешимыми или просто не возникали. Озабоченности — в связи с тем, что намного яснее, чем раньше, стала видна сложность общественного развития. Обращение ко всякого рода первичным и массовым данным — а оно в последние годы получает все более широкое распространение — ярко показало, из какого обилия отдельных событий складываются исторические явления и процессы, какое множество факторов воздействует (или может воздействовать) на ход исторического развития и определяет его направление и содержание.

Те буржуазные социологи и историки, которые не могут или не хотят свести все разнообразие причин и факторов общественного развития к коренным и ведущим и в силу этого абсолютизируют относительность исторических знаний, считая эту относительность отличительной чертой исторической (и вообще общественных) наук, используют возникающую ситуацию для подкрепления позиции субъективизма и агностицизма. «В наши времена по крайней мере большинство историков, занятых

---

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный авторами на Международной конференции по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, проходившей в июне 1973 г в Швеции.

исследовательской работой, понимают, что правда в истории недоступна человеческому разуму», — заявляет голландский историк П. Гейль. «Мы имеем дело не только со сногшибательным обилием фактов, но должны признать и то, что невозможно понять их сущность. Ни один факт в истории не может быть изолированным. Сам по себе он бессмыслен, в нем можно различать разные аспекты лишь тогда, когда мы его сопоставим с разными другими частями окружающих его обстоятельств... Причинность уже не такое простое дело, каким его часто представляли себе историки более ранних поколений»².

Число подобных высказываний можно было бы умножить. Но и без того ясно, что применение в исторической науке новых методов исследования неизбежно должно было привлечь внимание историков как к общим философско-теоретическим, так и к конкретно-методологическим проблемам, и особенно к тем аспектам этих проблем, которые связаны с количественными и машинными методами исследования. Этому и посвящена настоящая статья. Она не имеет целью характеризовать всю совокупность возникающих вопросов. Да и сам круг этих вопросов не является чем-то раз и навсегда данным. По мере расширения сферы приложения новых методов, он будет расширяться и видоизменяться. Речь пойдет о некоторых, на наш взгляд, наиболее важных проблемах, от правильного решения которых во многом зависит плодотворность применения историками новых методов исследования.

* * *

Первый вопрос, в котором должна быть полная ясность в связи с применением в исторических исследованиях количественных и машинных методов, — это вопрос о соотношении этих методов с теоретическим, качественным анализом. Историки-марксисты всегда исходят из определяющей роли качественного, т. е. общетеоретического, и основанного на нем конкретно-методологического подхода.

Исходные теоретико-методологические принципы и положения определяют цели, пути и методы исследования, на их основе происходит отбор, анализ и обобщение фактического материала, т. е. теория является определяющим компонентом научного исследования.

Несомненно положительным и важным следует признать тот факт, что и видные буржуазные современные исследователи, занимающиеся внедрением в историческую науку новейших методов, исходят из признания определяющей роли правильной теоретической постановки и трактовки исследуемых проблем. Так, шведские ученые К. Андре и С. Лундквист в своем докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве подчеркивали, что «методы могут быть совершенными, а идеи, лежащие в основе данного исследования, ошибочными, и столь же ошибочными тогда будут и результаты»³. Французский исследователь Ж. Шнейдер в докладе на этом же конгрессе указывал: «В области исторических исследований обращение к машинам будет играть прогрессивную роль только в том случае, если оно будет сопровождаться исследованиями в области методологии, которые должны иметь доминирующее значение. Ведь хорошо известно, что машина дает только то, что в нее заложено»⁴.

² Pieter Geyl. Use and Abuse of History, 1970, p. 61.

³ К. Г. Андре и С. Лундквист. Использование массивов исторической информации. Опыт изучения шведских народных движений. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970 стр. 9.

⁴ Ж. Шнейдер. Машина и история. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. стр. 10.

Такую же точку зрения отстаивали на проходившей летом 1973 г. в Швеции Международной конференции по применению в исторических исследованиях математических методов и электронных машин Р. Ладьюри (Франция), Р. Фогель (США) и другие.

Вместе с тем нельзя не указать и на широко распространенное в буржуазной историографии отрицание ведущей роли теории в историческом исследовании вообще и при применении математических и машинных методов анализа, в частности. Развиваются идеи о том, что широкое применение математических методов якобы позволяет создать некую новую «математическую историческую науку», свободную от философии и основанную на чистой логике. Далеко не новые по своей сути, эти попытки выражают стремление найти дополнительные доводы в пользу подмены научного исследования общественного развития его простым описанием и субъективным истолкованием. Это понимают даже многие буржуазные историки. Как правильно отмечал на Московском конгрессе исторических наук канадский историк А. Дюбюк, маскируемое призывом к объективности исследования «положение об исчезновении идеологий есть наиболее идеологическое из всех прочих» и «противоречит развитию науки»⁵.

Советские историки неоднократно подчеркивали, что нет никаких оснований и необходимости создания «новой исторической науки», что применение новых методов исследования может быть плодотворным прежде всего на базе исторического материализма и диалектического метода познания⁶.

Другим важным общим вопросом, который требует решения прежде, чем можно будет перейти к рассмотрению конкретно-методологических проблем, является вопрос о возможности применения количественных методов в исторических исследованиях, об аспектах и пределах этого применения.

Естественно, что в современной буржуазной историографии решительными противниками применения в исторических (и вообще общественных) исследованиях новейших, в том числе и математических, методов выступают сторонники субъективистских концепций, ибо эти методы так или иначе ограничивают присущий этим концепциям произвол, прикрываемый теми или иными доводами. Субъективисты не приемлют новые методы, так сказать, в принципе.

Другую группу противников новых методов составляют те исследователи, которые абсолютизируют реальные препятствия, стоящие на пути этих методов. Так, американский историк экономики Э. Тюма указывает, что преградой для их применения является то, что «огромные области исследования не имеют тех количественных или теоретических характеристик, которые позволили бы подвергать их математическому анализу»⁷. Отмеченное положение действительно имеет место, но истинно научный подход к проблеме заключается не в отказе от применения новых методов, а в поиске путей для их применения.

⁵ А. Дюбюк. История на перекрестке гуманитарных наук. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, стр. 11.

⁶ См. Ю. Ю. Какк. Нужна ли новая историческая наука? «Вопросы истории», 1969, № 3; И. Д. Ковальченко. О применении математических методов в исторических исследованиях. «Источниковедение. Методологические и методические проблемы». М., 1969; «Математические методы в исторических исследованиях». М., 1972 (вступит. ст. Ю. Л. Бессмертного).

⁷ Elias H. Tuma. Economic History and the Social Sciences. «Problems of Methodology». Berkeley and Los Angeles, 1971 p. 71.

Некоторые исследователи, признавая целесообразность обращения к новым методам, вместе с тем высказывают опасения, что при этом, как отмечает Роберт Лайнз, «придется выбросить столько деталей, что неизвестно, не выплеснем ли мы из ванны ребенка вместе с водой...»⁸. Опасение вполне справедливое, если полагать, что формализации и количественной оценке должны быть подвергнуты все проявления общественной жизни, а сами математические методы должны стать универсальным и единственным средством исторических исследований.

Вопрос о пределах количественного анализа в исторических исследованиях должен решаться исходя, во-первых, из содержания общественного развития, специфики его отдельных сторон и проявлений; во-вторых, из целей исторической науки и конкретных задач исследования и, в-третьих, из характера имеющихся данных, прежде всего возможности их формализации и количественного выражения. Такой подход снимает возможность абсолютизации количественных методов и возражения против их применения. В то же время он позволяет определить те сферы, в которых должны быть сосредоточены усилия по применению этих методов.

Прежде всего выясняется, что нет никакой необходимости распространять количественные методы на изучение целого ряда сторон и проявлений исторического развития. Вся сложная совокупность явлений общественной жизни может быть разделена на ряд категорий. Это в первую очередь все то, что выражает собой объективный, закономерный и внутренне обусловленный характер исторического развития. Или, говоря иначе, это — все то, что характеризует общественную жизнь как совокупность различных систем с присущими им структурами и как процесс, выражающийся в определенной динамике, т. е. это прежде всего сфера социально-экономических явлений. Далее, большое место в общественной жизни занимают явления субъективные по своей форме, но объективно-социальные по своему содержанию. Это — сфера социально-политических и общественно-идеологических явлений. Наконец, общественная жизнь — это сочетание множества специфических, индивидуальных и неповторимых событий и явлений.

Совершенно очевидно, что пути и методы исследования этих проявлений исторического развития должны быть различными. При анализе общественных систем и их структур, исторических процессов и их динамики, который имеет своей целью раскрытие объективного и закономерного характера исторического развития, абстрагирование от случайного и частного является не только правомерным, но и необходимым. Без этого не могут быть раскрыты их характер и внутренняя суть, ибо, как указывал К. Маркс, «общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»⁹. Ясно, что количественные методы прежде всего и должны применяться именно в этом направлении исторических исследований. Эти исследования, как правило, базируются на изучении массовых объектов и явлений и непременно включают в себя обобщающие, синтетические построения и заключения, раскрывающие коренную внутреннюю суть рассматриваемых общественных систем и процессов.

⁸ Robert M. Lyne. The Role of Models. «Mathematics in Archaeological and Historical Sciences». Edinburgh, 1971, p. 544.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 176.

Иное дело — исследование неповторимого и индивидуального. Здесь любые детали могут быть предметом изучения и поэтому к ним следует относиться бережно. Разумеется, и здесь могут использоваться количественные и машинные методы. Например, при анализе языка и стиля того или иного автора или произведения вполне могут применяться и применяются новейшие методы. Но, во-первых, здесь их применение основано не на абстрагировании от частного, а как раз на его учете, и, во-вторых, при изучении таких явлений всегда будет играть важную роль их простое описание и чувственно-эмпирическое восприятие и истолкование.

Итак, обосновывая правомерность применения в исторических исследованиях новейших количественных методов и расширяя сферу их приложения, нет необходимости отрицать или недооценивать традиционные методы. Любой метод исследования имеет свой диапазон эффективного действия. Ясное представление об этом предохранит историков от переоценки или недооценки тех или иных методов исследования. Применяемый метод должен соответствовать исследовательской задаче. Не следует усложнять эти методы там, где можно достигнуть цели более простыми средствами (этим порой грешат наиболее ретивые сторонники новых методов). Но точно так же нельзя ограничиваться традиционными приемами там, где новые методы могут дать больший эффект. Поэтому нельзя признать оправданным скептическое отношение к новейшим методам некоторых историков только потому, что они еще не вошли в повседневную практику или не всегда просты в понимании и применении.

Математические методы исследования обладают рядом несомненных преимуществ. Прежде всего, они позволяют историку получить количественные характеристики изучаемых явлений и процессов там и в таких аспектах, где обычные методы подобных характеристик не дают. Это в первую очередь относится к сфере взаимосвязей, анализу которых историки уделяют едва ли не наибольшее внимание. Далее, исследователь не только может получить количественные показатели, но и во многих случаях судить о том, с какой точностью и достоверностью они характеризуют соответствующие явления и процессы. Это особенно важно в тех случаях, когда приходится ограничиваться сохранившимися данными, что является обычной практикой в исторических исследованиях. При анализе больших массивов данных, сплошная обработка которых затруднительна или нецелесообразна, математические методы позволяют оперировать с выборками и получать на их основе обобщенные показатели. Наконец, количественные методы открывают путь к синтетической характеристике на данном этапе отдельных явлений и сторон общественной жизни, а в перспективе — целых периодов исторического развития. Таким путем является математическое моделирование.

* * *

Другой круг методологических проблем, возникающих при применении математических методов, связан с постановкой исследовательских задач, выбором тех признаков и показателей, которые подвергаются анализу, и их измерением. Все эти вопросы стоят перед историками и при использовании традиционных приемов. Однако значение правильного их решения при применении математических методов неизмеримо возрастает.

Ясно, что постановка исследовательской задачи в любом случае должна исходить из стремления охватить изучаемый процесс или явление

во всей его внутренней сложности и внешних опосредованиях, т. е. объективный научный подход требует рассмотрения объекта исследования лишь: «(α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁰. Принципы эти очевидны, но их практическая реализация не всегда проста. И дело здесь не только в сложности общественного развития, но и в том, что современные историки, изучая прошлое, отправляются, как правило, не от пустого места, а от уже введенных в научный оборот фактов, наблюдений и выводов. Естественно, что это сказывается на постановке ими исследуемой задачи. Существует опасность подойти к ней субъективно, а значит, и допустить просчет.

Во избежание таких просчетов, во-первых, не следует проявлять ни нигилизма, ни консерватизма по отношению к достигнутым результатам исторических исследований. Поэтому неправ Р. Фогель, который полагает, что применение новых методов имело бы примитивные результаты, если бы оно воспроизводило прежние выводы¹¹. В науке движением вперед является не только получение новых выводов, но и подтверждение на новой основе старых заключений. Во-вторых, постановка задачи не должна исходить из стремления получить субъективно желаемый итог. Она должна быть направлена на расширение и углубление подхода к исследуемому объекту на базе его теоретического анализа и всестороннего обобщения предшествующего изучения. От этого прежде всего и будет зависеть эффективность применения новых методов.

Приведем один пример. В последние годы большое внимание американских историков и экономистов привлекал сравнительный анализ двух экономических систем — системы плантационного хозяйства, основанного на рабском труде, и системы сельскохозяйственного производства на основе свободного труда в середине XIX в. В ряде работ, основанных на новейших методах, оспаривается традиционный вывод о нерентабельности рабского труда, о его экономической невыгодности. Сравнив рабский труд на Юге со свободным трудом на Севере, авторы этих работ приходят к выводу о высокой экономической эффективности первого и утверждают, что причины ликвидации рабства лежали не в области экономики, а в сфере морали и справедливости¹². Допуская, что сами по себе проделанные расчеты являются правильными, мы тем не менее должны признать, что вопрос о сравнительной эффективности системы рабства и системы свободного труда остался нерешенным. Причина тому — узкая постановка задачи. Вопрос о рабском и свободном труде рассматривался лишь в плане их сравнительной экономической рентабельности. Соотношение же этих систем с точки зрения условий их функционирования, общественных интересов и перспектив экономического развития не было учтено. Авторы прошли мимо того обстоятельства, что рабский труд оправдывал себя лишь «на обширных пространствах естественно плодородной почвы, требующей лишь примитивного труда», что «интенсивные культуры, зависящие не столько от плодородия почвы, сколько от вложенного капитала, образованности и инициа-

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 49, стр. 329.

¹¹ R. W. Fogel. The New Economic History, Its Findings and Methods. «Quantitative History. Selected Readings in the Quantitative Analysis of Historical Data». Ontario, 1969, p. 322.

¹² Указанный вывод был справедливо расценен советскими историками как попытка оправдать систему рабства (Б. С. Косачев. Некоторые вопросы экономического развития США первой половины XIX в. В сб. «Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг.» М., 1971, стр. 226).

тивности работника, противоречат самому существу рабства»¹³. Системы рабства и свободного труда существовали в столь различных условиях, что прямое сопоставление их едва ли возможно. Сравнение же их при равных условиях (например, тех, которые существовали на осваиваемых землях Запада) и при учете перспектив исторического развития (тенденции к интенсификации сельскохозяйственного производства), несомненно, дало бы другой результат.

Нет сомнений, что американские исследователи хорошо понимают значение указанных моментов. Но субъективная устремленность на опровержение традиционной точки зрения помешала объективному подходу к проблеме.

На стадии отбора данных, необходимых для решения поставленной задачи, первостепенным является вопрос об их репрезентативности. В тех случаях, когда историк имеет возможность применить собственно выборочный метод, т. е. делать необходимые выборки данных из их сплошной совокупности, репрезентативность обеспечивается случайностью отбора и объемом выборки, соответствующим заданной точности и достоверности¹⁴. Способы комплектования таких выборок хорошо разработаны в теории выборочного метода, который является важным разделом математической статистики.

Значительно сложнее обстоит дело в тех случаях, когда историк вынужден оперировать данными так называемых «естественных выборок», т. е. опираться на массив сохранившихся или доступных для исследования сведений. Такие выборки могут быть случайными и достаточными по объему, чтобы обеспечить необходимую точность и достоверность. Но они могут и не быть такими. Следовательно, здесь нужна специальная проверка. В той части, которая связана с установлением того, в какой мере объем выборки обеспечивает приемлемую достоверность и точность, эта проверка не представляет затруднений. Она может быть проведена приемами, предназначенными для собственно выборочного метода. Что же касается проверки случайности «естественных выборок», то достаточно надежных математических средств такой проверки пока не существует. Историк здесь должен опираться и на собственно исторические средства и приемы (проверка случайности данных с точки зрения их происхождения, последующей обработки и хранения и т. д.)¹⁵.

Установление репрезентативности данных «естественных выборок» — задача, которая стоит перед историками при использовании любых методов исследования. Однако именно количественные методы требуют неперменного и всестороннего ее решения. Поэтому необходима дальнейшая разработка принципов и приемов установления репрезентативности показателей «естественных выборок».

Исследуя тот или иной процесс или явление и привлекая соответствующие источники, историк всегда выделяет для анализа определенные признаки, характеризующие эти процессы и явления. Выбор этих при-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 344.

¹⁴ Случайным является такой отбор, при котором каждый элемент совокупности (или, как ее называют в статистике, генеральной совокупности) имеет равную вероятность попасть в выборку. Точность выборочных данных определяется величиной той погрешности их средней арифметической, которая признается допустимой при решении соответствующей задачи. Достоверность результата выражается вероятностью (обычно 95 или 99%). Соответствующий объем выборки обеспечивает получение заданной точности и достоверности.

¹⁵ Примеры проверки репрезентативности данных «естественных выборок» можно найти в статье И. Д. Ковальченко «Об опыте математико-статистической обработки выборочных данных о крестьянском хозяйстве в России XIX в.» («Вестник МГУ», 1966, № 1).

знаков может основываться только на качественном анализе, на учете сути изучаемых объектов и поставленной задачи. Особенно важен и сложен отбор соответствующих показателей в тех случаях, когда источники содержат большое число их. Успех исследования очень во многом зависит от того, в какой мере, во-первых, будут выделены именно те признаки, которые характеризуют основные черты исследуемых явлений и процессов, и, во-вторых, насколько верно будет установлена их иерархия, взаимная соподчиненность.

Многие сторонники структурного анализа исходят из того, что все компоненты общественных систем равнозначны и в одинаковой мере характеризуют их структуру. Это создает иллюзию необходимости учета как можно большего числа признаков. Между тем механическое увеличение числа анализируемых показателей само по себе не только не решает задачи, но даже может увести от ее правильного решения. Поэтому необходим предварительный тщательный отбор признаков, основанный на глубоком качественном анализе. Следует подчеркнуть, что и правильный выбор признаков, и установление их соподчиненности очень во многом могут быть облегчены применением математических методов. Поэтому в исследованиях, предусматривающих привлечение обширного конкретного материала, чрезвычайно полезны предварительная обработка и анализ выборочных совокупностей. Они позволяют в сочетании с качественным анализом обоснованно провести отбор необходимых признаков и наметить пути раскрытия их взаимосвязи. Именно так поступили советские историки В. З. Дробижев и А. К. Соколов при использовании данных профессиональной переписи 1918 г. для изучения социальной структуры рабочего класса. Массив первичных данных этой переписи насчитывает более миллиона учетных карточек. Первоначально была сделана пробная выборка. Обработка ее данных должна была помочь определить необходимую в дальнейшем долю выборки и наиболее значимые для характеристики социальной структуры рабочего класса признаки. Всего учетная карточка включала 65 различных показателей. Анализ взаимосвязи между ними по данным пробной выборки показал, что для анализа социальной структуры число их можно сократить до 26. В последующих выборках анализу подверглись только эти признаки. Вместе с тем пробная выборка позволила установить иерархию признаков, т. е. выделить среди них важнейшие, а также определить необходимую долю отбора¹⁶. Все это дало возможность экономно и целеустремленно провести дальнейшую обработку данных огромного массива. Применяв типически-механический метод отбора, исследователи, обработав 11 тыс. бланков (т. е. примерно один процент всего их числа), смогли получить представительные данные о социальной структуре рабочего класса.

При отборе показателей важно не только избежать включения в их число таких, которые не дают полезной для данной задачи информации, но и обеспечить тот необходимый минимум признаков, без которого нельзя правильно раскрыть основную суть исследуемых явлений и процессов. В противном случае это может привести к необоснованным и ошибочным заключениям. Вот один из примеров. На упоминавшейся конференции в Швеции группа молодых американских историков выступила с докладом о социальной структуре населения ряда американских городов в середине прошлого века. Основным источником послужили

¹⁶ См. А. К. Соколов. Методика выборочной обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. «История СССР», 1971, № 4, стр. 76—96; В. З. Дробижев, А. К. Соколов. Рабочие Петрограда в 1918 г. «История СССР», 1973, № 1, стр. 32—54.

данные переписей населения. Математическими методами изучались взаимосвязи между различными показателями. Одним из основных оказался вывод о том, что важнейшим фактором, определявшим положение горожан, была их национальная принадлежность. Так, среди немцев были распространены более квалифицированные профессии (многие из них были кузнецами), а среди ирландцев, наоборот, преобладали занятия с низкой квалификацией (здесь было много землекопов). Вывод этот сделан без учета положения и занятий населения в прошлом, до эмиграции в США. Таких данных использованные источники не содержали. В итоге исследователи, изучая факторы, определявшие профессиональный статус населения, на основе непредставительного набора показателей, пришли к необоснованным и ошибочным выводам.

Таким образом, совершенно очевидно, что выявление оптимальной и представительной в количественном и качественном отношении совокупности подлежащих количественному анализу показателей требует предварительного тщательного качественного анализа сути исследуемых явлений и процессов.

Вслед за отбором показателей возникает проблема их количественного выражения. Отсюда — необходимость их измерения. В настоящее время историки более или менее удовлетворительно справляются с проблемой измерения лишь там, где они имеют дело с количественными признаками, которые, как правило, отражены в источниках в численном выражении. Однако даже характеристика экономических явлений и процессов часто не исчерпывается количественными показателями, а имеет еще и качественные. Без учета и измерения последних может оказаться невозможным анализ исследуемых объектов. Вот почему задачи измерения превращаются в одну из центральных проблем в методологии и методике исторической науки.

Теоретически не исключено, что все проявления общественной жизни, так или иначе воздействовавшие на ход исторического развития, т. е. имевшие свой объективный результат, могут быть измерены и выражены количественно. Все дело, следовательно, в том, насколько конкретно-методологический, методический и технический арсенал, которым вооружены историки, дает возможность практически осуществить такое измерение. Пока такой арсенал беден и навыки историков в измерении качественных признаков весьма несовершенны. Одним из проявлений такого несовершенства является то, что историки очень часто принимают простой счет за универсальное средство измерения. Здесь не учитываются принципиальные различия измерения количественных и качественных признаков. Если параметры первых вполне могут быть выражены через счет, то для вторых при определении их роли чаще всего одного счета оказывается недостаточно.

Историки и социологи настойчиво ищут пути и методы измерения различных сторон и проявлений общественной жизни. В этом направлении достигнуты определенные успехи. Так, значительны сдвиги в формализации и измерении политических явлений. Здесь широко применяется метод экспертных оценок качественных признаков на основе различных шкал их количественного выражения.

В связи с широким интересом историков к народным движениям, в последние годы много внимания уделялось вопросу о том, как измерить размах и силу этих движений. Обобщив опыт советских историков, Б. Г. Литвак предлагает различать формы крестьянских выступлений и учитывать их размах в охваченных движением селениях¹⁷. Историки

¹⁷ Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.

Э. Хобсбом и Г. Рюде предлагают вычислять количество «дней-волнений» (произведение количества участников на число дней волнения)¹⁸.

Солидаризируясь с мнением многих советских историков, мы считаем, что при изучении силы антифеодальной борьбы за единицу измерения следует брать прежде всего помещичье имение (если у одного помещика было несколько имений, то мы имеем и несколько единиц). Сеть феодальных владений — это своеобразные нервные узлы организма феодального общества. Когда одно из них охвачено антифеодальными волнениями, то этот узел по крайней мере временно поражен. Чем больше нервных узлов было поражено, тем более сильным и опасным являлось крестьянское движение для господствующего класса и самодержавного строя. В своем предельном выражении оно могло оказаться важнейшим фактором возникновения революционной ситуации (как это произошло, например, в середине XIX в. в России).

Но вместе с тем следует указать, что такого рода статистическое измерение силы антифеодальной борьбы является правомерным лишь тогда, когда мы применяем его, так сказать, в горизонтальном разрезе, т. е., когда мы сравниваем силу крестьянских волнений в разных районах, но примерно в одно и то же время. Ибо, как только мы начинаем сравнивать силу крестьянского движения в разные эпохи, то сразу поневоле нарушаем принцип историзма. Можем ли мы утверждать, что если где-то в Центральной России волнениями было охвачено 100 имений в конце XVIII в. и столько же в 1850-е годы XIX в., то это равные по своей силе (и по своей объективной опасности для правящих классов) волнения? Очевидно, что поставить здесь знак равенства нельзя. Как сравнить и соизмерить психологическое и другое воздействие крестьянского движения, с одной стороны, на приближенных Павла I, а с другой — на сановников Николая I или Александра II? Как выявить и сравнить силу воздействия этого движения на характер аграрной политики и т. д.? Иначе говоря, общая оценка крестьянского движения пока еще несовершенна. Она не дает однозначных количественных показателей силы движений, что затрудняет их статистический анализ и включение данных о народных движениях в модели общественного развития. Вероятно, в дальнейшем такие оценки могут быть получены путем сочетания размаха движения с количественным выражением остроты борьбы. Последняя может быть получена по определенной шкале, основанной на учете силы различных форм борьбы, дифференцированной в системе качественных оценок (накал борьбы — очень сильный, сильный, умеренный, слабый, очень слабый и т. п.). Сложность задачи состоит в нахождении обоснованных интервалов количественной оценки качественных характеристик. Вероятно, эту задачу нельзя решить без учета объективных результатов народных движений. А между тем это — один из наиболее сложных и наименее изученных аспектов истории классовой борьбы.

Мы так подробно остановились на вопросе об измерении классовой борьбы крестьянства потому, что на этом примере ярко видно, как еще далеки историки от точных количественных оценок даже тех явлений, которые ими сравнительно хорошо изучены.

Выработка системы шкал для количественной оценки качественных признаков в сочетании с учетом масштабов явлений, которые могут быть выражены статистически, дает возможность измерить многие проявления общественной жизни. Но на этом пути историкам предстоит преодолеть многие препятствия и решить целый комплекс методологических, методических и конкретно-исторических вопросов.

¹⁸ E. I. Hobsbawm and Y. Rude. *Captain Swing*. London, 1969.

Особую проблему составляет формализация и количественная оценка индивидуальных представлений и понятий, зафиксированных в многочисленных нарративных источниках как официального, так и личного происхождения, а также количественный анализ в текстологии, палеографии и других подобных областях. Пока историками предприняты лишь первые попытки в этом направлении¹⁹. Здесь также возникает ряд сложных вопросов, которые требуют специального обсуждения.

С проблемой измерения объектов исторического исследования тесно связан вопрос о выборе уровня, на котором проводится измерение, и определение масштабов сопоставляемых периодов при изучении динамики процессов. Так, известно, что теснота взаимосвязи различных признаков может значительно варьировать в зависимости от того, на каком уровне измеряются эти признаки. Например, различные стороны помещичьего или крестьянского хозяйства могут измеряться на уровне отдельных хозяйств, усредненном уровне небольших округов (уездов применительно к России) и более крупных административных единиц (губерний). При этом теснота взаимосвязи признаков будет становиться более устойчивой по мере укрупнения исходных статистических единиц, поскольку усреднение будет элиминировать отклоняющее воздействие случайных факторов. При исследовании процессов характер динамики также будет все более отчетливо выявляться по мере удлинения сопоставляемых периодов (по отдельным годам, пятилетиям, десятилетиям и т. д.). Вместе с тем оперирование исходными единицами явлений и процессов (теми же крестьянскими и помещичьими хозяйствами как таковыми) дает более конкретное и детальное представление об их сущности.

Избранные уровни и масштабы измерения должны быть сопоставимы и допускать возможность сравнения во времени и пространстве. Для этого необходимо измерять одни и те же параметры, на одинаковом уровне и равными масштабами.

Все это требует тщательного обоснования избираемых уровней и масштабов измерения. Оно должно исходить прежде всего из сути исследуемых объектов и соответствовать исследовательской задаче, а не ориентироваться на избранный метод количественного анализа, хотя его свойства также должны учитываться.

* * *

Основным этапом применения количественных методов является тематико-теоретический анализ, который можно разделить на следующие стадии:

- а) формулировка гипотез и выработка соответствующих теоретических моделей;
- б) разработка количественных моделей и обработка на их основе отобранной в источниках информации;
- в) анализ и обобщение полученных результатов и определение сферы действия выводов и заключений.

Здесь также приходится решать ряд методологических проблем.

Прежде всего это вопрос об объекте моделирования и тех типах моделей, которые могут применяться в исторических исследованиях. Речь идет о том, в какой мере, изучая историческое развитие, правомерно строить модели, не только характеризующие реально происходившие

¹⁹ См., напр., Л. М. Брагина. Опыт исследования философского трактата XV в. методом корреляционного анализа. В сб. «Математические методы в исторических исследованиях». М., 1972.

исторические процессы и явления, но и альтернативные гипотетические модели, воспроизводящие потенциально возможные, но исторически не реализованные тенденции, а также альтернативные симуляционные модели, имитирующие исторические ситуации.

Что касается моделирования реальных исторических ситуаций, то оно безусловно допустимо и необходимо. Здесь лишь важно, чтобы модель строилась на основе теоретической концепции, всесторонне выражающей суть исследуемого процесса или явления, а не исходила из метода их аналитического, т. е. математического выражения. Разновидности подобных моделей могут быть сведены к двум типам — моделям структурным и моделям динамическим. Первые уже получили заметное распространение в исторических исследованиях, вторые в сущности еще ждут своей очереди. Разработка динамических моделей и в историческом, и в математическом отношении несравнимо более сложна, чем моделей структурных. Поэтому историки пока изучают динамику при помощи структурных моделей, фиксирующих состояние процесса на различные временные моменты²⁰.

В области моделирования советские историки направляют свои усилия прежде всего на разработку моделей, характеризующих реальное содержание и ход общественного развития. В данном случае нет возможности, да и необходимости описывать эти модели. Они характеризуют внутренний строй крестьянского и помещичьего хозяйства дореволюционной России, социальную структуру советских рабочего класса и крестьянства и другие явления и, как правило, основаны на массовых данных, мало использовавшихся историками прежде.

Вполне допустимо применение в исторических исследованиях и альтернативных гипотетических моделей. Они характеризуют потенциально возможные исторические явления и процессы, которые в силу определенных условий не стали реальностью. Смысл моделирования подобных явлений и процессов состоит в том, что их модели помогают более глубоко понять реальный ход развития. Яркий пример гипотетической модели, альтернативной действительному ходу развития, мы находим в работах В. И. Ленина по аграрной истории России начала XX в.²¹ Реальному ходу аграрной эволюции В. И. Ленин противопоставил альтернативу развития при ликвидации помещичьего землевладения. Модель этой альтернативы, исходящая из действительной борьбы в аграрном строе России двух путей аграрной эволюции (буржуазно-крестьянского и буржуазно-помещичьего), углубляла понимание хода этой эволюции.

Гипотетические альтернативные модели должны строиться на тех же принципах, что и реальные модели, т. е. и здесь теоретическая модель и ее формализованное выражение должны основываться на действительных тенденциях развития.

В разработке альтернативных гипотетических моделей с широким применением математико-статистических методов большая заслуга принадлежит Р. Фогелю и его американским коллегам. Хотя целевая направленность и теоретические основы предложенных моделей не могут

²⁰ Примером такой модели может быть количественный анализ процесса формирования всероссийского аграрного рынка в XVIII—начале XX в. Состояние рынка подвергалось структурному анализу на разных исторических рубежах (середина XVIII в., начало и середина XIX в., конец XIX — начало XX в.), и сопоставление итогов этого анализа показало динамику процесса (см. И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII — XX вв.). «История СССР», 1969, № 1).

²¹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 204—206; т. 17, стр. 77, 125 и др.

быть приняты²², их методическая и техническая сторона заслуживает внимания и может быть использована при построении других моделей.

Наконец, об альтернативных симуляционных моделях, имитирующих ситуации, не вытекающие из действительного хода исторического развития. Той сферой, где эти модели возникли и получили широкое распространение, является теория игр. Она широко применяется в военном деле, а также при принятии решений и прогнозировании в экономической, социальной и политической сферах. Здесь эти модели позволяют сопоставлять все теоретически допустимые варианты ситуаций и на этой основе принимать оптимальное решение или определять перспективы развития.

Другое дело — анализ прошлого. Здесь задача науки — объяснить то, что произошло и почему произошло. Поэтому моделирование ситуаций, не основанных на реальном ходе развития или его возможных тенденциях, может увести историка от его главной задачи и открыть путь для произвольного толкования этого развития. И правы те историки, которые выступают против подобного моделирования и называют такие модели, говоря словами американского профессора Ф. Редлиха, «иллюзорными плодами воображения»²³. Правда, отвергая симуляционные модели, не следует смешивать их с альтернативными гипотетическими моделями²⁴.

Очевидно, что ясное представление об объекте исторического моделирования и возможных типах моделей является важным условием успешного применения моделей в исторических исследованиях. Поскольку модель представляет собой формализованное количественное выражение теоретического понимания сущности исследуемых явлений и процессов, постольку выбор типа модели и определение ее исторически содержательного смысла осуществляется на основе предварительного качественного анализа этих явлений и процессов. Он и составляет первую из указанных фаз моделирования.

На втором этапе при построении формализованной количественной модели прежде всего должен быть решен вопрос о том, в какой мере математический аппарат, на базе которого строится эта модель, правильно отражает суть моделируемых явлений и процессов, насколько адекватно он их воспроизводит. Для этого историк должен понимать логическую суть используемых математических методов и знать условия их применения, ибо, несмотря на универсальность, математические функции, системы уравнений, неравенств и т. п. имеют свой диапазон

²² Например, американские исследователи проделали интересную работу по сопоставлению масштабов реального развития сельскохозяйственного производства в США в конце XIX в., достигнутых в условиях широкого железнодорожного строительства, с теми, которые могли бы быть, если бы вместо железных дорог строились каналы. Однако при этом альтернативная модель имеет целью не объяснение того, почему именно железные дороги стали основным видом транспорта, а доказательство того, что столь радикальное техническое усовершенствование в сущности не оказало значительного влияния на ход экономического развития. С таким целевым подходом, его обоснованием и сделанными выводами нельзя согласиться (см. R. Fogel. Указ. соч.). Об ограниченности в постановке вопроса о сравнительной выгодности рабского и свободного труда мы уже говорили выше.

²³ Fritz Redlich. *New and Traditional Approches to Economic History and Their Interdependence*. «Journal of Economic History», vol. XXV, Dec. 1965, N 4, p. 484.

²⁴ Говоря об альтернативных количественных моделях, мы в данном случае не касаемся сложных проблем, связанных с анализом возможного и действительного места альтернативности в историческом развитии и исторической науке. Этот сюжет требует специального рассмотрения. Заметим лишь, что растущий интерес советских историков к изучению ситуаций, альтернативных действительному ходу развития, опережает разработку методологических основ такого изучения. Это приводит к тому, что анализ альтернатив ведется нередко узко, без учета всех необходимых его аспектов.

действия, который должен покрывать всю область моделируемых явлений и процессов. В противном случае существует опасность принять за целое и основное лишь их часть.

Успешный выбор оптимального математического аппарата опять-таки во многом зависит от качественного анализа, от того, насколько четкой и ясной является теоретическая модель, насколько в ней суть объекта моделирования полно выражена в исторически формализованном виде.

Историки еще не имеют достаточного опыта проверки адекватности воспроизведения количественными моделями сути и хода общественного развития. Работа в этом направлении только еще начинается и пока еще не выработаны даже общие принципы такой проверки. Решение этого важного вопроса требует как теоретических, так и конкретно-исторических разработок.

Поскольку многие математико-статистические методы основаны на законе больших чисел, на нормальном распределении, необходимо прежде всего изучить, в какой мере в общественной жизни проявляется этот закон.

В области социально-экономических явлений закон больших чисел действует модифицированно. Подчиняясь определенным закономерностям или воздействию каких-либо существенных факторов, массовые явления или объекты могут группироваться отнюдь не по правилам и нормам нормального статистического распределения, а концентрироваться в каких-то пунктах или направлениях. Но столь же возможна и такая ситуация, когда преобладают черты сходства или отсутствуют какие-то детерминирующие факторы, в результате чего и в области общественной жизни может иметь место нормальное распределение. В общественной жизни закон больших чисел представляет собой по существу форму проявления диалектического единства закономерного и случайного.

«Г-н А. Кетле в своем превосходном научном труде „Человек и его способности“ говорит: „...Мы даже можем предсказать, сколько лиц обогреть свои руки кровью своих ближних, сколько — прибегнут к подлогу, сколько — пустят в ход яд, почти таким же способом, как мы предсказываем число ежегодных рождений и смертей“» — указывал К. Маркс еще в 1853 г. в статье, опубликованной в газете «York Daily Tribune». «Приводимая Кетле... таблица за 1822—1824 гг. показывает, — писал К. Маркс, — что среднее число преступлений, совершаемых среди той или иной национальной части общества, зависит не столько от особых политических убеждений данной страны, сколько от основных условий, свойственных современному буржуазному обществу в целом». И, воспроизводя данные Кетле о возрастной структуре преступников в США и во Франции, К. Маркс заключает: «Итак... преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают, по своему числу и своей квалификации, такую же закономерность, как явления природы...»²⁵.

К. Маркс очень четко и правильно указывает на то, что статистический закон больших чисел проявляется в обществе, так же как и в природе, лишь при определенных обстоятельствах, тогда, когда основные условия, решающие факторы оказываются столь похожими, что вызывают и одинаковые результаты. Детерминирующим является сходство основных условий, и поэтому мы в подобных случаях по существу имеем дело с псевдослучайностями.

Закон больших чисел может проявляться и в таких ситуациях, когда разные факторы общественно-экономического развития, так сказать, взаимно погашают друг друга. В последние годы в исторических (осо-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 531—532.

бенно часто в историко-демографических) работах исследователи подчас приходят к выводам, которые якобы говорят о том, что разные общественно-исторические феномены не зависят от основных факторов социально-экономического развития. Но в подобных случаях надо всегда проверить, не имеем ли мы дела с явлением взаимного погашения отдельных факторов; не проявляется ли связь, которую мы можем потерять из виду при слишком больших массивах, при рассмотрении более ограниченных объектов; не изменяется ли общая картина, когда мы включаем в круг анализа несколько новых факторов и т. д.

Разумеется, кроме нормального в массовых общественных явлениях могут иметь место и другие виды распределений. Изучение характера распределения массовых объектов и явлений общественной жизни будет создавать основу для более эффективного применения в исторических исследованиях математических методов. Кроме того, должны соблюдаться другие математические условия применения этих методов.

На третьей, заключительной стадии применения количественных методов, как указывалось, проводится содержательный анализ результатов количественной обработки данных и обобщение итогов этого анализа. Совершенно очевидно, что в их основе лежит качественный, диалектический и историко-математический подход.

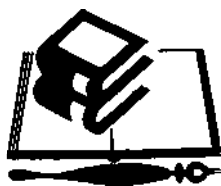
Важной задачей при обобщении результатов математического анализа и формулировании итоговых выводов является определение той сферы, на которую их можно распространить. Здесь историк не должен поддаваться той иллюзии, что строгость этого анализа будто бы автоматически гарантирует его надежность и придает ему всеобъемлющий характер.

Когда в общественных науках применяется, например, корреляционный или регрессивный анализ, то часто обнаруживается, что те факторы, влияние которых изучается, не объясняют всего «поведения» социального процесса. Если, например, корреляционный анализ указывает, что между количеством забастовок и повышением стоимости жизни имеется корреляционная связь $+0,3$ и, следовательно, коэффициент детерминации равен лишь $0,09$, то это значит, что забастовочная борьба лишь в малой степени зависит от повышения стоимости жизни. Были другие факторы (деятельность политических партий, идеологическая борьба и т. д. и т. п.), которые тоже сильно влияли на борьбу рабочих. Следовательно, результаты математического анализа в этом случае не раскрывают в полной мере сути изучаемых явлений и процессов. Они лишь указывают на то «пространство необъяснимости», которое вызвано тем, что в нашем распоряжении при проведении этого анализа либо не было данных о всех существенных факторах, либо мы их не могли учесть, либо вовсе не подозревали об их существовании. Итог анализа в подобном случае будет говорить лишь о необходимости начать его снова, на более широкой основе.

Таким образом, определение того, что мы узнали, а что осталось неизвестным, является непременным условием завершающей фазы количественного анализа исследуемых явлений и процессов.

Как видим, на всех фазах количественного исследования качественный подход является основой, гарантией успешного применения количественных методов.

Таков далеко не полный круг более широких и более частных методологических проблем, которые возникают при применении количественных методов в исторических исследованиях.

ВОСПОМИНАНИЯ

К 30-летию победы в Великой Отечественной войне

Герой Советского Союза Н. Г. КУЗНЕЦОВ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ И ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

(Эпизоды из воспоминаний о войне) *

Минуло почти три десятилетия со времени победоносного завершения борьбы советского народа с фашистской Германией и милитаристской Японией. Однако поколению, которому пришлось пережить Великую Отечественную войну в сознательном возрасте, никогда не забудутся события, связанные с ней.

У меня, моряка, сохранились в памяти — кроме общеизвестных фактов из военных лет — прежде всего те, которые относятся к Военно-Морскому Флоту. О некоторых из них я и хочу здесь рассказать.

На рассвете 22 июня 1941 г. начался «день первый» в смертельной схватке Советского Союза с фашистским агрессором. Я никогда не забуду тревожный вечер 21 июня 1941 г. Флоты, находившиеся с 19 июня в повышенной оперативной готовности, еще днем были извещены по телефону об исключительно напряженном положении на границах. Суббота по обычаю на всех флотах считалась днем наиболее ответственным, и командование считало своим долгом с особым вниманием проверять в этот день несение службы во всех соединениях. Так, не случайно в штабе Балтийского и Черноморского флотов вечером 21 июня на своих местах неотлучно находились начальники штабов контр-адмиралы Ю. А. Пантелеев и И. Д. Елисеев. На своем месте в наркомате был и замещавший начальника Главного морского штаба (ГМШ) контр-адмирал В. А. Алафузов, да и я сам не считал возможным оставить кабинет в эти часы. Несмотря на относительно внешнее спокойствие, поступали различные сведения о необычных передвижениях немцев на Балтике и Черном море.

Хотя на флотах и флотилиях была объявлена повышенная готовность и еще ранее были выделены усиленные «боевые ядра» из кораблей, готовых к немедленным боевым действиям, велась разведка и неслись дозоры, командующие флотами В. Ф. Трибуц, Ф. С. Октябрьский и А. Г. Головки сами находились на своих местах в ожидании приказа из Москвы.

Было много признаков для тревоги, и все же не хотелось верить, что мы находимся накануне крупных трагических событий и испытаний, решивших судьбу не только советского народа, но и всего человечества.

Около 23 часов я встретился с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко и начальником Генштаба генералом Г. К. Жуковым. «Возмож-

---

* В статье использованы материалы из готовящейся к печати «Воениздатом» книги воспоминаний «Курсом к победе».

на война в ближайшую ночь» — таков был смысл информации, которую мне передали руководители НКО после посещения ими (около 17 часов) И. В. Сталина. Рвались последние нити, и мне надлежало, не теряя ни одной минуты, передать по радио короткий сигнал о фактической боевой готовности и, кроме того, для надежности продублировать его по телефону ВЧ, что особенно важно было для Балтийского и Черноморского флотов.

К 00 часов 22 июня все приказания о готовности были отданы, и все же теплилась надежда, что вероятный наш противник не «перейдет Рубикон», а благоразумно воздержится от нападения, хотя его войска уже были сосредоточены на границе. К сожалению, этого не произошло.

Конечно, сначала мы довольно мало знали о замыслах Гитлера, но весной 1941 г. уже было много признаков надвигавшейся грозы, а к середине июня уже было ясно, что дело идет не просто о провокации или шантаже со стороны Германии, а о намерении силой оружия решить все вопросы с СССР. Пресловутый «Дранг нах Остен» приводился в действие.

Вечером 21 июня, после беседы с наркомом обороны, у меня исчезли последние надежды на мирную боевую учебу. Час испытаний был близок. Лежавшие на столе стопки бумаг о намеченных ранее мирных учениях теряли смысл. У меня в кабинете кроме заместителя начальника ГМШ собрались мои заместители. Я информировал их о серьезности положения. После личных разговоров по телефону с флотами ничего не оставалось, как ожидать развертывания событий, и надеяться, что нам удастся успешно реализовать длительную подготовку флотов на случай нападения на нашу страну, и особенно к первым часам и дням войны. Ведь для нас никогда не было секретом, что если Гитлер начнет войну, первые удары будут особенно сильными. Именно так немцы всегда действовали, начиная войну. Блицкриг стал их кредо еще с первой мировой войны. Тревожное ожидание установилось в моем кабинете. Мы даже говорили тихо, как будто опасаясь нарушить неизбежный ход событий. Видимо, нервы были напряжены, как струны: все понимали, что война с фашистской Германией, если она начнется, будет тяжелой и длительной. Она потребует больших жертв и невиданного героизма всего советского народа. Особенно мощных ударов следовало ожидать с воздуха, а для флотов это особенно опасно и часто непоправимо. Война с фашистской Германией ожидалась как война в основном континентальная, но и морьям предстояло выдержать большие испытания.

Около часу ночи 22 июня мы разошлись, но я уверен — никто не ушел домой и не лег спать. Разве до сна! Не спал, конечно, и я. Я мысленно представлял, как флоты, получив радиogramму о повышении боевой готовности и фактическом применении оружия в случае нападения, делают последние приготовления. Представил, как затемненные корабли принимают боеприпасы, проверяют оружие и механизмы. Вспомнил, как много учений до этого было проведено на флотах по введению в жизнь системы оперативных готовностей. Что бы ни случилось, меня радовало, что люди — от командующих до матросов — на своих местах и, если потребуется, сделают все от них зависящее. Теперь уже не время вмешиваться. Лишние телеграммы только затруднят инициативу командующих и отнимут у них время.

В 3 часа 15 мин. рокового 22 июня раздался глухой звонок ВЧ, и я быстро подошел к телефону, уже с вечера переключенному на меня. «Откуда звонок и что-то будет мне доложено?» — думал я.

«Бомбят Севастополь», — услышал я взволнованный голос Ф. С. Октябрьского. Смешанное чувство было у меня в те минуты. С одной сто-

роны, я был уверен, что флоты готовы к отражению нападения, и в то же время был ошеломлен известием о фактическом начале войны.

На дворе было уже совсем светло. Где-то тихо играла музыка. Москва еще жила мирной жизнью. Как теперь известно, это было первое донесение о войне, поступившее в Наркомат ВМФ из Севастополя, а отсюда доложенное правительству и наркомую обороны.

Через несколько часов было уже известно, что пламя войны бушует от Балтики до Черного моря. Я был удовлетворен поступавшими докладами о том, что флоты в эти часы «не потеряли ни одного корабля». Налеты авиации врага на Балтике, севере и юге были отражены и не принесли фашистам ожидаемого результата.

Когда в полдень 22 июня В. М. Молотов выступил по радио, война стала ошеломляющим фактом для всего советского народа. Первый военный день был всеми встречен с душевной тревогой, готовностью к испытаниям, но и с уверенностью в окончательной победе над противником. День первый подходил к концу, и вечерний доклад начальника ГМШ свидетельствовал как о наших успехах по отражению атак врага, так и о первых неудачах. Шли тяжелые бои за Либаву.

В разной обстановке застала война советских людей. Одни сразу же оказались в тяжелом положении и в невыгодных условиях отражали натиск врага. Другие подверглись налетам авиации, занимаясь мирным трудом. Но и они, и те, кого еще не доставали снаряды или бомбы противника, с полным сознанием трудностей, которые их ожидают, с беззаветной преданностью своей Родине были готовы жертвовать всем, вплоть до своей жизни, чтобы разгромить врага.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно воспитывали народ в духе патриотизма. Подвиги челюскинцев, папанинцев, рекордные полеты летчиков через полюс, плавания подводных лодок на предельно длительные сроки автономности стали для советских людей примером самоотверженного преодоления трудностей, примером героизма во имя Родины. Поэтому, когда враг напал на нашу страну, советские люди, не жалея сил и часто жертвуя жизнью, давали ему отпор, ведя бои подчас в невероятно тяжелых условиях. И так было от начала Великой Отечественной войны и до водружения Красного Знамени над рейхстагом. Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования под руководством ЦК партии мобилизовали все силы на борьбу с врагом и это обеспечило победу над фашистской Германией.

Начиная войну, гитлеровцы рассчитывали на свою полную готовность к ней, полученный на Западе опыт и внезапность нападения. Применяя уже не раз испытанный принцип блицкрига, они собирались в короткий срок разгромить наши войска и вынудить их к капитуляции. Фашистским армиям удалось в известной степени реализовать свое превосходство нападающего первым, однако у стен столицы разбился вражеский «Тайфун», и наша победа под Москвой явилась первым вестником поражения фашизма, хотя еще и не произошло «решительного перелома» в ходе войны. Не был занят противником и Ленинград, а враг сам вынужден был «зарыться в землю», потеряв надежды на захват города и вместе с ним Балтийского флота. Балтийский флот не упал «как спелое яблоко» к ногам фашистов, а выстоял вместе с ленинградцами 900 дней блокады. Его роль в защите Ленинграда огромна.

Война приняла затяжной характер. Наши союзники занимали «странную» позицию и медлили с открытием второго фронта» для скорого поражения «врага № 1» — фашистской Германии.

Таким образом, на плечи наших Вооруженных Сил легла вся тяжесть решительной борьбы с очень мощной сухопутной армией. Особенно тяжелой оказалась осень 1941 г., да и весь первый период Великой Отечественной войны. Когда шли упорные сражения на сухопутных фронтах, Военно-Морской Флот участвовал в обороне Таллина, Одессы, Севастополя, Ханко, оказывал помощь сухопутным фронтам не только на приморских направлениях, но и в обороне Москвы, Ленинграда и других важных объектов.

Обстановка первого периода войны потребовала сосредоточения всех сил и средств на главных сухопутных направлениях. Война, как известно, приобрела континентальный характер, и около полумиллиона моряков воевали на приморских и сухопутных фронтах. Так решила Ставка ВГК, и мы, моряки, считали это совершенно правильным.

После битвы под Москвой еще очень тяжелым был весь 1942 г. Тогда крупные сражения переместились на юг, где враг еще раз пытался успешно закончить войну. Мы оставили Севастополь, Керченский полуостров и упорные сражения развернулись за Сталинград и Кавказ. Но чаша весов уже склонялась на нашу сторону.

Как я уже писал, к началу войны мы имели более 600 боевых кораблей, и среди них 3 линкора, 7 крейсеров, 49 эсминцев, 218 подводных лодок и более 300 различных малых кораблей и катеров. Флотская авиация имела в своем составе 2529 самолетов.

У нас была сильная как в качественном, так и в количественном отношении береговая оборона. Пушки 130-мм калибра стреляли на дистанцию около 20 км, а 180-мм орудия крейсера типа «Киров» били по врагу с дистанции до 37 км.

В рамках журнальной статьи я, естественно, не могу описать многие эпизоды из боевой деятельности частей Военно-Морского Флота. Вспоминая наиболее важное из того, что мне довелось наблюдать или пережить как наркому и главкому ВМФ, я считаю своим долгом рассказать об отдельных операциях, проведенных флотами. Они, как мне думается, позволят составить правильное, хотя и не полное, представление о событиях на флотах в годы Великой Отечественной войны. Одновременно считаю обязательным оговориться, что упомянутые в статье корабли, части и отдельные товарищи не являются каким-то особым исключением. Я учитываю и тот факт, что много уже написано и еще больше будет о моряхках рассказано в юбилейные дни 30-летия победы в Великой Отечественной войне.

При попытке выделить лишь некоторые корабли или особо отличившихся адмиралов, офицеров и матросов я убедился, что очень трудно кому-либо отдать предпочтение.

Так, говоря о балтийцах, я привожу примеры из боевой деятельности эсминца «Гордый» и подводной лодки С-13, упоминаю полк Е. Н. Преображенского и называю нескольких летчиков-истребителей, удостоенных звания Герой Советского Союза. Но я убежден, что с полным основанием мне могут предъявить претензии многие балтийцы из тех, о которых я ничего не сказал.

Мне хорошо известны заслуги таких кораблей Черноморского флота, как лидер «Ташкент» и крейсера «Красный Крым» и «Красный Кавказ», 2-й Новороссийской Краснознаменной бригады торпедных катеров и дважды Краснознаменной 11-й штурмовой дивизии ВВС ЧФ. Но в одном ряду с ними стоят и другие соединения и корабли, могущие претендовать на упоминание их.

Из подводных лодок Северного флота хорошо известны гвардейские Щ-402 и М-172, эскадренный миноносец «Гремящий», 6-я истребительная

Печенегская Краснознаменная дивизия, в которой воевал дважды Герой Советского Союза В. Ф. Сафонов, но затрудняюсь выдвинуть их на первый план, опасаясь заслужить упрек от других, не менее заслуженных кораблей и частей.

* * *

Первыми из моряков встретили врага балтийцы, когда фашистские войска на рассвете 22 июня 1941 г. атаковали крупными силами находившуюся близко к границе Либавскую военно-морскую базу. Силы были неравными, но каждую пядь земли немцам приходилось оплачивать дорогой ценой. Вместе с 67-й дивизией моряки дрались за каждый клочок родной земли.

Затем надвинулась угроза на Главную базу флота и столицу Эстонии — Таллин. Весь август прошел в яростных атаках гитлеровцев и героической защите города. А когда все наши возможности были исчерпаны, Балтийский флот совершил исключительный по трудности прорыв из Таллина в Кронштадт. 28 августа вышли из Таллина 183 корабля, транспорта и вспомогательных судна. Прорываясь через плотные минные поля и при непрерывных атаках авиации и кораблей противника, 133 из них дошли до места назначения и перевезенные войска влились в ряды защитников Ленинграда.

Еще долго продолжали героически обороняться Моонзундские острова и Ханко.

В дни блокады Ленинграда корабли, авиация, береговая оборона и морская пехота активно содействовали сухопутным войскам в обороне города. Ладожская флотилия связывала Ленинград со всей страной, доставляя продовольствие, эвакуируя заводы и людей, пока на смену кораблям зимой не пришла знаменитая «Ледовая трасса». Летом 1942 г. вся тяжесть перевозок снова легла на Ладожскую военную флотилию.

Вот еще один пример. Передо мной лежит письмо бывшего командира 2-й боевой части эсминца «Гордый» Балтийского флота капитана первого ранга Дутикова Николая Васильевича. Он радуется не за себя лично, а просит не забыть героические дела кораблей и прежде всего эсминцев, на которых он служил.

Эсминец «Гордый» прожил «недолгий, но блестящий век» — с первых часов войны и до рокового для него 14 ноября 1941 г. Н. В. Дутиков, будучи артиллеристом, на этом корабле уже в первый день войны вступил в схватку с противником. Затем корабль ставил минные заграждения в Ирбенском проливе, оборонял Моонзундский архипелаг и вместе с другими кораблями не давал возможности атаковать с моря Ригу, высаживал десант, участвовал в обороне Таллина, ведя огонь по живой силе врага, когда фашисты уже находились непосредственно у стен эстонской столицы.

Прорываясь вместе со всем флотом из Таллина в Кронштадт, в конце августа 1941 г. эсминец подорвался на mine, был взят на буксир своим собратом «Свирепым» и прибыл в Кронштадт. Н. В. Дутиков рассказывает, как этот переход в течение 12 часов сопровождался непрерывными налетами вражеской авиации.

Быстро отремонтированный «Гордый» вернулся в строй и принял участие в обороне Ленинграда. Стоя то на одной, то на другой огневой позициях, эсминец бил по врагу из всех своих орудий.

Осажденный Ленинград переживал тогда самые тяжелые дни осени 1941 г. Мне памятно обсуждение в Ставке вопроса «как быть с Ханко?». Это были неспокойные дни и для Москвы. Хорошо запомнился один из вечеров в двадцатых числах октября 1941 г. Начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников пригласил меня в Ставку. В момент моего при-

хода к Верховному Главнокомандующему начальник Генштаба докладывал обстановку на северо-западном направлении. Доклад был прерван воздушной тревогой. Не спеша, И. В. Сталин предложил перейти в убежище. Все вышли из особняка, прошли по жидким мостикам в большое здание, расположенное рядом, спустились в лифте на станцию метро «Кировская».

На разложенной мною морской карте полуостров Ханко, окруженный врагами, выглядел сиротливо, вдали от Кронштадта и Ленинграда. Я доложил обстановку на Балтике. Сталин знал о героизме ханковцев и не сомневался, что они «выполнят долг до конца», но стратегическая обстановка требовала оставить полуостров. В те дни еще не было полной уверенности, что удастся отстоять Ленинград.

По своей привычке Верховный прошелся вдоль стола, посмотрел почему-то на часы, вынув их из брючного кармашка, спросил мнение присутствующих и принял решение: «Эвакуировать Ханко». Тут же составленная директива была передана в Ленинград.

Осень 1941 г. была трудным временем для фронта, для Ставки и всего советского народа. Севастопольцы отбивали штурм немцев, началось решительное сражение за Москву.

Принятое решение «оставить Ханко» было трудно выполнимо, но балтийцы сделали все возможное и даже подчас невозможное. С известными потерями, но ханковцы пришли на помощь Ленинграду. Командантом блокированного города некоторое время был генерал-лейтенант С. И. Кабанов, возглавлявший оборону Ханко.

Командование Балтфлотом занималось тогда многими вопросами, требующими героизма и жертв. Иного выхода не было. Все корабли от линкоров и до канлодок помогали сухопутному фронту, подчас маневрируя буквально «на пяточке», как выражаются моряки.

В этой тяжелой обстановке «Гордый» с честью и до конца выполнил свою задачу. С особым чувством вспоминает В. Н. Дутиков о последнем походе «Гордого» в дни эвакуации Ханко. В 3 часа 20 мин. 14 ноября раздался сильный взрыв. Корабль сильно тряхнуло, но он еще двигался, не снижая скорости. Через двадцать минут последовал второй взрыв. Крен на левый борт катастрофически увеличивался. Командиру поступил доклад: «Корабль своими силами спасти невозможно».

Темная ноябрьская ночь с ледяной водой в Финском заливе. Корабль погружается в морскую лучину. С гибнущего эсминца удалось снять 73 человека, остальные погибли. Командир, военком и группа офицеров не дрогнули; когда смерть была уже неизбежной, они запели «Интернационал».

«Помни войну» — гласит надпись на памятнике С. О. Макарову в Кронштадте. Но мало помнить о войне. Если придется, надо с честью выполнить свой долг. Так поступили все моряки «Гордого». Память о них останется навсегда.

Сколько таких примеров, о которых пишут моряки, еще можно бы привести! Хочется лишь сказать, что эсминец «Гордый» не исключение. Я обращаюсь к ветеранам с просьбой больше писать о подвигах, подобных подвигу эсминца «Гордый». Пусть все написанное, с лозунгом «Потомству в пример», еще больше укрепляет патриотизм советских людей.

В годы войны огромную роль в боевой деятельности флотов играла морская авиация, наносившая удары по врагу как на море, так и на суше. Она прикрывала действия своих кораблей и вместе с ними участвовала в наступательных операциях, когда совершился перелом в ходе войны. Легчики-истребители КБФ с первых дней войны в исключительно трудных условиях, взлетая с обстреливаемого аэродрома на полуострове

Ханко, сражались в воздухе, а А. К. Антоненко и П. А. Брицько первыми сбили вражеские самолеты и были удостоены звания Героя Советского Союза.

Мне уже доводилось писать о первых налетах на Берлин в августе 1941 г. Полк Е. Н. Преображенского проявил в них необычайную храбрость, когда летчики на пределе физических и материальных возможностей выполняли задание Ставки. Как мне рассказывал потом Евгений Николаевич Преображенский, по возвращении на свой аэродром самолеты совсем не имели горючего, а летчики едва могли вылезти из машин. Но задание Верховного Главнокомандования выполнялось с честью.

А какой героизм проявляли летчики-балтийцы, летая на «свободную охоту» за вражескими транспортом в Балтику, когда Ленинград был уже блокирован!

Когда произошел перелом в ходе войны, а Ленинград был деблокирован, сухопутные войска при поддержке флота перешли в наступление. Сначала были освобождены наши базы и приморские города, а за ними настал черед бить противника на его территории.

Мне уже приходилось писать об исключительном успехе подводной лодки С-13 под командованием А. И. Маринеско¹. В конце января 1945 г. она потопила крупные немецкие лайнеры «Вильгельм Густлов» и «Генерал Штойбен». Только на «Густлове» находилось более 5 тыс. гитлеровских солдат и офицеров. Они бежали из Данцига. Это была настолько крупная потеря для немцев, что Гитлер объявил трехдневный траур и приказал расстрелять командира конвоя. Немецкий офицер Гейнц Шен считает, что это была «самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой даже гибель «Титаника», столкнувшегося в 1913 г. с айсбергом, ничто».

Черноморский флот принял самое активное участие в обороне своих военно-морских баз и приморских городов. Вместе с Приморской армией он оборонял до середины октября 1941 г. Одессу, затем до июля 1942 г. — Севастополь, высадил крупный десант в Феодосии, оборонял Новороссийск и обеспечивал свои коммуникации.

С начала 1943 г. вместе с Северо-Кавказским фронтом черноморцы перешли в наступление. Флот и Азовская флотилия действовали, помогая сухопутным войскам. Черноморский флот сыграл большую роль в освобождении Новороссийска, затем при освобождении Таманского полуострова, а в конце 1943 г. корабли флота и Азовской флотилии участвовали в известной Керченско-Эльтигенской операции, помогая фронту захватить плацдарм на Керченском полуострове. В обороне, а затем и освобождении Новороссийска роль Черноморского флота так же велика, как и при обороне Одессы и Севастополя. Когда в сентябре 1943 г. флот получил задачу атаковать Новороссийск со стороны моря, героизм десантников и торпедных катеров был исключительным. Из 6 тысяч воинов, принимавших непосредственное участие в освобождении города, 4 тысячи были моряками. Затем моряки принимали участие в освобождении Крыма, Румынии и Болгарии. Черноморский флот на этом закончил свою боевую деятельность. Лишь Дунайская флотилия еще до конца войны вела боевые действия в тесном содружестве с фронтами, поднимаясь вверх по Дунаю до Будапешта и Вены.

Героизмом экипажей кораблей, авиации и батарей Береговой обороны Черноморского флота, отвагой отдельных моряков отличались все

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1972, № 8, стр. 60.

операции флота. Я затрудняюсь назвать особо отличившихся. Их много! Простое же перечисление достойных людей или кораблей все равно не удовлетворило бы читателей.

На Северном флоте, сравнительно малочисленном к началу войны, с его огромными водными пространствами, были свои задачи и трудности. Уже в июле 1941 г. под угрозой оказалась Главная база флота — Полярное, но враг не прошел, был остановлен и борьба приняла затяжной позиционный характер на суше. В то же время развернулась битва за морские коммуникации, которые играли важную роль как для нас, так и для противника. Союзные конвои шли в Мурманск и Архангельск, а Северный флот оказывал посильную помощь в их обеспечении на пути к нашим портам.

Не затихала борьба и на берегу. Всеми силами стремился враг захватить полуострова Рыбачий и Средний, являвшиеся ключом к Кольскому заливу. Их отбивали войска фронта и моряки Северного флота. А когда настал час для наступления, Северный флот тесно и плодотворно взаимодействовал с армиями Карельского фронта. Захват порта Лиинахамари является героическим делом моряков-северян.

Малые корабли — мониторы, канлодки, бронекатера, небольшие тральщики и другие боевые средства — воевали в составе наших речных флотилий — Дунайской, Днепровской, Волжской, Онежской, Чудской. И здесь героизм личного состава был так же высок, как и на морях. Так, ураганным огнем и высадкой десанта начала войну Дунайская флотилия; в тяжелых условиях временного отступления воевала вместе с сухопутными частями Пинская флотилия. Потом были бои на Волге при обороне Сталинграда, затем снова на Дунае и Днепре, вплоть до Берлина, а в конце войны и на Амуре. С первых и до последних дней «великого испытания» моряки храбро дрались и на реках, о чем также нельзя забыть!

Остановимся теперь на последнем периоде войны.

Как известно, 1945 год был характерен быстрым продвижением советских войск к центру фашистского рейха. Это не было «чудом», как пыталась в свое время объяснить западная пресса наше стремительное наступление. Это было логическим завершением побед Советских Вооруженных Сил над гитлеровскими захватчиками. Это был год расплаты фашистской Германии за все, что она принесла народам Советского Союза и Европы.

Обстановку на приморских направлениях Прибалтики в том году определяли советские части, наступавшие в Восточной Пруссии и Померании.

Вместе с сухопутными войсками Балтийский флот был занят освобождением военно-морских баз, еще находившихся в руках противника. После занятия Данцига, а немного позднее — Пиллау в руках немцев оставалась еще Либава. Сильное сопротивление оказывала курляндская группировка немцев. Ставка признала ненужным проводить рискованные операции со стороны моря, хотя, помнится, однажды зашел разговор о высадке десанта. Неудержимо двигавшиеся вперед наши сухопутные армии уже не нуждались в большой помощи флота даже при освобождении приморских городов; основной целью для нападения балтийцев стали морские коммуникации врага. Из Либавы в порты Южной Балтики и обратно шли неприятельские транспорты: сначала немцы подвозили пополнение и снабжение для окруженной группы армий «Север», а когда ее положение было признано безнадежным, началась эвакуация морем всего, что еще можно было спасти.

В начале марта войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов, осуществляя стратегический замысел Ставки, расчленили немецкую группу армий «Висла» и в районе Кольберг вышли к побережью Балтийского моря. В целях усиления оперативной группы «Висла» немецко-фашистское командование предприняло попытку перебросить часть войск из состава курляндской группировки. 21 марта из Либавы вышел конвой в составе 5 транспортов под охраной сторожевых кораблей и тральщиков, которые также приняли на борт войсковые части и технику. Этот конвой обнаружила воздушная разведка балтийцев — тотчас вылетела ударная группа авиации. В течение двух дней нанесли противнику торпедные, бомбовые и штурмовые удары, в результате чего были потоплены четыре транспорта и два сторожевых корабля.

Немецко-фашистское командование в целях создания устойчивой обороны на приморских плацдармах и для эвакуации войск в западные порты широко использовало боевые корабли. В артиллерийской поддержке прижатых к морю немецко-фашистских частей участвовали тяжелые крейсера «Адмирал Шеер», «Принц Ойген», «Лютцев», учебный линейный корабль «Шлезинг» и более десяти эскадренных миноносцев. В распоряжении балтийцев здесь в этот момент было лишь несколько торпедных катеров и подводных лодок. Поэтому командование флотом возложило всю тяжесть борьбы на бомбардировочную, штурмовую и торпедоносную авиацию. Только с 1 января и до момента капитуляции она потопила 158 крупных и малых судов и повредила 29.

Следует отметить, что еще в декабре 1944 г. Балтийский флот, находившийся всю войну в оперативном подчинении Ленинградского фронта, был подчинен главному Военно-Морскому Флоту. В январе мне пришлось представить на утверждение Верховного Главнокомандующего разработанный и согласованный с Генеральным штабом проект директивы о действиях Балтфлота. В директиве, в частности, указывалось, что операционной зоной флота является все Балтийское море, вплоть до проливов.

В конце марта 1945 г. я выехал на Балтику. 3-й Белорусский фронт готовился к проведению операции по разгрому Кенигсбергской группировки гитлеровцев, и Балтийскому флоту (командующий В. Ф. Трибуц, член Военного совета Н. К. Смирнов и начальник штаба А. Н. Петров) надлежало содействовать наступающим вдоль морского побережья войскам своей авиацией, артиллерийским огнем. Флот должен был также высаживать десанты, продолжать уничтожение в Балтийском море боевых кораблей и транспортных судов противника. Так говорилось в директиве Ставки. Мы с командующим флотом адмиралом В. Ф. Трибуцем выехали в Палангу, где располагался походный штаб КБФ. В этом районе проходили коммуникации курляндской группировки. Торпедные катера и подводные лодки наносили удары по конвоям противника. Авиация Балтийского флота бомбила порты, где сосредоточивались немецкие транспорты. Гитлеровцы уже не осмеливались проводить свои конвои в светлое время суток и особенно через тот район, который был доступен нашим торпедным катерам. Транспорты хорошо охранялись и шли на довольно большом удалении от берега. Нужно признать, что больших успехов нашим торпедным катерам достичь не удалось.

Было решено с помощью авиации, подводных лодок и торпедных катеров наносить удары по всей линии немецких коммуникаций от пункта отправления конвоев и до места назначения, а также наносить массированные удары по порту Либавы в дни формирования конвоев.

Просматривать порт и движение около него было нетрудно. Однако с командующим флотом мы находились на полуразрушенном длинном причале, почти на линии фронта войск, окружавших немецкую группировку. На горизонте по направлению к Либаве виднелись дымы отдельных транспортов: это были корабли противника. Но Либавка еще сильно прикрывалась вражеской истребительной авиацией и налеты на нее отдельными самолетами или малыми группами без прикрытия признавались невозможными.

Немецкое морское командование к этому времени сосредоточило на Балтийском море основные силы своего флота и бросало их на поддержку приморских флангов. Противник имел явное превосходство в надводном флоте. Мы специально обсуждали возможность использования на коммуникациях врага надводных кораблей. Однако было признано нецелесообразным использовать крупные надводные корабли. Риск не оправдывал ожидаемых успехов. Минная опасность была еще слишком большой. Прикрытие надводных кораблей с воздуха на их длинном пути следования к месту боевых действий потребовало бы много истребителей, а их было мало и они едва обеспечивали действия бомбардировочной авиации в интересах фронта и при ударах по Либаве. Кроме того, фронт требовал от флота подготовки к высадке небольших десантов. Командование флотом стремилось решить все стоящие перед ним задачи, и в первую очередь особо важные.

Наиболее напряженно действовала авиация КБФ. Так, оказывая большую помощь сухопутным войскам, она почти ежедневно совершала поиски и атаковала транспорты в море. В результате с 13 января и по 25 апреля 1945 г. флотской авиацией были потоплены или уничтожены в портах 20 транспортов, 47 различных судов, в том числе крейсер, миноносец и 7 сторожевых кораблей.

Если по числу действовавших в этом районе надводных кораблей КБФ был слабее немецкого, то его воздушные силы почти вдвое превосходили вражеские. Правда, для решения поставленных перед балтийцами задач ощущался некоторый недостаток в ударной авиации. Поэтому начальник ГМШ еще в декабре 1944 г. обратился к начальнику Генерального штаба с просьбой увеличить состав ВВС флота за счет передачи трех дивизий бомбардировщиков — ТУ-4, ПЕ-2 и ИЛ-4 и одной дивизии истребителей¹.

Так как основные события с начала 1945 г. развернулись в южной части Балтики, то в конце марта был создан Юго-Западный морской оборонительный район (ЮЗМОП) под командованием вице-адмирала Н. И. Виноградова. Его военно-морские базы должны были находиться в Либаве (ЛибМБ — командир контр-адмирал Н. Э. Фельдман) и Кольберге (КолМБ — командир капитан 1-го ранга Е. В. Гуськов).

Командование ЮЗМОП планировало операции и руководило боевыми действиями балтийцев, содействовавшими непосредственно приморским флангам и нарушавшими вражеские коммуникации в Данцигской бухте.

После окружения вражеской курляндской группировки, как известно, войска 1-го Прибалтийского фронта в первой половине января готовились нанести удар по плацдарму противника в районе Мемеля. В этой операции немалое содействие оказала войскам железнодорожная артиллерия. Два железнодорожных дивизиона (406-й под командованием майора В. С. Мясникова и 407-й — под командованием подполковника Г. И. Барбакадзе) за два с небольшим месяца произвели свыше

¹ ЦВМА, ф. 2, д. 36819, лл. 200—202.

пятидесяти стрельб, отражая вражеские контратаки, обстреливая город и вражеские корабли в порту, обеспечивая переправы наших войск на косу Куриш-Нерунг, мешая противнику эвакуировать свои части морем.

Как показал опыт войны не только на этом направлении, но и на других фронтах, железнодорожная артиллерия могла оказать весьма эффективную помощь сухопутным фронтам, особенно там, где имелись железнодорожные пути или их было не так трудно восстановить или проложить. Балтийский флот имел (самые ходовые) 180-мм башни с большой дальностью и точностью стрельбы. Да и 130-мм железнодорожные батареи флотского образца превышали дальность сухопутной артиллерии и могли быстро подаваться к линии фронта и оказать помощь в подготовке к наступлению. Признаться, мы довольно много говорим о морской пехоте или Береговой обороне вообще и, думается, незаслуженно мало отдали должное железнодорожным батареям. А ведь они привлекались к содействию сухопутным фронтам на всех приморских направлениях.

В дни Восточно-Прусской операции железнодорожная артиллерия использовалась особенно активно. В Прибалтику перешли пять дивизионов и три отдельные батареи 1-й гвардейской железнодорожной морской артиллерийской Красносельской бригады, состоявшей из 47 орудий калибром 130—180 мм¹.

Под Кенигсбергом, а затем в Пиллау были развернуты четыре артиллерийских дивизиона и отдельная батарея. В их задачи входило препятствовать движению плавучих средств противника в Кенигсбергском канале, вести обстрел железнодорожного узла и порта, разрушать наиболее важные объекты в городе и оказывать поддержку войскам при прорыве обороны противника на подступах к Кенигсбергу. Морские артиллеристы ослабляли оборону противника и тем облегчали наступление сухопутным частям.

9 апреля 1945 г. Кенигсберг пал. Морская артиллерия начала содействовать войскам 3-го Белорусского фронта в прорыве оборонительных укреплений на подходах к Фришгаузену и в овладении портом Пиллау.

На счету морской артиллерии потопленные и поврежденные суда, подавленные батареи, разрушенные опорные и штабные пункты, пожары, уничтоженные железнодорожные эшелоны².

В конце апреля и начале мая 1945 г. как в войсках, так и в руководстве гитлеровского рейха началась агония. К тому времени потеряли надежду на победу даже самые отъявленные фашисты-фанатики, но премники Гитлера все же искали выход.

2 мая Дениц направил к Монтгомери группу офицеров во главе с генерал-адмиралом фон Фридебургом с предложением капитуляции фашистского флота. Монтгомери принял предложение и приказал с 4 мая прекратить действия английской авиации против немецкого флота. Следствием этого сепаратного соглашения явилась отмена операции «Рагенбоген» — разработанного фашистами плана уничтожения собственного флота, после чего произошли следующие события. 5 мая немецкие корабли и тральщики направились на восток для эвакуации войск, населения и материальных ценностей на запад. Так пишет историк С. Морисон³, но это не точно. По обстановке большое число кораблей уже не могло быть переброшено в Балтику, а кроме того они охотно за-

¹ ЦВМА, ф. 96, д. 33314, лл. 6—18; ф. 322, д. 28451, лл. 4—12.

² ЦВМА, ф. 75, д. 18073, лл. 93, 101, 123.

³ С. Э. Морисон. Битва за Атлантику выиграна. М., 1959, стр. 314, 293, 294.

держивались в портах Англии, ожидая благоприятного отношения к ним после подписания капитуляции. Но Морисон прав в том, что немцы предпринимали попытки вывезти все, что можно, на запад, ожидая секретного соглашения с нашими союзниками.

Того же числа последовал приказ-радиограмма Деница о прекращении действий немецкого флота против англичан и американцев. В отношении же советского флота в радиограмме не было сказано ни слова, и командиры немецких кораблей поняли, что война против русских продолжается.

Как пишет Морисон, «Монтгомери неофициально разрешил продолжать эвакуацию, которая шла до 9 мая, когда вступил в силу документ о безоговорочной капитуляции. Это была самая массовая эвакуация за всю войну»¹. В результате с конца апреля и до 9 мая морем было эвакуировано с востока в английскую зону более 2 млн. человек.

Разрешив эвакуацию, англичане не только нарушили союзнический долг, но и поощрили фашистское командование вывезти свои войска, население, материальные ценности в западную зону оккупации.

Немцы, чувствуя доброжелательное к себе отношение англичан, охотно сдавались им в плен. Больше того, они просили их высадить на остров Борнхольм воздушный десант до появления там русских войск.

7 мая последовал приказ Деница, предписывавший всем кораблям и судам в Балтийском море покинуть порты и базы, которым угрожали советские войска, до 00 часов 9 мая. А за эти два дня фашистское командование должно было форсировать эвакуацию войск и населения в зону оккупации англичан; суда и плавучие средства, по каким-либо причинам не имевшие возможности перейти в западные порты, предлагалось уничтожить.

Но дело не ограничивалось выше приведенными приказами. Германский флот продолжал боевые действия против наших сил даже после подписания акта о безоговорочной капитуляции. Так, в 6.00 9 мая немецкие эсминцы открыли огонь по нашим самолетам, требовавшим возвращения кораблей в восточные порты. Точно так же 9 мая с немецких транспортов в районе острова Борнхольм были обстреляны наши торпедные катера.

На заключительном этапе войны балтийцы должны были высадить десант на остров Борнхольм. Эта операция вызывалась тем, что там сосредоточилось примерно до 30 тыс. гитлеровцев. Я сообщил начальнику Генерального штаба о необходимости овладеть островами Борнхольм и Рюген и просил выделить для этой операции две дивизии из состава 2-го Белорусского фронта. Последующие события подтвердили целесообразность и своевременность этой операции. Оказывается, немцам было дано указание сдать в плен англичанам, как только они высадятся на острове с самолетов.

9 мая командование КБФ передало по радио немецко-фашистскому гарнизону Борнхольма требование о капитуляции. Гарнизон отказался сложить оружие. Тогда флотская авиация нанесла удар по местам базирования немецких войск и судов. В тот же день отряду наших катеров было приказано высадить на Борнхольм стрелковую роту, что и было сделано,— в порту Ренне вышли на берег более ста наших бойцов. Все это происходило, повторяю, тогда, когда уже был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Командованию гар-

¹ Там же, стр. 314.

ниzona ничего другого не оставалось, как тоже приступить к оформлению капитуляции своей группировки. Однако в те же самые минуты часть немецкого гарнизона начала эвакуацию в Швецию и в западные порты, чего мы не могли знать, так как у нас там было небольшое количество катеров. Они не имели возможности полностью контролировать движение судов от Борнхольма до Швеции и Дании. Правда, экипажи наших торпедных и сторожевых катеров при обнаружении транспортов и конвоев приказывали их экипажам немедленно возвращаться в порты Борнхольма. Но фашисты на эти приказы отвечали в большинстве случаев огнем. Тогда и командиры наших катеров открывали огонь и сообщали ударной авиации флота координаты нахождения транспортов. Война на Балтике продолжалась и после того, как уже был подписан акт о капитуляции Германии и некоторых жертв могло бы не быть.

Весной 1945 г. продолжалось освобождение Норвегии. С падением Киркенеса немцы потеряли возможность пользоваться стратегическим сырьем — никелем.

Оставление северных баз в Норвегии лишало противника возможности использовать их для базирования своих надводных кораблей и подводных лодок. Правда, там еще оставалось около десяти немецких эсминцев, около тридцати подводных лодок, и до полутора десятка самолетов. Эти силы были нацелены прежде всего на наши коммуникации в районе Кольского полуострова и союзные конвои. Поэтому в 1945 г. перед Северным флотом еще оставалась задача: совместно с английским флотом обеспечить безопасность конвоев между союзными портами и Советским Союзом. Гитлер требовал атаковать конвой, идущий в СССР, всеми наличными силами. Новая техника в виде самонаводящихся торпед была использована с немецких подводных лодок, а районом действия их были выбраны подходы транспортов к нашим берегам. Западнее и восточнее Кольского залива немецкие подводные лодки развивали особую активность. Северный флот и наши союзники к тому времени получили возможность надежно охранять конвои, выделяя по 10—12 кораблей охранения на каждый транспорт. Противолодочных средств у Северного флота к концу войны также было достаточно, и они успешно производили поиски и уничтожение лодок противника.

В конце мая 1945 г. в Кольский залив прибыл последний конвой союзников. А всего с января по май 5 конвоев, в составе которых было 136 транспортов, прибыли в наши порты. Врагу удалось потопить лишь 3 транспорта.

Когда Германия капитулировала, отдельные подводные лодки, не считаясь с актом капитуляции, продолжали действовать. Поэтому окончание войны и для Северного флота, и для союзников несколько затянулось.

Вспоминаются телефонные разговоры с командующим флотом А. Г. Головкин уже в середине мая 1945 г.

— Мы все еще продолжаем воевать, — докладывал он, когда североморцы в последний раз обнаружили вражеские подводные лодки.

Ничего не поделаешь. Уже отгремел самый большой салют из тысячи орудий по случаю Дня Победы, а с опасностью на море по-прежнему приходилось считаться.

В скорой победе над гитлеровской Германией никто не сомневался уже в начале 1945 г., когда в Ялте на конференции трех великих держав разрабатывались планы ее быстрее разгрома. Однако капитуляции Германии уже в начале мая никто не ожидал.

1 Мая на Красной площади в Москве состоялась, как обычно, демонстрация, традиционного парада не было. Как бывало не раз, после демонстрации человек тридцать пригласили на дачу И. В. Сталина в Кунцево. Выдался на редкость теплый день. Обеденный стол накрыли на лужайке. Обед начался тостом за Победу. Долго все ждали этого дня. Он пришел четыре года спустя после тяжелых испытаний, выпавших на долю народа, и после многих жертв. За столом вспоминали трудное лето 1941 г., не менее напряженный 1942 год, когда были произнесены слова: «И на нашей улице будет праздник». 1 Мая 1945 г. был действительно канун большого праздника — праздника Победы. Подобные обеды никогда не затягивались — через два часа уже все разъезжались. Так было и на тот раз. Я отправился в наркомат, чтобы заслушать последние сообщения с флотов.

Вечером 8 мая мне довелось выезжать из Кремля через Спасские ворота. Переполненная народом Красная площадь ликовала. Все ожидали очередного салюта. Чувство безграничной радости охватило в эти минуты всех без исключения.

Поздно ночью мне позвонил А. Н. Поскребышев. Обычно скупой на разговоры даже с друзьями, он сообщил мне, что Германия капитулировала. Я счел необходимым тут же продиктовать поздравительную телеграмму военным советам флотов. Хотелось найти самые теплые слова тем, кто все годы войны находился на переднем крае борьбы.

Несмотря на поздний час, о капитуляции Германии стало известно многим наркомам. Не переставал звонить телефон. Нарком судостроительной промышленности И. И. Носенко, человек эмоциональный, сначала удостоверился в правильности этого сообщения, а затем, не скрывая радостных чувств, сказал:

— Обнимаю и крепко жму руку, моряки были не в последних рядах.

— Спасибо, спасибо, — отвечал я Ивану Исидоровичу и всем, кто звонил мне в тот поздний вечер.

День 9 мая был особенно оживленным. Повсюду царило ликование. Первыми ко мне зашли адмирал флота И. С. Исаков, начальник Главного политуправления флота И. В. Рогов и начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров. Утренний доклад об обстановке на флотах то и дело перебивали телефонные звонки. Установить обычный распорядок дня было невозможно, да и не хотелось. Доклады-вались только особо важные дела и подписывались исключительно спешные телеграммы.

В кабинет заходили офицеры из управлений наркомата: одни по делам, другие под наплывом чувств просто поздравить, поделиться радостью. Всех объединяло одно: мы одолели врага! Незабываемый день! Вся страна жила тогда одним чувством — Победа!..

Победа! Она была поистине всенародной. Ее завоевали наши Вооруженные Силы, разгромившие жестокого и сильного врага; рабочие, сутками не выходившие с предприятий, чтобы дать фронту вооружение; колхозники, обеспечивавшие страну сырьем и продовольствием; ученые, инженеры, конструкторы, сделавшие немало для приближения этого долгожданного дня.

Победа — это вечная память о тех, кто не вернулся с поля брани, защищая Москву, Ленинград, Севастополь, Одессу, Сталинград, сражаясь за каждую пядь родной земли.

Слово «Победа» было в те часы и минуты у всех на устах. Оно пронеслось с чувством благоговения, радости и гордости за нашу Родину. И этого значения оно никогда не теряло и не утратит.

Пройдут века, а знаменательная дата 9 Мая 1945 г. не померкнет в летописи самых значительных событий. Она будет вселять уверенность советского человека в могуществе и непобедимости социалистического государства и одновременно служить предостережением тем, кто готов забыть прошлое и попытается развязать новую войну.

Лично у меня на всю жизнь остались в памяти два голоса: первый — встревоженный голос командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского, его слова о том, что бомбят Севастополь, и второй — радостный из Кремля: «Германия капитулировала».

Памятный День Победы был заполнен радостными встречами, поздравлениями. Мною, как и всеми советскими людьми, владели чувства восторга и ликования по случаю нашей победы и гордости за нашу великую страну и наш народ, одолевший очень сильного врага.

В середине мая 1945 г. меня вызвали к И. В. Сталину в Кремль. Обсуждался вопрос о переброске войск на Дальний Восток. Докладывал начальник Генштаба А. И. Антонов. Немного позднее прибыли маршал Г. К. Жуков и начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев. После обсуждения основного вопроса я доложил о мероприятиях Наркомата ВМФ по усилению Тихоокеанского флота. Затем разговор зашел о победе над фашистской Германией. Тут и было принято решение торжественно отпраздновать это событие военным парадом.

Несколькими днями позже Главный морской штаб согласовал с Генштабом состав выделенного на парад Победы сводного морского полка. Вице-адмирал Владимир Георгиевич Фадеев, участник обороны Севастополя, человек, отдавший всю свою жизнь флоту, был утвержден командиром этого полка и вскоре приступил к подготовке моряков.

Нет нужды подробно описывать парад Победы. У всех, видевших его, он навсегда остался в памяти. Невозможно забыть те минуты, когда советские воины, проходя мимо Мавзолея В. И. Ленина, бросали к его подножию поверженные вражеские знамена.

Мне запомнилось еще одно торжество. В дни работы Потсдамской конференции отмечался День Военно-Морского Флота. 20 июля мне поручили издать за своей подписью приказ о праздновании. Однако я полагал, что в победный год правильнее было бы обнародовать приказ за подписью Верховного Главнокомандующего. Подготовкой проекта приказа занялся присутствовавший в Потсдаме начальник Главного морского штаба. Мы долго думали над тем, как в сжатой и ясной форме дать оценку действий флотов в годы войны. После обсуждения было решено предложить формулировку, согласно которой наш флот в годы Великой Отечественной войны «до конца выполнил свой долг перед Родиной». На следующий день я представил приказ И. В. Сталину на подпись. Он несколько задержался на приведенных выше словах, но не сделал ни одной поправки.

Приказ был издан. С флотов поступали сведения о том, с каким одобрением и энтузиазмом воспринял этот приказ весь личный состав. Празднование первого после перерыва мирного Дня Военно-Морского Флота прошло с исключительным подъемом. После долгих лет войны на кораблях вновь подняли флаги расцветивания, а вечером жители приморских городов любовались иллюминацией. Кончилась война на Западе, и охрана мирного труда народа опять стала главной заботой черноморцев, балтийцев и североморцев. Только моряки Тихоокеанского флота находились в состоянии полной боевой готовности — им еще предстояло воевать против милитаристской Японии.

Коль речь зашла о Дне Военно-Морского Флота, то кратко напомним историю его учреждения.

Впервые мысль о празднике моряков была высказана в 1939 г., во время первомайского парада на Красной площади. Помню, шеренги курсантов Ленинградского военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, чеканя шаг, проходили перед Мавзолеем В. И. Ленина.

— А если учредить ежегодный День Военно-Морского Флота? — с таким вопросом я обратился к Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину.

Ответа не последовало. Однако вскоре после этого мне позвонил А. А. Жданов. Сославшись на указание И. В. Сталина, он рекомендовал, не теряя времени, внести конкретное предложение.

Подготовленные в Наркомате ВМФ материалы были представлены в ЦК ВКП(б) и решением СНК СССР от 23 июня 1939 г. был учрежден День Военно-Морского Флота. Время проведения праздника нам было предложено определить самим. Мы выбрали июль — месяц, когда погода наиболее устойчивая.

Это наиболее теплое и спокойное время года. Да и флот к середине лета успевает обучить новое пополнение. Таким образом, появляется возможность собраться на парад в полной готовности. Все сошлись на том, что лучше всего этот праздник отмечать в последнюю неделю месяца.

На очередном приеме в Кремле я доложил, как мы представляем себе празднование Дня Военно-Морского Флота. По нашему мнению, этот день должен был отмечаться на всех флотах и флотилиях как смотр достижений личного состава в боевой и политической подготовке и сопровождаться парадами кораблей, массовыми гуляниями.

— Собственно, мы думаем, целую неделю посвятить активной пропаганде своего праздника для привлечения внимания страны к флоту, сказал я и тут же встретил вопросительные взгляды.

— Вы что, полную неделю собираетесь праздновать? — не без иронии заметил кто-то из присутствующих.

Я разъяснил, что это время мы отводим на подготовку к первому торжеству.

И. В. Сталин спросил:

— Какой же конкретно день вы предлагаете?

При обсуждении этого вопроса возникли известные трудности. Перебрали несколько вариантов и наконец самым подходящим сочли первое воскресенье после 22 июля.

Так, с 1939 г. наша страна ежегодно отмечает в конце июля День Военно-Морского Флота, а моряки подводят итоги своим достижениям в боевой и политической подготовке к защите Родины.

Вернемся, однако, к событиям 1945 г.

В первой половине июня начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов сообщил мне по телефону, что следует готовиться к поездке в Берлин на Потсдамскую конференцию. Я собрал нужные материалы — прежде всего о германском флоте.

14 июля, еще затемно, наш самолет оторвался от взлетной дорожки Центрального аэродрома и взял курс на запад.

Советская комендатура на аэродроме Темпельгоф обеспечивала прием и охрану советских самолетов. В дни подготовки к Потсдамской конференции уже не было необходимости охранять самолеты с воздуха, но весьма оживленное движение их и почти непрерывные посадки то одних, то других требовали особой внимательности аэродромной команды. На огромном летном поле стояло много самолетов. В основном это были наши, советские самолеты, но, помнится, пока я находился на аэродро-

ме, произвели посадку и несколько самолетов с американскими и английскими отличительными знаками.

На следующий день ожидался прилет двух групп американских и британских самолетов с главами правительств и членами союзных делегаций.

С аэродрома мы отправились в Бабельсберг — предместье Потсдама. Город сильно пострадал за последние месяцы войны, подвергаясь массированным налетам англо-американской авиации. Сбрасывались крупные (до 7 тонн) бомбы, которые, по рассказам жителей, уничтожили целые кварталы, похоронив под развалинами домов десятки тысяч жителей.

Ближе к Бабельсбергу — больше зелени и много озер. Это дачные места. Здесь следов войны меньше. Перед особняками — ухоженные сады, нетронутые снарядами парки, по деревьям прыгают ручные белки. Какой резкий контраст после только что увиденных разрушений.

Нас встретил командующий Днепровской флотилией В. В. Григорьев и советский комендант. Участие моряков в боях за Берлин было, конечно, более чем скромным. Но было приятно сознавать, что речные корабли и бронекатера сопровождали сухопутные войска до самого Берлина и внесли в последние сражения посильную лепту.

Через два-три дня ожидался приезд главы Советской делегации И. В. Сталина. У меня, таким образом, было время осмотреть Берлин. «Старые берлинцы» из Днепровской флотилии охотно показали мне рейхстаг, на котором теперь развевалось Красное знамя, Бранденбургские ворота, бывшую рейхсканцелярию. Проехали по широкой Унтерден Линден, где вперемежку с липами, на которых зеленела распустившаяся листва, стояли, а то и лежали на земле поврежденные снарядами и опаленные огнем деревья.

Командование Днепровской флотилии подготовило для приехавших на конференцию моряков особняк неподалеку от Потсдама. Как рассказывали, он принадлежал известной немецкой чете Адлон, владельцам фешенебельных отелей во многих европейских столицах. Говорили, что, строя этот особняк на берегу озера, Адлоны решили поразить своих соседей всеми последними новинками строительной техники, изысканностью внутреннего убранства. Старик Адлон умер незадолго до падения Берлина, но бывшая хозяйка особняка жила где-то поблизости и, по словам нашей охраны, даже вела тайное наблюдение за ним. С каждым днем она становилась все смелее и, как мне рассказали жившие в особняке матросы, даже спрашивала их: «Когда же советские войска освободят помещение?» А пока убедительно просила сохранить все в порядке. Этой фрау было как бы невдомек, что ее соотечественники спалили огнем и разрушили до основания тысячи советских городов и сел.

Я провел одну или две ночи в этом особняке. Членов советской делегации разместили потом в Бабельсберге.

16 июля мы встречали советских руководителей. За полчаса до прибытия поезда на перроне собрались Г. К. Жуков, А. И. Антонов, А. Я. Вышинский и автор этих строк.

Тщательно охраняемый вокзал был пуст. На фоне разрушенных зданий выделялся только отремонтированный перрон. Сидя за небольшим столиком с телефонами, мы беседовали в ожидании специального поезда. Время от времени разговор прерывался: комендант докладывал о движении поезда.

Точно в назначенное время паровоз с несколькими вагонами подошел к платформе. Мы направились к тому вагону, в котором находился И. В. Сталин. Он вышел из вагона, тепло поздоровался с нами и, не

задерживаясь на вокзале, вместе с В. М. Молотовым и Г. К. Жуковым направился в Бабельсберг.

В Потсдам к этому времени прибыли многие участники Крымской конференции. И. В. Сталин и В. М. Молотов представляли Советский Союз. У. Черчилль и А. Иден возглавляли делегацию Великобритании. От США на конференцию приехал Г. Трумэн с государственным секретарем Д. Бирнсом. Прибыли и мои старые знакомые по Ялте — адмиралы флота Э. Кинг и Э. Каннингхэм.

О конференции в Потсдаме уже много написано, и поэтому я останавлиюсь лишь на менее известных ее сторонах.

Еще в Москве я знал, что в Потсдаме будет рассматриваться вопрос о разделе трофейных немецких кораблей. Об этом мне однажды сказал И. В. Сталин. Подробнее мы обсуждали этот вопрос с генералом А. И. Антоновым.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботились о развитии советского флота. События в Испании несколько ускорили проведение в жизнь большой судостроительной программы. Великая Отечественная война вынудила свернуть начатые работы. Но еще до ее окончания И. В. Сталин вновь стал проявлять интерес к будущему флоту. В апреле 1945 г., когда был освобожден Данциг, он вызвал меня и поинтересовался, какие подводные лодки и сколько нам удалось захватить? Потом спросил, готовим ли мы, моряки, новую программу строительства судов, и велел при первой же возможности представить в ЦК партии наметки программы.

Мы ожидали, что постановка вопроса о разделе трофейного флота на конференции вызовет серьезные разногласия. Главный морской штаб предварительно уточнил количество и местонахождение захваченных немецких боевых и торговых судов.

Готовились мы не зря. Уже на одном из первых пленарных заседаний конференции возник вопрос о трофейном флоте. Помнится, как болезненно воспринял У. Черчилль даже постановку этого вопроса. Он считал, что такой проблемы, как раздел трофейного немецкого флота между союзниками на равные части, вообще не существует. У. Черчилль не допускал мысли о разделе и весьма энергично возражал против него, приводя в качестве аргумента тот факт, что, мол, англичане понесли огромные потери от немецких подводных лодок и надводных кораблей; кроме того, к моменту капитуляции фашистской Германии большая часть немецкого флота оказалась в портах Англии и в оккупированных англичанами военно-морских базах Германии, Дании, Норвегии и Франции.

Между И. В. Сталиным и У. Черчиллем возникла полемика. Мне никогда прежде не приходилось видеть их такими рассерженными. Если Сталин в продолжении всего спора сидел, то Черчилль не выдержал и встал. Сильно покраснев, он бросал довольно резкие реплики. Ничего не оставалось, как отложить на некоторое время решение этого вопроса.

— Мы к этому вопросу обязательно вернемся, — сказал мне в пере­рыве В. М. Молотов.

Трудно было предугадать, когда снова вернутся к этому вопросу, поэтому я постоянно носил в папке все относившиеся к делу документы. Но дни шли за днями, а о разделе немецкого флота будто совсем забыли.

В конце июля в составе английской делегации произошли изменения. После парламентских выборов в Англии на конференцию прилетели К. Эттли и Э. Бевин — новые руководители английской делегации.

Мне думалось, что с приездом Эттли вопрос о трофейном флоте будет решен, но, как известно, смена правительств в Англии обычно не приносит принципиальных перемен, особенно во внешнеполитическом

курсе. Это я почувствовал, когда К. Эттли в вопросе о трофейном флоте занял ту же позицию, что и У. Черчилль.

В вышедшем в дни встречи в Потсдаме «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» раздел о немецком флоте был сформулирован так: «Участники конференции в принципе договорились относительно мероприятий по использованию сдавшегося германского флота и торговых судов. Было решено, что три правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов».

Такая формулировка меня встревожила. Если на конференции не будет принято решение о разделе трофейного флота между союзниками на три части, дело, по моему мнению, может затянуться до бесконечности. При случае я высказал свое мнение И. В. Сталину. Он согласился со мной, и главы делегаций поручили военно-морским представителям согласовать этот вопрос тут же на конференции и немедленно представить на их утверждение выработанный документ.

Вечером 31 июля состоялось совещание старших военно-морских начальников — членов делегаций. В нем участвовали адмиралы флота Э. Кинг, Э. Каннингхэм и я. Кроме того, присутствовали дипломатические советники и флотские специалисты.

Первым формальным вопросом встал перед нами вопрос о назначении председателя совещания. Я собирался предложить кандидатуру американского адмирала Э. Кинга, менее других заинтересованного в разделе трофеев. Однако он упредил меня и назвал мою фамилию, мотивируя это тем, что, мол, адмирал Кузнецов старше остальных по чину, поскольку он еще и морской министр.

Я понял, что в этом случае у нас будет лишний шанс на успешное решение вопроса.

— Я приму на себя почетную миссию председателя только при одном условии... — Не успел я закончить фразы, как все присутствовавшие насторожились: «Дескать, что еще за условие?...»

— ...Мы не выйдем из помещения, пока не придем к определенному решению... — Все заулыбались. С этим предложением пришлось согласиться.

Начавшиеся дебаты стали продолжением тех споров, которые велись за столом конференции сначала с Черчиллем, а затем с Эттли. Как и в зале нижнего этажа дворца Цецилиенхоф, где проходили основные заседания, американский адмирал Кинг не проявлял особой активности при обсуждении вопроса о дележе трофейного флота. Был спокоен и сдержан английский адмирал Каннингхэм, хотя его этот вопрос интересовал более, чем Кинга. Но удивительным упорством отличался британский дипломат Робертсон. Он, конечно, был больше искушен в тонкостях полемики, и, по-видимому, именно ему в первую очередь было поручено отстаивать точку зрения английских политических руководителей.

Это заседание я хорошо запомнил.

— Ну как можно разделить на три равные части немецкие корабли, когда там всего лишь один линкор и два крейсера? — спрашивали английские коллеги.

Дело, казалось, снова зашло в тупик. Ничего другого не оставалось, как предложить необычное решение: поручить представителям трех делегаций разделить корабли на «приблизительно равные группы», а затем бросить жребий.

Было уже далеко за полночь, и Кинг соглашался на любой вариант, лишь бы только скорее решить вопрос. Каннингхэму пришлось сдаться.

Согласился и английский дипломат. И когда уже стало светать, было принято решение: разделить немецкий трофейный флот на три приблизительно равные части. К двенадцати часам дня мы должны были представить главам правительств проект документа.

Не без волнения ждал я, как отнесется к моему докладу о жребии Верховный Главнокомандующий. Но, видимо, попал я к нему в добрый час.

— Что, удалось вам разделить флот? — спросил меня И. В. Сталин.

Я начал рассказывать, как сопротивлялись англичане, почему в конце концов пришлось пойти на столь необычный прием. И. В. Сталин промолчал, и я воспринял его молчание как одобрение своего поведения.

Мы оформляли наше решение уже накануне закрытия конференции. На основании этого решения была создана тройственная комиссия, в которую от Советского Союза вошел адмирал Г. И. Левченко, от США — контр-адмирал В. Пэрри и от Англии — вице-адмирал Д. Майлс.

Вызванный в Потсдам Г. И. Левченко приступил к работе. 14 августа комиссия в полном составе заседала в Берлине. Прежде всего, она разбила все трофейные корабли на три группы. В первую вошли исправные корабли: во вторую — корабли, требовавшие ремонта: в третью — все остальные. Затем начался самый сложный этап работы. Комиссия делила различные корабли на три приблизительно равные части и называла их X, Y, Z. Бросили жребий. И в этом случае обид уже не было — каждому досталось то, что он вытянул.

Когда Г. И. Левченко прибыл для доклада в Москву, я спросил его, как вел себя мой давний знакомый английский адмирал Майлс. Оказалось, он «с удовольствием предложил свою фуражку», когда предстояло тянуть свернутые в трубочки бумажки.

Союзники разделили между собой более 500 боевых кораблей, в том числе 30 немецких подводных лодок, а остальные, как непригодные, решили затопить. Из вспомогательных судов признали подлежащими разделу 1339. Как видно из этих данных, игра стоила свеч, и не зря мы так горячо спорили в Потсдаме.

Не вдаваясь в подробности, хочу напомнить, что Советский Союз получил 155 боевых кораблей, в их числе крейсер «Нюрнберг», 4 эсминца, 6 миноносцев, несколько подводных лодок.

Потребовался целый год, чтобы принять трофейные корабли и доставить их в наши порты и базы. Их использовали на флотах как учебные и вспомогательные суда.

Раздел кораблей бывшего фашистского флота стал мерой заслуженного возмездия за его действия в годы войны, предупреждением против повторения реваншистских устремлений в будущем.

* * *

Потсдамская конференция проходила, когда фашистская Германия была уже повержена, но впереди еще предстояло добиться победы над милитаристской Японией, которая, как известно, отказалась тогда подписать безоговорочную капитуляцию.

Точно о дне и часе нашего выступления против Японии до Потсдамской конференции меня никто не известил, хотя приготовления шли давно, и я мог сделать предположения, что война на Дальнем Востоке начнется в первой половине августа. Работники Генерального штаба всегда строго выполняли указания Сталина о сохранении тайны задуманных крупных стратегических планов. Поэтому о сроках выступления СССР против Японии до последнего момента знали всего несколько человек. Меня, как правило, о подготовке и проведении той или иной опе-

рации, если в ней участвовал Военно-Морской Флот, информировал начальника Генерального штаба с разрешения Ставки.

На одном из совещаний во время работы Потсдамской конференции в особняке начальника Генштаба А. И. Антонова в Бабельсберге рассматривался вопрос о готовности Тихоокеанского флота. Это было в конце июля 1945 г. Сроки нашего выступления на востоке приближались, и Ставка, очевидно, уже требовала от Генерального штаба более точных сведений о готовности наших войск. На места намеченных операций уже выехали А. М. Василевский, К. А. Мерещков и Р. Я. Малиновский. На поставленный вопрос о готовности Тихоокеанского флота я ответил вопросом: к какому же сроку должен быть готов флот? А. И. Антонов уклончиво ответил: сроки приближаются. Я знал, что Тихоокеанский флот и Амурская флотилия закончили подготовку, поэтому попросил предупредить меня о боевых действиях за несколько дней до их начала.

Когда конференция подходила к концу, И. В. Сталин спросил меня, не собираюсь ли я на Дальний Восток. Я ответил, что намерен после конференции на один-два дня задержаться на Балтийском флоте и затем отправиться на Восток.

— Медлить не следует, — заметил Верховный.

Эти слова навели меня на мысль, что сроки начала войны совсем близки. «Значит, надо дать указания ГМШ еще раз проверить готовность Тихоокеанского флота к боевым действиям», — подумал я.

На пути из Потсдама в Москву я заехал в Либаву и Ригу, где балтийцы пристрасно спрашивали меня, вступим ли мы в войну с Японией и когда именно. Я уклонился от ответа. Все знали, что с западных флотов на Тихоокеанский флот отправлялись опытные боевые военачальники — следовательно, шла подготовка к войне, а большего им знать не следовало.

8 августа я вылетел в Читу, чтобы встретиться с маршалом А. М. Василевским и договориться о взаимодействии Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с фронтами. По пути узнал, что на Хиросиму сброшена атомная бомба. Признаться, тогда трудно было представить себе разрушительную мощь и силу этого грозного оружия.

Прибыв в Читу, я сразу же стал знакомиться с обстановкой, связался с командованием Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, но вначале решил несколько дней провести здесь, чтобы согласовать с маршалом А. М. Василевским вопросы координации действий флота и флотилии с фронтами.

Тихоокеанский флот (командующий адмирал И. С. Юмашев, член Военного совета генерал-лейтенант береговой службы С. Е. Захаров и начальник штаба флота вице-адмирал А. С. Фролов) к началу войны на Дальнем Востоке имел в своем составе 2 крейсера, 1 лидер эсминцев, 12 эскадренных миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли. В составе ВВС Тихоокеанского флота было более 1,5 тыс. самолетов. Японский флот, уже сильно ослабленный американцами, к августу 1945 г. все же имел в своем составе до 500 боевых кораблей. Понятно, что его основные силы были брошены на борьбу с ВМС США, которые к тому времени, добившись превосходства в войне, успешно продвигались к основным островам Японии, атакуя японцев и с воздуха и в море. Однако, планируя операции на море, мы не забывали о том, что японцы имеют возможность быстро перебросить нужное количество своих боевых кораблей в Японское море.

Еще до начала войны СССР с Японией были распределены зоны действия морских, воздушных и сухопутных сил Советского Союза и

США. Эта разграничительная линия проходила в 90—120 милях от японского побережья в Японском море и в 15—25 милях от нашего побережья в Тихом океане и Беринговом море.

В ночь на 8 августа 1945 г. Тихоокеанский флот был переведен на оперативную готовность № 1, т. е. для фактических боевых действий. Торговые суда укрылись в заранее установленных пунктах, а на морских коммуникациях была введена служба конвоев. Пришлось добавить к старым минным заграждениям, поставленным еще в 1941 г., новые.

Начало боевых действий было назначено на 9 августа.

Перед флотом были поставлены задачи, вытекавшие из оперативных планов 1-го Дальневосточного фронта по расчленению и разгрому Квантунской армии. Флоту следовало высадить ряд десантов на Корейском полуострове, после чего совместно с сухопутными частями занять острова Курильской гряды. Кроме того, на флот и Северо-Тихоокеанскую флотилию возлагалась оборона всего морского побережья, нарушение коммуникаций противника, чтобы Квантунская армия не получила пополнения и не смогла в случае необходимости эвакуироваться. Ближайшими портами, через которые могли поступать грузы и войска для Квантунской армии или через которые она могла отойти на Японские острова, были Юки, Расин и Сейсин. К высадке десантов в этих портах и был подготовлен флот. По сведениям разведки, эти порты охраняла сильная береговая артиллерия, они имели, правда, сравнительно немногочисленные гарнизоны и до сорока боевых кораблей. Наиболее укрепленным считался порт Сейсин, где находился гарнизон до 4 тыс. человек и сильная береговая оборона.

Замысел командования флота по высадке десантов заключался в следующем. Авиация флота (командующий генерал-лейтенант авиации П. Н. Лемешко) должна была нанести по возможности внезапные удары по кораблям и береговым объектам противника. Для этого были использованы дивизии пикировщиков и штурмовиков. Одновременно с воздушными налетами на порты должны были напасть наши торпедные катера. Их набегами руководил командир 1-й бригады торпедных катеров капитан 2-го ранга П. Ф. Кухта, а дивизионами катеров — капитаны 3-го ранга К. В. Казачинский и С. П. Кострицкий и капитан-лейтенант М. Г. Малик.

Первые атаки с воздуха и с моря были смелыми, решительными и достойны всяческой похвалы. Уже к 11 августа создалась благоприятная обстановка для высадки десантов в портах Юки и Расин, что и было сделано в течение двух дней, хотя погода была на редкость отвратительной. Захват портов Юки и Расин позволил начать уже подготовленную операцию по занятию самого укрепленного порта — Сейсин. В десант вошли 335-я стрелковая дивизия, 1-я бригада морской пехоты и 355-й батальон морской пехоты Тихоокеанского флота. Командиром высадки назначили капитана 1-го ранга А. Ф. Студеничкина, а командиром десанта — генерал-майора В. П. Трушина.

Как и предполагалось, бои за Сейсин были чрезвычайно тяжелыми. Японцы не сдавались; они бросали в бой все новые и новые подкрепления. Первому эшелону, состоявшему из 355-го батальона морской пехоты, в течение только одной ночи (на 15 августа) пришлось отбить 14 атак врага. Мужественно сражались И. М. Яроцкий, М. И. Кочетков, Н. Г. Маркелов, М. П. Бараболько. Двум последним было присвоено звание Героя Советского Союза. Следует отметить и 13-ю бригаду морской пехоты под командованием генерал-майора В. П. Трушина, отважно действовавшую в течение всего дня 15 августа.

Несмотря на фанатически упорное сопротивление противника, 16 августа военно-морская база Сейсин была занята десантными частями флота. Генерал-лейтенант С. И. Кабанов, назначенный командующим Южным морским оборонительным районом, получил возможность организовать оборону названных портов и базировать там наши корабли.

Одновременно Северо-Тихоокеанская флотилия под командованием вице-адмирала В. А. Андреева высаживала десант на южной части острова Сахалин, тем самым содействуя наступлению 56-го стрелкового корпуса. 25 августа флотилия высадила десант в военно-морской базе Отомари, гарнизон которой численностью около 3,5 тыс. человек сложил оружие. Собственно освобождение Южного Сахалина заканчивалось.

Впереди лежали острова Курильской гряды, которые тоже предстояло занять нашим частям. Эта задача была возложена на командующего войсками Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко и командира Петропавловской военно-морской базы капитана 1-го ранга Д. Г. Пономарева. Освобождение всех островов Курильской гряды закончилось к 1 сентября 1945 г.

Таким образом, вся дальневосточная кампания продолжалась двадцать четыре дня. Столь быстрое окончание войны на Дальнем Востоке объясняется не слабостью японских вооруженных сил, сражавшихся до последнего, а исключительно высоким боевым мастерством и наступательным порывом советских войск.

Когда нашими войсками была разгромлена Квантунская армия и освобождены многие острова, Южный Сахалин и другие районы, к берегам Японии направились около 400 кораблей и свыше тысячи самолетов США. Собственно поражение Японии в конце августа было уже свершившимся фактом.

Агрессивные милитаристские круги Японии, много лет заставлявшие нас постоянно быть начеку, наконец угомонились. С поражением Квантунской армии оставшиеся в живых солдаты утратили самурайский дух, а попавшие к нам в плен, как мне пришлось не раз наблюдать, при возвращении на Родину, даже распевали песню времен гражданской войны «И на Тихом океане...». Пели они ее на русском языке громко и залиисто.

Так закончила свой поход на Тихом океане милитаристская Япония.

Военная кампания на Востоке также изобиловала многими примерами мужества, героизма и отваги советских воинов. Когда мы вспоминаем тех, кто отдал жизни за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны, то, конечно, имеем в виду и героев Дальневосточного военного театра.

* * *

В дни, когда Тихоокеанский флот проводил намеченные операции, мне вместе с маршалом А. М. Василевским довелось побывать во Владивостоке, где командование флота доложило Главнокомандующему Дальневосточным направлением об успехах десантных операций.

Посещая корабли Тихоокеанского флота, Александр Михайлович с присущей ему теплотой и сердечностью беседовал с моряками, а те, в свою очередь, восторженно приветствовали прославленного военачальника.

В середине августа (кажется, 16-го) мы вместе с А. М. Василевским вылетели из Читы в Приморье. Он хотел лично проследить за операциями 1-го Дальневосточного фронта, а мне в эти дни следовало быть ближе к штабу флота. Полет этот остался в памяти. Погода в момент выле-

та была сносной, а когда мы очутились примерно на полпути от Хабаровска, самолет попал в сильные грозовые облака. Молнии сверкали совсем рядом, а ливень не позволял летчикам удерживаться на заданной высоте. Не без труда удалось пилоту отыскать место вынужденной посадки. На то, чтобы вернуться в Читу, горючего уже не хватало. Выбрали небольшой аэродром Тыгда. Не успели мы сесть, как на аэродром надвинулись низкие облака. Связь с Москвой временно была потеряна, и А. М. Василевскому пришлось отправиться на ближайшую железнодорожную станцию, чтобы доложить о своем местонахождении. Но на следующее утро небо было ясным, и мы спокойно добрались до Хабаровска.

До чего же переменчива погода на Дальнем Востоке!

Пробыв вместе с А. М. Василевским сутки в штабе у К. А. Мерещкова, я вылетел во Владивосток.

Перед возвращением в Москву, я побывал на кораблях Амурской флотилии. 4 бригады речных кораблей и 2 бригады бронекатеров, состоявшие более чем из 200 выпелов, тоже активно участвовали в разгроме милитаристской Японии. Мне особенно нравились мониторы Амурской флотилии. Эти небольшие, но исключительно удачно созданные корабли оказались способными наиболее тесно взаимодействовать с армиями и на полноводных и на мелких реках: заходить далеко в тыл врага, переправлять войска, высаживать десанты, оказывать им огневую поддержку. Обычно экипажи флотилий комплектовались моряками, хотя служба на реках имела свою специфику.

К началу боевых действий на Дальнем Востоке Амурская флотилия состояла из четырех бригад речных кораблей и нескольких отдельных отрядов. Командовал флотилией контр-адмирал Н. В. Антонов, членом Военного совета был М. Г. Яковенко, начальником штаба — А. М. Гушин. Ко времени боевых действий против Квантунской армии флотилия пополнилась отличными бронекатерами и мониторами, а их экипажи и командиры уже накопили достаточный боевой опыт в сражениях на Днестре, Дунае, Припяти, Волге.

Основные силы Амурской флотилии начали боевые действия на реке Сунгари. Оказав войскам помощь в занятии городов Цзямуси, Саньсин, флотилия двинулась на Харбин, который был взят 20 августа. А перед этим флотилия почти целую неделю обеспечивала форсирование Амура войсками 15-й и 2-й Краснознаменной армий. Она высаживала также десанты при захвате города Сахаляна, куда переправляла войска из Благовещенска. Когда Сахалян захватили, началась высадка десанта в укрепленном секторе Айхгуньцунь, где противник имел сильную оборону. Сюда по приказанию командующего 2-й армией с целью поддержки наших войск артиллерийским огнем были направлены монитор «Активный» (командир капитан-лейтенант П. Ф. Колтев), канонерская лодка «Красная звезда» (командир капитан-лейтенант А. Н. Тарасов) и отряд бронекатеров с реактивными установками (командир дивизиона капитан 3-го ранга А. Я. Бакалец). Они помогли войскам занять город Цикэ. В результате от противника было очищено все правое побережье верхнего и среднего Амура, что обеспечило свободное плавание наших кораблей. Были созданы плацдармы для дальнейшего наступления сухопутных частей. Словом, флотилия помогла прорывать оборону противника, овладевать городами, уничтожать совместно с войсками окруженные группировки японских войск, высаживать десанты.

Остановлюсь еще на одной операции флотилии. Оставив Тунцзян, противник отходил по дороге Тунцзян — Фуцзинь, а затем вверх по реке Сунгари. Фуцзинь была важной армейской и речной базой японцев.

11 августа монитор «Ленин» (командир капитан 3-го ранга В. Д. Корнер), взяв 3-й батальон 364-го стрелкового полка, и бронекатера, посадив штурмовую роту, начали движение вверх по реке. Впереди кораблей следовал дозорно-разведывательный отряд. Пройдя километров пятнадцать — двадцать, монитор «Ленин» высадил на берег 3-й батальон, который начал двигаться параллельно реке прямо на Фуцзинь. Дозорно-разведывательный отряд ворвался затем на рейд Фуцзинь, где его встретил огонь противника. Корабли же тем временем продолжали свой путь, ведя ответный огонь по обнаруженным огневым точкам. Уничтожив огневые позиции врага и прорвавшись к берегу, бронекатера высадили штурмовую роту, а вслед за этим с монитора «Сунь Ят-сен» был высажен десант. Эти части продолжали наступление на берегу. С севера ворвалась в город 171-я танковая бригада и общими усилиями Фуцзинь был взят. Нашим кораблям приходилось двигаться вверх по Сунгари, местами преодолевая большие преграды: сплошной поток бревен и плотов, пущенных японцами с верховьев реки, обломки взорванных железнодорожных мостов. Но экипажи бронекатеров все равно отыскивали естественные фарватеры и продолжали идти к намеченным целям.

18 августа командующий фронтом информировал Военный совет флотилии о капитуляции Квантунской армии. Корабли флотилии прибыли в Харбин. Сунгарийская речная флотилия японцев была захвачена и разоружена.

Успешные действия личного состава флотилии в разгроме Квантунской армии были высоко оценены правительством — 3315 моряков, старшин и офицеров были награждены орденами и медалями, 7 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Вот их имена: контр-адмирал Н. В. Антонов, капитан 1-го ранга М. Г. Воронков, капитан 3-го ранга В. Д. Корнер, капитан-лейтенант И. А. Хворостьянов, капитан С. М. Кузнецов, старший лейтенант И. А. Сорнев и старшина 1-й статьи И. Н. Голубков.

За проявленную в боях отвагу и героизм мониторы «Сунь Ят-сен» и «Свердлов», канонерские лодки «Красная звезда» и «Пролетарий», первый отдельный дивизион бронекатеров, первый отряд бронекатеров подняли гвардейские военно-морские флаги. Заслуживают много добрых слов и такие мониторы, как «Активный» (командир П. Ф. Колтев) и «Дальневосточный комсомолец» (командир П. Г. Мошканцев).

Бригады флотилии получили почетные наименования: 1-я Харбинская Краснознаменная, 2-я Амурская Краснознаменная, 3-я Уссурийская ордена Нахимова 1-й степени и 4-я Амурская ордена Ушакова 1-й степени.

2 сентября 1945 г. на линкоре «Миссури» японцы подписали безоговорочную капитуляцию. И если 9 мая мы считаем последним днем войны на Западе, то 2 сентября является последним днем второй мировой войны.

Мы никогда не должны забывать 22 июня 1941 г., как и День Победы, — День первый и День последний, самые памятные даты Великой Отечественной войны.

* * *

Вспоминая здесь лишь отдельные эпизоды из боевой деятельности Военно-Морского Флота и отмечая героизм моряков, я не забываю, что основные крупные сражения происходили на суше. Я далек от преувеличения роли и заслуг флотов и флотилий в достижении победы как на Западе так и на Востоке. Однако моряки внесли достойный вклад в дело борьбы с фашистской Германией и милитаристской Японией, и об этом я в самом сжатом виде попытался рассказать в этой короткой статье.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

ОБ ОДНОМ ИЗ ЭПИЗОДОВ ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XV ВЕКА

В историографии последних лет большое внимание привлекают события 1497—1500 гг., названные С. М. Каштановым «династическим кризисом». Один из этапов кризиса, начало конца эры Дмитрия-внука и возвышения Василия Ивановича, сопровождался опалой на И. Ю. и В. И. Патрикеевых, С. И. Ряполовского, В. В. Ромодановского и А. Корובה.

Связаны ли казни и опалы Ивана III на вышеупомянутых лиц с династической борьбой (как считают И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин и С. М. Каштанов)? представляли ли они какую-либо партию при дворе Ивана III? А если представляли, то какую — Софьи Палеолог и ее сына Василия (Дж. Феннелл) или Елены Стефановны и Дмитрия-внука (Н. А. Казакова, А. А. Зимин)? Занимали ли опальные особую внешнеполитическую позицию, в первую очередь по отношению к Великому княжеству Литовскому (Я. С. Лурье, К. В. Базилевич)? Эти вопросы получили самые противоречивые ответы в послевоенных исследованиях¹.

Вопрос о титулатуре русского великого князя был одним из наиболее острых вопросов в литовско-русских отношениях последней трети XV в.

Исследователи внешней политики России этого времени, за исключением Ф. Конечного²⁻⁵, как правило, ограничивались изучением территориальных споров, оставляя в стороне идеологическое оформление борьбы за воссоединение русских земель в виде титула русского князя. Как известно, титул в средневековье имел огромное значение. Это был синтез власти государя, обобщение всех его претензий на внешне- и внутривнутриполитической арене. Изменение титула во внешних сношениях совпадает с эволюцией его внутри страны, правда, с некоторым ее опережением. Одним из наиболее важных приращений титула при Иване III были слова «всея Руси».

В конце 70-х годов XV в. в титул Ивана III был введен новый термин — «государь». Термин «господарь» в великокняжеском титуле впервые появился в 40-х годах XV в. на монетах Василия II в формуле «осподарь всея Руси» «осподарь всея Русской земли»⁶⁻⁹.

¹ Исчерпывающий историографический обзор сделан А. А. Зиминным и С. М. Каштановым: А. А. Зимин. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 91—97; С. М. Каштанов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967, стр. 102—115.

²⁻⁵ F. Konieczny. Genesa uroszczeń Ivana III do Rusi Litewskiej. «Ateneum wileńskie», v. III, Wilno, 1926.

⁶⁻⁹ G. Alef. The Political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasilii II. «Speculum», v. XXXIV, N 1, Jan. 1959, p. 6.

В 70-х годах произошли такие события, которые дали основание Ивану III называть себя государем всей Русской земли. Иван III пытался добиться признания его государем и в других русских землях, сохранявших еще независимость. С этим связан известный конфликт Ивана III с новгородцами. Новгородские послы Назар и Захарий в марте 1477 г. били челом Ивану III и Ивану Ивановичу и при этом называли их «государями»¹⁰. Иван III, пользуясь оговоркой новгородских послов, или просто неправильно истолковывая их речи, потребовал признания его «государем надо всем Новгородом». Л. В. Черепнин пишет по этому поводу: «...посольство демонстрировало... признание Новгородом верховной власти московского великого князя при сохранении существующего новгородского политического строя. Великий же князь пожелал истолковать обращение к нему новгородских послов, употребивших титул „государь“, как знак полного ему подчинения»¹¹.

Одновременно с событиями в Новгороде Псков прислал великому князю грамоту, в которой признал его своим государем¹².

Формирование понятия «государь» в качестве неограниченного в правах главы нового политического объединения вызвало к жизни и новый термин для обозначения самого этого объединения. Первые термин «государство» встречаем в синхронном рассказе Симеоновской летописи о событиях 1477 г.¹³ В нем этот термин определяет границы власти великого князя. Позднее он распространяется на страну, которой правит великий князь в качестве «государя». Представление о России как сумме княжений впервые вытесняется новым — как едином политическом организме — «государстве».

Перемены в титулатуре великого князя не прошли незамеченными в Польско-Литовском государстве. В 1479 г., когда Иван III попросил у Казимира охранную грамоту Андрею Палеологу для проезда через земли Польского королевства и Великого княжества Литовского и в этом обращении, по словам Казимира, именовал себя «королем», Казимир энергично протестовал против нового титула русского великого князя¹⁴.

По-видимому, в этой грамоте Ивана III, не дошедшей до нашего времени, он впервые называет себя «господарем», а может быть, даже «царем». Последний термин в 70—80-е годы употреблялся sporadически. Так, в грамоте Ивана III Захарии Скарь в Кафу от 14 марта 1484 г. читаем: «божиею милостью великий оподарь Русские земли, велики князь Иван Васильевич царь всеа Руси...»¹⁵.

Вероятно, к 1483—1485 гг. относятся серьезные изменения в титулатуре великого князя. Интитуляцию в грамотах, вышедших из великокняжеской канцелярии, с этого времени пополнилось словами «всеа Руси»¹⁶.

За пределами же России великий князь выступал в роли не только великого князя «всеа Руси», но и «государя» и изредка «царя».

Единственной страной, в которой внимательно и с кровным интересом присматривались к малейшим деталям великокняжеской титулатуры, было Польско-Литовское государство. Приращение титула великого кня-

¹⁰ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 254.

¹¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 867—868.

¹² ПСРЛ, т. XXV, стр. 312.

¹³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 254.

¹⁴ F. Kopieczny. Op. cit., str. 22.

¹⁵ Сб. РИО, т. 41, № 10, стр. 41, 14 марта 1484 г. Тот же титул в послании Хозе Асану (там же, № 12, стр. 45, 31 июля 1485 г.), Захарии Скарь (там же, № 19, стр. 71, 18 октября 1487 г.).

¹⁶ АСЭИ, т. I, М., 1952, № 516. Это отметили И. А. Голубцов, а вслед за ним и Б. Н. Флоря (Б. Н. Ф л о р я. Кормленные грамоты..., стр. 109—110).

зя в 1483—1484 гг. вызвало переполох в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, объединенных под властью короля и великого князя Казимира Ягеллона. В 1483 г. распространился слух, исходивший из Польши, о том, что Иван III потребовал у папы «королевскую корону во всей Русской нации»¹⁷. В этом слухе точно отмечены размеры претензий великого князя на власть — «во всей Русской нации»¹⁸. Так же точно указано, что в новом титуле появились слова, определявшие характер власти князей.

Термин «государь», пожалуй, больше всего приближался к «королю», власть которого в одних странах была наследственной, в других — выборной. Королевской властью над своими землями располагали владельцы Польши, Венгрии, Дании, Франции, Англии, Неаполя, Кастилии и Арагона, Шотландии, Чехии (хотя последняя входила в состав Священной Римской империи). Получение королевской короны поставило бы Россию в один ряд с вышеперечисленными странами. Однако намерения великих князей московских отнюдь не ограничивались превращением их власти в рядовую королевскую власть.

По-видимому, к 1483—1484 гг. относятся переговоры короля польского и великого князя литовского Казимира с папой, на которые намекал Николай Поппель в 1488 г.¹⁹ Слова Поппеля о просьбе Казимира к папе, чтобы тот не «уделал великого князя кралем», не были опровергнуты, стало быть, он располагал точными сведениями о намерениях великого князя.

На 1487 г. приходится время широкого употребления полной титулатуры великого князя во внешних сношениях России. Думается, это можно связать с покорением Казани, которому в Москве придавали очень серьезное значение.

Так же полностью была написана титулатура великого князя в верительной грамоте Мануилу Ивановичу Ралеву, отправленному в Милан 19 августа 1487 г.: «Божьею милостью великий господарь Русские земли великий князь Иван Васильевич володимерский и московский и новгородский и псковский и тферский и югорский и вятский и пермский и иных всея Руси»²⁰.

Дмитрий и Мануил Ралева, посетившие в 1488 г. Милан, Венецию и Рим, были приняты в Италии как послы «русского короля»²¹. По-видимому, термином «король» итальянцы в это время переводили русское слово «государь».

В 1487 г. Иван III сделал попытку заставить Польско-Литовское государство принять титул князя «всея Руси». Это вызвало резкое противодействие. В выписке из посольских книг, которые не сохранились, под 6996 (1488) г. читаем о прибытии послов от Казимира с таким примечанием: «А в верующей грамоте писался король королем полским и великим князем литовским без титлы; а великого князя Ивана имя писано без титлы ж и всея Руси не написан»²².

¹⁷ Ф. Конечный считает эти слухи необоснованными. Иван III не намеревался получить этот титул из рук папы. Под «Русской нацией» Ф. Конечный понимает «всю татарскую Русь» (Ф. Конечный. *Op. cit.*, стр. 24).

¹⁸ A. Theiner. *Monumenta Poloniae ecclesiastica*, t. II, Roma, 1860, N 257, p. 230.

¹⁹ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (далее: ПДС), т. I, СПб., 1851, стр. 11, 1488 г.

²⁰ Е. Ф. Шмурло. Научный отчет 1907—1908 гг. «Россия и Италия», т. III. СПб., 1911, стр. 23—24.

²¹ D. Malerigo. *Op. cit.*, p. 310. Сообщение о приеме 3 сентября 1488 г. венецианской синьорией.

²² Сб. РИО, т. 35, стр. I, прим. I.

Представители Великого княжества Литовского категорически отказались называть великого князя Московского таким образом²³. И позднее этот вопрос оставался чрезвычайно острым. Великие князья литовские держали часть Русской земли под своим верховенством и не соглашались с требованием Руси возвратить ей эти земли.

После этого временно Иван III отказался от попыток утверждения нового титула в сношениях с Польско-Литовским государством. Еще один раз в посольских делах он назван «господарем нашим князем великим» 9 марта 1488 г. Затем на три года термин «господарь» исчезает из титулатуры великого князя, чтобы вновь появиться только 27 февраля 1491 г.²⁴

С 1492 г. великий князь берет курс на утверждение своего полного титула в сношениях с Великим княжеством Литовским. Летом 1492 г. он называет себя «великим князем... всеа Русии», во время переговоров о браке в начале 1494 г. вновь употребляется полный титул.

Это не прошло незамеченным в Великом княжестве Литовском. Очередной литовский посол виленский епископ Николай Радзивиллович обвинял Ивана III в июне 1493 г. в том, что тот «написал имя свое высоко, не по старине, не подлуг того, как издавна обычай бывал»²⁵.

В ответе литовским послам Андрею Олехновичу и Войтку князь Иван Юрьевич Патрикеев говорил: «Ино государь наш... высокого ничего не писал, ни новины некоторые не вставил: чем его бог подаровал, от дед и от прадед от начала правой еси уроженной государь всеа Русии и которми землями его бог издарил, то он и писал»²⁶.

Одновременно с активным противодействием новому титулу со стороны Литвы Конрад Мазовецкий уже в 1493 г. признавал полную титулатуру Ивана III. Иван Подося обращался к «великому князю володимерскому и московскому и псковскому и тферскому и иных многих земель, государю царю всеа Русии». В другой грамоте этого же посольства речь была обращена «к напредсветлейшему великому князю Ивану Московскому и Великого Новагорода и Тфери, государю всеа Русии» или просто «напредсветлейшему князю великому Ивану Московскому»²⁷.

Вопрос о титуле в сношениях с Великим княжеством Литовским оставался открытым и в 1494 г.

Это было наиболее удобным временем для утверждения полной титулатуры русского великого князя. Вынужденное признать свое поражение, ослабленное отделением от Польского королевства и только что прошедшей войной с Россией, Литовское княжество готово было пойти на уступки в вопросе о титуле. Однако и на этот раз русской стороне не удалось добиться своего. Вопрос о титуле послужил основой дипломатического конфликта 1494 г. и внутривосточной трагедии 1499 г. После того как литовские послы были в Москве и договорились о предстоящем браке, а также от имени Александра обручились с Еленой Ивановной, в марте — апреле 1494 г. в Вильну поехал князь С. И. Ряполовский и князь В. И. Патрикеев. Они получили подтвержденные окончательные грамоты, однако в этих грамотах титул великого князя был написан не так, как в московских. Послы отказались взять грамоту о непринуждении к «римскому закону» (католичеству) Елены Ивановны на том основании,

²³ Сб. РИО, т. 35, №№ 22, 139, стр. 421, 422, 517, 518, 611, 612; см. также Ф. Копес-з п у, *Op. cit.*, стр. 30.

²⁴ Сб. РИО, т. 35, № 3, стр. 13; № 13, стр. 52.

²⁵ Там же, № 17, стр. 69 (июль — октябрь 1492 г.); № 24, стр. 129 (5 февраля 1494 г.); № 22, стр. 105.

²⁶ Там же, № 22, стр. 107 (30 июня 1493 г.).

²⁷ Там же, № 21, стр. 90, 91.

что в нее была добавлена одна фраза: «а коли похочет своею волею приступить к нашему римскому закону, то ей в том воля». Платой за эту фразу Александр выставлял признание полного титула Ивана III, который в грамоте звучал так: «Иоанн, государь всеа Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и перьмский, и болгарский и иных»²⁸, т. е. полностью соответствовал действительному титулу Ивана III (без указания слов «царь» и «божьей милости» как источника его власти). Послы поступили точно по инструкции: «А о другой грамоте говорити накрепко, чтобы дал грамоту по списку слово в слово. И которыми дело станет накрепко, князь великий не всхочет грамоты дати, ино тогды о грамоте не стояти, а укрепити его о том речни, чтобы крепкое свое слово молвил, что ему о греческом законе неволи не чинити». Это признавал и Иван III в июле 1498 г.: «князь великий нашим бояром, князю Василью и князю Семену, давал такову свою грамоту утвержденую по нашему списку, а имя наше в той грамоте писал по тому, как в докончание нашем писано. И бояре наши не взяли тое грамоты за тем, что приставлена в ней строка о римском законе»²⁹.

Литовская сторона тотчас взяла на вооружение этот промах русских дипломатов. Петр Янович, воевода троцкий, подчеркнул: «наш государь великий князь вам тот лист давал, и вы его не хотели взяти». То же говорил в августе 1494 г. Ян Литавор Хребтович³⁰.

Ошибка послов заключалась в том, что они, не взяв грамоты о греческом законе, допустили искажение титула великого князя Ивана, названного просто великим князем. В конце концов Ивану III, чтобы не затягивать дела о сватовстве, пришлось взять грамоту, привезенную литовским послом Адамом, в которой отсутствовала вставленная Александром строка о римском законе, но не значился и полный титул Ивана III. В этой грамоте он остался просто «великим князем»³¹.

Так же титуловали литовские послы русского государя и позднее: 11 июня 1494 г. была подписана верительная грамота послу Яну Литавору Хребтовичу на имя «великого князя Ивана Васильевича»; 3 декабря 1494 г. — Александру Юрьевичу Ольшанскому, Яну Юрьевичу Заберезскому; 18 ноября 1496 г. — в грамоте Александра с русским послом Алексеем Семичевым; в начале 1497 г. — с посольством Зенки; с посольством Василия Бокея — от 17 февраля 1498 г.; с Василием Дорожковичем — от 19 марта 1498 г.³²

В январе 1495 г. русская сторона вновь поставила вопрос о титулатуре Ивана III. Семен Ряполовский и Михаил Яковлевич Русалка-Морозов должны были говорить Александру: «пишешь, господине, в своих грамотах посыльных к нашему государю, толко „великому князю“ Ивану Васильевичю, а не по докончанию, как в докончание написано „Государь всеа Руси и великий князь володимерский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и перьмский, и бльгарский и иных»³³.

Но и этим послам ничего не удалось добиться. Только Елена Ивановна титуловала отца полностью: «государю отцу моему Ивану, божью ми-

²⁸ Там же, № 25, стр. 143, 140 (март — апрель 1498 г.). См. также стр. 133.

²⁹ Там же, № 56, стр. 271.

³⁰ Там же, № 25, стр. 143; № 28, стр. 146.

³¹ Сб. РИО, т. 35, стр. 147 (11 июня 1494 г.).

³² Там же, стр. 159, 160; № 44, стр. 226; № 45, стр. 227; № 52, стр. 246; № 54, стр. 258.

³³ Там же, № 31, стр. 170.

лостью, государю всея Руси, великому князю», — написала она 18 ноября 1496 г.³⁴

Вплоть до 1498 г. русская сторона как бы примирилась со своим поражением в вопросе о признании титула в Великом княжестве Литовском. А великий князь Иван III оставил без наказания оплошность своих послов 1494 г. В. И. Патрикеева и С. И. Ряполовского, но не забыл о ней.

Да и трудно было забыть. Практика дипломатических переговоров с другими европейскими державами постоянно напоминала, что только ближайший сосед России не признает титула русского великого князя.

В ответ на предложение короны от имени римского короля Максимилиана и императора Фридриха их посол Н. Поппель услышал в ответ гордую декларацию Ф. Курицына об источниках и границах великокняжеской власти, которая считается изложением политической программы Ивана III³⁵: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от Цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле и мы Божию милостию Государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»³⁶.

Римские императоры с самого начала признавали за великим князем право титуловаться так, как он хочет. Их обращения исходили из предпосылки о равенстве сторон. «Премоцнейшему, и начальнейшему, дражайшему другу», — читаем в обращении Фридриха к Ивану III, — «Светлейшему и Всемочнейшему и Начальнейшему Иоанну Вседръжавному Государю Русьскому, нашему дражайшему другу». А с 1491 г. Максимилиан зовет Ивана III «братом своим»: «К светлейшему Ивану, по Божией воле начальнику и государю всеа Руси, князю Великому володимерскому, и московскому, и новгородскому, и пскофскому, и тферскому, и югорскому, и вятскому, и пермьскому, и болгарскому и иных». «Наисветлейшему и велможному Князю Государю Ивану, единому Государю Рускому, князю володимерскому, московскому, новгородскому, и псковскому, и тферскому, и югорскому, и вятскому, и пермьскому, и бльгарскому и иных, нашему милому брату и Князю»³⁷. Послы Максимилиана называют Ивана III «единый государь всей Руси». По мнению Ф. Конечного, определение «един» — это буквальный перевод немецкого *Alleinher-scher*³⁸.

Что же касается титула «царь», то это обращение, пожалуй, было вполне традиционным. Ведь еще в начале XV в. в договоре Пскова с Ливонским орденом от 29 сентября 1417 г. великий князь московский Василий Дмитриевич назывался то русским князем («*de Rusche furste*»), то нашим господином, русским кайзером («*unse here de Rusche Keyser*»)³⁹.

То же самое наименование великого князя встречаем и в договоре марта 1487 г. Новгорода с ганзейскими городами. Н. А. Казакова переводит слово «*Keyser*» — «царь»; может быть, правильнее было бы оста-

³⁴ Сб. РИО, т. 35, № 44, стр. 227.

³⁵ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960, стр. 374.

³⁶ ПДС, т. I, стлб. 12.

³⁷ Там же, стлб. 26, 27, 66, 70—71, 73.

³⁸ Ф. Конечный. *Op. cit.*, стр. 21.

³⁹ ГВНП, № 334, стр. 318—319. А. В. Соловьев, ссылаясь на Н. М. Карамзина, использовавшего тот же самый текст (см. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, прим. 22), неправильно пишет о «великом короле Московии, русском кайзере» (А. В. Soloviev. «Reges» et regnum Russiae au Moyen âge, p. 170).

вить «кайзер» или «цезарь», как именовали римского императора в России в то время⁴⁰.

Одним из наиболее ранних примеров употребления этих последних терминов можно назвать письмо Любека великому князю Ивану III от 5 июня 1489 г., посланное с Юрием Траханиотом и адресованное: «Государю (domino) и великому князю, императору всей Руси»⁴¹. Тем не менее любечане прекрасно знали, что Иван III являлся всего лишь великим князем, как они его и величали в переписке с ливонскими городами⁴². Однако сам Иван III в обращении к ним постоянно называл себя «кайзером всей России»⁴³.

В документе 1498 г. Иван III был назван «Signor de tutta la Rossia»⁴⁴. В 1498 г. датский король Иоанн называет Ивана III «императором всей России» («imperator totius Russiae») ⁴⁵.

Таким образом, к 1498 г. все европейские страны признавали Ивана III не только великим князем, но государем и некоторые даже царем.

Новым этапом в укреплении международного престижа явилось венчание Дмитрия-внука, которое с самого начала было рассчитано на международный эффект. Недаром на пелене Елены Волошанки с изображением крестного хода 8 апреля 1498 г. был изображен мужчина во «фряжском платье»⁴⁶.

Венчание на великое княжение должно было подчеркнуть коренную противоположность способов получения власти великими князьями на Руси и в соседних странах. Цесарь римский избирался, польский король и великий князь литовский избирались тоже, и только русские князья, подобно византийским императорам и славянским государям, сами могли назначать своего преемника.

Одновременно с этим процедура венчания должна была придать и больший блеск власти самого Ивана III. А. В. Соловьев рассматривает этот акт как претензию Ивана III на титул императора⁴⁷. Действительно, в чине венчания Иван III называется «царем» и «самодержцем». Во время венчания произносились здравицы великому князю «божиею милостию православному царю Ивану великому князю всея Руси самодержцу»⁴⁸.

23 января 1500 г. Марино Сануто в своих «Дневниках» записал об Иване III со слов Дм. Ралева и Митр. Карачарова: «Называется императором России и князем Московии, это случилось 3 месяца тому назад»⁴⁹. Послы выехали из России в начале марта 1498 г. Поэтому сообщение о трех месяцах вызывает удивление.

Не исключено, что в числе тех, кто не склонен был придавать церемонии 1498 г. расширительное толкование, которое пытался придать ей Иван III,— как венчанию на царство его самого и венчанию на великое княжение,— было ближайшее окружение Дмитрия-внука. С. М. Каштанов убедительно доказал, что причины опалы Дмитрия-внука кроются во внутренних политических отношениях, в конечном счете во взаимоотношениях старшего и младшего поколений великих князей⁵⁰. Каким обра-

⁴⁰ HR, Abt. 3, Bd. II, № 136. Пер. см.: Н. А. Казакова, Русско-ганзейский договор 1487 г. «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, стр. 225.

⁴¹ HR, Abt. 3, Bd. II, N 265, S. 304 (5/VI 1489).

⁴² Там же, № 264, стр. 304 (3/VI 1489).

⁴³ HR, Abt. 3, Bd. III, N 510, S. 393, 13/VI 1495.

⁴⁴ M. S a n u t o. J. diarii, v. 3, Venezia, 1880, p. 89.

⁴⁵ СГГД, т. V, № 110.

⁴⁶ Н. А. Маясова, Древнерусское шитье, М., 1971, илл. 27, стр. 20.

⁴⁷ А. В. Соловьев «Reges» et «regnum Russiae»..., p. 172.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 331.

⁴⁹ M. S a n u t o. J. diarii, v. 3, p. 89 (23/I 1500).

⁵⁰ С. М. Каштанов. Социально-политическая история России, стр. 92—93.

зом мог «грубить» деду внук, как не признавая его новоиспеченным «царем» и не требуя себе равных с ним прав — князя «всех Русии»? ⁵¹

Следует вспомнить, что именно в 1498 г. Иван III крайне щепетильно относился к вопросам титулатуры. В это время вновь встал вопрос о титулатуре великого князя в литовско-русских отношениях. Меньше чем через два месяца после венчания, по самой распутице, 29 марта 1498 г. Иван III отправил в Литву князя В. В. Ромодановского и дьяка В. Г. Кулешина ⁵². Они должны были обвинить Александра в том, что тот не соблюдает dokonчания, искажая титул московского государя и в dokonчании и в грамоте о соблюдении греческого закона Еленой Ивановной, присланной в Москву с писарем Адамом в ноябре 1494 г. ⁵³

Послы должны были подробно коснуться вопроса о титуле: «Что которую грамоту утвержденую дал князь велики Александр великому князю о греческом законе, и который список панове его взяли Петр и Станислав, и он ис того списка выставил «государю всея Русии», того в той грамоте не написал, а не по dokonчальной грамоте имя великого князя пишет. В dokonчальной грамоте написано: «Иоанн, божиею милостью, государь всея Русии и велики князь володимерский, и московский, и новгородский и псковский и тферский и югорский и пермьский и болгарский и иных..., а князь велики Александр к нашему государю к великому князю пишет его имя не по тому, как в dokonчание написано, а пишет „брату и тьстю нашему, великому князю Ивану Васильевичу“, а „государю всея Русии“ не пишет и имян землям».

Память послам требовала предъявить копии грамот иностранных государств в доказательство того, что «к нашему государю цари и короли пишут государем всея Русии» ⁵⁴.

Результатом посольства В. В. Ромодановского и В. Г. Кулешина было некоторое пополнение «имени» великого князя в грамотах с посольством маршалка Станислава Петряшковича Кишки и писаря Ивана Сопеги, приехавших в Москву 20 июля 1498 г. ⁵⁵ В середине 1498 г. Александр вынужден был признать божественный источник власти великого князя русского и его фактические владения (названия земель были перечислены), однако он продолжал упорствовать в отказе титуловать Ивана князем «всех Русии» и сопротивлялся признанию самодержавного характера его власти.

Уступка, сделанная Александром, не удовлетворила Ивана. Он потребовал от литовских послов ответа о «начальных и больших делех», среди которых первое место занимали вопросы титулатуры. Послы же не уполномочены были решать этот вопрос. Предчувствуя грядущее обострение отношений, Иван III сам обратился к послам с просьбой: «Станислав и Петряшко! Молвите от нас брату нашему и зятю, великому князю: что как с нами взял любовь и dokonчанье и на чем к нам крест целовал, и он бы по тому нашему dokonчанью и по крестному целованью

⁵¹ В титуле грамот Дмитрия-внука слова «всех Русии» появляются только в сентябре 1498 г. (С. М. Каштанов Указ. соч., стр. 93). Уже после охлаждения отношений Дмитрия-внука и Ивана III, 7 июля в наказе, данном Иваном III Алексею Голохвостову, не сказано, чтобы править поклон от Дмитрия-внука (Сб. РИО, т. 35, № 55, стр. 261—7 июля 1498 г.).

⁵² Сб. РИО, т. 35, № 53, стр. 252 (29 марта 1498 г.). В ряде летописей также содержатся сведения об этом посольстве, но под 7008 (1499—1500) г.— ПСРЛ, т. VI, стр. 45, 243; т. VIII, стр. 238; т. XII, стр. 251; т. 20, первая половина, стр. 370; т. 21, вторая половина, стр. 572; т. 26, стр. 292; т. 28, стр. 333.

⁵³ Сб. РИО, т. 35, № 53, стр. 252; № 30, стр. 157—159 (16—22 ноября 1494 г.); № 56, стр. 271 (июль 1498 г.).

⁵⁴ Там же, № 53, стр. 256, 257 (29 марта 1498 г.).

⁵⁵ Там же, № 53, стр. 265 (9 июня 1498 г.).

о всех делах нам направил, чтобы межи нас прочная дружба и свойство не рушилося»⁵⁶.

Однако призыв великого князя «всая Руси» остался без ответа. Литовские послы не возвращались в Москву месяц, другой, третий... Лишь на одиннадцатый месяц Иван III не выдержал и отправил сам послов в Литву, но только к дочери, а не к великому князю Александру⁵⁷.

Таким образом, в июле 1498 г. мирные сношения с Литвой прервались. Ивану III так и не удалось добиться признания его великим князем «всая Руси» со стороны главного соседа Русского государства — Великого княжества Литовского. Более того, Россия вынуждена была решать военным путем вопрос, который Иван III надеялся уладить мирными средствами.

В то же самое время Дмитрий-внук предъявил свои претензии на титул «князя всая Руси», что не могло вызвать особого энтузиазма со стороны деда. К концу 1498 — началу 1499 г. Дмитрий-внук, как пишет С. М. Каштанов, «был фактически отстранен от участия в делах внутреннего управления»⁵⁸. Его время кончилось, хотя сам он еще не попал в опалу.

Пока что Иван III расправлялся с теми, кто допустил «небрежение нашему имени» на внешнеполитической арене, и 31 января 1499 г. были арестованы С. И. Ряполовский и И. Ю. Патрикеев с сыновьями. В апреле 1499 г. за ними последовали В. В. Ромодановский и А. Коробов⁵⁹.

За «небрежение» именем великого князя С. И. Ряполовскому пришлось заплатить жизнью: он был казнен 5 февраля 1499 г. Его Иван III считал главным виновником дипломатической неудачи 1494 г. В наказе мая 1503 г. послам указывалось: «Вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал князем Васильем княжим Ивановым сыном Юрьевича»⁶⁰.

Ясно, что причиной опалы бояр в 1499 г. были не перипетии династической борьбы, а неудача во внешней политике России по отношению к Великому княжеству Литовскому. Правы были Я. С. Лурье и К. В. Базилевич, искавшие причины этой опалы во внешней политике России. Состав лиц, арестованных в 1499 г., определялся их причастностью к внешней политике. И. Ю. Патрикеев, которого некоторые исследователи считали главой заговора⁶¹, во время русско-литовской войны 1490—1494 гг. был московским воеводой и в силу этого одним из руководителей внешней политики страны, к которому постоянно обращались литовские послы со своими предложениями о перемирии, переговорах, предстоящем браке⁶². Он оставался московским наместником и в феврале 1498 г.⁶³

Можно согласиться с Л. В. Черепниным, полагавшим, что И. Ю. Патрикеев был «сторонником литовско-русского сближения»⁶⁴, с К. В. Базилевичем и А. А. Зиминым, рассматривавшими Ряполовских

⁵⁶ Сб. РИО, т. 35, № 56, стр. 269—270, 271, 273. См. также № 59, стр. 277 (6 июня 1499 г.).

⁵⁷ Там же, № 56, стр. 274—277 (июнь 1499 г.).

⁵⁸ С. М. Каштанов. Социально-политическая история..., стр. 95.

⁵⁹ ПСРЛ, т. 24. Пг., 1921, стр. 214.

⁶⁰ Сб. РИО, т. 35, стр. 428.

⁶¹ С. М. Каштанов. Социально-политическая история России, стр. 106.

⁶² Ему писали: «господину князю Ивану Юрьевичу, воеводе великого князя московскому...» (Сб. РИО, т. 35, № 18, стр. 79, 29 декабря 1492 г.); «воеводе московскому» (там же, № 22, стр. 105, 23 мая 1493 г.; № 23, стр. 109, 23 сентября 1493 г.).

⁶³ А. А. Зимин. События 1499 г. ..., стр. 98. О деятельности И. Ю. Патрикеева в этой роли см. там же, стр. 100.

⁶⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, М., 1951, стр. 315—316.

и Патрикеевых как «убежденных сторонников примирения и сближения с Литвой»⁶⁵, но с некоторым дополнением и поправкой. Они были не одиноки. На той же позиции в 1498—1499 гг. стоял и сам великий князь. Ни великий князь, ни приближенные к нему бояре не были заинтересованы в новой войне с западным соседом. Иван III пытался мирными средствами добиться одной из целей своей политики по отношению к Александру, а именно — добиться признания своего полного имени.

Великий же князь литовский Александр в ответ на это прервал всякие сношения со своим тестем, поставив его перед необходимостью начать новую войну. За то, что война стала неизбежной, и разгневался Иван III на своих нерадивых слуг и незадачливых дипломатов — князей С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева, допустивших главный промах при оформлении окончательных грамот в 1494 г., и В. В. Ромодановского, не сумевшего добиться исправления ошибки своих предшественников в апреле 1498 г. Почему в это общество попал А. Коробов — непонятно. Он ни в 1494 г., ни позднее не участвовал в переговорах с великим князем литовским.

Был ли намеренным просчет С. И. Ряполовского и В. И. Патрикеева с целью возвысить великого князя литовского в 1494 г.? Думается, нет. Было ли в силах В. В. Ромодановского заставить великого князя Александра признать Ивана III «государем и великим князем всея Руси»? По-видимому, нет. Если Александр в 1494 г. обставлял свое признание полного титула Ивана III согласием на переход Елены в католичество, то в 1498 г. он требовал отказа великого князя от его территориальных претензий на Киев и на включение Киева в число тех земель, которые принадлежат Александру.

Представляли ли Ряполовский, Ромодановский и Патрикеев какую-нибудь группировку при дворе Ивана III? Что касается их причастности к какой-либо группировке, думается, в литературе давно уже доказана близость Патрикеевых к Елене Волошанке и Дмитрию-внуку⁶⁶.

К сожалению, нельзя судить о том, было ли случайным совпадение отказа Александра признать полный титул Ивана III в 1498 г. и претензии Дмитрия-внука на этот же титул. Была ли в политике последнего закономерность, обусловленная развитием внешнеполитических отношений? Или в какой-то мере направляемых Патрикеевыми? Или каждая из этих линий внешне- и внутриполитических отношений развивалась по собственным закономерностям и лишь случайно совпала в 1499 г.? — трудно сказать.

Только в августе 1499 г. с ответом на требования Ивана III от 29 марта 1498 г. в Москве появилось большое посольство — Станислав Глебович и писарь Иван Сопега. На этот раз в качестве уплаты за признание полного великокняжеского титула послы настаивали на включении Киева как владения Александра в перемирную грамоту с Литвой, сокращая притязания русской стороны за счет выделения Киева⁶⁷.

Наконец, 5 марта 1500 г. в верительной грамоте Станиславу Петрашковичу и писарю Федке Григорьевичу титул великого князя был написан полностью. В условиях начавшейся войны с Россией Александр согласился на уступки в вопросе о титулатуре великого князя и надеялся, что это уничтожит причину войны: «И ты, брат наш,—говорили послы Александра,— и перед тым до нас всказывал... коли твое имя будет написано по

⁶⁵ Б. К. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 374; А. А. Зимин. События 1499 г. ..., стр. 27.

⁶⁶ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы..., ч. 2, стр. 315—316; А. А. Зимин. События 1499 г. ..., стр. 91—103; его же. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. Сб. «Абсолютизм в России» М., 1961, стр. 35.

⁶⁷ Сб. РИО. т. 35, № 61, стр. 282 (наказ от 5 июня 1499 г.).

докончанию нашему, тогда тем делом всем обидным конец будет»⁶⁸.

Однако запоздалые уступки литовской стороны не помогли. Война шла с несомненным успехом России, военные действия которой поддерживались ответным стремлением русского населения к воссоединению с Россией.

Как уже говорилось раньше, мир 1503 г. был заключен с соблюдением всех формальностей, которых требовал великий князь: его титул был написан полностью, в нем были слова «всея Руси» и «государь».

Однако на этом дипломатическая борьба между Россией и Великим княжеством Литовским по поводу титула не закончилась. Около 1500 г. Иван III в опасной грамоте литовским послам впервые употребил термин «царь». В ней титул звучал так: «Иоан, божиею милостию, царь всеа Руси и великий князь...»⁶⁹. С признанием царского достоинства литовская сторона не согласилась.

В то время как в первое — второе десятилетие XVI в. большинство европейских стран признавало Василия III царем (это были Ливония — см. договоры 1503 и 1509 гг., Ганза — договор 1514 г., Швеция, Тевтонский орден⁷⁰ и, наконец, император Максимилиан⁷¹), исключение составляло лишь Великое княжество Литовское, отказавшееся признать даже титул «государя всея Руси».

Вопрос о титуле вплоть до последних лет княжения Василия III оставался одним из наиболее острых в русско-польско-литовских отношениях.

В 20-е годы XVI в. король польский и князь литовский Жигимонт I стал исподволь вводить титул «князь московский». Хотя в верительных грамотах по-прежнему писался полный титул русского князя, в статейных списках польских послов Василия III называли «великим князем московским». То же в отказах русским послам, например, Василию Полукарпову от июня 1522 г.: «Отказ великого князя московского... говорил еси нам, от своего государя, великого князя Василья Ивановича Московского...»⁷².

Однако в это время Василий отказался от попыток наименования себя царем в общении с Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Он употреблял очень скромный титул: «Мы великий государь Василей, божиею милостию, государь всея Руси и великий князь...»⁷³.

* * *

Таким образом, дипломатическая и военная борьба Русского государства за поднятие его международного престижа путем формулирования пышного титула великого князя, приравнивавшего его сначала к великому князю литовскому, а затем и императорам Священной Римской империи, постоянно испытывала противодействие со стороны Великого княжества Литовского и Польши.

Неудача русских дипломатов 1494 г. свела на нет достижения войны России с Великим княжеством Литовским 1490—1494 гг. и послужила одной из дополнительных причин развязывания новой войны 1500—1503 гг.

Причина опал 1499 г. лежит во внешнеполитических событиях, а не в дипломатической борьбе.

⁶⁸ Там же, № 64, стр. 296 (23 апреля 1500 г.); № 66, стр. 308 (25 февраля 1501 г.).

⁶⁹ Там же, стр. 301.

⁷⁰ ГВНП, № 347; СГГД, ч. V, №№ 57, 60, 65; ПДС, т. I, стлб. 141 (1506 г.), 197 (1517 г.), 342, 362 (1518 г.).

⁷¹ Сб. РИО, т. 53, стр. 34, 57 и др.

⁷² Там же, т. 35, № 91, стр. 608 (март 1522 г.); № 95, стр. 674 (4 июля 1523 г.); № 96, стр. 648 (май 1524 г.); № 99, стр. 700 (апрель 1525 г.); № 92, стр. 619; № 96, стр. 685 (26 мая 1524 г.).

⁷³ Там же, № 93, стр. 637 (сентябрь 1522 г.).

С. Я. МАРЛИНСКИЙ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОКРОВСКИЙ

Самуил Яковлевич Марлинский (1901—1972 гг.) после окончания семи классов гимназии в г. Рыбница (ныне Молдавская ССР) добровольно вступил в ряды Красной Армии, сражался с белополяками, был ранен. Как участник гражданской войны в 1967 г. награжден медалью «За отвагу». В 1922—1925 гг. учился на историческом факультете Одесского института народного образования. С 1926 по 1956 г. преподавал в средней и высшей школах Одессы, читал курс истории СССР и лекции по методике преподавания истории. Научно-исследовательские работы в области отечественной истории начал публиковать с 1929 г. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Петровские „Ведомости“ как исторический источник». Автор многочисленных статей, заметок и рецензий в «Историческом журнале», «Военно-историческом журнале», «Новом мире» и других периодических изданиях.

В 1948 г. я был занят подготовкой диссертации о Петровских «Ведомостях». Консультировал меня старейший исследователь «Ведомостей», известный историк-архивист и археограф Алексей Алексеевич Покровский (1875—1954 гг.), работавший тогда в Государственном Историческом архиве в Москве. О вехах его научной деятельности, о памятных встречах с ним в 1947—1953 гг. я и хочу рассказать. Настоящие воспоминания основаны не только на личных впечатлениях; автор изучал научное наследие А. А. Покровского, еще не выявленное полностью, использовал записи бесед во время встреч с ним, некоторые эпистолярные материалы и устные свидетельства лиц, знавших его — Б. С. Боднарского, В. В. Максакова, Н. П. Киселева, Е. П. Подьяпольской, Е. А. Швецовой и других.

Весьма важным источником для изучения биографии А. А. Покровского являются архивные данные о нем, полученные нами благодаря любезности руководства ЦГАДА и ЦГАОР. В ЦГАДА имеется личный фонд А. А. Покровского (№ 2108), еще не описанный, не ставший пока предметом исследования. Использованы весьма немногие опубликованные материалы о научной деятельности А. А. Покровского¹.

О первых шагах научной деятельности А. А. Покровского свидетельствуют данные одной из анкет, заполненной им в 1923 г. В 1900 г. он закончил историко-филологический факультет Московского университета, где особенно увлекался лекциями В. О. Ключевского и его научными работами, и до 1917 г. работал в архиве московского Печатного двора (бывшей синодальной типографии) — сначала научным сотрудником, а затем заведующим.

В центре его научных разысканий дореволюционного периода — изучение древнерусской литературы и истории культуры по материалам типографской библиотеки. Первая его работа носит библиографический характер².

Интерес к древнерусской литературе и привел его к изучению «Ведомостей» — восточной газеты России начала XVIII в., материалы и оригиналы которой хранились в типографском архиве. В связи с празднованием в 1903 г. 200-летия периодической печати В. А. Погорелов опубликовал первый выпуск «„Ведомостей“ времени Петра Великого». В 1906 г. А. А. Покровский издал второй выпуск «„Ведомостей“ времени

---

¹ Н. Прокопенко. Исследователь-энтузиаст. «Архивное дело», 1940, № 4; М. Д. Рабинович. Выдающиеся историки-архивисты. «Вопросы архивоведения», 1963, № 3, и др.

² А. А. Покровский. Иностранные книги Типографской библиотеки. Вып. II. М., 1902.

Петра Великого». В этом издании были перепечатаны «Ведомости» за 1708—1719 гг. с большой и содержательной статьей А. А. Покровского «К истории газеты в России». В ней составитель и редактор второго выпуска обращает особое внимание на историческое содержание «Ведомостей», а также на приемы археографической обработки публикуемых материалов. В отличие от В. А. Погорелова, который воспроизводит текст «Ведомостей» без всяких комментариев, А. А. Покровский в местах, трудно доступных по смыслу, дает иногда ссылки на рукописные материалы и источники (стр. 96—98 и др.).

Нам удалось выявить еще ряд работ А. А. Покровского о «Ведомостях». К ним относятся его ценная источниковедческая статья «К истории первой русской газеты»³ и ряд других работ за 1907—1914 гг.⁴

Среди трудов дореволюционного времени, связанных с историей печати, заметное место занимает его работа, вышедшая в Москве в 1908 г., — «200-летие русской гражданской азбуки. 1708—1908». Написанная на основе дотоле неизвестных материалов архива бывшей синодальной типографии, она была в свое время высоко оценена видным знатоком славянской филологии проф. Р. Ф. Брандтом⁵. На указанный труд А. А. Покровского неоднократно ссылается Н. Н. Берков в статье, в которой рассматривается вопрос о введении в России гражданского шрифта как важного общекультурного мероприятия для развития печатного слова⁶.

Прямое отношение к печати древней Руси имеет также труд А. А. Покровского «Святцы и календари в России» (М., 1912), удостоенный академической премии имени Ахматова. Он имеет важное значение для суждения о духовных интересах читателей XVII—XVIII вв. и получил высокую оценку современников⁷.

В дореволюционном литературном наследии А. А. Покровского следует особенно отметить его фундаментальную работу «Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзор пергаментных рукописей XI—XV вв.»⁸. Академия наук присудила ей премию Ахматова.

В дореволюционное время и в первые годы после Октября А. А. Покровский долгое время был секретарем Славянской комиссии при Московском археологическом обществе. В изданиях Славянской комиссии печатались труды многих видных ученых, в том числе и А. А. Покровского.

Имеющиеся в личном фонде А. А. Покровского письма свидетельствуют о его научных интересах; сохранилась его переписка с В. О. Ключевским, М. Н. Покровским, А. И. Соболевским, В. И. Пичетой, П. Симоном, К. В. Харламповичем, М. Сперанским, М. Смирновым, С. Н. Валком, И. Э. Грабарем, В. И. Срезневским и другими. Из переписки видно, что эти ученые часто обращались к А. А. Покровскому за советом и консультацией.

И хотя на творчестве исследователя в дореволюционный период лежит печать буржуазной историографии, его публикации, особенно «Ведомости», по своему содержа-

³ А. Покровский. К истории первой русской газеты. «Филологические записки». Воронеж, 1905. Отт.

⁴ А. А. Покровский. Известия о славянах в «Ведомостях» Московского государства за первый год их существования. «Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества», т. IV, вып. I. М., 1907, стр. 38—39; его же. Печатный московский двор первой половины XVII века. М., 1913; его же. Начало книгопечатания на Руси и Московская синодальная типография. Сб. «Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге». М., 1914, стр. 23—35.

⁵ Сб. «Двухсотлетие гражданского шрифта. 1708—1908». М., 1910. Докл. Р. Ф. Брандта, стр. 41.

⁶ См. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание книг, написанных кириллицей. Вступит. ст. и ред. проф. Н. Н. Беркова. М.—Л., 1958, стр. 24.

⁷ ЦГАДА, фонд А. А. Покровского. См., например, отзывы В. А. Погорелова, редактора I-го выпуска «Ведомостей» (л. 77), а также председателя Московского археологического общества Уваровой (л. 6).

⁸ Работа была опубликована в «Трудах 15-го Археологического съезда», т. II, М., 1916. См. также И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941, стр. 76, 78, 58, 125.

нию и по методам их археографической обработки сохраняют свое значение и сегодня.

Главный и основной период научной деятельности А. А. Покровского, продолжавшийся почти 40 лет, приходится на советское время. После Октября он безоговорочно встал на сторону Советской власти и отдавал все свои силы созданию новой науки.

С 1917 г. он трудится в различных архивных учреждениях Москвы; в 1919—1925 гг. заведовал историко-культурным отделом Единого архивного фонда, а в 1922—1932 гг. работал в Архиве народного хозяйства. В 1932—1941 гг. был редактором и ученым архивариусом Центрального архивного управления СССР, а с 1941 г. и до конца жизни — старшим научным сотрудником ЦГАОР СССР.

В 20-х годах А. А. Покровский активно участвовал в подготовке серии документов «Восстание декабристов» к столетию восстания. Видный советский археограф С. Н. Валк особо отмечает работу А. А. Покровского в этом издании: «Достаточно вспомнить ..., «Восстание декабристов» и ту труднейшую и примечательнейшую работу, которая была в данном отношении выполнена А. А. Покровским»⁹. Один из организаторов архивного дела в СССР, видный историк-архивист В. В. Максаков пишет: «Приемы археографической обработки материалов серии „Восстания декабристов“ и других сборников русской истории по более раннему периоду были разработаны при участии видного историка-археографа А. А. Покровского»¹⁰.

Примечательно письмо А. А. Покровского, с которым он обратился в ходе работы над серией «Восстание декабристов» к главному редактору Центрального архива М. Н. Покровскому. В этом письме он запрашивает главного редактора серии: «Кто должен подписывать предисловие к первому тому „Восстание декабристов“... От имени редакции или моего, чтобы читатели могли в случае неясности считать виновником меня...»¹¹. Запрос этот свидетельствует об исключительной скромности А. А. Покровского как ученого.

А. А. Покровский был одним из составителей сборника документов «Пугачевщина» (т. I. М., 1930). Он занимался также и историко-экономическими вопросами. В 1929—1934 гг. он работал в комиссии по изданию известной серии «Международные отношения в эпоху империализма». При его участии вышло 10 томов этой публикации¹².

В 1941 г. был опубликован сборник «Экспедиция Беринга», подготовленный к печати А. А. Покровским, с его большой и содержательной статьей¹³.

Однако основной темой его археографических разысканий остается работа над серией «Восстание декабристов», которая возобновилась после Великой Отечественной войны и проходила под руководством и редакцией виднейшего декабристоведа М. В. Нечкиной. В 1950—1954 гг. вышли три тома этого издания (IX, X, XI), подготовленные к печати А. А. Покровским и Г. Н. Кузюковым.

В то же время А. А. Покровский неустанно трудился, отдавая много сил подготовке полного издания «Русской Правды» Пестеля¹⁴. Труд этот — «„Русская Правда“ Пестеля и сочинения, ей предшествующие», был опубликован в 1958 г. (VII том серии «Восстание декабристов»).

В предисловии к этому изданию отмечается, что работа над подготовкой полного текста «Русской Правды» Пестеля начались еще в начале 30-х годов, но по ряду причин задержалась до войны. И только в 1944 г. работа возобновилась. При этом ука-

⁹ С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 118.

¹⁰ В. В. Максаков. История и организация архивного дела в СССР. 1917—1945. М., 1964, стр. 278.

¹¹ ЦГАДА, фонд А. А. Покровского, л. 34.

¹² См. М. Д. Рабинович. Указ. соч., стр. 42.

¹³ См. высокую оценку этой работы, данную проф. А. И. Андреевым в «Трудах Историко-архивного института». М., 1948, т. II, стр. 208.

¹⁴ Первое издание «Русской Правды» Пестеля было опубликовано в 1906 г. П. И. Щеголевым по неисправной копии. Об этом см. вступит. ст. М. В. Нечкиной к VII т. серии «Восстание декабристов», стр. 10.

зывалось: «На долю Алексея Алексеевича Покровского (умершего в 1954 г.) выпала главная часть работы, а именно: окончательная подготовка и установление текста, разработка и составление вариантов и примечаний, составление введения и всех комментаторских очерков, помещенных в этом издании» (стр. 8).

Вслед за вступительной статьей М. В. Нечкиной к изданию «Русской Правды» публикуется предпосланное тексту введение А. А. Покровского «Состав документального комплекса „Русской Правды“ и его археографический анализ» (стр. 76—108). Введение является дальнейшим развитием ранней статьи А. А. Покровского, опубликованной в 1948 г. — «„Русская Правда“ П. И. Пестеля и методы ее издания»¹⁵. В ней автор отмечал, что в фонде «Следственное дело декабристов», хранящемся в Центральном государственном историческом архиве, первое место по праву принадлежит «Русской Правде». Это, так сказать, «сердце» всего этого фонда¹⁶. Над этим замечательным документом и трудился А. А. Покровский почти четверть века и наиболее интенсивно — последние десять лет своей жизни.

Сказанное выше о публикаторской деятельности А. А. Покровского раскрывает перед нами, пусть далеко не полно, его научные интересы, их широкий размах — от древнерусской литературы до декабристов.

Известно, что А. А. Покровский вел также педагогическую работу, тесно связанную с его научными разысканиями. В его личном фонде есть неоднократные указания на то, что он читал в дореволюционное время курс русского языка и литературы в Археологическом институте, а в 1917—1919 гг. — в университете им. А. И. Желябова. В 30-х годах преподавал палеографию в Московском университете и в Историко-архивном институте, а также на ведомственных курсах архивных работников. Труды А. А. Покровского еще при его жизни получили высокое признание. В 1937 г. ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Он был награжден орденом «Знак Почета» и тремя медалями.

Везде он работал с присущим ему рвением и скромностью, отдаваясь всей душой любимому делу, щедро делясь с молодежью богатым опытом. Все, кто знал его, не могут забыть этого человека, талантливого исследователя-археографа.

Впервые я встретился с Алексеем Алексеевичем в 1947 г. Немного сутулый, худощавый, выше среднего роста старик с рыжеватой, испещренной сединой бородкой; вдумчивые, ласковые глаза, — таким я увидел его. У меня сохранилась запись одной из первых бесед. Алексей Алексеевич подробно и всесторонне вникал в мой перспективный план-проспект работы над «Ведомостями». Основную главу диссертации он рекомендовал озаглавить: «„Ведомости“ как исторический источник для изучения Петровской эпохи». Советовал не торопиться, углубленно поработать над архивными материалами.

Однажды, знакомясь с историографической главой моей диссертации, он заметил, что следует остановиться преимущественно на тех немногочисленных работах, которые внесли новое, основаны на новых материалах.

Те места в главе, где речь шла о его трудах, он пропускал, говоря при этом: «Пишите, как найдете нужным, критикуйте, дополняйте». Так во всем проявлялась присущая ему скромность, он не навязывал своего мнения, рекомендуя вдумчивое отношение к исследуемому материалу.

В конце 1949 г. Алексей Алексеевич дал мне свои заметки по поводу прочитанных им трех глав моей диссертации. При этом он подчеркнул, что не считает их обязательными для меня, а просит продумать и, если сочту целесообразным, обратиться на них внимание. Как в этих своих заметках, так и в личных беседах, он не предлагал никаких готовых формулировок, не «натаскивал» диссертанта, поощрял его самостоятельность в работе, не давал «рецептов», а будил мысль, требовал осторожности как в изложении материалов, так и в выводах.

Когда диссертация была готова, я попросил Алексея Алексеевича по традиции приложить руку к авторскому экземпляру. Он сел к столу и на последней странице на-

¹⁵ «Труды Историко-архивного института». М., 1948, т. IV, стр. 267—279.

¹⁶ Там же, стр. 268.

писал несколько строк: «Читал эту работу в феврале 1950 года, читал и вспоминал то время, когда 50 лет тому назад я сам увлекался ею. И теперь очень рад, что мне нашлся преемник ... этого интересного и важного дела».

Алексей Алексеевич был моим настоящим Учителем в научной работе. Он не писал рецензий, не правил моих писаний; он старался только целеустремленно направлять мои усилия, подбадривал, подсказывал интересные мысли, убеждал, что надо более и более углубляться в исследование вопроса, привлекая новые материалы. Он учил меня продумывать каждое положение в своей работе. «Сделайте научную работу, тогда будет и диссертация»,— часто говорил он.

А. А. Покровский был беззаветно предан науке, раскрывал перед нами завесы над величественным прошлым нашей Родины. Исследователя еще ждет работа по выявлению оптимальной библиографии трудов А. А. Покровского как опубликованных, так и неопубликованных. Видный библиограф, профессор Богдан Степанович Боднарский, ныне покойный, в письме автору заметил, что всякая работа по изучению научного наследия А. А. Покровского «была бы лавром в венок Алексею Алексеевичу». Выполняя неписанный человеческий долг, я рассматриваю эти заметки как скромную дань уважения светлой памяти А. А. Покровского.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. ГЛУЩЕНКО, Э. В. ЕРМАКОВА

РАБОЧИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На всех этапах развития нашего общества ведущей силой его неуклонного движения вперед выступает рабочий класс, руководимый Коммунистической партией. Его история, его роль в социалистическом и коммунистическом строительстве постоянно находится в центре внимания исследователей. Значительное место заняло изучение рабочего класса крупнейших экономических регионов страны, в том числе и Дальнего Востока.

В литературе получили освещение источники и формы пополнения дальневосточного отряда рабочего класса, его культурно-технический уровень, творческая активность, его руководящая роль в жизни общества. Однако обобщающего труда, где была бы всесторонне изучена история рабочего класса Дальнего Востока за годы Советской власти, пока нет. Весьма немногочисленны и монографические труды по этой проблеме.

Одним из самых сложных и трудных периодов в жизни рабочего класса Дальнего Востока была гражданская война и иностранная интервенция, длившаяся пять лет. Этому периоду посвящена монография Г. С. Куцега¹. Автором введен в научный оборот новый интересный архивный материал. Основное внимание в работе сосредоточено на забастовочном движении дальневосточных рабочих, на их ведущей роли в создании партизанских отрядов и организации отпора внутренней и внешней контрреволюции. В монографии показан рабочий класс как субъект истории, как класс действующий, ведущий за собой массы.

Но вторая сторона проблемы — состав рабочего класса в годы гражданской войны и иностранной интервенции — осталась неисследованной. Трудности ее изучения заключаются в узости источниковой базы. Профессиональная и промышленные переписи 1918, 1920 гг., которые давали сведения о численности, составе рабочего класса, не проводились на Дальнем Востоке. Однако имеются материалы городской переписи 1923 г., материалы перерегистрации членов профсоюзов Дальнего Востока в 1922—1923 гг.², которые в известной степени могут дать общее представление о состоянии рабочего класса Дальневосточного края к концу

¹ Г. С. Куцей. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции (1918—1920 гг.). Владивосток, 1967.

² «Итоги Всероссийской переписи 1923 г. на Дальнем Востоке». Сер. III, вып. 3. Хабаровск, 1925.

гражданской войны и иностранной интервенции. Нужна кропотливая работа по выявлению возможных источников по данной проблеме.

Развитию рабочего класса в период завершения строительства социализма посвящены исследования Г. А. Докучаева³. Обработанный и сведенный автором в таблицы статистический материал раскрывает динамику роста рабочего класса, его территориальное размещение по районам Сибири и Дальнего Востока, изменения его состава, подготовку кадров.

В монографиях Г. А. Докучаева большое внимание уделяется вопросам трудовой и политической активности, подъему материального благосостояния рабочего класса Сибири и Дальнего Востока в 1937—1950 гг. Автор обращает внимание на специфические особенности развития рабочего класса восточных районов РСФСР — высокие темпы роста его численности, возрастную молодость, низкий процент женщин, подвижность кадров.

Вместе с тем с решением отдельных методологических аспектов темы мы не можем согласиться. В работе «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны» Г. А. Докучаевым был поставлен вопрос о социальных границах рабочего класса в предвоенные годы. Автор включает в состав рабочего класса служащих и инженерно-технических работников (стр. 72), что, на наш взгляд, является методологической ошибкой.

Последнее исследование Г. А. Докучаева «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны» охватывает широкий круг вопросов: перестройка экономики на военный лад, изменения в численности и составе рабочего класса, участие в социалистическом соревновании, его политическая активность. Анализируя статистические материалы по динамике численности рабочего класса, составу рабочих по полу и возрасту, структуре промышленно-производственного персонала, подготовке кадров, Г. А. Докучаев показывает не только итог происшедших изменений, но и раскрывает процесс этих изменений в рабочем классе Сибири и Дальнего Востока.

Однако вывод автора о том, что и в период войны действовала закономерность неуклонного роста рабочего класса, противоречит конкретному материалу книги, который свидетельствует о временном нарушении этой закономерности в годы войны не только в центральных, но и в восточных районах страны.

Центральная проблема монографии «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950 гг.)» — источники и формы пополнения дальневосточного рабочего класса. Хотя основной принцип автора — учет социального аспекта при выявлении источников пополнения рабочего класса — не вызывает возражений, нельзя полностью согласиться с конкретным решением этой проблемы в книге.

Г. А. Докучаев выделяет восемь источников пополнения рабочего класса Сибири и Дальнего Востока. Неубедительным представляется нам выделение в качестве источников пополнения дальневосточного отряда рабочих в послевоенные годы таких групп, как инвалиды Великой Отечественной войны и крестьяне-единоличники. Автор искусственно разделил один из источников — демобилизованные воины — на два: демо-

³ Г. А. Докучаев. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны (1937 — июнь 1941 г.). Новосибирск, 1966; его же. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950 гг.). Новосибирск, 1972; его же. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны, М., 1973.

биллизованные и инвалиды Великой Отечественной войны, забывая, что последние тоже являлись демобилизованными из рядов Советской Армии. Что касается крестьян-единоличников, то они составляли ничтожную долю процента в структуре населения. Г. А. Докучаев не располагает обобщенными данными о количестве крестьян-единоличников в послевоенные годы. Приводимые им данные по Новосибирской области на 1/1 1945 г. недостаточны для обобщающих выводов. Эти сведения не дают ответа на вопрос, ряды какого класса пополняли крестьяне-единоличники. Традиционная связь крестьян-единоличников с землей, с хозяйством дает основание предполагать, что большая часть их вступала в колхозы, становилась колхозниками. В схеме источников не нашела места один из важных источников — воспроизводство рабочего класса на своей классовой основе, хотя в тексте книги (стр. 65—66) о нем говорится.

Но в целом в исследованиях Г. А. Докучаева, серьезно фундированных, сосредоточено внимание на действительно важных проблемах развития рабочего класса больших экономических регионов Сибири и Дальнего Востока.

Первая попытка осветить деятельность рабочего класса Дальнего Востока в годы коммунистического строительства, в период развитого социалистического общества предпринята И. Н. Гончаренко⁴. Историю рабочего класса автор рассматривает в неразрывной связи с развитием экономики. Используя многочисленные источники, он раскрывает динамику развития дальневосточного отряда рабочих, его роль в развертывании движения за коммунистический труд, анализирует его техническое творчество, политическую активность, подготовку рабочих кадров.

Большие разделы отведены экономико-географической характеристике Дальневосточного региона, капитальному строительству, росту населения, организации труда на производстве, совершенствованию управления промышленностью. Вместе с тем ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к истории рабочего класса, не получил освещения в книге. Это — рост его культурного уровня, материальное благосостояние, укрепление союза рабочего класса с крестьянством, быт, нравственный облик и т. д.

И. Н. Гончаренко привлек обширный статистический материал, и в этом его бесспорная заслуга; но обработка и подача этого материала вызывают серьезные возражения. Вследствие неправильного подсчета автор завышает рост численности рабочих в ряде отраслей промышленности (стр. 82—84 и др.). Ссылки на архивные фонды во многих случаях не соответствуют действительности (стр. 75, 76, 86, 90, 91).

Рассмотренными выше работами исчерпывается число монографических исследований по интересующей нас теме. Однако ей посвящено немало статей и сообщений, охватывающих широкий круг проблем.

Доминирующее место занимает показ творческой активности рабочих, участие их в социалистическом соревновании и прежде всего в стахановском движении⁵.

⁴ И. Н. Гончаренко. Дальневосточный отряд рабочего класса СССР, Владивосток, 1971.

⁵ А. В. Большух. Коммунисты — инициаторы и организаторы движения новаторов в угольной промышленности Дальнего Востока (сентябрь — декабрь 1935 г.). «УЗ ДВГУ», т. IX (сер. истор.). Владивосток, 1967; е го же. Трудовой подвиг рабочего класса на новостройках Дальнего Востока (1932—1936 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XVIII (сер. истор.). Владивосток, 1968; е го же. Стахановское движение в промышленности Дальневосточного края (сентябрь — декабрь 1935 г.). «УЗ ДВГУ» т. XIII (сер. истор.). Владивосток, 1968; е го же. Развитие стахановского движения в промышленности Дальневосточного края в 1936—1937 гг. «Из истории рабочего класса Дальнего востока». «УЗ ДВГУ»,

В серии статей А. В. Больбуха на документах центральных и краевых партийных и государственных архивов, материалах периодической печати показано становление и развитие стахановского движения в промышленности, в строительстве, на транспорте. Он выделяет два этапа в развитии стахановского движения на Дальнем Востоке: сентябрь—декабрь 1935 г. и с 1936 г. до конца пятилетки. На первом этапе соревнование росло вширь, охватывая новые отрасли и предприятия. На втором этапе оно распространялось вглубь: от отдельных рекордов к работе стахановски целыми бригадами, участками, предприятиями в течение продолжительного времени. Автор показывает не только процесс развития стахановского движения, но и его результативность в повышении производительности труда. Вместе с тем он отмечает трудности и недостатки в организации стахановского движения на Дальнем Востоке. Однако содержательным статьям А. В. Больбуха недостает материалов о составе участников стахановского движения, о влиянии движения новаторов на качественные изменения рабочего класса.

Явный пробел в изучении темы социалистического соревнования на Дальнем Востоке — периоды довоенных пятилеток. В статьях, посвященных периоду завершения строительства социализма (1946—1958 гг.)⁶, раскрываются разнообразные формы социалистического соревнования, методы работы дальневосточных партийных организаций по развитию трудовой активности рабочих. Однако многие из этих статей в значительной степени фактографичны. Их авторы перечисляют многообразные формы социалистического соревнования послевоенных лет, но не раскрывают их сущности, не выявляют преемственности различных этапов социалистического соревнования.

Развитие массового движения за коммунистический труд с конца 50-х годов вызвало появление довольно многочисленных статей о новой

т. 55 (сер. истор.). Владивосток, 1971; Г. К. Королева. О наиболее характерных формах соцсоревнования на предприятиях Амурской области в годы второй пятилетки. «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке» (материалы Дальневосточной межвузовской научной конференции), ч. 1. Владивосток, 1971; А. М. Гончаренко. Деятельность Дальневосточной партийной организации по мобилизации и развертыванию трудовой инициативы рабочего класса в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926—1929 гг.). Там же.

⁶ И. И. Комогорцев. Социалистическое соревнование металлургических заводов Петровск-Забайкальского и «Амурстали». — «Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока». Владивосток, 1962; Э. В. Ермакова. Социалистическое соревнование в промышленности Приморского края в годы четвертой пятилетки. «Вопросы истории советского Дальнего Востока», вып. 3. Владивосток, 1965; е е же. Социалистическое соревнование на промышленных предприятиях Дальнего Востока в первые годы четвертой пятилетки. «Из истории рабочего класса Дальнего Востока». «УЗ ДВГУ», т. 55 (сер. истор.). Владивосток, 1971; В. И. Сурнин и А. Партийная организация Хабаровского края во главе социалистического соревнования в первые годы четвертой пятилетки (промышленность и транспорт). «Материалы Второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти». Хабаровск, 1967; Л. К. Коваленко. Партийные организации в авангарде борьбы за новые формы социалистического соревнования (по материалам Хабаровской партийной организации в годы IV пятилетки). «Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Советской власти». Владивосток, 1968; В. А. Самарина. К вопросу о руководстве парторганизацией Дальзавода социалистическим соревнованием в 1951—1955 гг. «УЗ ДВГУ», т. XXIII (сер. истор.-парт.). Владивосток, 1969; В. П. Шедевр. Роль комсомола в развитии социалистического соревнования в годы послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.) (на материалах г. Комсомольска-на-Амуре). «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. II. Владивосток, 1971; А. Н. Скандракова. Развитие социалистического соревнования среди рабочей молодежи Приморского края в годы пятой пятилетки «История, социология и философия Дальнего Востока». Владивосток, 1971

форме проявления трудовой активности рабочего класса⁷. К сожалению, авторы в основном ограничивались накоплением фактического материала без достаточного его научного обобщения.

Из работ, в которых делается попытка решить некоторые научные проблемы движения за коммунистический труд, можно выделить брошюру В. Колотева «От бригад к предприятиям коммунистического труда»⁸. Автором был поставлен вопрос о периодизации движения за коммунистический труд в промышленности, строительстве, на транспорте Приморского края. Им выделены следующие этапы: 1958—1959 гг. — вступление в борьбу за звание коллективов коммунистического труда отдельных бригад и смен; 1960 г. — цехов и средних предприятий; 1961 г. — крупных предприятий. Эта периодизация отличается от общесоюзной, которая, как известно, намечает два больших периода в движении за коммунистический труд: первый — октябрь 1958 г. — первое всесоюзное совещание передовиков движения за коммунистический труд (май 1960 г.); второй — от этого совещания до конца семилетки⁹. Поэтому от автора, выдвигающего свою периодизацию, требовалась особенно серьезная аргументация. Подобной аргументации В. Колотев предложить читателю не смог.

Брошюра написана в 1964 г. После нее появилось большое количество статей, но вопрос о периодизации движения за коммунистический труд, который является дискуссионным и в общесоюзной литературе, не привлекает внимания историков-дальневосточников.

Существенный недостаток ранее перечисленных работ — односторонний показ движения за коммунистический труд. Авторы фиксируют особенность современного соревнования — возросшую роль и действенность его в формировании нового человека, в воспитании коммунистического отношения к труду, но не раскрывают этого положения; о повышении культурно-технического уровня соревнующихся, об общественной активности участников движения за коммунистический труд они говорят лишь мимоходом. В литературе не вскрывается зависимость размаха социалистического соревнования от количественных и качественных изменений в самом рабочем классе Дальнего Востока, не анализируются объективные условия появления тех или иных форм социалистического соревнования.

В 60-е годы возрос интерес советских историков, экономистов, социологов к внутренним изменениям самого рабочего класса, что не могло

⁷ С. А. Петренко. Первые итоги работы бригад коммунистического труда в Дальневосточном пароходстве. «Материалы по истории Владивостока», кн. 2. Владивосток, 1960; М. В. Лукашевич. Бригады коммунистического труда предприятий истроек Владивостока. Там же; И. Н. Гончаренко. Борьба трудящихся Дальнего Востока за победу коммунистического труда в промышленности в годы семилетки. «Вопросы истории советского Дальнего Востока», вып. 4. Владивосток, 1965; А. С. Рязанов. Об организации движения за коммунистический труд в годы семилетки среди угольщиков Дальнего Востока (на примере коллектива Северо-Восточного разреза комбината «Дальвостокуголь»). «История, социология и философия Дальнего Востока». Владивосток, 1971; Г. А. Пряжевская. Деятельность Приморской партийной организации по руководству социалистическим соревнованием на предприятиях рыбной промышленности в годы семилетки. «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. 1. Владивосток, 1971; Р. М. Самигулин. Рост творческой активности и инициативы рабочих-строителей Приморья в 1960—1965 гг. (на примере предприятий и организаций Главвладвостокстроя). «Из истории рабочего класса Дальнего Востока». «УЗ ДВГУ», т. 55 (сер. истор.). Владивосток, 1971, и др.

⁸ В. Колотев. От бригад к предприятиям коммунистического труда. Владивосток, 1964.

⁹ Е. Э. Бейлина. Об изучении современного этапа социалистического соревнования. «История СССР», 1964, № 1, стр. 56; «Рабочий класс СССР на современном этапе». Л., 1968, стр. 40.

не повлиять и на тематику работ дальневосточных исследователей. Предметом их внимания стали источники и формы пополнения рабочего класса, его состав по полу, возрасту, стажу, профессии, квалификационному уровню¹⁰.

Авторы отмечают, что в 20-е годы массовым источником пополнения рабочего класса Дальнего Востока были безработные, составлявшие совокупность представителей различных классов и социальных групп. С ликвидацией безработицы на Дальнем Востоке этот источник исчез¹¹.

В 30-е годы одним из массовых источников пополнения рабочего класса становится колхозное крестьянство. Специфика дальневосточного отряда рабочего класса СССР состоит в том, что его рост в эти годы шел преимущественно за счет колхозного крестьянства, рабочих и служащих центральных районов страны¹².

К концу предвоенного периода благодаря промышленному переселению и оргнабору увеличились трудовые ресурсы Дальнего Востока. Это повлияло на изменение специфики источников пополнения рабочего класса в последующие годы.

В послевоенный период отмечаются изменения в соотношении местного и приезжего крестьянства, как одного из ведущих источников по-

¹⁰ Л. И. Орловская. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области. «Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР». Магадан, 1964; Н. А. Билим. Переселение рыбаков на советский Дальний Восток (1928—1941 гг.). «Из истории борьбы за Советскую власть и социалистическое строительство на Дальнем Востоке». Хабаровск, 1965; его же. Из истории переселения промышленных рабочих на советский Дальний Восток в 1928—1941 гг. «Материалы Второй Дальневосточной межвузовской конференции». Хабаровск, 1967; А. В. Больбух. Источники и формы пополнения рабочего класса Дальнего Востока в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства (1933—1937 гг.). «Вопросы истории советского Дальнего Востока», вып. III. Владивосток, 1965; его же. Численность и состав промышленных рабочих Дальнего Востока в годы второй пятилетки. «УЗ ДВГУ», т. IX (сер. обществ. наук). Владивосток, 1967; его же. Особенности пополнения рабочего класса восточных районов страны на завершающем этапе социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (на примере ДВК). «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. I. Владивосток, 1971; Г. А. Докучаев. Изменения численности и состава рабочих Дальнего Востока в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. «Социалистическое строительство на Дальнем Востоке», кн. 2. Владивосток, 1965; его же. Изменения в численности и составе рабочего класса Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950 гг.). «Сибирь в период строительства коммунизма», вып. 7. Новосибирск, 1968; И. И. Глушенко. К вопросу о составе дальневосточного пролетариата в начале восстановительного периода. «УЗ ДВГУ», т. 3 (сер. истор.). Владивосток, 1967; его же. Источники и формы пополнения рабочего класса в первой пятилетке в Приморье. «УЗ ДВГУ», т. XVIII (сер. истор.). Владивосток, 1968; его же. Изменения в численности и составе рабочего класса Дальнего Востока (1922—1928 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XXVIII (сер. истор.). Владивосток, 1970; Э. В. Ермакова. Состав рабочего класса Дальнего Востока в годы четвертой пятилетки. «Из истории рабочего класса Дальнего Востока». «УЗ ДВГУ», т. 55 (сер. истор.). Владивосток, 1970; его же. Источники и формы пополнения рабочего класса Дальнего Востока (1946—1950 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XXVIII (сер. истор.). Владивосток, 1971; И. Н. Гончаренко. Формы пополнения дальневосточного отряда рабочего класса СССР в годы семилетки (1959—1965 гг.). «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. I. Владивосток, 1971; Э. В. Иванова. Количественный рост рабочего класса Дальнего Востока в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.). «УЗ ДВГУ», т. 82 (сер. истор.). Владивосток, 1973.

¹¹ И. И. Глушенко. Изменения в численности и составе рабочего класса Дальнего Востока (1922—1928 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XXVIII (сер. истор.). Владивосток, 1970.

¹² А. В. Больбух. Особенности пополнения рабочего класса восточных районов страны на завершающем этапе социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (на примере ДВК). «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. I. Владивосток, 1971, стр. 5—6.

полнения рядов рабочих. Удельный вес местного крестьянства превысил долю приезжего, в отличие от предвоенных лет, когда соотношение было обратным. Другая особенность пополнения рабочего класса Дальнего Востока в послевоенные годы заключалась в том, что основной контингент рабочих и служащих прибывал на Дальний Восток из городов Сибири, в то время как в предвоенный период — из городов центральных районов СССР¹³.

Причинами таких изменений были территориальные изменения в концентрации трудовых ресурсов, перемещение их в восточные районы, которое планомерно осуществлялось Советским правительством перед войной. С другой стороны, последствия Великой Отечественной войны, громадное сокращение трудовых ресурсов в западных районах страны оказали влияние на сокращение притока населения из центральных областей.

Изучение состава рабочего класса Дальнего Востока только началось. Исследователями на статистическом материале показано, что по возрасту отряд дальневосточных рабочих моложе, стаж работы на одном предприятии меньше, подвижность кадров значительно выше, удельный вес женщин ниже, чем в целом по СССР.

К проблеме качественных изменений рабочего класса тесно примыкает проблема роста его культурно-технического уровня¹⁴. Для большин-

¹³ Э. В. Ермакова. Источники и формы пополнения рабочего класса Дальнего Востока (1946—1950 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XXVIII (сер. истор.). Владивосток, 1970, стр. 73—74; Г. А. Докучаев. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950 гг.). Новосибирск, 1972, стр. 56—67.

¹⁴ М. З. Заславский. Мероприятия партийных, государственных и общественных организаций Дальнего Востока по подготовке квалифицированных рабочих массовых профессий в годы индустриализации (1926—1928 гг.). «Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока» (секц. обществ. наук). Владивосток, 1965; А. В. Больбух. О подготовке квалифицированных кадров рабочих Дальнего Востока в годы второй пятилетки. Там же; Т. К. Андрусова. Подъем культурно-технического уровня рабочих и служащих ордена Ленина Дальзавода в период строительства коммунизма. Там же; ее же. Партийные организации транспортного и промышленного флота в борьбе за дальнейший рост общеобразовательного уровня тружеников моря (1955—1965 гг.). «Вопросы истории советского Дальнего Востока», вып. 4. Владивосток, 1965; Э. Г. Бенсман. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по повышению культурно-технического уровня трудящихся (1959—1964 гг.). Там же; Э. В. Ермакова. О подготовке квалифицированных кадров в Приморском крае в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). «Социалистическое строительство на Дальнем Востоке», кн. 2. Владивосток, 1965; ее же. Подготовка квалифицированных кадров рабочих в угольной промышленности Дальнего Востока в годы четвертой пятилетки. «УЗ ДВГУ», т. XVIII (сер. истор.). Владивосток, 1968; М. З. Заславский. Из истории подготовки квалифицированных кадров на Дальнем Востоке в годы индустриализации. «УЗ ДВГУ», т. IX (сер. истор.). Владивосток, 1967; Е. Ф. Староверова. Партийная организация завода «Амурсталь» в борьбе за дальнейший рост общеобразовательного уровня рабочих в годы семилетки. «Материалы Второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока...» Хабаровск, 1967; О. Т. Морева. Профсоюзно-техническое образование в Приморье в послевоенные годы (1946—1950 гг.). К историографии вопроса. «Материалы 3-й Дальневосточной зональной научной конференции, посвященной 50-летию Советской власти (секц. педагогики и психологии)». Владивосток, 1968; ее же. Мероприятия Приморской краевой партийной организации в области профтехобразования в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). «Материалы XIV научной конференции ДВГУ» (секц. обществ. наук). Владивосток, 1970; Э. В. Иванова. Подготовка в Приморье квалифицированных кадров в годы завершения строительства социализма (1951—1958 гг.). «УЗ ДВГУ», т. XXVIII (сер. истор.). Владивосток, 1970; С. Мечников. Борьба Хабаровской краевой партийной организации за повышение общеобразовательного уровня рабочих в период между XXI и XXII съездами КПСС. «КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке», ч. II. Владивосток, 1971; О. И. Охонько. Работа Приморской партийной организации по повышению общеобразовательного уровня рабочей молодежи в 1959—1965 гг. «История и культура народов Дальнего Востока». Южно-Сахалинск, 1973.

ства работ по этой тематике характерно исследование отдельных сторон культурно-технического уровня рабочих Дальнего Востока, а не всей проблемы в целом.

Если статьи, анализирующие подготовку и повышение квалификации рабочих, т. е. рост технического мастерства, охватывают годы первых довоенных пятилеток, послевоенного строительства и годы семилетки, то исследования об образовательном уровне рабочих ограничены периодом семилетки. Как правило, общеобразовательная подготовка рабочих рассматривается на материалах отдельных предприятий, отсутствуют обобщающие выводы об образовательном уровне всего рабочего класса Дальнего Востока в тот или иной период.

Известная попытка синтетического подхода к проблеме культурно-технического уровня предпринята в статьях А. В. Больбуха и Г. А. Докучаева¹⁵.

К числу наименее изученных относится проблема роли рабочего класса в общественно-политической жизни советского Дальнего Востока. Статьи, посвященные этой теме, немногочисленны и хронологически ограничены годами первой и второй пятилеток¹⁶.

Л. П. Сандакова, А. В. Больбух, А. М. Билим, Н. А. Билим на основе архивных материалов, впервые введенных ими в научный оборот, прослеживают процесс укрепления союза рабочего класса с крестьянством в период социалистического преобразования деревни. Авторы сосредоточили внимание на шефском движении рабочих коллективов как одной из важных форм укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Они различают характер шефской помощи на различных этапах: в восстановительный период шефство носило в основном культурно-просветительный характер, а в условиях массовой коллективизации на первый план выступает производственно-техническая и хозяйственно-организаторская помощь.

Однако в указанных работах из поля зрения авторов выпал очень важный аспект темы — политическая помощь рабочих крестьянству в борьбе с кулачеством. Только в статье Л. П. Сандаковой этот вопрос

¹⁵ Г. А. Докучаев. Новый этап в подъеме культурно-технического уровня рабочего класса в период развернутого строительства коммунизма (по материалам Сибири и Дальнего Востока). «Известия СО АН СССР» (сер. обществ. наук.), № 5, вып. 2, 1964; А. В. Больбух. Рост культурно-технического уровня рабочих Дальневосточного края в годы второй пятилетки. «Из истории рабочего класса Дальнего Востока». «УЗ ДВГУ», т. 55 (сер. истор.). Владивосток, 1971.

¹⁶ Л. П. Сандакова. Участие рабочих Приморья в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (1929—1932 гг.). «УЗ ДВГУ», т. 7, ч. 1 (сер. обществ. наук.). Владивосток, 1965; А. В. Больбух. Помощь рабочих дальневосточной деревне (1933—1937 гг.). «Тезисы XI научной конференции», ч. 1, социально-экономические и гуманитарные науки. Владивосток, 1966; его же. Участие рабочих Дальнего Востока в управлении государством и производством в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.). «Материалы Второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока...» Хабаровск, 1967; его же. Участие рабочих Дальнего Востока в массовом общественном контроле (1933—1937). «УЗ ДВГУ», т. XIII (сер. истор.). Владивосток, 1968; И. И. Глущенко. Рабочий класс в борьбе с новой буржуазией в период нэпа (по материалам Дальнего Востока). «Из истории рабочего класса Дальнего Востока». «УЗ ДВГУ», т. 55 (сер. истор.); А. М. Билим, Н. А. Билим. Шефская помощь рабочего класса дальневосточной деревне в годы сплошной коллективизации крестьянских хозяйств. «Вопросы истории Дальнего Востока», вып. 2. Хабаровск, 1972; Р. М. Самигулин. Участие рабочих строительной индустрии Дальнего Востока в управлении производством в 1959—1965 гг. «УЗ ДВГУ», т. 82 (сер. истор.). Владивосток, 1973; Т. И. Каргавцева. Деятельность Сахалинской партийной организации по повышению общественно-политической активности рабочего класса в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму (1945—1971 гг.). «История и культура народов Дальнего Востока». Южно-Сахалинск, 1973.

ставится, но приведенного материала для его раскрытия явно недостаточно.

Важная сторона общественно-политической деятельности рабочего класса — его интернациональные связи с зарубежными трудящимися, его роль в укреплении мира между народами. На всех этапах социалистического и коммунистического строительства рабочий класс Дальнего Востока поддерживал постоянные контакты с пролетариатом государств Тихоокеанского бассейна. Богатые материалы об интернациональных связях дальневосточных рабочих сосредоточены в фондах МОПРа в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, периодической печати, фондах Дальневосточного пароходства, предприятий, изготовляющих продукцию для зарубежных стран, и т. д. Однако проблема интернациональных связей рабочих Дальнего Востока не стала еще предметом специального изучения. Пока имеется лишь единственная статья А. В. Бальбуха на эту тему¹⁷.

Не исследованы и многие другие аспекты проблемы — такие, как рабочий класс и Советы, рабочий класс и партия и т. д.

Отдельные стороны развития рабочего класса Дальневосточного региона находят свое отражение в работах, посвященных его промышленному развитию, деятельности местных партийных организаций¹⁸. В исследованиях А. И. Крушанова, Г. А. Унпелева, Г. Г. Рошупкина и других содержатся данные о количественном росте рабочего класса, его удельном весе в составе всего населения Дальнего Востока, его авангардной роли в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Большим фактическим материалом о трудовой и политической активности рабочего класса Дальнего Востока в годы индустриализации насыщена монография Г. А. Унпелева.

В статье А. А. Крушанова показано превращение края «каторги и ссылки» в мощный индустриально-аграрный комплекс. Автор отмечает, что осуществление социалистической индустриализации Дальнего Востока в 1926—1941 гг. позволило переселить из других зон СССР на Дальний Восток значительное количество рабочих, крестьян, служащих и создать более благоприятные условия для закрепления постоянных трудовых ресурсов, создать местные кадры рабочего класса и упрочить его влияние на колхозное крестьянство. Заметим, однако, что, по нашему мнению, следует говорить не о создании местных кадров рабочего класса, так как они имелись на Дальнем Востоке, а о численном росте рабочего класса в годы индустриализации.

Представляют интерес приводимые в статье Г. Г. Рошупкина сравнительные показатели социальных изменений в Чукотском округе за период с 1939 по 1959 г. Они свидетельствуют о значительном росте удельного веса рабочих в структуре населения (с 20 до 45,9%).

Составная часть истории рабочего класса — история фабрик и заводов. В конце 50-х — начале 60-х годов вышли в свет книги по истории крупнейших предприятий Дальнего Востока — заводов «Энергомаш»,

¹⁷ А. В. Бальбух. Интернациональные связи трудящихся Дальневосточного края в годы второй пятилетки. «Материалы XIV научной конференции ДВГУ». Владивосток, 1970.

¹⁸ А. И. Крушанов. Промышленное развитие Дальнего Востока. «История СССР», 1967, № 5; Г. А. Унпелев. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972; С. П. Нефедова, И. С. Гарусов, Г. Г. Рошупкин. Социалистическое строительство на Чукотке (1923—1958 годы). «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Экономические и исторические науки». Магадан, 1967; Г. Г. Рошупкин. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917—1953 гг.). «Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки». Магадан, 1971, и др.

им. Ленинского комсомола, «Амурсталь»¹⁹. Книги эти схожи по структуре. В них воспоминания рабочих и инженеров переплетаются с летописью важнейших событий. Истории предприятий в целом в этих работах нет, воспроизводятся лишь отдельные эпизоды из жизни заводских коллективов.

Попытка создать целостную картину развития крупнейшего в крае предприятия транспорта была предпринята в очерках «История Дальневосточного пароходства» (М., 1963). К сожалению, протокольный, сухой язык, слабое привлечение воспоминаний ветеранов флота, архивных источников обедняют книгу о героической истории пароходства.

Конечно, это лишь начало разработки истории заводов и фабрик Дальнего Востока. Создание подлинно научных и в то же время художественных по форме книг будет серьезным вкладом в историографию дальневосточного отряда рабочего класса СССР.

Анализ работ по интересующей нас проблематике в целом свидетельствует, что основными аспектами изучения являются творческая активность рабочего класса, его количественные и качественные изменения, культурно-технический уровень. Суммируя выводы и обобщения историков, возможно в известной степени определить общие закономерности и специфику развития рабочего класса Дальнего Востока.

Закономерности проявляются в непрерывном численном росте рабочего класса, повышении его удельного веса в составе населения, в качественных изменениях, росте творческой активности, возрастании его руководящей роли в коммунистическом строительстве. Особенности же развития рабочего класса Дальнего Востока нашли свое выражение в высоких темпах роста, опережающих общесоюзные, в более высоком, чем по Советскому Союзу, удельном весе рабочих в структуре населения, в молодом по возрасту составе рабочего класса, в подвижности кадров, в своеобразии источников и форм пополнения на определенных этапах развития дальневосточного отряда рабочего класса. Но следует учитывать, что строительство социализма и коммунизма все более нивелирует особенности развития отдельных отрядов рабочего класса экономических регионов, общие закономерности преобладают над спецификой.

Историография рабочего класса Дальнего Востока переживает трудности роста, которые прежде всего сказываются в слабой разработке методологических проблем, связанных с этой темой. Требуют дальнейшего исследования такие проблемы, как рост материального благосостояния, культурно-бытовых условий жизни рабочих, возрастание руководящей роли рабочего класса в строительстве коммунистического общества, его социальная психология, интернациональные связи и др.

Недостаточно изучены и отдельные этапы развития дальневосточного отряда рабочих: восстановительный период, годы индустриализации, период завершения строительства социализма, годы коммунистического строительства. Обнаружилась явная диспропорция в разработке истории отдельных отрядов рабочего класса. Не исследуется история рабочих транспорта и строительства, сельскохозяйственных рабочих.

Таким образом, изучение интересующей нас проблематики далеко от завершения, и требуются большие совместные усилия историков, философов, экономистов, социологов в создании научной истории рабочего класса Советского Дальнего Востока.

¹⁹ «Энергомаш. 25 лет производственной деятельности энергетического машиностроения». Хабаровск, 1958; А. Вахов. Энергомаш и его люди. Хабаровск, 1958; В. Кабулов. 60 лет славного служения Родине. Владивосток, 1967; «Амурсталь» — первенец дальневосточной металлургии. Хабаровск, 1967; «Амурские корабли». Хабаровск, 1970.

Л. С. РОГАЧЕВСКАЯ. ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР. 1917—1930 гг. М., «Наука», 1973, 382 стр., тир. 2000 экз.

Автор рецензируемой монографии по праву считается одним из зачинателей конкретно-исторического изучения вопроса о ликвидации безработицы в СССР. Ныне, используя собственный опыт и достижения своих предшественников (среди них надо особо выделить историко-партийное исследование К. И. Суворова¹), Л. С. Рогачевская создала большой обобщающий труд по данной проблеме.

Определяя хронологические рамки монографии, автор вынесла на титульный лист книги 1917—1930 гг., т. е. время существования безработицы в Советском Союзе. По существу же освещается более широкий отрезок времени. Это объясняется стремлением, с одной стороны, рассмотреть состояние безработицы в дореволюционной России, а с другой — проанализировать социально-экономические последствия ликвидации безработицы в СССР и показать международное значение этого исторического события.

Ликвидация безработицы в СССР раскрыта в книге как процесс, органически взаимосвязанный с претворением в жизнь всех основных звеньев ленинского плана построения социализма в СССР — с индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и культурной революцией. Автор прослеживает, как по мере наступления социализма по всему фронту уже в середине первой пятилетки с безработицей было покончено и как эта победа сказалась на дальнейшем ходе индустриализации, коллективизации и культурной революции. В таком аспекте рассматриваемая проблема решается впервые. В прошлом исследователи чаще всего или главным образом ограничивались анализом материалов о росте промышленного производства и соответственно об увеличении числа городских рабочих и служащих.

Важно и то, что борьба с безработицей анализируется в прямой связи с общим ходом восстановления и развития всего народного хозяйства, а не только промышленности. Динамика численности граждан, взятых на учет биржами труда, рассматривается в сочетании с такими вопросами, как подъем производительных сил в городе и деревне, миграция населения, материальное положение различных слоев трудящихся и т. д.

Центральное место в исследовании занимает период 1928—1930 гг., справедливо охарактеризованный автором как решающий этап ликвидации безработицы в СССР. Л. С. Рогачевская широко освещает ход индустриального развития страны, успехи культурной революции и их непосредственное воздействие на полное и окончательное изживание безработицы.

Особый интерес представляет вопрос о росте занятости населения, который был вызван социалистическими преобразованиями в сельском хозяйстве. Как известно, многие исследователи расходятся в объяснении причин и масштабов отходничества, в определении размеров перемещения сельских жителей в города на рубеже 20—30-х годов². Одни считают, что после поворота основной бедняцко-средняцкой массы в сторону колхоза возникла задача заменить самотек рабочей силы организованным набором и что это было успешно сделано непосредственно в ходе выполнения первого пятилетнего плана; другие — что материальное благосостояние крестьянства, жилищные условия в начале массовой коллективизации еще не были на таком уровне, чтобы удерживать колхозников от ухода в город. Л. С. Рогачевская, в целом соглашаясь с тем, что в «годы сплошной коллективизации в связи с широкой механизацией сельского хозяйства, позволившей высвободить для других отраслей народного хозяйства часть рабочей силы, усилился процесс миграции сельского населения», приводит сведения о сдерживании отходничества в 1929—1930 гг., что было связано именно с самой коллективи-

¹ К. И. Суворов. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы в СССР. М., 1967.

² Подробнее об этом см.: Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Потудин. Строительство социализма в СССР. Историкографический очерк. М., 1971, стр. 216—217.

зацией (стр. 198—212). Иначе говоря, речь идет о том, что если бы в тот период не осуществлялась социалистическая перестройка сельского хозяйства, отток жителей села в город был бы намного больше.

В монографии исследован также вопрос о том, какими путями была ликвидирована безработица среди работников просвещения, народного здравоохранения, культурно-просветительных учреждений и других отрядов интеллигенции. Общий размах социалистического строительства сопровождался невиданной ранее тягой масс к высотам современной культуры. Уже в середине первой пятилетки остро ощущалась нехватка педагогов, библиотечарей, различного рода работников клубов, изб-читален, курсов ликбеза и т. д. В то же время массовый приток учащихся и студентов в среднюю и высшую школы, общее расширение численности работников, вовлеченных в систему всевозможных учреждений культуры и здравоохранения, оказали заметное воздействие на ликвидацию безработицы, на искоренение причин, порождающих это явление. Рассмотрение этих взаимосвязанных процессов в рецензируемой книге открывает дополнительные возможности для последующего изучения не только истории формирования советской интеллигенции, но и для более широкого понимания проблем культурной революции, в том числе вопроса о ее социально-экономическом содержании и последствиях.

Важное место в книге занимает и такая тема, как анализ изменений в жизни рабочего класса, вызванных ликвидацией безработицы в СССР. Автор подробно рассказывает об улучшении материального положения, о росте культурно-технического уровня рабочих, о формах, методах и источниках пополнения рабочего класса, наконец, о подъеме его трудовой активности и всей творческой деятельности в 30-е годы в условиях развернутого строительства социализма. Но, на наш взгляд, книга выиграла бы, если бы в ней было показано, какое значение имела ликвидация безработицы для советской интеллигенции.

Особо хотелось бы затронуть вопрос о характеристике самого понятия «безработица». В литературе уже отмечалось, что в разные годы сама категория безработных претерпевала некоторые изменения; соответственно менялось и количество лиц, подлежащих регистрации профсоюзными органами, биржами труда, работниками статистических ведомств. Анализируя эти цифровые расхождения, автор нигде не приводит формулировок, которыми руководствовались в тот или иной период различные ведомства, и не объясняет причины расхождений по этому вопросу. На наш взгляд, это следовало бы сделать, причем не только для того, чтобы показать динамику численности безработных (это в книге делается достаточно полно), сколько для более емкой характеристики различных взглядов, существовавших в 20-е годы на анализ безработицы, ее объяснение и пути преодоления.

Из обширного круга источников, на которых строится монография, вытала Всесоюзная перепись населения 1926 г. Между тем вовлечение в научный оборот материалов этой переписи дает четкое представление о соотношении занятого и незанятого населения, о численности безработных по всем районам страны, об их возрастном и половом составе, квалификации, профессиональной подготовке и т. д. Что особенно важно, перепись содержит все эти сведения как для городского, так и для сельского населения всех союзных республик. Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1926 г., помогает понять состояние безработицы на таком важном рубеже, каким являлся переход к политике социалистической индустриализации.

Характеризуя историческое значение самого факта ликвидации деления трудящихся на занятую и незанятую (резервную) армию труда, впервые в истории достигнутой в СССР, Л. С. Рогачевская одновременно приводит материалы об ухудшении положения пролетариата капиталистических стран, о массовой безработице за рубежом в те годы. Такое освещение проблемы делает еще более убедительными общие выводы автора о закономерности ликвидации безработицы в условиях социалистического строительства, о международном значении этой выдающейся победы, которая была одержана первым в мире пролетарским государством уже в ходе создания материально-технической базы социализма.

Ю. Л. ДЬЯКОВ. СЕВЕРНАЯ УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ БАЗА СССР: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ. М., «Мысль», 1973, 254 стр., тир. 2500 экз.

В процессе социалистической индустриализации СССР решающее значение имело создание мощной металлургической и топливной промышленности, базирующейся на трех крупнейших угольно-металлургических комплексах страны. Однако если Криво-рождю-Донбассу и Урало-Кузбассу посвящено довольно много работ, то история создания третьего комплекса — Северной угольно-металлургической базы подвергнута монографическому изучению впервые. В то же время книга Ю. Л. Дьякова — одно из немногих в нашей литературе историко-географических исследований, в котором рассмотрены некоторые вопросы истории развития советской науки, прежде всего геологии и экономической географии.

Автор показывает, что создание мощного промышленного района в специфических условиях Севера потребовало решения широкого круга научных проблем. Он подчеркивает комплексность подхода к изучению экономического потенциала вновь создаваемого промышленного района, что, в свою очередь, предопределило создание здесь промышленности комбинированного типа. Благодаря выявленным в Архиве АН СССР документам Ю. Л. Дьякову удалось вписать новые страницы в историю штаба советской науки, показав вклад ученых Академии наук СССР в решение проблемы Северной угольно-металлургической базы СССР. Пожалуй, мало найдется в советской историографии социалистической индустриализации работ, в которых столь подробно и научно достоверно показано рождение гигантского промышленного комплекса прежде всего как результат тщательного научного анализа, сложных экономических расчетов, сопоставления различных вариантов, сопровождавшихся острыми научными дискуссиями.

Автор скрупулезно прослеживает, как материализовалась идея создания Северной базы, как в результате самоотверженного труда советских рабочих и служащих в суровых природных условиях Севера уже в довоенные годы был выполнен значительный объем работ по сооружению Северо-Печерской железной дороги и первых угольных шахт.

Освещая период Великой Отечественной войны, автор главное внимание уделяет развитию Печорского угольного бассейна, его роли в военной экономике страны. И это вполне закономерно, так как значение Воркуты в условиях войны неизмеримо возросло, особенно после того, как на территории, захваченной противником, оказались Подмосковский и Донецкий бассейны. Автор показывает, какую громадную роль сыграл Печорский бассейн в решении топливной проблемы в Ленинграде в годы блокады. Великая Отечественная война явилась проверкой надежности экономических связей между Ленинградом и Печорским бассейном, поставила в план практической реализации превращение последнего в основную топливную базу всего Европейского Севера, создание на основе этой базы мощного металлургического производства.

Завершение создания Северного угольно-металлургического комплекса явилось делом первостепенной важности в послевоенном развитии Европейского Севера СССР. Ю. Л. Дьяков рассказывает об освоении железорудной базы на Кольском полуострове, о сооружении и пуске Череповецкого металлургического завода. В книге подробно освещается процесс превращения Печорского угольного бассейна в комплекс высоко-механизированных шахт, превращение его в основную топливно-энергетическую базу Севера и Северо-Запада СССР.

Менее всего удалась автору, на наш взгляд, четвертая, заключительная, глава, посвященная истории развития третьей угольно-металлургической базы в 1956—1970 гг. По своему объему она значительно уступает предыдущим главам, хотя охватывает довольно большой отрезок времени, в течение которого было много сделано для укрепления и совершенствования этого промышленного комплекса. Поэтому глава, с одной стороны, перегружена материалом, с другой — схематична и обзорна. В ней не выделены в виде параграфов основные сюжеты, преобладают технико-экономические

сведения в ущерб материалу, характеризующему производственную деятельность, жизнь и быт рабочих коллективов этого промышленного района страны.

Чрезмерно скуп анализ специальной литературы, относящейся к теме исследования. В частности, следовало бы более подробно остановиться на разборе работ советских ученых, посвященных изучению производительных сил Европейского Севера СССР и методам их разработки.

В настоящее время, когда экономическая эффективность Северной угольно-металлургической базы доказана на практике, книга о ее создании важна не только для историков советского периода. Немалый интерес представляет она и для геологов, экономистов, строителей, транспортников и эксплуатационников. Сейчас с особой остротой стоит вопрос об использовании природных богатств страны для создания материально-технической базы коммунизма. В связи с этим большое практическое значение приобретает изучение опыта комплексного освоения природных ресурсов Европейского Севера, проведенное в работе Ю. Л. Дьякова.

В. Е. Полетаев

«ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ». МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК. Изд-во Саратовского гос. ун-та. Вып. 1—3, Саратов, 1971—1973.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского начал периодическое издание сборников, специально посвященных истории русского освободительного движения. Тематика издания широка и многообразна. Ставится задача освещать не только «героическую борьбу, которую вели представители трех поколений революционеров за освобождение своей Родины» (вып. 1, стр. 4), но и демократические выступления передовой либеральной интеллигенции, которые сыграли немалую роль в истории освободительного движения, особенно на первом его этапе.

Вышло пока три сборника. Каждый из них состоит из трех разделов: 1) исследования, 2) «архивные находки» (публикации новых документов) и 3) «критика и библиография». Всего в трех выпусках опубликовано 14 исследовательских статей, 6 документальных публикаций и 4 рецензии. Авторами их являются не только историки, но и литературоведы, лингвисты, фольклористы, искусствоведы.

Первые два выпуска посвящены декабристам и их эпохе. Хотя движение декабристов получило достаточно широкое освещение в исследовательской литературе, однако остается еще немало дискуссионных и малоизученных проблем.

В статье В. В. Пугачева «О специфике декабристской революционности (некоторые спорные вопросы)» рассматриваются вопросы формирования идеологии декабристов, особенности «раннего» (до 1820 г.) и «позднего» (после 1820 г.) декабризма, соотношение декабристской революционности и либерализма. Так, заслуживает внимания трактовка автором характера воздействия на декабристов Великой французской революции 1789 г. и представителей русской общественной мысли XVIII в. Хотя французская революция «революционизировала» передовую общественно-политическую мысль, пишет В. В. Пугачев, однако декабристы весьма критически относились к результатам и последствиям этой революции. Сама декабристская идеология формировалась не только на базе революционных, но и реформистских, либерально-просветительских идей. По мнению автора, «ранний» декабризм еще не полностью отделился от либерализма. Этот этап декабристского движения характерен необычайной пестротой политических

убеждений его участников, отсутствием четкой конспиративной программы, колебаниями между революционностью и либерализмом.

В статье рассматривается вопрос о характеристике республиканизма декабристов. По мнению В. В. Пугачева, декабристы исходили не столько из формы правления, сколько из его существа, и вопрос о предпочтительности республики или монархии неодинаково решался ими при теоретической и практической постановке. Отсюда автор делает вывод, что принятие республиканской программы декабристами на «январском совещании» 1820 г. Союза благоденствия не имеет того значения, какое ему придавалось до сих пор в литературе, так как вопрос о республике был решен абстрактно-теоретически, т. е. о предпочтительности ее перед монархией, но отнюдь не о необходимости введения ее в России в данный момент. Этот вывод вызывает возражения. Как известно, на совещании 1820 г. вопрос о введении республики в России решался и практически, когда проходило обсуждение второй части доклада П. И. Пестеля о республике. Нельзя не отметить важного значения совещания 1820 г. как поворотного пункта в идейной истории декабризма. «С сего времени,—показывал П. И. Пестель,—республиканские мысли начали брать верх над монархическими» *. Публикация статьи В. В. Пугачева пока еще не завершена и ограничивается лишь освещением вопросов «раннего декабризма».

Статья И. В. Васильева рассматривает малонисследованную в литературе историю Тульчинской управы с момента ее возникновения в 1813 г. до 1825 г. Это была довольно значительная по числу членов и наиболее активная управа декабристов, сыгравшая главную роль в образовании Южного общества и составлявшая его ядро. Статья представляет интерес для характеристики организационной деятельности и тактики декабристов.

В статье Ю. Г. Оксмана «Пушкин и декабристы» содержится ряд интересных выводов и наблюдений. Автор прослеживает влияние декабристов на эволюцию политических взглядов Пушкина и выясняет роль поэта, «поэтического трибуна декабристских идей», в агитационно-пропагандистской деятельности декабристов.

В статье Л. Б. Добринской рассматривается общественно-политическая деятельность декабристов после ссылки. Опираясь на большой, в значительной мере архивный материал, исследователь аргументированно доказывает, что вернувшиеся из Сибири декабристы сохраняли традиции дворянской революционности, хотя и разделяли либеральные иллюзии, характерные в то время и для А. И. Герцена (надежда на мирное решение крестьянского вопроса сверху и вера в «прогрессивное дворянство»). Интересны сведения о взаимоотношениях возвратившегося из ссылки декабриста Е. П. Оболенского с новым поколением демократической интеллигенции, о его связях с А. И. Герценом. Представляется, однако, что автор все же несколько идеализирует образ Е. П. Оболенского. Приведенные в статье материалы о П. Н. Свистунове, Г. С. Батенькове и других декабристах свидетельствуют о том, что они принимали активное участие в общественном движении России 50—60-х годов. Разумеется, эта интересная тема требует своего дальнейшего изучения.

В сообщении М. С. Альтмана, представляющем интерес не только для литературоведа, но и для историка, выявлены имена 19 декабристов, ставших прототипами литературных героев.

В. А. Теплова сделала попытку определить роль журналиста и издателя начала XIX в. И. И. Мартынова в формировании идеологии декабристов. К сожалению, выполнить эту задачу автору не удалось. В сообщении приводятся лишь краткие биографические сведения о Мартынове и излагается содержание изданных им некоторых переводов западноевропейских публицистов. Если ставить знак равенства между общественно-политическими взглядами Мартынова и этих публицистов, как это делает В. А. Теплова, то вряд ли можно признать его оригинальным мыслителем и тем более доказывать,

* «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 102.

что ему принадлежит «заметная роль» в «подготовке идеологии декабристов» (вып. 2, стр. 62 и 72).

Статья Г. А. Невелева является первым в историографической литературе специальным исследованием об изучении декабристского движения крупным буржуазным историком начала XX в. Н. П. Павловым-Сильванским. Широко известны его археографические исследования о декабристах, и особенно труды о П. И. Пестеле, до сих пор не утратившие своего научного значения. Выводы Г. А. Невелева представляют большой научный интерес для характеристики эволюции либерально-буржуазной концепции декабризма: от трактовки декабризма как либерального движения, возникшего лишь благодаря восприимчивости русской военной молодежи политических идей Западной Европы, до признания «русских корней» декабризма и революционности декабристов.

Третий выпуск сборника посвящен второму, разночинному периоду освободительного движения в России, главным образом общественному подъему в конце 50-х годов XIX в., связанному с возникновением революционной ситуации. Сборник представлен статьями и материалами о деятелях революционно-демократического и либерально-опозиционного движения, кризисе правительственной политики. Новые данные о Н. А. Добролюбова приводят в своих статьях А. А. Рейсер «Н. А. Добролюбов и его товарищи в Главном педагогическом институте (1853—1857 гг.)» и Л. Г. Зельдович «К характеристике литературного манифеста Н. А. Добролюбова (из комментариев к статье «О степени участия народности в развитии русской литературы»)». В статье С. А. Рейсера рассматриваются взаимоотношения Н. А. Добролюбова с его соратниками по Главному педагогическому институту, содержатся подробные биографические справки о каждом из них. Л. Г. Зельдович уточняет некоторые аспекты взглядов Н. А. Добролюбова на задачи русской литературы.

В литературе почти ничего не было известно об активном участии «Земли и Воли» 60-годов А. А. Мордвинове. Обнаруженные В. А. Черных интересные архивные материалы позволили ему воссоздать политическую биографию А. А. Мордвинова, проследить его связи с А. И. Герценом и М. А. Бакунным; раскрыть новые стороны пропагандистско-просветительской деятельности «Земли и Воли».

Вопросы борьбы либерализма с демократизмом на рубеже 50—60-х годов и эволюции либералов к охранительству рассматриваются в статье М. А. Шмигельской «„Русский вестник“ и „Колокол“ о студенческом движении в Московском университете (1857—1861 гг.)». Исследование автора показывает, как предательская позиция либералов помогала правительству выйти из кризиса, укрепить свои позиции и осуществить поворот к реакции.

Проблеме кризиса «верхов» как одного из объективных факторов революционной ситуации 50—60-х годов XIX в. посвящена статья Ю. И. Герасимовой «К истории кризиса правительственной политики в 1856—1858 гг. (об отношении правительства к печати)». На богатом архивном материале автор описывает деятельность цензурного ведомства в конце 50-х годов, борьбу правительства против распространения в России произведений Вольной печати.

В рецензируемых сборниках помещен ряд ценных публикаций документов. Здесь следует отметить публикацию Е. Б. Бешенковским, М. Я. Билинским и В. В. Пугачевым неизвестных произведений видного идеолога декабризма Н. И. Тургенева — «Наука образования государств» и «Сопоставление Англии и Франции» (вып. 1—2), В. И. Порохом — новых материалов о восстании Черниговского полка (вып. 1) и Ю. И. Штакельбергом — выдержек из дневника И. Д. Якобсона (начальника интендантской части царской армии), иллюстрирующих настроения в различных кругах Петербурга в 1859—1862 гг. (вып. 3).

Итак, статьи и материалы, опубликованные в рецензируемых сборниках, затрагивают ряд новых и малосследованных вопросов революционного движения и общественной мысли в России, вводят в научный оборот много ценных фактических данных. Предпринятое Саратовским университетом периодическое издание по проблеме освободительного движения в России несомненно сыграет большую роль в координации и

объединении усилий ученых, работающих в этой области. В связи с этим было бы желательно, чтобы выдерживались задуманная периодичность (6 выпусков в год) и тематическое единство сборников, чтобы в них больше публиковалось историографических статей и библиографических обзоров.

Освободительное движение в России — одна из наиболее исследуемых тем. Она интенсивно изучалась уже до 1917 г., но основная заслуга в ее разработке принадлежит советской историографии. Эта тема весьма популярна и за рубежом. Накопилась громадная литература, определились различные школы и направления. Историографическое обобщение того, что уже сделано, на наш взгляд, не менее важно, чем введение в научный оборот свежих материалов и постановка новых вопросов.

В. А. Федоров

«РОССИЯ В ПЕРИОД РЕФОРМ ПЕТРА I». М., «Наука», 1973, 384 стр., тир. 10000 экз.

Страстные споры о личности Петра I, о его преобразованиях, целях и итогах его внешней политики, влиянии его реформ на последующее развитие страны и их значения в отечественной истории начались еще при жизни Петра. Шли годы, десятилетия, века, менялся социально-экономический и политический строй, методология и методика исследования, расширялся круг источников, возникали новые аспекты изучения, появлялись различные, нередко диаметрально противоположные оценки Петра и его преобразований. Неизменным оставался лишь жгучий интерес к одному из самых крупных и противоречивых государственных деятелей, к эпохе крутого перелома во всех отраслях и сферах жизни страны.

И все же петровская эпоха изучена в советской историографии далеко не достаточно. Внимание исследователей ограничивается преимущественно социально-экономическими сюжетами, а другие не менее важные аспекты проблемы остаются в тени. Между тем отсутствие их научной марксистской разработки задерживает и затрудняет решение целого ряда кардинальных проблем истории нашей страны XVIII—XIX вв.

Рецензируемый сборник показывает это совершенно отчетливо, как показывает и крайнюю сложность и противоречивость деятельности самого Петра и его преобразований, их итогов и влияния на характер и направление исторического процесса.

Заметим сразу, что сборник (отв. редактор Н. И. Павленко) оказался весьма удачным. Он отличается новизной как по избранным объектам исследования, так и по характеру и составу использованных авторами источников. Как говорится в предисловии, редколлегия преследовала цель остановить внимание читателя «на некоторых аспектах Петровского времени, недостаточно изученных в исторической литературе и рассмотренных здесь в исследовательском плане» (стр. 8).

Посмотрим, как же реализована эта задача в сборнике, где одни статьи (Л. А. Никифорова, Н. И. Павленко, Т. С. Майковой, М. Д. Рабиновича, Ю. А. Тихонова, Н. Б. Голиковой и Н. Ф. Демидовой) посвящены узловым проблемам, а другие (А. И. Заозерского, С. М. Троицкого, М. Я. Волкова, М. А. Алексеевой) рассматривают конкретные вопросы, источники, характеризуют отдельных деятелей того времени.

Подобная разномасштабность статей и рассматриваемых в них вопросов обычна для сборников, но в данном издании она очень уж режет глаза, так как некоторые статьи, посвященные частным вопросам, отличаются описательностью, недостаточной аргументацией и не определяют места и значения рассматриваемого факта, исторического деятеля, источника в общем процессе петровских преобразований. Поясним это примером. С важнейшей проблемой коренных изменений в состоянии и развитии русской национальной культуры связана лишь статья о граверах Иване и Алексее Зубовых. Сам по себе материал статьи нов и интересен, но это лишь маленький и сугубо частный эпизод в истории культуры Петровского времени. К тому же автор не связывает судьбу братьев Зубовых и изменения в характере гравюры с общим характером тех изменений, которые происходили в то время в изобразительном искусстве России,

обходит вопрос о соотношении гравюр и творчества братьев Зубовых с особенностями творчества второго поколения русских гравюров — М. Махаева, Г. Качалова, И. Соколова, начавших свою творческую деятельность в это время.

Аналогичным образом обстоит дело и с идейно-политической борьбой вокруг петровских преобразований, и с развитием русской общественно-политической мысли первой четверти XVIII в. Эти проблемы представлены в сборнике статьей М. Я. Волкова о «Послании» старца Авраамия. Не говоря уже о том, что само «Послание» никак не относится к числу произведений, занимавших центральное место в идейной жизни того времени, характеристика его содержания и идейной направленности страдают, по нашему мнению, явными натяжками, неубедительностью аргументации. Спорным представляется и главный вывод автора о том, что в «Послании» «нашли отражение некоторые общие интересы горожан», что оно «является памятником передовой общественно-политической мысли России конца XVII в.» (стр. 336).

В связи с этим встает один общий вопрос для подобного рода сборников. Конечно, исследование немислимо без гипотез, споров, дискуссий. Но читатель, получая сборник статей, должен знать, выражают ли, например, концепция М. Я. Волкова или выводы Т. С. Майковой позицию по этим вопросам редколлегии сборника, или же это точка зрения отдельного автора, которую не разделяют другие участники сборника. К сожалению, предисловие носит перечислительно-аннотационный характер, уступая в этом отношении составленной М. П. Павловой-Сильванской аннотированной библиографии иностранной литературы о Петре I*, так как в ней содержатся общие оценки работ. К сожалению, подобного характера предисловия стали обычными для ряда сборников, подготовленных Институтом истории СССР.

Но вместе с тем сборник содержит столько нового, важного и интересного, что с лихвой покрывает эти просчеты редколлегии.

Ярко и убедительно показано принципиальное изменение в международном положении России в первой четверти XVIII в. в обстоятельной статье Л. А. Никифорова. Охарактеризовав пренебрежительное отношение к России со стороны европейских держав, их неправильную оценку ее сил и возможностей, автор показывает, что Полтава была резкой гранью коренного изменения в международных отношениях. Теперь Россия предлагает условия, которые ей выгодны, оказывает существенное воздействие на ход дел в Европе.

Как нам представляется, важным достоинством статьи Л. А. Никифорова является то, что в ней показана и вторая сторона последствий изменения роли России. Страны — участницы войны за «испанское наследство» стремились всеми способами ограничить рост мощи и роли России, не допустить полного ослабления Швеции, восстановить нарушенное усилением России «равновесие сил» в Восточной Европе (стр. 28). Рассматривая шаг за шагом перипетии этой борьбы, автор показывает, что она затянула и осложнила Северную войну, но уже не могла помешать «дальнейшему росту международного значения России, ее удельного веса в жизни Европы» (стр. 38).

Большая и очень интересная статья Н. И. Павленко (стр. 40—102) посвящена, судя по ее названию, «изучению социально-политических взглядов Петра I». Но она по содержанию уже, так как сам автор признает, что в ней «освещены далеко не все аспекты политических воззрений Петра», не рассматриваются «представления царя об устройстве государственного аппарата», об «организации бюрократического контроля», важнейшие законодательные акты того времени и некоторые другие весьма существенные стороны социально-политических взглядов Петра I и их практической реализации. Но вместе с тем, она и шире названия, ибо автор нарисовал в ней настоящий социально-психологический портрет Петра, и перед читателем во весь рост встает могучая фигура царя с его неукротимой энергией и темпераментом, непрерывными трудами, походами, с его разносторонними талантами, крайним деспотизмом и жестокостью — фигура,

---

* Жаль, что в библиографии не учтены издания 1971—1972 гг. В связи с 300-летием со дня рождения Петра за рубежом появилось немало новых работ.

полная кричащих противоречий в замыслах, методах и результатах их осуществления. Сомнительна лишь удачность термина «террористический характер» применительно к петровскому законодательству. В этом плане оно принципиально ничем не отличалось ни от предшествующего, ни от последующего законодательства.

Всяческого внимания и поддержки заслуживает попытка Н. И. Павленко определить, что стояло за понятием «общего блага», «общей пользы», «государственной пользы», «государственного интереса», которые столь часто фигурируют в письмах, законодательных актах и других бумагах, вышедших из-под пера Петра I. Можно согласиться с выводом о том, что все это обернулось обязательной службой всех сословий, но непонятно, почему эта «общая польза», применительно к трудовому населению, не совпадала с «государственным интересом» (стр. 77—78). Думается, подобное противоречие возникло не случайно: в статье недостаточно четко показано то обстоятельство, что под пользой, благом и государственным интересом понимались благо, польза и интерес именно самодержавно-крепостнического государства.

Н. И. Павленко справедливо подчеркивает стремление Петра использовать науку и научные знания для практических нужд, но уж очень абсолютизировано выглядит в статье стремление ограничить интерес Петра к научным знаниям их «утилитарной стороной» (стр. 53—56). А как тогда рассматривать создание Кунсткамеры, собирание древних рукописей, покупку итальянских и французских скульптур для Летнего сада, оценку работ художника Никитина и множество подобных фактов? В этом же плане трудно согласиться с односторонним подходом к петровскому проекту Академии наук (стр. 55—56).

Думается, требует некоторого уточнения и общий вывод статьи. Н. И. Павленко пишет, что Петр применял варварские средства и в отношении дворянства, чтобы заставить его «поступиться частью феодальной ренты в пользу государства» (стр. 102). Но ведь было и другое: создание регулярной армии и флота, чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи и обязательная служба дворян резко увеличили ту долю феодальной ренты, которая получалась с государственных крестьян и телерь поступала в карманы дворянства.

Много нового и порой неожиданного вносит статья М. Д. Рабиновича в практически не исследованный вопрос о социальном (правильнее было бы сказать — сословном) происхождении и имущественном положении офицеров регулярной русской армии к концу Северной войны (стр. 133—171). Автор проанализировал данные послужных списков и офицерских «сказок» на 2245 офицеров, что составляло примерно 80% офицерского состава армии Петровского времени. Это делает его наблюдения и выводы абсолютно обоснованными, а выводы эти крайне важны. Во-первых, совершенно очевидно, что гвардейские полки отнюдь не играли той роли в комплектовании офицерского корпуса, которую им приписывают. Во-вторых, замена принципа породы принципом служебной пригодности и введение таблицы о рангах не помешали тому, что выходцы из аристократии составляли более двух третей штаб-офицеров. В-третьих, выходцы из тяглых сословий составляли около 10% офицеров, преимущественно пехотных. Наконец, даже к концу Северной войны офицеры-иностранцы все еще составляли около трети штаб-офицеров.

Исключительный интерес представляет статья Н. Б. Голиковой о социальной политике и органах управления, созданных в Астрахани во время восстания 1705—1706 гг. Достаточно сказать, что это тот уникальный случай, когда до нас дошел архив органов управления, созданных восставшими. Это дает возможность исследователю подробно проследить их деятельность, показать их состав, принципы комплектования, их функции, их практические действия в отношении различных сословий и сословных категорий Астрахани и всего района, охваченного восстанием. Наконец, Н. Б. Голикова мастерски использовала содержащийся в архиве восставших материал, дающий представление об их идеологии и о том, как эта идеология выражалась и отражалась в их действиях, решениях, в деятельности избранных ими органов управления.

Не менее важна статья Н. Ф. Демидовой об истории заключения Нерчинского мирного договора 1689 г. — вопросе, имеющем не только большое научное, но и поли-

тыческое значение. Автор показывает, что договор был «крупным поражением русской дипломатии на Дальнем Востоке» (стр. 290). Эта неудача в значительной степени определялась крайне невыгодными для России условиями, в которых велись переговоры: в скрестности Нерчинска вероломно была введена большая маньчжурская армия, во много раз превосходившая отряд русского посла.

Н. Ф. Демидова не только связала неудачный характер Нерчинского договора с позицией правительства Софьи, но и убедительно доказала, что в условиях неудачи Крымского похода Голыцына и назревания решительной схватки за власть с Петром оно стремилось добиться заключения договора любой ценой. Руководствуясь чисто своекорыстными целями, правительство Софьи — Голыцына недооценивало значение Приамурья и обнаружило «пренебрежение к судьбе русских владений, являвшихся результатом свободной народной колонизации» (стр. 310).

Несомненный интерес представляет столь редкая в исторической литературе попытка нарисовать психологический портрет одного из старейших «птенцов гнезда Петрова» — фельдмаршала Б. П. Шереметева. Нет никаких сомнений в том, что интереснейшая по фактическому материалу и необычная по своей методике статья А. И. Заозерского привлечет внимание широкого круга читателей, соскучившихся по подобным работам. Думается, что давно пора издать целиком большую работу покойного ученого о Б. П. Шереметеве, так как публикация из нее отдельной главы дает несколько одно-стороннее представление и о работе А. И. Заозерского, и о самом Б. П. Шереметеве.

Весьма содержательна и богата интересным материалом (значительная часть которого выявлена и обработана автором впервые) статья Т. С. Майковой о работе Петра I над «Историей Свейской войны». Автором проделана огромная работа над рукописью «Истории» и показана роль Петра I в создании и редактировании первого труда по русской военной истории. Много важного и интересного сообщается об археографических приемах Петра I, о его стремлении раскрыть причины, взаимосвязь и значение отдельных событий войны. Однако, как нам кажется, общий вывод автора о том, что «Петр I был основателем русской военно-исторической науки» (стр. 132), страдает некоторым преувеличением.

На большом архивном материале построена и статья С. М. Троицкого о хозяйстве А. Д. Меншикова. Автор рассматривает состав и рост колоссальной вотчины Меншикова, число крестьян в которой приближалось к 140 тыс. душ; развитие предпринимательства в вотчине и участие Меншикова во внешней и внутренней торговле. Ни в какой степени не собираясь ослабить положений автора о том, что в крупной вотчине того времени «наиболее заметно прослеживались новые тенденции в хозяйственном развитии страны» (стр. 215), все же заметим, что оперировать этими данными следует весьма осторожно и применимость их к другим вотчинам весьма сомнительна. Вотчина, ее развитие, предпринимательство и участие в торговле Меншикова, как позднее Шувалова, Орловых, Потемкина, Зубова, конечно, происходили в условиях существования и развития новых хозяйственных тенденций. Однако характер вотчины, ее предпринимательство и торговая деятельность определялись совершенно особым, исключительным положением владельца, правами и возможностями, которыми не обладала и не могла обладать обычная, даже крупная вотчина.

Потрясающая картина роста всякого рода налогов, поборов, повинностей в пользу государства в царствование Петра I нарисована в статье Ю. А. Тихонова. Она отчетливо показывает, что значительно большую часть феодальной ренты с помещичьих крестьян получает в это время не помещик, а государство, что в поисках пути повышения своих доходов помещики становятся «на путь постепенного, малозаметного на первый взгляд расширения барщинного хозяйства» (стр. 214). Небольшая по размеру, статья эта потребовала огромной разыскательской работы и большой затраты труда. Однако и после всех разысканий автор располагает сведениями лишь о 167 имениях из 16 тыс. помещичьих имений Центральной России (стр. 208). Совершенно естественно, что выводы, сделанные на основе данных лишь об 1% помещичьих имений, могут рассматриваться только как сугубо предварительные, и ими следует пользоваться весьма осторожно.

Авторы и редакторы сборника «не стремились... осветить все стороны преобразований, осуществленных в первой четверти XVIII века» (стр. 8). Невозможно стремиться и в небольшой рецензии рассмотреть весь круг проблем, поставленных в несомненно удачной и интересной книге. Нужно не только приветствовать ее издание, но и надеяться, что работа в этом направлении будет продолжена. Рассматриваемые в сборнике эпоха и проблемы этого заслуживают.

М. Т. Белявский

«СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СССР ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ», ЧАСТИ I—V. Отв. ред. проф. В. В. МАВРОДИН. М., изд-во «Высшая школа», 1970—1973 *

В недавнем прошлом вузы страны уже получили ценные публикации источников в виде хрестоматий по истории СССР под редакцией М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, Л. Г. Бескровного и Б. Б. Кафенгауза, где материал более или менее равномерно распределялся по основным темам учебного курса. Рецензируемые же сборники преследуют несколько иную цель: обеспечить документами только отдельные, наиболее важные с точки зрения составителей, темы аудиторных занятий и курсовых работ, но зато по возможности полно. Понятно, что этот принцип налагает на составителей сборников особую ответственность в вопросе отбора тем.

По своей структуре издание однотипно: каждый том объединяет несколько подборок документов по важнейшим проблемам истории России на определенном этапе развития. В кратких вводных разделах составители объясняют происхождение отобранных источников, отмечают их специфику, помещают некоторые методические указания для преподавателей и студентов. Часть текстов приведена полностью, другие же переданы в отрывках, но с кратким изложением основного их содержания. Наконец, каждый сборник снабжен списком литературы, изучение которой даст студенту детальное представление об общих процессах исторического развития Русского государства в соответствующий период.

Вместе с тем в структуре сборников есть и различия. В первом томе имеется введение археографического характера с элементами историографии, в пятом — чисто археографическое, в прочих — лишь предисловия редактора. Они невелики по объему, но принципиальны по характеру, поскольку позволяют определить место и значение избранных составителями проблем в свете общих процессов развития феодальной России. Общие вступительные статьи в сборниках, таким образом, отличаются от хрестоматийных предисловий. Последние однотипны по содержанию и одновременно характеризуют как важнейшие стороны социально-экономической и политической истории России, так и включенные в хрестоматии тематические подборки документов. В сборниках же это единство и однотипность отсутствуют. К большому сожалению, в издании нет общего введения, которое объясняло бы задачи, принципы отбора тем, структуры сборников и отдельные отступления от этих принципов.

В первой части сборников опубликованы источники по истории раннего феодализма. Они подобраны составителями по трем важным проблемам — «Образование Древнерусского государства», «Социально-экономические отношения и классовая борьба на

---

* Ч. I. IX—XIII вв., под ред. проф. В. В. Мавродина, сост.: И. Я. Фроянов, Л. М. Марасинова, В. В. Каргалов, 262 стр.; ч. II. XIV—XV вв., под ред. А. М. Сахарова, сост.: А. Д. Горский, И. Я. Фроянов, В. В. Каргалов, 237 стр.; ч. III. XVI в., под ред. А. М. Сахарова, сост.: В. Д. Назаров, А. К. Леонтьев, 208 стр.; ч. IV. XVII в., под ред. А. М. Сахарова, сост.: В. С. Шульгин, А. М. Сахаров, 200 стр.; ч. V. XVIII в., под ред. В. В. Мавродина, сост.: А. Л. Шапиро, Р. И. Козинцева, С. Л. Пештич, Н. М. Волюнкин, В. В. Мавродин, 248 стр.

Руси IX—XII вв.), «Древняя Русь и кочевники» — и по своему составу очень разнообразны. Это прежде всего «Русская Правда» и летописи, а также тексты различных грамот, отрывки из литературных произведений и сочинений иностранных авторов.

Во второй части сборников — три раздела: «Феодальное землевладение и хозяйство в XIV—XV вв. Закрепощение крестьян», «Образование Русского централизованного государства», «Русь и Золотая орда». Приведенные здесь источники можно разделить на 3 группы: акты (тексты жалованных, духовных, уставных и других видов грамот, впервые привлечены для работы на семинарских занятиях 20 новгородских берестяных грамот), законодательные (извлечения из Новгородской и Псковской судебных грамот, полный текст Судебника 1497 г. и др.), летописи (отрывки из Никоновской и других летописей).

О завершении складывания Российского государства рассказывают материалы третьей части сборников. Они посвящены двум вопросам: «Крестьянство в России XVI в.», «Государственный строй в России XVI в.». Другие проблемы истории России XVI в. — внешняя политика, развитие общественной мысли, положение русских городов — не нашли здесь отражения.

Состав документов разнообразный, но превалирует актовый материал. Несомненный интерес представляет публикация в первом разделе этой части нового документа (№ 72), дающего сведения о холопах, посаженных на пашню и обрабатывающих землю феодала, а также вопрос о норме холопского надела.

Во втором разделе третьей части помещены многие документы правительственного делопроизводства, известные по дореволюционным публикациям. К настоящему времени они стали библиографической редкостью и потому их подборка нужна и своевременна.

В целом материалы второй и третьей части сборников позволяют поставить на семинарских занятиях такие проблемы, как история закрепощения крестьян в XIV—XVI вв., эволюция политического строя и ряд других. Нам представляется, однако, что целый ряд документов первых трех частей нуждается в комментировании, составители же, к сожалению, снабдили объяснениями только новгородские берестяные грамоты.

В четвертой части предложены для аудиторных занятий и курсовых работ две тематические подборки документов: «Общественная мысль и раскол в XVII в.», «Организация русской дипломатии в XVII в.»

В первый раздел включены публицистические произведения представителей господствующего класса и источники, вышедшие из недр противостоящей ему социальной группы, идейным знаменем которой было старообрядчество. Это позволило составителям с необходимой полнотой отразить то небывалое обострение социальных противоречий эпохи, которое наложило явственный отпечаток на всю общественно-политическую мысль России.

Наибольшая ценность источников, собранных во втором разделе этой части, — возможность проследить на примере Посольского приказа те общие процессы, которые характерны для периода перехода к абсолютизму и его становления в деятельности государственного аппарата (абсолютизация власти, бюрократизация отдельных отраслей управления и т. д.).

И все же, на наш взгляд, документы, опубликованные в четвертой части сборников, представляя подлинную ценность при написании курсовых работ, не могут заменить хрестоматийного материала на аудиторных занятиях. Недостаток времени просто не позволит преподавателю включить данную тематику в цикл семинарских занятий и отказаться от изучения крестьянских войн, проблемы становления абсолютизма, формирования всероссийского рынка и т. д.

С этой точки зрения более удачным представляется выбор тем в последнем сборнике серии документов, который охватывает события XVIII в. Все они, бесспорно, относятся к узловым проблемам своего времени, а состав собранного материала позволяет изучать их без привлечения хрестоматий, не говоря о более ранних публикациях, в которых периферийные вузы испытывают постоянный недостаток.

Большинство документов первого раздела пятой части («Промышленно-экономическая политика русского правительства в царствование Петра I») — законодательные материалы. Они раскрывают глубоко противоречивый характер экономической политики царизма, рассчитывавшего успехами промышленного развития государства упрочить устои феодально-крепостнического строя. В следующем разделе («Северная война 1700—1721 гг.») помещены документы, отражающие официальную точку зрения на вопросы внешней политики России первой четверти XVIII в. Третий раздел — «Крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России XVIII в.» Привлеченные в нем источники ярко раскрывают нарастание антикрепостнической тенденции в мировоззрении лучших представителей русского общества от И. Т. Посошкова и М. В. Ломоносова до просветителей во главе с Н. И. Новиковым и А. Н. Радищева. Непонятно лишь, почему составители не включили сюда материалы, исходящие из лагеря феодалов, которые рьяно отстаивали неприкосновенность своих привилегий (например, выступления Щербатова, Глазова и др. в Уложенной комиссии), ведь их мировоззрение — один из компонентов общественной мысли века.

Тематическая подборка документов в заключительном разделе пятой части «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева» превосходит все предшествующие ей в учебных пособиях; для сравнения отметим, что если в хрестоматии по истории СССР XVIII в. опубликовано 9 аналогичных источников, то в рецензируемом издании — 89. Нам представляется вполне оправданным исключение составителем тех документов, которые вышли из самодержавно-крепостнического лагеря: они освещают события крайне тенденциозно и односторонне и не могут дать объективной оценки событиям и деятелям последней крестьянской войны.

В целом же сборники документов по истории СССР периода феодализма — нужное и своевременное пособие. Часть источников, в них опубликованных, используется на практических занятиях, другие материалы служат для написания курсовых работ, семинарских докладов отдельными студентами.

Представляется, что было бы весьма целесообразно продолжить издание и дать сборник документов по истории дореформенной России: именно на этом этапе получили наиболее отчетливое выражение или завершились те процессы, которые характерны уже для социально-экономического развития страны в XVII—XVIII столетиях.

Следует признать, что в сборниках история позднефеодальной России представлена слабее, нежели предшествующий период. Между тем в педагогических институтах эта эпоха изучается в течение семестра, т. е. на нее отводится столько же времени, сколько на знакомство с историей IX — первой половины XVII в. Источниками же (в учебных пособиях) она обеспечена много хуже.

Ценность рецензируемого издания именно как учебного пособия повысилась бы также в результате соблюдения преемственности проблем в его томах. В этом случае преподаватель получает возможность ставить перед студентами новые темы, используя документы смежных частей сборника (например, «Идеология крестьянских войн в России» при наличии документов о крестьянских войнах XVII столетия в IV части публикации).

Нужно отметить, что сборник широко используется и уже заслужил признание преподавателей и студентов-историков.

Ю. Н. Иванов, Л. М. Матлина

А. Д. ПАПАЗЯН. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVI—XVII вв. Ереван, 1972, 303 стр., тир. 1000 экз.

Работа А. Д. Папазяна охватывает очень сложный и своеобразный период в истории армянского народа. Своеобразие этого периода охарактеризовано в трудах самого А. Д. Папазяна и заключалось не только в том, что Армения находилась под игом Турции и Сефевидского Ирана, но и в том, что к рассматриваемому времени в Армении

почти совершенно исчезла крупная и средняя армянская феодальная светская знать, а ее место заняли тюркские и курдские феодалы. Такое изменение в составе господствующего класса не могло не повлечь за собой серьезных изменений в системе поземельных отношений, которые ясно обнаруживаются как раз в XV—XVII вв., хотя их истоки, думается, следует искать в еще более раннее время¹.

Отметим сразу, что одним из главнейших достоинств рецензируемой книги является привлечение огромного нового фактического материала, почерпнутого из документальных фондов Матенадарана. Именно А. Д. Папазян является публикатором трех томов персидских документов Матенадарана², материалов, как раз и говорящих преимущественно о поземельных отношениях в Армении и других странах Закавказья, а также в Иране. Эти документы, равно как и большое число актового материала, пока еще не опубликованного, и послужили основой работы А. Д. Папазяна. Разумеется, он привлекает и данные давно известных нарративных источников (армянских, персидских, турецких).

В монографии разобраны прежде всего принципы оформления различных категорий земельной собственности, существовавших в Армении XVI—XVII вв. и их соответствие с нормами мусульманского права — шариата. Это весьма сложный вопрос, поскольку само мусульманское право на деле оказывается гораздо более сложной системой правовых взглядов, нежели представляют обычно. Кроме того, в Армении, несмотря на серьезные изменения во всех сферах общественной жизни в период позднего средневековья, не все старое было искоренено. Ведь если крупное армянское светское землевладение, как это показано в первой главе рецензируемой книги, было ликвидировано, то армянская церковь с ее, пусть не неизменными, но тем не менее внушительными земельными фондами сумела уцелеть, несмотря на гонения со стороны мусульманских владык, и порой весьма умело приспособлялась к новым условиям, приобретая на разных правах земельные владения. Специфика армянского церковного землевладения в обстановке XVI—XVII вв. разобрана в VI главе рецензируемой книги, где особое внимание уделено муафскому праву (иммунитету) монастырских и прочих церковных владений.

В книге подробно и на основании большого материала исследованы и различные иные категории землевладения в Армении той поры. Показательно, что в Армении «около половины всех возделываемых земель составляли служебные держания (тиул)» (стр. 249).

В связи с этим тезис автора относительно разложения феодальной земельной собственности в Армении с конца XVII в. представляется не только неверным, но, как кажется, противоречащим всему материалу книги. Ведь тиул как форма земельного (и иного) держания сменил в XVI в. другой тип такого держания — сююргал. Возникновение тиула связано не с развитием армянского общества, а с теми отношениями, что возникали в результате синтеза общественных форм у так называемых кызылбашских племен и более старых местных форм землевладения (мульк, сююргал). Возникновение тиула — это определенный регресс в развитии поземельных отношений, поскольку сююргал к концу своего существования все более утрачивал свой условный характер, эволюционируя в сторону превращения в безусловную земельную собственность. Точно так же развивался и тиул, и этот процесс особенно ярко обнаружился уже в XVIII в. Может быть, это была одна из причин распада и крушения Сефевидской державы.

Чрезвычайно интересны и содержательны разделы книги, где разбирается проблема рентных отношений и системы крестьянских повинностей. Читатель найдет здесь огромный добротный материал, а специалист — широкое поле для размышлений.

Наконец, весьма любопытны выводы относительно специфики сельской общины в Армении исследуемой эпохи. Обнаруживается, что община была в ту пору, с одной

¹ См. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972.

² «Персидские документы Матенадарана». I. Указы, вып. 1—2; сост. А. Д. Папазян. Ереван, 1956—1959. II. Купчие, вып. 1, сост. А. Д. Папазян. Ереван, 1968.

стороны, организатором распределения земли, как правило, ей не принадлежавшей (хотя, как отмечается на стр. 187, кое-где «еще существовали деревни, не имевшие ма-ликов; право собственности на землю в них принадлежало общине данного села»), а с другой стороны, это было низшее звено многосложной фискальной организации, существовавшей в Сефевидском государстве.

Чрезвычайно интересны многие наблюдения автора над отдельными видами налогов и податей, различного рода повинностями, существовавшими в Армении той поры. Все они основаны на добротном, свежем материале, позволяющем автору достойно продолжить разработку этих вопросов, начатую трудами И. П. Петрушевского, В. Ф. Минорского, Б. Арутюняна, П. Арутюняна и других отечественных и зарубежных исследователей.

По ряду вопросов хочется и поспорить с А. Д. Папазяном. К таковым, на наш взгляд, относятся выводы о роли наемного труда, откупной системы в Армении XVI—XVII вв. Автор усматривает в росте наемного труда к концу XVII в. некие симптомы нового, опять-таки связанные с началом разложения феодальной формации. Думается, такой вывод преждевремен и не обоснован. Наемный труд в Армении известен как эпизодическое явление с первых письменных памятников; разумеется, его место и роль в разные эпохи были не одинаковы. Однако, если посмотреть на этот институт в его развитии на всем протяжении средневековья, то окажется (как мне представляется), что в одни эпохи он играл большую роль, в другие — меньшую. Например, в знаменитых армянских Судебниках XII—XIII вв. (Мхитара Гоша и Смбата Спарапета) есть особые статьи о наемном труде и наемниках (вардзканах). У нас нет никаких твердых данных, показывающих, что наемный труд конца XVII в. чем-то принципиально отличался от такового в XII и более ранних веках. Другое дело, что если брать период XV—XVII вв., то в XVII в. наемный труд, особенно к концу века, по-видимому, действительно играл большую роль, нежели в XV—XVI вв., и это требует своего объяснения.

Думаю, что здесь необходима дальнейшая работа как сторонников, так и противников данной точки зрения.

Что касается откупной системы, то это также весьма архаичное явление. Откупщики государственных налогов были и на древнем и на средневековом Востоке; в разные эпохи или даже отдельные периоды времени их численность и роль были различны, но опять-таки надо доказать, что откупщики XVII в. по социальным функциям чем-либо отличались от своих собратьев более ранних времен.

Все это общее, в значительной мере выходящее даже за рамки монографии А. Д. Папазяна вопросы. Думается, что их окончательное решение еще впереди, но, как представляется, оно зависит в значительной мере от двух факторов: во-первых, от дальнейшей разработки этих сюжетов в рамках данного периода времени, а во-вторых, от того, как они будут изучаться: изолированно ли, только в пределах данного времени и данной страны, или же во всей многовековой динамике их развития на материале ряда соседних стран.

Работа А. Д. Папазяна, безусловно, станет настольной книгой для каждого специалиста по истории Закавказья, а также Ирана, Турции и других восточных стран. Думается, что весьма полезной она будет и историкам-медиевистам — специалистам по европейской истории.

А. П. Новосельцев

А. И. МАРТЫНОВ. АРХЕОЛОГИЯ СССР. М., «Высшая школа», 1973, 285 стр., тир. 37000 экз.

В учебной работе гуманитарных вузов нашей страны археология занимает сравнительно небольшое по объему программного материала, но важное по идейно-воспитательному значению место. В 50-е годы курс археологии как самостоятельная дисциплина введен был в педагогических институтах. Соответственно предусмотрена в программах и специальная археологическая практика, как в полевых условиях, так и камеральной обстановке, причем не только на территории своей области или края, но иногда и далеко за их пределами. Мне было приятно увидеть, например, в Красноярском пединституте прекрасно оформленные стенды и витрины с материалами из раскопок Гермонасы. Это щедрый дар Института археологии АН СССР, в исследованиях которого систематически, в течение ряда полевых сезонов, принимают участие студенты Красноярского пединститута. И, само собой понятно, как много значит для сибирского педвуза, для его успешной учебно-методической работы такое содружество с учеными центра.

С другой стороны, можно с большим удовлетворением отметить, что в ряде педагогических вузов Сибири и Дальнего Востока существуют мобильные коллективы археологов, которые ведут самостоятельную и весьма плодотворную работу по изучению древностей своего края, по собиранию и обобщению богатого вещественного материала, характеризующего прошлое народов Сибири. Таким локальным археологическим центром является, например, кафедра истории СССР в Новосибирском пединституте, где на протяжении ряда лет под руководством Т. Н. Троицкой ведутся широко поставленные раскопки памятников раннего железного века и раннего средневековья в долине р. Оби. Моложе по возрасту второй такой археологический центр Сибири — в Читинском пединституте, основанный и возглавляемый И. И. Кирилловым, которому принадлежит прекрасный по свежести материала очерк по археологии Забайкалья, изданный в Чите в 1973 г. Археология энергично развивается и в других пединститутах Сибири: в Барнауле (А. П. Уманский), в Улан-Уде (Е. А. Хамзина), в Красноярске (И. И. Дроздов).

Но, пожалуй, первое место среди всех педвузов Сибири по активности археологов и по масштабам их деятельности принадлежит Кемеровскому пединституту. С особым удовлетворением нужно отметить четко налаженную и, можно сказать, подвижническую работу кемеровских археологов по изданию своих трудов. Они подготовили шесть специальных выпусков «Известий лаборатории археологических исследований при Кемеровском педагогическом институте», в которых содержатся ценные материалы по каменному и бронзовому векам, по эпохе металла и формулируются важные выводы, во многом по-новому представляющие нам историю Южной Сибири.

В Кемерове изданы и крупные монографические исследования, где раскрывается ранее слабо освещенная история той части тагарских племен, которая заселяла лесостепные пространства к северу от основного центра тагарской культуры — Миусинской котловины*. Благодаря энергии кемеровчан удалось осуществить и монографическую публикацию в Москве на невозможном для Кемерова высоком полиграфическом уровне «Сокровищ томских писаниц».

В течении уже 20 лет под руководством доцента этого института А. И. Мартынова интенсивно ведутся археологические исследования. Открыты сотни ранее неизвестных археологических памятников, в том числе уникальные Тутальские и Новоромановские писаницы на р. Томи, Михайловское и Шестаковское поселения. Исследованы замечательные курганные могильники в местечке Ягуня, Серебряковские, Тисульские, Некрасовские, Шестаковские курганы и многие другие памятники. По материалам этих исследований подготовлено и защищено четыре кандидатские диссертации.

---

* А. И. Мартынов, Г. С. Мартынова, А. М. Кулемзин. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971; А. И. Мартынов. Ягуня. Кемерово, 1973.

Одним словом, перед нами вполне сложившийся, мощный по сибирским масштабам, исследовательский и преподавательский коллектив с большим опытом научно-методической и преподавательской работы, со своими собственными традициями.

Организация научных исследований в институте неразрывно связана с педагогической и учебно-методической работой. Много лет успешно действует здесь единственный в стране археологический лагерь «Родина» для молодежи и школьников.

В 1970 г. Министерством просвещения СССР была выпущена, составленная А. И. Мартыновым программа курса археологии СССР для исторических факультетов педагогических институтов. Не случайно, что именно в Кемеровском пединституте был задуман и осуществлен первый в нашей стране опыт создания специального учебного пособия по археологии для студентов педагогических вузов.

Это учебное пособие, написанное в полном соответствии с программой по археологии СССР для педагогических институтов (М., «Просвещение», 1970), компактно, невелико по объему. В этом его бесспорное достоинство. Второе достоинство учебника — удачный подбор фактического материала и в том числе столь важного для археологического учебного пособия иллюстративного материала. В 85 рисунках представлено почти все наиболее существенное для характеристики той или иной культуры или определенного исторического периода.

Жаль, однако, что без иллюстраций оставлены некоторые описываемые в учебнике культуры: мезолит, абашевская (стр. 105), афанасьевская (стр. 108—109). Карасукская культура представлена иллюстрацией всего одного сосуда (стр. 114), а изображений наиболее характерных карасукских бронзовых изделий на дано.

Вообще учебник значительно выиграл бы, если бы был снабжен картами распространения археологических культур и основных археологических памятников, общей хронологической таблицей, синхронистической схемой развития археологических культур.

В соответствии с программой учебный материал в пособии распределен по четырем большим разделам: каменный век, эпоха металла, археология древнейших рабовладельческих и феодальных обществ на территории СССР, археология славян.

Методически четко написана вводная часть (стр. 3—20), в которой подчеркнута значение археологии как исторической науки, раскрыта ее тесная связь с современными научными и политическими вопросами, широкая связь с другими, в том числе и естественными науками. И, что особенно важно для учебника, показано, что археология служит делу воспитания материалистического мировоззрения, а археологический материал, как пишет автор, «благодаря своей конкретности, дает возможность представить прошлое, вчерашний день многонациональной Родины».

В учебнике отражены современные достижения археологии в СССР. Так, по нижнему палеолиту и мустьерскому периоду приведены недавно открытые археологические памятники, в том числе на Алтае и Дальнем Востоке. Дано ясное представление о культурах верхнепалеолитического периода на территории СССР, раскрыты особенности палеолитической культуры Сибири. Включен в учебник и материал последних открытий по новокаменному веку, в частности относящийся к Дальнему Востоку (стр. 72—75).

Уделено должное место замечательным открытиям акад. Б. А. Рыбакова, лидера светской археологии, в области изучения семантики расписного орнамента трипольской культуры (стр. 87). В значительной степени на новом материале написана глава по бронзовому веку, где использованы материалы раскопанного О. Н. Бадером Балановского могильника (стр. 105); окуневские материалы (стр. 110) и последние достижения по бронзовому веку Средней Азии (стр. 118—121).

Новый материал, в том числе и из раскопок самого автора, приведен по тагарской культуре (стр. 146—150). Включен параграф, посвященный культуре племен Дальнего Востока в I тыс. до н. э. (стр. 169—173).

В третьей части пособия — «Археология древнейших рабовладельческих и феодальных обществ на территории СССР» — археология Урарту и особенно сложные вопросы археологии Кавказа и Средней Азии освещаются на фоне больших событий всемирной истории того времени. Весьма обстоятельно (и не в ущерб другим сюжетам) изложена

археология тюрок Южной Сибири, кочевников Восточной Европы, волжских болгар и народов советского Дальнего Востока в I тыс. нашей эры.

Значительное место в пособии отводится сложному процессу происхождения славян (по П. Н. Третьякову), процессу формирования феодализма и образованию древнерусского государства (по Б. А. Рыбакову).

Как положительную особенность пособия А. И. Мартынова следует отметить, что автор сумел расширить территориальные рамки пособия за пределы европейской части СССР, а также Кавказа и Средней Азии. В нем с достаточной полнотой освещены и те памятники, те исторические события, которые протекали к востоку от Урала.

Конечно, в работе такого широкого территориального и проблемного охвата не может не быть отдельных недочетов и пробелов. Можно упрекнуть автора в том, что недостаточно использованы новые материалы по верхнему палеолиту на территории СССР, мезолиту, бронзовому веку европейской части СССР, античным городам Северного Причерноморья. Хотелось бы, в частности, довести до сведения читателей учебника потрясающие открытия О. Н. Бадера в Сунгире, где оказались уникальные, единственные в своем роде палеолитические захоронения.

Но в общем то, что А. И. Мартынову удалось сделать по освоению новой информации, можно назвать подвигом. И, самое главное, перед нами все же именно учебник, а не свод материалов и источников по археологии СССР. Кроме того, автор дал необходимый минимальный, строго обусловленный спецификой учебного пособия список обязательной литературы. Очень важно, что учебник написан ясным хорошим языком, вполне доступным студенту, и в этом смысле может считаться образцовым.

В работе, к сожалению, немало опечаток, и среди них есть просто досадные. Так, например, перепутаны подписи к рисунку 41 на 128 стр.; не выделен заголовок к разделу «Ранний железный век» (стр. 121).

В отдельных случаях желательно было бы более полное освещение деталей. Например, автор пишет о богине Митре. Хотя он совершенно прав, упоминая эту женскую ипостась солнечного божества древних иранцев, все же следовало бы сказать и о несравненно более широко известной мужской ипостаси Митры в виде воина, убивающего быка.

В целом же именно как хороший учебник, один из лучших в данное время, и следует оценить «Археологию СССР» А. И. Мартынова.

Акад. А. П. Окладников

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

Р. В. ОВЧИННИКОВ, С. М. ТРОИЦКИЙ

НОВЕЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

История Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России является сравнительно новой темой для современной американской буржуазной историографии. «Пугачевская тема» представлена в ней исследованиями, в которых освещаются важные вопросы крестьянской войны и дается ее сравнительно-историческая оценка, обзорами и рецензиями на труды советских ученых по этой теме, а также учебными пособиями и курсами по истории России XVIII в., рассчитанными на студентов университетов и колледжей США. Все это свидетельствует об усилении внимания части американских ученых к вопросам классовой борьбы трудящихся масс, хотя в силу идеалистического характера своих воззрений буржуазные исследователи не только не признают существования антагонистических классов, но, обращаясь к данным о Пугачевском восстании, пытаются найти новые аргументы для опровержения марксистского учения о роли классовой борьбы в истории общества. Вместе с тем рост интереса американских историков к проблемам классовой борьбы в России в конце XVIII в. в значительной мере связан с крупными успехами советских ученых в анализе Крестьянской войны 1773—1775 гг., достигнутыми в последние 10—12 лет. Пытаясь дать свою интерпретацию ряда узловых проблем Пугачевского восстания, американские авторы широко используют труды и публикации источников советских ученых, а некоторые из них обращаются и к документам архивов.

Специальные исследования по истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева принадлежат перу М. Раева, Дж. Александера и П. Аврича. Центральное место среди них занимает работа М. Раева, в которой автор затронул широкий круг вопросов данной темы. Со многими оценками М. Раева, как мы покажем далее, согласны и другие американские авторы. Основу статьи М. Раева «Пугачевское восстание» составила его лекция «на коллоквиуме по сравнительной истории современных революций», организованном в 1968/69 учебном году Университетом имени Джона Гопкинса в г. Балтиморе¹.

Необходимо хотя бы кратко коснуться проблематики коллоквиума и общей направленности докладов американских и западноевропейских

¹ M. Raeff, *Pugachev's Rebellion. «Preconditions of Revolution in Early Modern Europe»*. Baltimore, 1970, pp. 161—202 (далее ссылки на статью — в тексте). Основные положения статьи «Пугачевское восстание» М. Раев повторил в работе «*Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia*». N.—Y., 1971, pp. 114—120.

историков, опубликованных в сборнике «Preconditions of Revolution in Early Modern Europe».

Помимо работы М. Раева, в нем напечатаны статьи американских историков Дж. В. Смита и Л. Стоуна о Нидерландской и Английской революциях, а также Д. Х. Эллиота (Англия) и Р. Мунье (Франция) о восстаниях в Испанском королевстве и Фронде во Франции.

Что же объединило авторов довольно пестрого по содержанию сборника? Ответ на этот вопрос дает издательская аннотация на суперобложке и предисловие американских историков Р. Форстера и Дж. Грина (оба — профессора Университета имени Джона Гопкинса). Как сказано в аннотации, участники этого издания решили «пролить дополнительный свет на происхождение ныне такого хорошо известного феномена, как революция». С этой целью они попытались найти «предпосылки» Великой Французской буржуазной революции в социальных конфликтах, потрясавших Европу в XVI—XVIII вв.

Исходные методологические установки авторов сборника заключены в самом определении понятия «революция». Его суть состоит в том, что под «революцией» подразумевается любое внезапное изменение политической власти или попытка изменить ее с использованием насилия, сопровождающиеся провозглашением или радикальным преобразованием основ верховной власти. Такая крайне расплывчатая «дефиниция» позволила редакторам и авторам названного издания рассматривать самые разнородные социальные конфликты как «предпосылки» эпохи революций². Подобное определение понятия «революция» теряет свой реальный смысл, так как революционные перевороты преднамеренно растворяются в самых различных по характеру и целям восстаниях, при этом не учитываются ни цели выступлений, ни социальное положение движущих сил. Своим острым предложением буржуазными авторами «дефиниция» направлена против марксистского учения об антагонистических классах и революционной классовой борьбе, как движущей силы исторического процесса³.

Об этом же свидетельствует и предложенная Р. Фостером и Дж. Грином трактовка причин народных движений. Американские историки безуспешно пытаются доказать, что «самые опасные... социальные конфликты на раннем этапе нового периода в истории Европы происходили не из классовой вражды, а из-за несовместимости... отношений людей к государству, возникавшей не только в результате изменения экономических условий или ухудшения материального положения, но, что еще важнее, из действий правительства...» В соответствии с таким плюралистическим подходом при объяснении причин восстаний Р. Фостер и Дж. Грин хотя и обосновать тезис о том, что ухудшение экономического положения населения не является важнейшим условием широкого народного выступления (стр. 12—14).

Р. Форстер и Дж. Грин попытались осуществить широкое сопоставление последней крестьянской войны в России с социальными движениями в западноевропейских государствах в XVI—XVIII вв. Сама мысль провести подобное исследование нам представляется заслуживающей внимания, ибо оно может помочь глубоко раскрыть общие закономерности и специфику классовой борьбы в период позднего феода-

² «Preconditions of Revolution in Early Modern Europe», pp. 1—2 (далее ссылки на предисловие Р. Форстера и Дж. Грина — в тексте).

³ Нападки на теорию классов и классовой борьбы К. Маркса предприняли и авторы других статей сборника (Д. Х. Эллиот, Л. Стоун). Там же, стр. 23—25, 55—56.

лизма в различных странах. Однако плодотворность результатов такого изучения социальных движений в разных странах зависит прежде всего от правильных исходных методологических и методических позиций авторов, позволяющих установить достаточно обоснованные критерии для сопоставления тех или иных явлений. На наш взгляд, предложенная Р. Форстером и Дж. Грином сравнительно-историческая оценка Пугачевского восстания не может быть принята.

Эта крестьянская война в России зачислена американскими историками в категорию «крупномасштабных региональных восстаний с ограниченными возможностями стать революцией», а в качестве главных критериев для отнесения его к числу «предпосылок» революции указаны «изменения в социальной структуре» России под влиянием «модернизации» государства. Все остальные факторы, а их было названо довольно много, составляли лишь «задний план», «фон», («background»), на котором проходило Пугачевское восстание. Подобная интерпретация Пугачевского восстания почти полностью выхолащивает социальный смысл этого движения, в котором наиболее ярко проявились непримиримые классовые противоречия между крестьянами и дворянами-помещиками, причем эта главная линия классовых антагонизмов была дополнена и усилена выступлениями нерусских народов против социального, национального и религиозного гнета. Следует сразу же решительно возразить против попытки американских историков зачислить Крестьянскую войну 1773—1775 гг. в разряд ранних буржуазных революций. Хотя в России в это время и сформировался капиталистический уклад, однако в целом еще отсутствовали условия для проведения буржуазной революции.

Р. Форстер и Дж. Грин видят на первом и втором этапах Пугачевского движения (до середины лета 1774 г.) много общего с выступлениями части дворянства во время Фронды во Франции, а также с дворянскими восстаниями в Испании, ибо все эти движения, по их мнению, были вызваны сходными причинами (стр. 5—6). При этом авторов несколько не смущает, что организаторами названных ими восстаний, носителями идеи «протеста» являлись социально разнородные категории феодального населения трех государств. Лишь на третьем этапе (с лета 1774 г.), считают Р. Форстер и Дж. Грин, Пугачевское восстание стало действительно всеобщим крестьянским движением (стр. 10).

Вряд ли есть необходимость подробно останавливаться на этих антинаучных и антиисторических сравнениях, когда за одну скобку берутся движения феодалов в защиту своих сословных привилегий и антикрепостнические выступления народных масс. В лучшем случае при таком формальном подходе можно заметить лишь отдельные, внешние черты сходства в глубоко различных по социальному содержанию, движущим силам и целям восстаниях. Это же можно сказать и по поводу объяснения Р. Форстером и Дж. Грином причин неудачи Крестьянской войны под предводительством Пугачева.

Рассматривая это движение как «пограничное», «периферийное» восстание, авторы предисловия пишут о том, что оно «не стало даже сепаратистским движением», каким были восстания в Испанской монархии, так как действия восставших развернулись в районе, «который был полностью аграрным» и где отсутствовало «сознание регионального единства», или «местной родины», а также не было организующего ядра, каким явились члены магистров и нобли Нидерландов, нотабли Каталонии и т. д. Поэтому, несмотря на ненависть казаков, староверов и крестьян к дворянам, Пугачев не смог вполне оценить широкое вос-

стане крепостных. Программа Пугачева, в которой он «обещал возвращение к идеализированному прошлому... и возрожденной местной автономии», предоставляла крестьянам защиту против бюрократов и местных дворян, но не была в состоянии обеспечить победу восстания (стр. 11, 14—15). Однако, отрицательно оценивая идейную платформу Пугачева, Р. Форстер и Дж. Грин все же вынуждены признать в ней наличие ряда элементов, напомилавших конституционные призывы участников Фронды и патриотические прокламации нотаблей Каталонии. Именно это революционное содержание лозунгов Пугачева, несмотря на то, что оно «было сформулировано в виде призывов к прошлому», обеспечило массовую поддержку крепостных крестьян лидеру казаков на последнем этапе движения (стр. 12).

В этих высказываниях Р. Фостера и Дж. Грина немало противоречивых положений. Выдвинув неверный тезис о «пограничном», «периферийном» характере Пугачевского восстания, авторы под воздействием реальных исторических фактов вынуждены были признать, что оно превратилось в крестьянское восстание общероссийского значения, особенно в связи с событиями лета 1774 г., когда движение сместилось на правобережье Волги, подошло к границам Подмосковья и когда наметилась его поддержка в центральных районах страны. Точно так же, указав сперва на отсутствие прогрессивных начал в воззваниях Пугачева, Р. Форстер и Дж. Грин, вынуждены были встать на более правильную позицию, отметив, что содержащиеся в манифестах вождя восстания призывы к ликвидации существующего крепостнического строя несли в себе позитивные элементы прогрессивного, революционного свойства даже при отсутствии в движении разработанной программы по созданию нового общественного строя. Не имеет каких-либо оснований тезис Р. Форстера и Дж. Грина о том, что Пугачев как лидер казачества недооценил широкое восстание крестьян. Обращение к показаниям Пугачева и ближайших его сподвижников свидетельствует, что еще при подготовке казачьего выступления в сентябре 1773 г. Пугачев предусматривал вовлечение в восстание крестьян, видя в их участии успех задуманного предприятия, заявляя казакам, что «он-де с войсками следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет»⁴.

Знакомство с содержанием самой статьи М. Раева свидетельствует о том, что автор без всяких оговорок разделяет принципиальную позицию редакторов и других авторов названного сборника. По мнению М. Раева, основная причина Пугачевского восстания, заключалась в изменении социальной структуры русского общества в XVIII в. под влиянием реформ Петра I, «модернизовавшего» государство. В результате утверждения абсолютизма и бюрократизации государственного управления, пишет американский историк, в социальной структуре России можно наблюдать «двойной феномен»: дворяне из слуг государства превратились в привилегированных землевладельцев, постоянно живущих в своих имениях; теперь крестьяне стали крепостными, «почти замкнутой кастой». Это усилило зависимость крестьянства от помещиков, способствовало росту помещичьего произвола. «Крестья-

⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 68. Эту идею разделяли и наиболее радикальные лидеры яицких казаков; один из них, Т. Мясников, говорил, что в ходе начавшегося восстания его руководители намерены истребить всех бояр. «надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также от господ притеснен и вконец разорен» (ЦГАДА, ф. 6, д. 421, л. 2 и об.). См. также следственные показания Пугачева — «Красный архив», 1935, № 4, стр. 69—70; «Вопросы истории», 1966, № 4, 5, 7.

не,— замечает М. Раев,— почувствовали себя заброшенными современным государством» (стр. 163). Такая трактовка преобразований Петра I и перехода России к абсолютизму, вызвавших разрыв традиционных связей между «монархом» и «народом», не нова, Раев пытался ее обосновать в своей монографии — «Происхождение русской интеллигенции. Русское дворянство XVIII столетия»⁵ («Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth — Century Nobility». N.—Y., 1966). При этом американский ученый полемизирует с советской историографией (правда, не называя конкретных работ), подчеркивающей увеличение феодальной эксплуатации и злоупотреблений, которым подвергались крепостные. В действительности, полагает он, эти причины могли привести «только к индивидуальным вспышкам протеста и отдельным актам неповиновения или мести» (стр. 163, прим. 6). Однако высказав такое категорическое суждение, М. Раев, по сути дела, ничем его не аргументировал, ограничившись глухой ссылкой на общие работы по истории сельского хозяйства и крестьянства России в XVIII в. Д. Блюма, М. Конфино, В. И. Семевского, Н. Л. Рубинштейна.

Американский историк подробно охарактеризовал те «специфические факты и условия», которые, по его мнению, предшествовали Пугачевскому восстанию (стр. 163). Он отметил, что для возникновения широкого крестьянского восстания имело особое значение распространение барщины не только в крупных, но и в мелких поместьях хлебопроизводящих районов юга и юго-востока России, ибо барщина была более обременительной для крестьян, чем оброк (стр. 166—167). Его не смущает то обстоятельство, что признание распространения и роста барщины в качестве одной из причин крестьянского недовольства серьезно подрывает его собственный тезис о том, что изменения «социальной структуры» в результате «модернизации» государства явились якобы основной причиной Пугачевского восстания. Раев отмечает и те обстоятельства, которые, по его мнению, способствовали росту недовольства крестьян политикой государства (неразмежеванность земель, эпидемии, а также задержка Екатериной II секуляризации церковных владений — см. стр. 167—171).

В предложенном им объяснении причин Пугачевского восстания налицо стремление подменить классовые антагонизмы противоречиями, порожденными изменениями формы правления государством в связи с переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Такая трактовка причин Пугачевского восстания направлена на затушевывание непримиримых классовых противоречий между крепостным крестьянством, с одной стороны, и дворянами и абсолютистским государством, выражавшим и отстаивавшим интересы всего феодального сословия,— с другой. Однако эта идеалистическая схема, игнорирующая классовый характер феодального государства, находится в явном противоречии с приводимым американским историком конкретным материалом, свидетельствующим об усилении эксплуатации крестьян помещиками.

В соответствии со своим главным тезисом о решающей роли изменений в социальной структуре России под влиянием «модернизации» государства в XVIII в. М. Раев охарактеризовал положение тех категорий населения, которые страдали от разрыва «личных связей» с монархом, испытывали чувство «отчуждения» («alienation») от государства, что в

⁵ См. С. М. Троицкий. Русское дворянство XVIII в. в изображении американского историка. «История СССР», 1970, № 5, стр. 205—212.

конечном счете и привело их в ряды восставших. К их числу он относит однодворцев, иностранных колонистов Поволжья и раскольников, т. е. те группы населения, которые сами по себе были малочисленны и, по существу, не принадлежали к ведущим социальным силам крестьянской войны.

Однако «психологический фактор» (растущее чувство «отчуждения» из-за разрыва «личных связей» с монархом) не может затушевать вполне реальные социальные причины, вынуждавшие представителей названных им категорий населения России примкнуть к открытой вооруженной борьбе с дворянами-помещиками и защищавшим их интересы абсолютистским государством. Об этом свидетельствуют выводы самого Раева. Так, по его мнению, на ухудшение экономического положения однодворцев влияли не только утрата ими привилегий и прежней роли в обеспечении безопасности южных границ России, но и то, что их земли «лежали прямо на пути дворянской сельскохозяйственной экспансии в плодородные черноземные степи». Поэтому однодворцы «подвергались сильному нажиму помещиков центральных провинций, которые правдами и неправдами овладевали их землей и селили на ней своих крепостных». При этом часть обедневших однодворцев превращалась в крепостных этих помещиков, другие становились наемными работниками в их хозяйствах (стр. 176). Противоречива и оценка М. Раевым причин, приведших иностранных колонистов Поволжья в армию Пугачева. С одной стороны, колонисты это «новый и отчужденный элемент общества», с другой — было бы ошибочно «ожидать, что их положение должно было быть лучше, чем положение русского крестьянства» (стр. 177—178).

М. Раев уделил значительное внимание выяснению причин, вызвавших широкое участие нерусских народов в крестьянской войне. Отказавшись от подробного рассмотрения данных об участии каждого из народов в восстании, он отметил три главные причины: 1) христианизация нерусского населения, 2) борьба кочевников с оседлым населением и 3) «национальный вопрос, затрагивавший отношения между народами и центральным правительством» (стр. 181—183). Если для народов Поволжья главным побудительным мотивом для участия в крестьянской войне был, по мнению М. Раева, протест против насильственной христианизации, то мусульманские и буддистские народы, кочевавшие в степях Нижней Волги, присоединились к восстанию для того, чтобы остановить поддерживаемое правительством продвижение сельскохозяйственных поселений на свои земли (стр. 184). Важной причиной, толкавшей нерусское население на вооруженное восстание, было недовольство политикой правительства, строившего на его землях крепости, поощрявшего земледельческую колонизацию оседлого русского населения, что в конечном счете вело к потере прежних прав и привилегий нерусскими народами (стр. 185).

Как видно из сказанного, М. Раев стремится объяснить участие нерусских народов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. прежде всего мотивами национального и религиозного порядка и не учитывает такой фактор, как усиление феодальной эксплуатации, что являлось основной причиной активного участия нерусских народов в движении. Трудовое население юго-востока Российской империи принадлежало к разряду государственных крестьян и, естественно, что политика повстанческого центра, отражавшая в своей основе интересы крестьянства, нашла живой отклик у этих народов и привлекла их на сторону восстания. Характерно, что указы Пугачева, обращенные к нерусским народам Урала и Поволжья, лейтмотивом своим имели лозунги социального

освобождения; одинаково приемлемые как для русского, так и для не русского крестьянства⁶.

Яицкие и волжские казаки были, по мнению М. Раева, «главным фактором» в Пугачевском восстании, его основной военной силой, поэтому он подробно описал их положение, отметив, что с середины XVII в. казачество подвергалось «двойной трансформации». Это выразилось в падении его роли как военной силы и в уменьшении автономии и привилегий казаков. Одновременно происходило углубление экономического и социального расслоения казачества, причем немногочисленная богатая верхушка старшины имела тенденцию к одворяниванию. Особенно заметно прослеживались оба эти процесса среди яицких казаков (стр. 185—190). Однако, правильно отмечая изменения в социальном положении казачества и его роль в Пугачевском восстании как наиболее подготовленной в военном отношении силы, М. Раев тем не менее преувеличивает удельный вес казаков в войске Пугачева и значение их выступления для всего движения, что объясняется его стремлением представить крестьянскую войну главным образом как движение казаков и нерусских народов.

Таким образом, даже в тех случаях, когда конкретный материал, казалось, заставлял исследователя признать классовые противоречия между многочисленной массой крестьянства и эксплуатирующим его дворянством в качестве главной причины крестьянской войны, М. Раев постоянно возвращается к идеалистической схеме и подменяет реальные противоречия между антагонистическими классами расплывчатыми рассуждениями о растущем чувстве «отчуждения» между царем и народом.

При освещении истории Пугачевского восстания М. Раев довольно много внимания уделил взглядам Е. И. Пугачева. Автор считает, что вождь восстания испытал огромное влияние воззрений Петра I на роль и задачи «современного государства», о чем свидетельствует копирование им атрибутов «нового бюрократического государства» Петра I — создание Военной коллегии, должности «думного дьяка», раздача титулов и чинов и т. д. (стр. 194—197). В этих действиях, пишет М. Раев, кроется «главный ключ к концепции государства у Пугачева и его последователей. Они верили, что основой политической организации является служба государству равно как простых, так и благородных людей» (стр. 197).

Характеризуя ведущие лозунги крестьянской войны, автор пишет об отражении в манифестах и указах Пугачева и в собственных его воззрениях традиций старины, концепции некоей дофеодальной свободы и т. п. Однако он совершенно опускает важнейший компонент идейного содержания пугачевских манифестов и указов — их антифеодальную, антипомещичью направленность, лозунг земли и воли, отражающий самые насущные жизненные потребности крестьянства.

М. Раев попытался дать общую оценку Крестьянской войны под предводительством Пугачева, объяснить ее социальную «природу» и причины поражения. Советская историография, полагает американский ученый, без достаточных на то оснований зачисляет Пугачевское восстание в разряд «крестьянских войн». На самом деле, пишет М. Раев, «в лучшем случае, это является упрощением, которое допустимо только для последнего этапа восстания. Движение... было главным образом пограничным и казачьим делом, и его руководство никогда не понимало возможностей,

⁶ См. «Пугачевщина», т. I. М.—Л., 1926, док. №№ 4—6, 13, 31; «Красный архив», 1925, № 1 (8), стр. 197; «История СССР», 1972, № 2, стр. 122—123.

открываемых восстанием крепостных крестьян и походом на Москву» (стр. 194). Такую оценку Пугачевского восстания он основывает на приведенных им данных о причинах выступления и составе его участников. Яицкие казаки и нерусские народы были главной социальной силой восстания; по мере охвата им новых районов в движение «вовлекались» и новые категории населения, но затем постепенно отходили от него: на первом этапе (осень 1773 — зима 1774 г.) — яицкие казаки и башкиры, на втором (до лета 1774 г.) — к ним присоединились работные люди Урала и монастырские крестьяне. Лишь на третьем этапе, в Поволжье, движение стало массовым, всеобщим, но Пугачев из-за своего казачьего происхождения не оценил значение поддержки крепостных. В итоге «Пугачевское восстание было последним крупным казачьим восстанием, не ограниченным какой-либо одной местностью» (стр. 194). Тезис М. Раева о том, что Пугачевское восстание было «пограничной жакерией», в которой главную роль играли яицкие казаки и нерусские народы, разделяют Дж. Александер и П. Аврич⁷. Стремление М. Раева и его коллег исключить крестьянство из разряда ведущей социальной силы Крестьянской войны 1773—1775 гг., обозначить последнюю лишь как крупное казачье восстание, подкрепленное выступлениями нерусских народов Урала и Поволжья, не соответствует реальным фактам истории. В действительности уже с октября 1773 г. крестьянство Оренбургской губернии (помещичьи, заводские и государственные — ясачные крестьяне) активно выступило на стороне Пугачева. Позднее, в ноябре — декабре 1773 г. и в начале 1774 г., складываются крупные очаги повстанческого движения в Самарско-Ставропольском районе, на юго-востоке Казанского уезда, в Прикамье, в горнозаводских районах Среднего и Южного Урала, в Зауралье и Западной Сибири, где контингент восставших был представлен преимущественно местным крестьянским населением⁸. Крестьяне численно преобладали в составе отрядов крупнейших пугачевских атаманов И. Н. Зарубина-Чики, И. Н. Белобородова, И. Ф. Арапова, Г. Давыдова и других, значительное число крестьян было и в рядах главного войска Пугачева под осажденным Оренбургом. Говоря об активном участии нерусских народностей в движении Пугачева на первом его этапе, М. Раев должен был бы иметь в виду, что «народы» по их социальному положению (фактическому и официальному) также принадлежали к разряду государственных (ясачных) крестьян. Отмечая ведущую роль крестьянства на первом этапе Пугачевского восстания, Оренбургская секретная комиссия в мае 1774 г. в рапорте Екатерине II писала, что крестьяне «шли в толпу его [Пугачева] служить с охотою, а равно и возили провиант и фураж почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещанные им льготы и вольность»⁹. Более отчетливо крестьянская окраска и направленность выявились на втором и третьем этапах Пугачевского восстания. Лозунги повстанческого центра уже с октября 1773 г. отражали преимущественно интересы и требования крестьян — главной социальной опоры восстания. Все это дает советским историкам основание обозначать развернувшуюся в 1773—1775 гг. борьбу как крестьянскую войну. Казаче-

⁷ J. T. Alexander. Recent Soviet Historiography on the Pugachov Revolt: review article. «Canadian Slavic Studies». Montreal, 1970, vol. 4, № 3, p. 617; P. Avrich. Russian Rebels. 1600—1800. N.—Y., 1972, pp. 4—5, 180 etc.

⁸ А. И. Андрущенко. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969, стр. 130—340; «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», т. II—III. Л., 1966—1970.

⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 5.

ство, выступив ее застрельщиком, в дальнейшем выполняло роль наиболее боеспособной военной силы повстанцев.

В 1972 г. вышла в свет книга «Русские восстания. 1600—1800» профессора русской истории в Королевском колледже Нью-Йорка Пола Аврича. Значительная часть ее посвящена истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Пугачева¹⁰. Советские ученые давно убедительно доказали, что 1775 г. явился конечной гранью этой крестьянской войны. Однако автор датирует «Пугачевское восстание» 1773—1774 гг. и произвольно сокращает заключительный этап движения.

В отличие от М. Раева, П. Аврич подробно описал ход событий в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Но в трактовке узловых вопросов этого движения: его причин и основных движущих сил, оценки уровня идеологии повстанцев и др., он в общем повторяет концепцию М. Раева, который не только рецензировал эту работу, но и является автором аннотации, помещенной на суперобложке книги.

П. Аврич высказал ряд наблюдений, касающихся особенностей Крестьянской войны под предводительством Пугачева по сравнению с другими крестьянскими войнами в России. Так, он обращает внимание на то, что в Крестьянской войне 1773—1775 гг. были несколько слабее представлены разбойные элементы, ибо Пугачев и его ближайшие сподвижники пытались преодолеть стихийность и внести организованность в действия восставших (стр. 203—204, 247). Заслуживают внимания замечания П. Аврича о роли работных людей в Пугачевском восстании, в которых он не без оснований усматривает зародыш пролетариата (стр. 199, 247—248). Интересны также его наблюдения об усилении солидарности русского и нерусских народов в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг. Если в начале XVIII в. восстание крестьян и казаков во главе с К. А. Булавиным лишь по времени совпало с башкирским восстанием, то в Крестьянской войне 1773—1775 гг. оба эти потока слились воедино: русские и нерусские крестьяне вместе выступали под знаменами Е. И. Пугачева; хотя тяга к объединению трудовой части русского и нерусского населения не всегда была полностью реализована руководителями повстанцев (стр. 248, 252).

На эти особенности Крестьянской войны под предводительством Пугачева указывали и советские ученые, подчеркивая известную организованность в действиях восставших, более четкое размежевание классовых требований в ходе этого движения. В своей книге П. Аврич обратил особое внимание на роль городов в Пугачевском восстании. Как известно, одной из причин поражения движения было то, что его недостаточно поддержало население городов России. По мнению американского историка, это объяснялось рядом причин: в манифестах Пугачева была слабо намечена позитивная программа, отвечавшая интересам горожан, к тому же по мере развития ремесла, промышленности и торговли, население городов Поволжья, особенно его зажиточная верхушка, оказалось более тесно связанным с центром России, чем с его «периферией», «границей» (стр. 247, 252). Наконец, П. Аврич выступил против преувеличения роли раскола в Пугачевском восстании, мотивируя это тем, что, с одной стороны, раскольники по религиозным соображениям были против насильственных действий, с другой — тем, что среди раскольников было значительное число состоятельных людей (купцы, ремесленники, крестьяне), не желавших участвовать в восстании. И хотя

¹⁰ P. Avrich. Russian Rebels. 1600—1800, pp. 1—309, особенно pp. 178—254, 287—294 (далее ссылки даны в тексте).

обращения пугачевских манифестов к раскольникам усиливали консервативные черты во взглядах восставших, сам Пугачев не был убежденным приверженцем старообрядчества, а использовал эти лозунги главным образом в тактических целях (стр. 248—249). Роль раскола и участие городов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. относятся к числу недостаточно разработанных вопросов истории этого движения, поэтому нам представляется заслуживающей внимания предложенная П. Авричем трактовка этих проблем.

В 1969 г. Дж. Т. Александер, ассистент профессора истории Канзасского университета, опубликовал книгу «Самодержавная политика в национальном кризисе. Русское императорское правительство и Пугачевское восстание (1773—1775 гг.)»¹¹, в которой попытался выяснить, как функционировал правительственный аппарат Екатерины II во время Пугачевского восстания. Поскольку это движение, будучи, по его мнению, результатом «напряженной внутренней ситуации», привело «к острому и сложному национальному кризису», то американский ученый хотел также показать, как оно повлияло на совершенствование государственного механизма (стр. IX—X предисловия).

Для освещения поставленных в книге вопросов Дж. Т. Александер использовал не только дореволюционные, советские и иностранные работы по истории Пугачевского восстания и опубликованные документы, но и некоторые новые источники, извлеченные из архивов СССР и Великобритании (коллекции документов из собрания Британского музея). Кроме того, он более широко, чем его предшественники, изучил современную восстанию иностранную прессу, содержащую сведения по истории этого движения и об откликах на него в разных слоях общества Европы и Северной Америки (стр. 118—126, 182—184 и др.)¹².

Дж. Т. Александера привлекли такие аспекты правительственной политики, как состояние государственного аппарата в центре страны и в губерниях, охваченных крестьянской войной, борьба различных группировок в правительстве и при дворе Екатерины II, деятельность разных учреждений и комиссий по подавлению восстания, а также влияние внешней политики на действия правительства. Саму же историю крестьянской войны (ее причины, движущие силы, ход восстания, требования повстанцев и др.) автор специально не рассматривает: он касается этих вопросов попутно, в связи с освещением тех или иных мер правительства.

Таким образом, американский историк попытался дать, так сказать, «внешнюю историю» восстания через призму правительственной политики. Подобный подход не оригинален. У Дж. Т. Александера есть солидный предшественник в лице Н. Ф. Дубровина. Этот историк 90 лет назад опубликовал свой капитальный труд «Пугачев и его сообщники. Эпизод царствования имп. Екатерины II» (т. 1—3. СПб., 1884), в котором подробно рассмотрел различные стороны правительственной политики по подавлению восстания Пугачева.

¹¹ J. T. Alexander. *Autocratic Politics in National Crisis. The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt (1773—1775)*. Bloomington, 1969.

¹² Этой теме посвящена специальная статья Дж. Т. Александера, в которой автор более подробно охарактеризовал отклики на Крестьянскую войну в России в 1773—1775 гг. в странах Европы и Америки, опираясь главным образом на донесения правительства английскому послу Р. Гуинга (в том числе и неопубликованные), а также данные из газет Англии, ее североамериканских колоний и ряда европейских стран. См. J. T. Alexander. *Western Views of the Pugachev Rebellion*. «The Slavonic and East European Review», 1970, vol. XLVIII, № 113, pp. 520—536.

Но предложенная Дж. Т. Александером трактовка некоторых вопросов истории Пугачевского восстания не может нас удовлетворить не только потому, что его книга, по сути дела, не вносит ничего нового по сравнению с уже имеющейся литературой, но главным образом из-за того, что ее автор пытается возродить устарелые и ошибочные концепции дворянских историков, которые освещали историю Крестьянской войны 1773—1775 гг. с позиций самодержавия и правящего дворянского класса.

В книге уделено много внимания освещению борьбы придворных группировок Орловых и Паниных. Однако, известно, что обстановка, сложившаяся при царском дворе в Петербурге, которую Дж. Т. Александер ошибочно рассматривает в качестве одного из явлений общенационального кризиса, фактически не имела какого-либо существенного влияния на ход событий, связанных с крестьянской войной. Представители противоборствующих группировок продемонстрировали исключительное единство в организации военного подавления восстания и на заседаниях императорского совета, и в практической реализации его решений на полях сражений с восставшими. Перед лицом классового врага императрица без труда добилась необходимого единства всех групп при дворе.

В книге Дж. Т. Александера много места отведено рассказу о деятельности секретных комиссий в Казани, Оренбурге и Яицком городке, производивших следствие, суд и расправу над руководителями и рядовыми участниками Пугачевского восстания. Текст американского историка содержит мало новых материалов и наблюдений по этим вопросам: они были обстоятельно освещены во II и III томах исследования Н. Ф. Дубровина. Можно отметить лишь то, что американский историк более внимательно, нежели его предшественник, подошел к использованию интереснейшего доклада чиновника секретной комиссии гвардии капитан-поручика С. И. Маврина императрице Екатерине II от 21 мая 1774 г., в котором с удивительной откровенностью изложены истинные причины Пугачевского восстания.

Обстоятельно обрисован Дж. Т. Александером внешнеполитический фон крестьянской войны и предшествующего ей периода: события в Польше и русско-турецкая война 1768—1774 гг. Но вряд ли справедлив его упрек, адресованный советским историкам, относительно их невнимания к внешнеполитическим проблемам, повлиявшим на ход и исход Пугачевского восстания. Они освещаются в работах советских ученых¹³. Одна из главных проблем монографии — выяснение причин административной реформы 1775 г., реорганизовавшей систему местных государственных учреждений России. Автор справедливо отмечает, что Крестьянская война 1773—1775 гг. ускорила проведение реформы¹⁴.

В 1970 г. Дж. Т. Александер выступил с критическим разбором новейших советских публикаций по истории Крестьянской войны 1773—

¹³ См., напр., Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение.) М., 1955; А. И. Андрущенко. Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир. «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». Сб. статей. М., 1969.

¹⁴ Обусловленность реформы местного самоуправления обострением классовой борьбы трудящихся масс на большом конкретном материале раскрыта советскими историками (см., напр., М. П. Павлова-Сильванская. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 460—491; В. Ф. Желудков. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева и подготовка губернской реформы 1775 г. «Вестник ЛГУ», 1963, № 8, сер. истор. яз. и лит., вып. 2, стр. 56—65).

1775 г.¹⁵ Он привлек некоторые монографии¹⁶ и коллективные работы¹⁷, а также статьи и публикации по этой теме (А. И. Андрущенко, Л. А. Гольденберга, М. Д. Курмачевой, В. В. Мавродина, В. И. Недосекина, Р. В. Овчинникова, Л. С. Прокофьевой, А. П. Пронштейна, Л. Д. Рыслева и других). Однако в обзоре не учтены многие важные работы советских ученых последних лет в том числе и монографии, которые позволяют полнее показать специфику антифеодального народного движения в различных районах Российской империи¹⁸. Можно лишь пожалеть, что американский рецензент отказался от попытки мотивировать принципы отбора советских работ для включения в обзор, и тем самым не дал полной и объективной информации о действительном масштабе и характере ведущихся в Советском Союзе исследований по истории Крестьянской войны под предводительством Пугачева.

В центре внимания автора обзора находятся трехтомный коллективный труд по истории Пугачевского восстания и две книги И. Г. Рознера о яицком казачестве в этом движении. Дж. Т. Александер отметил, что авторы трехтомной «Крестьянской войны» выявили в центральных и местных архивах СССР огромный материал по истории Пугачевского восстания, который было бы не под силу собрать одному исследователю. Это позволило им подробно осветить предпосылки, начальный этап восстания и его дальнейшее распространение на новые районы России (стр. 604—605). Отмечая широкую источниковедческую базу трехтомника, Дж. Т. Александер в то же время верно подметил пропуски в первом томе этого труда некоторых зарубежных работ¹⁹.

Общий вывод американского рецензента таков: «Несмотря на большие усилия авторов, время и средства, затраченные коллективом Мавродина, его продукция не может полностью заменить геркулесов труд генерала Дубровина» (стр. 603). С подобной оценкой коллективного труда советских авторов, разумеется, нельзя согласиться. Нетрудно заметить, что в данном случае американский историк выступает апологетом воззрений царского генерала Н. Ф. Дубровина, написавшего свою работу почти 90 лет назад с позиций официальной дворянской историографии. Советские историки вели исследование истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. с принципиально иных методологических позиций и смогли показать справедливость борьбы народа против крепостниче-

¹⁵ J. T. Alexander. Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: review article (далее ссылки на этот обзор — в тексте).

¹⁶ И. Г. Рознер. Яик перед бурей. М., 1966; его же. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; А. И. Андрущенко. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

¹⁷ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева», т. I—III. Л., 1961—1970 (отв. ред. В. В. Мавродин); Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Пугачев и его сподвижники. М.—Л., 1965.

¹⁸ См. М. Н. Мартынов. Пугачевский атаман И. Белобородов. Пермь. 1958; А. А. Кондрашенков. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская; В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966; Н. Бекмаханова. Легенда о Невидимке. (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968.

¹⁹ А. А. Кизеветтер. Исторические силуэты. Раздел «Пугачевщина». Берлин, 1931, стр. 55—92; В. H. Sumner. New Material on the Revolt of Pugachev. «The Slavonic and East European Review», 1928, vol. VII, pp. 113—127, 338—348; T. Salomonson. Der Aufstand des Pugatschev. Ein Beitrag zu seine Geschichte unter besonderer Berücksichtigung des soziologischen und stammesmäßigen Moments. Königsberg, 1934 R. Portal. L'Oural an XVIII-e siècle. Paris, 1960.

ского угнетения и бесправия, в то время как Н. Ф. Дубровин стремился изобразить восстание как разбойный бунт необузданной, своевольной черни, бунт, искаживший «золотой век» правления Екатерины II, досадный эпизод славного ее царствования.

Дж. Т. Александер не хочет замечать тех несомненных успехов, которых достигла советская историография за последние полтора десятилетия в углубленном изучении основных проблем Пугачевского движения — причин крестьянской войны, социального и национального состава ее участников и их лозунгов, конкретного хода восстания и распространения его на новые территории Российской империи. Дж. Т. Александер не сумел также правильно оценить обильный материал, содержащийся в трехтомнике (особенно в главах XIV—XXIII), характеризующий размах движения на правом берегу Волги и в национальных окраинах. Именно привлечение советскими исследователями массовых данных о восстании русских крестьян, казаков, рабочих людей, а также представителей народов Урала, Поволжья, Западной Сибири и Казахстана свидетельствуют о том, что выступление трудящихся масс было широкой антифеодальной крестьянской войной, а не просто «эпизодом царствования императрицы Екатерины II». Наконец, безапелляционно и бездоказательно звучат обвинения, предъявленные авторам трехтомного труда, в прямом заимствовании отдельных положений концепции дворянского историка Н. Ф. Дубровина и утверждений из каких-то «второстепенных работ», чьи авторы им даже не названы.

В тех случаях, когда американский историк обращается к трактовке некоторых проблем крестьянской войны в коллективном труде, то он в качестве «эталона» использует ту же работу Н. Ф. Дубровина и по этому «компасу» проверяет результаты исследований советских ученых. По его мнению, автор первого тома В. В. Мавродин будто бы «не дает нового взгляда на предпосылки восстания». Дж. Т. Александера не устраивает подход советского ученого, который в соответствии с общим замыслом всего коллективного труда «концентрирует внимание исключительно на причинах народного недовольства, чтобы пренебречь тенденциями внутри верхнего слоя общества XVIII в.» Он полагает, что «генерал Дубровин, несмотря на его консервативную военную ориентацию, дал более сбалансированную оценку положения, которое предшествовало восстанию» (стр. 603—604).

С подобными замечаниями нельзя согласиться, ибо тенденции внутрисословной борьбы среди дворянства в третьей четверти XVIII в. были настолько слабы, что не могли оказать какое-либо заметное влияние на развертывание антикрепостнической борьбы трудящихся масс России. Наоборот, восстание Е. И. Пугачева, как и другие крупные антифеодальные выступления трудового народа, способствовало сплочению дворян, объединению их для борьбы с классовым врагом — крестьянством. Об этом, в частности, свидетельствуют факты поголовного участия всех групп дворянства Казанской и Московской губерний в создании на свои средства т. н. дворянских ополчений — «белых гусарских корпусов» в январе — августе 1774 г. Советские исследователи, считает Дж. Т. Александер, трактуют столкновения между русским и нерусским населением лишь в плане социальных конфликтов с царским правительством, чиновниками и старшинами отдельных народов. Тем самым советская историография будто бы попросту отрицает или замалчивает национальные противоречия в ходе крестьянской войны, ослаблявшие силы повстанцев (стр. 613).

Этот упрек не адресован кому-либо персонально. Но он не имеет под собой реальной почвы, так как в трехтомном труде советских историков

содержится много данных о столкновениях на национальной почве. Однако, неоднократно отмечая случаи подобного рода и подчеркивая их пагубность для успешной борьбы повстанцев с правительственными войсками, авторы уделили внимание прежде всего тем фактам, которые ярко характеризуют общность классовых интересов трудящихся в борьбе против феодального гнета, независимо от их национальной принадлежности. Источники, вышедшие из-под пера представителей ряда нерусских народов (башкир, татар и др.) содержат чрезвычайно выразительные материалы такого рода²⁰.

Особенным нападкам в статье Дж. Т. Александра подверглись работы И. Г. Рознера. Рецензент считает, что советский ученый якобы изображает яицких казаков разделенными на две части: немногочисленную старшину, имевшую тенденцию превратиться в дворян или буржуа, и рядовых неимущих казаков, которых эксплуатировали богачи. Он согласен с исследователем в том, что восставшие казаки не были едины в своих устремлениях и имели существенные различия в экономическом положении, что в определенной мере повлияло на ход и судьбу восстания. Однако, полагает он, сохранившиеся источники не позволяют четко разделить во всех случаях повстанцев на «умеренных и радикалов» в зависимости от их хозяйственного положения. «Его генеральная схема, — замечает он, — основывается на неограниченной... вере в революционные возможности угнетенной массы» (стр. 607).

Нам представляется, что это суждение Дж. Т. Александра не соответствует содержанию работ И. Г. Рознера, в которых нет идеализации революционных возможностей крестьянства и казачества. Напротив, советский исследователь утверждает, что самая боеспособная социальная сила в рядах восставших — казачество — «в силу своего социально-экономического положения и объективно-исторических причин оказалась не в состоянии сплотить воедино все антифеодальные элементы империи, повести их на решительный штурм самодержавия и крепостничества»²¹.

Не выдерживают никакой критики доводы Дж. Т. Александра, пытающегося поставить под сомнение тезис И. Г. Рознера о намерениях яицких казаков весной 1772 г. поднять народные массы России на борьбу, поскольку их посланцы были быстро схвачены, а «несколько сот казаков» вряд ли могли «представлять серьезную угрозу для императорского правительства», ибо сомнительно, чтобы они «смогли собрать много сторонников на пути от границы в центр страны» (стр. 608). Надуманность и предвзятость подобной «аргументации» совершенно очевидны: ведь спустя год с небольшим, в сентябре 1773 г., 80 яицких казаков во главе с Пугачевым подняли восстание, очень скоро превратившееся в грандиозную крестьянскую войну.

Американский историк также подверг сомнению содержащийся в работах И. Г. Рознера, В. И. Недосекина и других советских ученых тезис о том, что после поражения летом 1774 г. под Казанью Пугачев повернул на юг, чтобы с помощью агитаторов и прокламаций собрать новые силы для продолжения борьбы, ибо в это время у него уже не было возможностей для «широкого национального восстания» (стр. 612, 613, 615). Дж. Т. Александер, по сути дела, солидаризируется с С. И. Тхоржевским, пытавшимся доказать, что движение в Поволжье было спонтанным и что Пугачев сознательно не организовывал крестьян, однодворцев и нерусские народы для возрождения движения; они восставали

²⁰ См. «Крестьянская война в России», т. III, стр. 57—60, 66—68, 122—125, 278, 304—307 и др.

²¹ И. Г. Рознер. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг., стр. 197.

сами по себе (стр. 611). Наконец, Дж. Т. Александер упрекает советских ученых в том, что они односторонне изображают вопрос о выборе Пугачевым и его окружением направления для движения войска после перехода в середине июля 1774 г. на правый берег Волги. Решение отправиться в южные провинции явилось будто бы не результатом продуманного плана, а следствием стечения стихийных обстоятельств: желая повстанцев оторвать от своих преследователей, недостатка правительственных войск в южных провинциях, ошибок, допущенных царскими офицерами, не сумевшими разбить восставших и т. д. (стр. 615).

В действительности же план похода на Москву Пугачев обдумывал еще в тот период, когда его войско находилось под осажденным Оренбургом. В беседе со своим полковником Т. И. Падуровым он заявил тогда: «Если же мне удастся взять Оренбург и Яик, то я с одной конницей пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург»²². Реально план похода на Москву стал осуществляться с июня 1774 г., когда Пугачев, выйдя со своим войском в Прикамье, повернул к Казани. В этот момент возникли в ставке Пугачева колебания: идти ли на Москву или повернуть на юг, пополнить войско донскими казаками, а затем предпринять поход на Москву? Но и в ходе движения повстанцев на юг оставались сомнения в правильности избранного плана. В указе Военной коллегии Пугачева от 26 июля 1774 г. в Саранск сообщалось, что «Петр III с победоносной армией шествовать соизволит... для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву»²³. Поворот повстанцев на юг был стратегическим просчетом Пугачева, так как в этот момент складывались благоприятные условия для похода на Москву.

Дж. Т. Александер считает, что советские исследователи крестьянской войны переоценивают сознательность и организованность в Пугачевском восстании. Но он намеренно искажает позицию советских ученых, когда приписывает им подобные взгляды. Достаточно обратиться к трехтомному коллективному труду, чтобы убедиться в том, что его авторы уделили огромное внимание исследованию соотношения стихийности и случайности с элементами организованности в действиях повстанцев. Через все издание проходит лейтмотив мысль В. И. Ленина о том, что нет оснований преувеличивать революционность крестьянства и забывать о политической неразвитости и темноте крестьян, а также его положение о том, что крестьянство, «стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юрродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе... почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения»²⁴.

В соответствии с таким подходом авторы трехтомного издания показали огромное влияние стихийности, разобщенности и локальности выступлений крестьян, ослаблявших силу их действий. Это обстоятельство, а также отсутствие союзников среди других сословий феодального общества, неспособность создать собственную политическую организацию и выработать программу нового общественного строя, наряду с прочими причинами, обусловили неизбежность поражения Крестьянской войны под предводительством Пугачева²⁵. Показывая стихийный харак-

²² «Пугачевщина», т. II, стр. 188. Такие же мысли высказывал Пугачев И. Н. Забину-Чике, М. Д. Горшкову (там же, стр. 112, 135).

²³ «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 123; «Пугачевщина», т. I, стр. 67.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 228—229; т. 17, стр. 211.

²⁵ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», т. II, стр. 16, 413—417, 465, 466 и др.; т. III, стр. 462, 465—467.

тер действий восставших, авторы трехтомника в то же время уделили много внимания выявлению элементов организованности в этом движении. При этом было важно показать идейную направленность лозунгов повстанческого центра, пытавшегося объединить под знаменем Пугачева различные социальные и национальные группы трудового населения юго-востока России, а также выявить эволюцию этих лозунгов и их кристаллизацию в знаменитом июльском манифесте 1774 г., определившем развернувшуюся борьбу как антифеодальную крестьянскую войну. Необходимо было детально осветить деятельность Пугачевской Военной коллегии, внесшей существенные начала организации в действия восставших, особенно на первом этапе крестьянской войны, а также раскрыть роль других органов управления и самоуправления (походные канцелярии пугачевских атаманов, станичные и земские избы и др.) в локальных очагах восстания. Важно, наконец, было изложить данные об организации главного повстанческого войска и отдельных отрядов восставших, обобщить наблюдения по тактике их действий. Все это позволило представить то существенно новое, что отличает Крестьянскую войну 1773—1775 гг. от крупнейших народных движений XVII в.

Резецируя советскую литературу о Крестьянской войне под предводительством Пугачева, Дж. Т. Александер обратил особое внимание на то, как изображаются ее руководители. По его мнению, предводители восстания в этих работах предстают не реальными живыми людьми с их человеческими слабостями и страстями, противоречивостью поступков, влиявшими на ход восстания, а некими «однообразными и неживыми» существами. Он считает, что в обрисовке Пугачева «под пером советских историков герой затемняет разбойника». Все его «негероические черты» (грубая чувственность, неряшливая речь, хитрость) истолковываются «превратно» (стр. 614). Однако и этот упрек не может быть принят, ибо советские авторы отмечали и качества Пугачева, перечисленные американским историком²⁶, но не эти черты определяли его поведение, как руководителя крупнейшей крестьянской войны, выразителя вековых чаяний многомиллионной массы крестьянства России. Советские исследователи старались в первую очередь показать именно те личные качества Е. И. Пугачева, И. Н. Зарубина-Чики, А. Т. Соколова (Хлопуши), И. Н. Белобородова, И. Н. Грязнова, Г. Туманова, А. И. Дубровского, Кинзи Арсланова, Салавата Юлаева, И. С. Кузнецова, М. Г. Шигаева и многих других предводителей Крестьянской войны 1773—1775 гг., которые обеспечили им руководящую роль в восстании и благодаря которым они сохранились в памяти народной²⁷. Стремясь, так сказать, к «дегеронизации» Пугачева и его атаманов, Дж. Т. Александер тем самым вольно или невольно пытается возродить оценки дореволюционной дворянской и буржуазной историографии, пытавшейся принизить роль народных вожаков в восстании и представить их главным образом как разбойников, ослепленных злобой и жестокостью.

Рассматривая новую литературу по истории Пугачевского восстания, изданную в СССР, Дж. Т. Александер не раз обращает внимание на наличие расхождений по ряду вопросов между отдельными авторами. Объяснение его столь повышенного интереса к дискуссиям советских ученых мы находим в конце обзора. Некоторые историки вне Советского Союза,— пишет он, «игнорировали» эти споры по отдельным вопросам

²⁶ См. «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», т. III, стр. 391.

²⁷ Там же, стр. 436—455 и др.; Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Паиенко. Указ. соч.; М. В. Жижка. Емельян Пугачев. М., 1951, и др.

истории Пугачевского восстания «или просто приняли господствующую советскую точку зрения» на Пугачевское движение. Последняя тенденция весьма очевидна в недавних публикациях²⁸. Иными словами, Дж. Т. Александера весьма беспокоит то обстоятельство, что успехи советских историков-марксистов, изучающих историю Крестьянской войны 1773—1775 гг., оказывают влияние на некоторых буржуазных ученых не только в США, но и в других капиталистических странах. Американский историк вынужден признать, что имеющиеся в нашей литературе расхождения по отдельным вопросам истории Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева не меняют общей оценки советскими историками восстания как крупнейшего антикрепостнического выступления народа в эпоху позднего феодализма, ибо они исследуют историю этого движения с позиций марксистско-ленинской методологии.

Работы американских ученых по истории Крестьянской войны под предводительством Пугачева содержат отдельные интересные наблюдения. К их числу следует отнести попытку дать сравнительно-историческую оценку этого выступления в ряду других антифеодальных движений России и Западной Европы, высказывания относительно социального состава участников Крестьянской войны 1773—1775 гг., внешнеполитической обстановки в период движения и т. д. Вместе с тем знакомство с содержанием работ американских ученых выявило серьезные пороки идеалистической методологии буржуазной историографии, отрицающей роль классовой борьбы трудящихся масс в истории общества, а также обусловленность классовой борьбы изменениями в системе производственных отношений. Это сказалось прежде всего в стремлении некоторых американских авторов зачислить Крестьянскую войну 1773—1775 гг. в разряд ранних буржуазных революций, а также подменить реально существовавшие классовые антагонизмы в канун Пугачевского восстания противоречиями, порожденными «модернизацией» государства и разрывом «личных связей между монархом и народом». Отсюда же проистекает стремление представить Пугачевское восстание главным образом казацким выступлением, «пограничной жакерией», имеющей лишь значение регионального движения, а не крестьянской войной. Из состава ведущей социальной силы этого движения, по сути дела, исключается крестьянство, а в ранг активных участников движения зачисляются представители таких общественных групп, как однодворцы, иностранные колонисты, раскольники, которые играли в действительности роль временных попутчиков восстания; непомерно преувеличивается значение казачества в выступлении Пугачева. При этом неверно изображается социальный смысл требований и лозунгов восставших, которые, как известно, прежде всего отражали интересы и требования крестьянства. Преимущественное внимание в трудах американских историков отведено показу явлений стихийности и разобщенности действий восставших и в то же время замалчиваются те начальные элементы организованности и сплоченности, которые заметно выявились в ходе крестьянской войны. С подобных воззрений буржуазной историографией оцениваются и исследования советских историков, которые обвиняются в пристрастии к «схематизму» в освещении событий Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

²⁸ См. «The Literature of Eighteenth — Century Russia». N.—Y., 1967, vol. I, pp. 73—79; M. Kochan. Life in Russia under Catherine the Great. Lnd., 1969, pp. 137—143, 163; M. M. Shcherbatov. On the Corruption of Morals in Russia. Cambridge, 1969, pp. 50—52; Ph. Longworth. The Cossacks. Lnd., 1969, Ch. VII.

В работах американских исследователей заметно стремление возродить оценки русской дворянской и буржуазной историографии, и в частности концепцию Н. Ф. Дубровина, монография которого выдается за непревзойденный образец исследования по истории Пугачевского восстания и тем самым принижается значение достижений советской историографии в этой области.

Э. Х. КАРР, Р. В. ДЭВИС. СОЗДАНИЕ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ (1926—1929), т. I, ч. 1—2, Лондон, 1969—1970; Э. Х. КАРР. СОЗДАНИЕ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ, т. II. Лондон, 1971 *

В 1969—1971 гг. в Англии были опубликованы два тома (в трех частях) книги «Основы плановой экономики». Первый том, состоящий из двух частей, написан Э. Х. Карром и Р. В. Дэвисом. Автором второго тома является Карр, для которого эта публикация — один из заключительных этапов многолетнего труда над созданием «Истории Советской России», являющимся, пожалуй, одним из наиболее фундаментальных трудов в буржуазном советоведении.

Р. Дэвис также известен своими работами в области истории советской экономики и формирования интеллигенции в СССР. Возглавляемый им центр по изучению России и стран Восточной Европы при Бирмингемском университете приобрел широкую известность на западе.

Исследование Э. Карра и Р. Дэвиса сразу же после выхода в свет привлекло к себе внимание во многих капиталистических странах. Почти все рецензенты этой работы отмечают насыщенность ее большим фактическим материалом, широким подходом к теме. Так, Альфред Зауберман, профессор экономики университета в Торонто, пишет: «Эта книга станет классической работой для изучающих СССР». Он говорит о том, что западные читатели бесконечно благодарны авторам «за способность проникновения» в ситуацию, сложившуюся в Советской России в конце 20-х годов¹. Другой профессор Торонтского университета — Джон Кип как особое достоинство работы Карра и Дэвиса отмечает характеристику деятельности Советского правительства по совершенствованию системы государственного аппарата. Вместе с тем Д. Кип критикует их за подход к оценке оппозиции. Он говорит о том, что у читателя создается впечатление, что якобы оппозиционеры «действовали нелогично, непоследовательно»². Особое недовольство рецензента вызывает то обстоятельство, что авторы книги, подробно анализируя государственную систему управления хозяйством, ничего не говорят о якобы слабой эффективности этой системы. Кип, следуя традиционным схемам буржуазной советологии, утверждает, что она «обрекла все эти попытки (речь идет о перспективном планировании и других мерах) на неудачу». Рецензия кончается следующей сентенцией: «Парадоксально, но сами качества академичности и трезвая объективность этой работы явились в какой-то степени помехой для более углубленного понимания роли фундаментальной революции в делах человеческих»³. Особое раздражение Кипа вызывает оценка оппозиции, данная в книге, он также требует от авторов рецензируемой работы признания неэффективности советской системы. Буржуазный ученый утверждает, будто бы «трезвая объективность» мешает историческому анализу. Мы еще раз убеждаемся в

* E. H. Carr, R. W. Davies. Foundations of a Planned Economy. 1926—1929. Vol. I, pp. 1—2. Lnd., 1969—1970; E. H. Carr. Foundations of a Planned Economy. Vol. II, Lnd., 1971 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

¹ Alfred Zauberman. The Beginnings of Planning. «Soviet Studies», 1972, vol. XXIV, № 2, pp. 281—284.

² «Soviet Studies», 1971, vol. XXII, № 3, pp. 284, 285.

³ Ibid., p. 287.

том, что ширма объективности служит для буржуазных историков лишь прикрытием субъективистского классового подхода.

Аналогичные упреки по адресу рецензируемой книги делает и известный на Западе советолог Р. Дэниэльс. Он признает, что книга Карра, написанная в содружестве с Дэвисом, «являет собой знаменательное явление в изучении экономической истории Советской России. Работа Карра может быть стнесена скорее к литературе энциклопедического характера, чем исторического, настолько широк диапазон проблем, раскрытых в его книге»⁴. Но вслед за этим положением Дэниэльс делает ряд таких критических замечаний, которые свидетельствуют главным образом о предвзятости в оценке советского опыта индустриализации самим рецензентом. Он, например, утверждает, что в годы первой пятилетки советская экономика развивалась благодаря применению ряда принудительных «рискованных и разрушающих методов». И с этих позиций Дэниэльс упрекает Карра и Дэвиса, в том, что они, по его мнению «внушают читателю мысль об очевидной необходимости всех шагов, котсрые были предприняты советским руководством». Вслед за Д. Кипом Дэниэльс считает, что авторы рецензируемой книги неправомерно относятся к оппозиции, рассматривая многие ее требования как «игру в слова»⁵.

А. Уолкер, вторя Дэниэльсу, критикует Карра и Дэвиса за то, что в их книге не раскрыта «неспособность большевиков» управлять сложнейшими социальными процессами⁶.

Профессор Калифорнийского университета Г. Гроссман, признавая высокое исследовательское мастерство Э. Карра и Р. Дэвиса, вместе с тем отмечает, что «незначительное количество ссылок на западных авторов... лишает работу концептуальной и аналитической глубины», что в книге так много фактов, что подчас «из-за деревьев не видно леса»⁷.

Внес свою лепту в критику исторической концепции Э. Х. Карра и известный советолог А. Ноув. В рецензии на книгу Карра «1917: до и после» (1917: Before and After. Lnd., 1968) он, в частности, заявляет, что Карр отрицает значимость критики большевистской партии со стороны оппозиционеров. Ноув утверждает, что стремление к форсированным темпам социалистических преобразований в СССР было «вряд ли необходимым», а разработанные в конце 20-х годов планы были нереальными. По его мнению, Э. Карр будто бы слишком мало пишет о негативных сторонах развития советской экономики в 20-е годы⁸.

Работа Э. Карра и Р. Дэвиса получила оценку и в итальянской прессе. Гuido Фабнани, опубликовавший интересный обзор литературы — «Экономические проблемы в начале советского социалистического планирования», называет эту книгу «фундаментальной работой». «Книга Карра в содружестве с Дэвисом и их постановка вопроса, — пишет Г. Фабнани, — создают полную картину развития в период 1926—1929 гг. Они охватывают широкую гамму вопросов с основательной базой документов при освещении аспектов экономической структуры и ее функционирования»⁹.

Рецензии, которые были опубликованы в западной исторической периодике, свидетельствуют, что последняя книга Э. Карра и Р. Дэвиса — весьма сложное историографическое явление. Отдавая должное большому труду двух английских исследователей, подавляющее большинство буржуазных историков в тоже время высказывают критические замечания в их адрес за отход от некоторых традиционных схем советологии. Речь идет в первую очередь об оценке эффективности советских методов хозяйствования, конечных результатов политики социалистической индустриализации, о критике оппозиционных группировок.

В советской литературе книга Карра и Дэвиса специально еще не рассматривалась. Имеются лишь отдельные упоминания о ней в работах, посвященных более общим

⁴ «Slavic Review», 1972, vol. XXXI, № 2, p. 428.

⁵ «Slavic Review», 1972, vol. XXXI, № 2, p. 429.

⁶ «The Slavic and East European Review», 1973, vol. 1, № 124, pp. 485—486.

⁷ «Russian Review», 1973, vol. XXII, № 2, pp. 195—196.

⁸ «Soviet Studies», 1971, vol. XXII, № 3, pp. 451—453.

⁹ «Studi storici», 1972, № 4.

темам¹⁰. Значимость проблем, которым посвящено рецензируемое исследование, определяет необходимость более внимательного разбора основных положений работы.

Книга Э. Карра и Р. Дэвиса — исследование весьма многоплановое. Трудно назвать такую проблему истории СССР конца 20-х годов, которая не была бы подвергнута рассмотрению в этом труде. Вместе с тем по целому ряду вопросов авторы лишь излагают факты, достаточно хорошо известные по литературе. Представляется возможным ограничиться рассмотрением наиболее важных проблем в рецензируемой книге, таких как темпы индустриального развития СССР, система планирования и управления экономической, организация труда, коллективизация сельского хозяйства. Рассмотрение этих вопросов позволяет выявить основные черты исторических воззрений авторов рецензируемой книги. При этом хотелось бы сделать одну существенную, на наш взгляд, оговорку. Два тома рецензируемой книги имеют заметные концептуальные различия. Очевидно, здесь сказалось то обстоятельство, что первый том написан двумя авторами, в отличие от второго, автором которого является только Э. Карр.

* * *

Особое внимание Э. Карр и Р. Дэвис уделяют анализу специфических черт осуществления политики индустриализации в СССР. В книге подчеркивается тезис о высоких темпах индустриального развития нашей страны в конце 20-х годов. Многие буржуазные историки пытаются доказать, что темпы индустриализации дореволюционной России были столь же высокими, как и в годы Советской власти. На этой основе делается вывод, будто бы и без победы Великого Октября можно было добиться превращения страны в индустриальную державу в короткие исторические сроки. В противовес этой весьма распространенной на Западе точке зрения Карр и Дэвис пишут: «Развитие советской индустрии происходило крайне быстрыми темпами. Такой темп прироста в промышленности не наблюдался ни в дореволюционной России, ни в какой-либо современной стране» (т. 1, ч. 1, стр. 401).

В памяти советского читателя свежи оценки буржуазной прессой первого пятилетнего плана как плана-утопии. И вот теперь, спустя более четырех десятилетий после успешного выполнения плана, в западной литературе появились новые оценки советского опыта планирования, и в частности первого пятилетнего плана. Карр и Дэвис называют первый пятилетний план «компетентным, солидным и деятельным» (т. 1, ч. 2, стр. 895—896). «Проект пятилетнего плана, — пишут авторы рецензируемой монографии, — утвержденный партией и правительством в апреле — мае 1929 г., играл исключительную роль во внедрении полностью продуманной схемы индустриализации хозяйства. План явился политически исключительно важным документом, программой социалистического строительства, в которой главное место занимала индустриализация» (т. 1, ч. 2, стр. 897).

Авторы рассказывают о крупнейших новостройках первой пятилетки, особо отмечая Днепрострой. «Днепрострой был символической вехой в развитии СССР. Днепрострой был плодом народного труда, национальной гордостью, открывающей дальнейшую перспективу прогресса. Более того, Днепрострой являлся социалистическим достижением» (т. 1, ч. 2, стр. 907).

Большое внимание в книге уделяется анализу механизма управления социалистической промышленностью в те годы. На первое место в этой связи ставится необычайно важный вопрос о соотношении плана и рынка в советской экономике. Для того, чтобы показать специфику осуществления планового ведения хозяйства на первом этапе социалистической индустриализации, Карр и Дэвис совершают исторические экскурсы в предшествующий период. Они отмечают роль рыночного механизма в регулировании работы промышленности, производящей предметы потребления на первом этапе нэпа. Однако в дальнейшем авторы противопоставляют плановое начало возможности использования

¹⁰ См., напр., И. Н. Оленина. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971, стр. 196—199.

стоимостных рычагов управления при господстве общенародной собственности. В рецензируемой книге утверждается, например: «Введение планирования подрывало основы нэпа. Уровень цен — один из фундаментов, на котором стоял нэп, — не мог далее обеспечивать независимое или автономное положение, определяющее профиль экономики» (т. I, ч. 2, стр. 691). В другом месте содержится важное положение о том, что курс Коммунистической партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности выражал объективные требования быстро развивающейся экономики. Но это верное замечание как бы тонет, растворяется среди огромного числа высказываний об ушедшей в прошлое «рыночной экономике».

В связи с проблемой плана и рынка в книге детально разбирается место Народного комиссариата финансов в системе советских хозяйственных органов. Авторы утверждают, что, начиная с 1926 г., такие инструменты хозяйствования, как госбюджет и кредитный план, уходят на второе место в результате «победы индустриализаторов над Наркомфином» (т. I, ч. 2, стр. 720). Дело представляется таким образом, будто бы критика работы Наркомфина была одним из этапов на пути сужения сферы действия стоимостных рычагов, хотя в работе содержатся верные положения о том, что ряд сотрудников Наркомфина (Кондратьев, Вайнштейн, Юровский и др.) «были сторонниками западной экономической мысли», а народный комиссар финансов Сокольников «находился под влиянием тех деятелей Наркомфина, которые противодействовали индустриализации» (т. I, ч. 2, стр. 732—733). В действительности, критикуя Народный комиссариат финансов, партия руководствовалась в первую очередь не столько новыми подходами к проблеме цен и государственного бюджета, сколько необходимостью решительного преодоления скептицизма и неверия в возможности индустриального развития СССР.

Приведенные выше цитаты из работы Э. Карра и Р. Дэвиса свидетельствуют о том, что авторы абсолютизируют специфические методы управления хозяйством, сложившиеся в начале первой пятилетки, когда Советскому государству в интересах быстрейшего накопления капиталов, перераспределения их в пользу решающих отраслей производства пришлось временно пойти на пересмотр цен, ввести систему жесткого контроля за распределением материальных и финансовых ресурсов. Опыт последующих лет, реализация решений XVII партийной конференции и XVII съезда партии, так же как и опыт предшествующего первым годам индустриализации этапа экономического строительства, показал, что планирование при социализме не противостоит использованию стоимостных рычагов управления. Напротив, внедрение хозрасчета, развитие принципа материального стимулирования, совершенствование системы кредитования промышленности — все это содействовало укреплению планирования, усиливало и развивало экономическую сторону народнохозяйственных планов.

Специальные разделы монографии посвящены характеристике трестов, синдикатов, тлавок ВСНХ. В книге раскрыты причины слияния трестов и синдикатов, показано усиление самостоятельности отдельных фабрично-заводских предприятий. Вместе с тем такой принципиально важный вопрос, как расширение участия широчайших масс трудящихся в управлении производством, определявшее дальнейшее развитие принципа демократического централизма не получил раскрытия: Это связано, как мы увидим дальше, с неправильными, глубоко ошибочными оценками роли и места рабочего класса в проведении политики индустриализации в целом.

К проблеме управления тесно примыкает и такой важный вопрос, как рационализация промышленного производства. В годы социалистической индустриализации велась огромная работа в области рационализации. Об этом много говорится в рецензируемой книге.

Э. Карр и Р. Дэвис признают, что, «в отличие от капиталистической рационализации, в социалистической имелся элемент обоснованности, когда советское руководство, приступая к каждому промышленному наступлению, имело возможность покончить с безработицей, в то время как правительства капиталистических стран не обладали средствами или возможностью принудительного экономического роста или предотвращения глубокого экономического кризиса» (т. I, ч. I, стр. 342). Здесь мы видим важные указания на различия между двумя типами рационализации производства. Но дело, конечно,

не в средствах или возможностях капиталистических правительств, а в той форме собственности, которая определяет все остальные стороны экономического бытия.

Одним из важных вопросов истории советской экономики является проблема становления и совершенствования внешней торговли. В книге приводятся многочисленные факты о внешней торговле Советского государства в начале первой пятилетки. Стремление Коммунистической партии использовать достижения техники передовых капиталистических стран, подчеркивают авторы, вовсе не означало ставку на экономическую зависимость России от Запада. «Внешняя торговля была необходима в интересах советской индустриализации, включая техническое вооружение сельского хозяйства» (т. I, ч. 2, стр. 707). «С 1926 г., — продолжают Карр и Дэвис, — индустриализация и планирование дали положительное направление и во внешней торговле». Преобладающим мотивом в советской внешней торговле был приоритет, предоставляемый импорту тех товаров, которые способствовали бы развитию прежде всего промышленности (т. I, ч. 2, стр. 709).

В рецензируемой работе большое место отводится описанию хода внутрипартийной борьбы вокруг политики индустриализации. В книге довольно детально излагаются взгляды оппозиции. Правда, это изложение подчас носит некритический характер. В отдельных случаях авторы пытаются представить политику большевистской партии как синтез идей правых и левых. Подобные точки зрения не новы. Достаточно вспомнить работы ряда предшественников Э. Карра и Р. Дэвиса, в частности книгу А. Эрлиха «Дебаты о советской индустриализации», которая рецензировалась в советской печати¹¹, чтобы увидеть истоки данной концепции. Выдвигая такое утверждение, авторы оставляют без внимания подлинный социальный смысл требований оппозиции. Как «правые», так и «левые» оппозиционеры выступали против главной, генеральной линии политики партии на развернутое строительство социализма.

Но вместе с тем авторы рецензируемой книги сделали ряд важных наблюдений, которые выгодно отличают их работу от книг, написанных в традиционном стиле буржуазного советоведения. Так, например, говоря о внутрипартийной борьбе по вопросу о режиме экономии и курсе на повышение производительности труда на начальном этапе индустриализации, Карр и Дэвис излагают позиции лидеров троцкистско-зиновьевского блока, которые выступили с чудовищными обвинениями, утверждая, будто бы в Советском Союзе существует эксплуатация рабочих. По этому поводу авторы замечают: «Атаки оппозиционеров были и в самом деле близки к демагогии». И далее говорится о том, что осуществление лозунга Троцкого о сверхиндустриализации неминуемо привело бы к борьбе между рабочими и крестьянами. Карр и Дэвис вспоминают также практическую деятельность Троцкого и замечают: «Троцкий, будучи у власти, широко пользовался дисциплинарными методами» (т. I, ч. 1, стр. 494—495).

В работе верно замечается, что правая оппозиция практически не имела отчетливо выраженной созидательной программы. Главный недостаток этой оппозиции — отсутствие какой-либо четкой программы. Она (эта оппозиция) была сцементирована главным образом враждой к правой партии» (т. II, стр. 12).

Никак нельзя согласиться с основными выводами книги, касающимися изменений в рабочем классе и его деятельности. Карр и Дэвис утверждают, что в конце 20-х годов кадровые пролетарии, имеющие за своими плечами огромный революционный опыт, растворялись в потоке крестьян, пришедших в город. «Новые пополнения рабочего класса, измученные безработицей и не имеющие уже того классового сознания и солидарности, которые они имели в период борьбы с капитализмом, были лишены инициативы и энергии» (т. II, стр. 432). В другом месте книги утверждается следующее: «Основная масса промышленных дореволюционных рабочих или погибла, или же расплылась в гражданскую войну и так и не была полностью восстановлена» (т. II, стр. 455).

Эти положения используются авторами для того, чтобы сделать вывод, будто бы рабочий класс СССР в годы реконструкции народного хозяйства не был социально единым и сплоченным классом, что такое положение рождало «нездоровую обстановку в рабочем классе» (т. I, ч. 1, стр. 456).

¹¹ См. «История СССР», 1962, № 4.

Отсутствие сплоченности внутри рабочего класса авторы мотивируют также существованием дифференциации в оплате труда. Об этом говорится буквально следующее: «Большая разница в оплате препятствовала какой-либо реализации сплоченности и солидарности рабочих» (т. II, стр. 456). Таковы вкратце главные моменты характеристики социального состава рабочего класса в работе Карра и Дэвиса.

Эта схема не является оригинальной. В работах многих буржуазных историков упорно проводится тезис о том, будто бы российский рабочий класс ко второй половине 20-х годов растерял свои революционные потенции, и это обстоятельство явилось-де основой для внутреннего перерождения Советского государства, для формирования правящей элиты, стоящей над народом и угнетающей его. Тут мы видим, что наряду с верными наблюдениями об экономической политике Советского государства и Коммунистической партии в книге содержатся механистически воспринятые, ложные концепции истории советского общества.

Э. Карр и Р. Дэвис оснастили свою книгу большим научным аппаратом. И в данном случае, чтобы доказать внутреннее перерождение рабочего класса, они ссылаются на работы советских историков. Но эти ссылки свидетельствуют о предвзятом, неправильном прочтении трудов советских ученых. Так, в книге содержится ссылка на статью О. И. Шкаратана «Изменения в социальном составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда (1917—1928 гг.)», опубликованную в журнале «История СССР» в 1959 г. (№ 5). В ней действительно содержится вывод о том, что в годы гражданской войны наблюдались элементы деклассирования рабочего класса. Среди новых пополнений рабочих Петрограда в 1919—1920 гг. были «лица, социально чуждые рабочему классу, не работавшие до этого в промышленности»¹². О. И. Шкаратан правильно замечает, что «в годы гражданской войны резко снизилась социальная однородность рабочего класса, уменьшилась доля кадровых рабочих»¹³. Но все эти выводы распространяются на период гражданской войны, а в годы восстановления народного хозяйства в составе рабочего класса произошли существенные изменения. Предприятия очищались от социально чуждых элементов. На ленинградские заводы пришли тысячи кадровых рабочих, демобилизованных из армии и приехавших из провинции. Заводы пополнялись квалифицированными рабочими.

Несмотря на большой приток новых пополнений из деревни во второй половине 20-х годов, рабочие Ленинграда, замечает О. И. Шкаратан, сохранили свой основной кадровый костяк. «Вокруг старых питерских рабочих, закаленных в революционной борьбе, сплачивался рабочий коллектив. Именно на них опиралась партия при проведении больших политических кампаний»¹⁴. Кроме того, в статье советского автора отмечается, что для новых рабочих, пришедших из деревни в годы индустриализации, «были характерны не столько черты, связанные с их мелкобуржуазным происхождением, сколько качества, порожденные советской действительностью. Выросшие в годы Советской власти, учившиеся по большей части в советской школе, это были не прежние, заскорузлые в узком мире своего хозяйства крестьяне, отправившиеся на заработки в чужой и враждебный им город. Они приходили на фабрики и заводы, конечно, с определенными крестьянскими навыками и мыслями, но их перевоспитание велось на надежной основе выкованного после революции и последующих лет социалистического строительства рабоче-крестьянского союза»¹⁵.

Обращение к конкретному источнику, на который ссылались английские историки, отнюдь не подтверждает один из основных выводов их работы относительно социального состава рабочего класса.

По мере развертывания реконструктивных процессов в экономике СССР постоянно возрастали темпы «переваривания» новых рабочих. Рабочий класс сохранял свое основное кадровое ядро.

¹² «История СССР», 1959, № 5, стр. 27.

¹³ Там же, стр. 28.

¹⁴ Там же, стр. 36.

¹⁵ Там же.

Вопрос о задачах индустриализации, ее движущих силах, излагаемый во втором томе книги, вызывает больше всего возражений. Многие положения, высказанные по этому поводу, противоречат тому, что говорилось самими авторами в первом томе. Здесь Э. Карр выступает сторонником грубо фальсификаторской теории буржуазной советологии — теории «элиты». Он пишет, например, что «поляризация между буржуазией и пролетариатом, имевшая место в XIX в. в связи с индустриальной революцией, теперь уступила место поляризации между теми, кто планировал и направлял экономическую деятельность, и теми, кто ее осуществлял... Советские рабочие не менее, чем другие слои, подвергались жесткому давлению индустриализации» (т. II, стр. 440, 441).

В другом месте второго тома мы читаем: «И эта новая по типу индустриальная революция (имеется в виду советская.— Авт.)... не может быть названа ни буржуазной, ни пролетарской. Движущей силой, которая ее вызвала к жизни, явилась политически направленная и организованная правящая группа... чьи решения принимались большинством» (т. II, стр. 444). Отрицая пролетарский характер советской индустриализации, Э. Карр не дает своего определения социальной сути индустриализации СССР. Да это и нельзя сделать, ибо мировая история знает только два типа индустриализации — буржуазный и социалистический.

Теперь ясно, что концепция «растворения» рабочего класса, утраты им подлинно пролетарских черт призвана служить теории «элиты» и дать обоснование тезису о том, что Советское государство противостояло рабочему классу, проводило такую политику, которая выражала не интересы трудящихся, а интересы «партийной верхушки». Теория «элиты» неоднократно подвергалась критике в марксистской литературе¹⁶, и вряд ли стоит еще раз возвращаться к широкоизвестным фактам о ведущей роли рабочих СССР в экономической и социально-политической жизни страны, о крепких, нерасторжимых связях советского государства и большевистской партии с широчайшими массами трудящихся.

В рецензируемой работе значительное место уделяется проблеме подготовки специалистов для советской промышленности. Авторы правильно подчеркивают факт социальной и политической дифференциации в среде буржуазных специалистов, выделяя среди них три группы: во-первых, небольшое число враждебно настроенных по отношению к Советской власти; во-вторых, тех, кто поддерживал Советскую власть, и, в-третьих, ту часть специалистов, а их было большинство, которые были настроены нейтрально.

Карр и Дэвис отмечают большую работу, которую проделали большевики по привлечению старых специалистов, по преодолению среди рабочих неправильного отношения к инженерам и мастерам. Однако представляется несостоятельным утверждение о том, будто бы подготовка новых кадров технической интеллигенции развернулась только начиная с 1927 г. «До 1927 г.,— пишут авторы,— видимо не уделялось специального внимания обучению инженеров и техников для промышленности; основной целью являлось обеспечение доступа к образованию необходимой квоты рабочих и крестьян» (т. I, ч. 2, стр. 590).

Конечно, первые годы индустриализации принесли с собой качественно новые методы и способы решения задачи подготовки кадров технической интеллигенции. Но партия и раньше обращала большое внимание на решение этой проблемы, проводила серьезную работу по повышению общеобразовательного уровня рабочих и крестьян, по привлечению их через систему рабфаков в высшие учебные заведения.

Большое место в рецензируемой работе занимает вопрос о коллективизации сельского хозяйства. В книге содержатся верные положения о том, что крестьянство России «было неоднородным по своим интересам, и существующая дифференциация в деревне отнюдь не была пустым звуком. Бесспорно и то, что крестьянин-бедняк постоянно эксплуатировался и находился в страхе перед своим богатым соседом» (т. I, ч. 1, стр. 143).

Признание факта социальной дифференциации деревни безусловно является шагом вперед в буржуазном советоведении. Многие буржуазные историки вообще отрицают наличие классовой дифференциации российской деревни, представляя дело таким обра-

¹⁶ См., напр., Н. П. Микешин. История против антиистории. М., 1973; Н. М. Кейзеров. Власть и авторитеты. Критика буржуазных теорий. М., 1973.

зом, будто бы деревня состояла из социально спаянного и однородного класса крестьянства.

Однако верные наблюдения соседствуют в книге Э. Карра и Р. Дэвиса с глубоко ошибочными положениями. Дело представляется таким образом, будто бы, несмотря на наличие социального неравенства в деревне, крестьянство в целом выступало против города, против Советского государства. «Существовала, — пишут авторы, — крепкая солидарность между крестьянами всех слоев, солидарность деревни против города, солидарность против далекой централизованной власти. В критический для себя момент бедный крестьянин скорее будет просить помощи у кулака чем у партийных и правительственных органов, чьи интересы лежали всецело в области развития промышленности» (т. I, ч. I, стр. 143).

Таким образом, если верить этому положению, беднейшее крестьянство и середняки, несмотря на то, что они эксплуатировались кулачеством, были в большей степени склонны поддержать кулачество, чем политику рабоче-крестьянского государства. Но этот тезис находится в прямом противоречии с широко известными фактами истории. Трудящееся крестьянство, его бедняцко-середняцкая часть на протяжении всех лет существования Советской власти рассматривали эту власть как свою родную, активно и горячо поддерживали мероприятия государства пролетарской диктатуры.

Положение о социальной консолидации крестьянства, очевидно, прямо связано с дальнейшим изложением, где идет речь о предпосылках осуществления коллективизации сельского хозяйства.

Нередко еще на страницах буржуазных изданий мы можем прочесть о том, будто бы коллективизация не имела никаких объективных предпосылок, будто бы это была ошибочная политика, проводимая в угоду интересам «партийной элиты». Авторы рецензируемой работы правильно замечают, что мелкотоварное производство деревни не могло обеспечить быстрые темпы индустриализации. В книге пишется о том, что в деревне не было еще тех 100 тысяч тракторов, о которых мечтал Ленин, но «тем не менее происходил неуклонный процесс налаживания производства тракторов и создания МТС» (т. I, ч. I, стр. 269). Механизация, коллективизация, увеличение товарности зерна были тесно переплетающимися элементами в советском сельском хозяйстве. Возлагались надежды и на контрактацию, при помощи которой продукты, полученные с использованием средств механизации, будут поступать на рынок. Коллективное землепользование облегчило бы применение научных методов механизации в севообороте (т. I, ч. I, стр. 269).

Читатель увидит в этих высказываниях серьезный отход от традиционных представлений буржуазной историографии. Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на одно очень важное обстоятельство. Карр и Дэвис практически рассматривают коллективизацию и обосновывают необходимость ее проведения, руководствуясь лишь положением об интересах города. Если верить им, то коллективизация сельского хозяйства преследовала одну-единственную цель — обеспечить высокие темпы индустриализации и снабжение городов хлебом. Но это узкое представление об основных задачах социалистического преобразования сельского хозяйства. Главная цель коллективизации — на рельсах социалистического земледелия вывести раздробленное крестьянство на путь зажиточной жизни, удовлетворить вековые чаяния самих сельских труженников. И это отлично понимали трудящиеся слои крестьянства, которые добровольно десятками тысяч записывались в колхозы. Поэтому совсем неубедительно выглядит тезис о том, будто бы крестьянство «в целом выступало против столь рационального, эффективного и столь необходимого политике Советской власти начинания, как ведение крупного сельского хозяйства в широком масштабе» (т. I, ч. I, стр. 181).

Известно, какую большую роль в подготовке коллективизации сыграли совхозы, и авторы рецензируемой книги правильно пишут, что в конце 20-х годов совхозы призваны были продемонстрировать пользу и выгодность ведения крестьянского хозяйства коллективно. Роль, которую играли совхозы в популяризации выгоды использования тракторов, пожалуй, была самой значительной их услугой советскому хозяйству в это время (т. I, ч. I, стр. 194). Но вслед за этим правильным утверждением идет следующее

положение: реальная роль совхозов в подготовке условий для проведения коллективизации оказалась значительно меньшей, чем предполагалось. Доказательством этому служит тезис о том, будто бы совхозы так и не смогли «сломить предрассудок крестьянства против вмешательства государства в его дела» (т. I, ч. 1, стр. 196).

Мы видим, таким образом, что в анализе вопроса о предпосылках коллективизации, о степени расслоения крестьянства в рецензируемой книге верные положения соседствуют с глубоко ошибочными. Поэтому никак нельзя согласиться с основной направленностью подхода к освещению данной проблемы — стремлением доказать, будто бы крестьянство в целом противостояло политике пролетарского государства и боролось с попытками вмешательства в аграрный строй, существовавший в те годы в деревне.

Мы остановились лишь на некоторых положениях книги Э. Карра и Р. Дэвиса, которые представляются нам главными. Оставаясь на почве буржуазного мировоззрения, Э. Карр и Р. Дэвис дали искаженную характеристику ряда коренных проблем истории советского общества конца 20-х годов. Но вместе с тем по некоторым принципиальным вопросам они значительно отошли от традиционных схем, десятилетиями бывших главными догмами буржуазной историографии. И это не могло не вызвать их осуждения столпами буржуазной советологии.

В. К. Багдасаров, В. З. Дробижев

ДИССЕРТАЦИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. М. КОЛЛОНТАЙ

Выдающийся революционер и дипломат, человек разносторонних дарований, А. М. Коллонтай по праву привлекает к себе внимание ученых как в нашей стране (см. работы А. М. Иткиной, Г. Д. Петрова¹ и др.), так и за рубежом. В 1971 г. при университете Миннесота (США) молодым норвежским исследователем Коре Хауге была защищена диссертация «Александра Михайловна Коллонтай: скандинавский период, 1922—1945»². Работа выполнена под руководством известного буржуазного русиста Теофаниса Ставро. С этим исследованием и хотелось бы вкратце познакомить читателей.

Первая глава содержит биографический очерк о жизни и деятельности Александры Михайловны Коллонтай до 1922 г. («Полвека ради революции 1897—1922»). Во второй описан начальный этап ее дипломатической деятельности; в третьей — работа Коллонтай в Мексике и возвращение на пост подпреда в Норвегию. Четвертая глава посвящена 30-м годам, пребыванию в довоенной Швеции, пятая — военным годам. Сюда же включен краткий обзор последних лет жизни А. М. Коллонтай. В главе VI автор пытается дать общую оценку своей героине как дипломату и человеку.

Конечно, от буржуазного историка тщетно было бы ожидать марксистской оценки взглядов Коллонтай, например, по вопросам войны и мира в 1914—1917 гг. Совершенно неприемлемо его характеристика участия Коллонтай в рабочей оппозиции 1921 г. — шага, ею же вскоре осужденного³. Спорен ряд толкований Хауге частных писем Коллонтай к ее скандинавским друзьям, далеким от коммунистического движения или отошедшим от него. Весьма зыбкими и, по признанию самого диссертанта, глубоко предвзятельными являются некоторые его соображения о роли Коллонтай в подготовке переговоров о прекращении войн Финляндии с СССР зимой 1939/40 г. и в 1943—1944 г. Вместе с тем диссертация Хауге отличает глубоко почтительное отношение к А. М. Коллонтай. Хауге опирается на итоги советских исследований по данной теме и, не противопоставляя свои заключения оценкам советских авторов, polemизирует с последними только по частным вопросам. Говоря о дипломатической деятельности Коллонтай в годы второй мировой войны, Хауге отмечает признательность скандинавской общественности Коллонтай за ее неутомимую работу на посту полпреда, а затем посла СССР в Швеции. Министерства иностранных дел Швеции и Норвегии питали «уважение и восхищение к ее личности» — таково впечатление буржуазного историка после анализа архивных материалов этих министерств. При этом Хауге

¹ А. М. Иткина. Революционер, трибун, дипломат. Изд. 2. М., 1970; Г. Д. Петров. А. М. Коллонтай в годы первой мировой войны. «История СССР», 1968, № 3, стр. 83—97.

² K. H a u g e. Alexandra Mikhailovna Kollontai: the Scandinavian Period, 1922—1945. A. Thesis... University of Minnesota, 1971.

³ См., напр. А. М. Иткина а. Указ. соч., стр. 214—215.

подчеркивает непоколебимую преданность А. М. Коллонтай идеалам коммунизма, ее убеждение в том, что ее родина — страна социализма — была и остается фактором мира и прогресса.

Среди использованных Хауге источников наибольший интерес представляют архивные фонды, в первую очередь МИД Норвегии (материалы до 1935 г.), Швеции (материалы до 1938 г.) и Великобритании (материалы до 1939 г.), царской охранки (Гуверновский институт, США), а также ряда скандинавских коллекций, содержащих письма А. М. Коллонтай 20—40-х годов к ее друзьям и знакомым в Швеции, Норвегии, Финляндии. Особенно велика коллекция известного врача Ады Нильссон: ей адресовано около 350 писем А. М. Коллонтай. Хауге встретился со многими людьми (в скандинавских странах и в СССР), знавшими А. М. Коллонтай, причем особенно плодотворны, по его признанию, были беседы с Э. Г. Лоренсон, личным секретарем А. М. Коллонтай в 1932—1952 гг., ныне проживающей в Москве, и с покойным С. М. Мирным — советским дипломатом и сотрудником А. М. Коллонтай в Норвегии и Швеции. Печатные источники и литература, привлеченные диссертантом, обнаруживают тщательность его разысканий советских трудов о Коллонтай, вплоть до журнальных статей, художественных произведений и кинолент. Внимателен перечень произведений самой Коллонтай на русском и западных языках, приложенный к книге. Удачно подобраны фотоснимки.

А. С. Кан

УКРАИНЦЫ ГАЛИЦИИ, БУКОВИНЫ И ЗАКАРПАТЬЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ

Словацкий историк М. Данилак посвятил свою работу¹ исследованию места и роли украинских земель монархии Габсбургов — Галиции, Буковины и Закарпатье в революции 1848—1849 гг. К этой проблематике неоднократно обращались советские исследователи, а также историки ПНР, ВНР, ЧССР². Накоплен значительный материал о революционных событиях «весны народов» в каждой из земель в отдельности. Однако до сих пор не было исследования, освещающего эти вопросы комплексно. В книге М. Данилака впервые в марксистской историографии проблемы предпринимается попытка изучить характер революционного движения в среде украинцев монархии Габсбургов в целом и вместе с тем показать специфику развития революционного движения в Галиции, Буковине и Закарпатье.

Задача эта осложняется тем, что украинские земли Австрийской империи никогда не составляли административного целого, различным было национальное и социальное положение украинцев в Восточной Галиции, Северной Буковине и в Закарпатье. Учитывая это, автор в первой главе рассматривает социально-экономическое положение и культурное развитие украинских земель монархии Габсбургов накануне революции 1848—1849 гг. в целом, остальные главы посвящены исследованию места и роли украинцев в революционном движении каждой из земель в отдельности. В своем исследовании автор использовал материалы архивов Украинской ССР (Государственный исторический архив Львовской области, рукописный фонд Научной библиотеки АН УССР), а также Словакии.

М. Данилак подчеркивает, что украинские земли накануне революции были наиболее отсталыми сельскохозяйственными районами монархии Габсбургов. Промышленное производство здесь было развито слабо, города имели аграрный характер и были преимущественно административными, а не торговыми и промышленными центрами. Украинцы в городах составляли меньшинство, к тому же представляли низшие социальные слои. Отсталому экономическому состоянию украинских земель, отмечает автор, отвечала и социальная структура населения. 90% его составляли крепостные крестьяне, из других классов и прослоек украинская среда включала только духовенство (стр. 55—62). Привилегированные слои украинского общества (дворянство, мелкая шляхта) задолго до революции денационализировались. Этот процесс, констати-

¹ Мiхал Данилак. Галицькі, буковинські, закарпатські українці в революції 1848—1849 років. Братіслава, 1972.

² См., напр., Е. М. Косачевская. Восточная Галиция накануне и в период революции 1848—1849 гг. М., 1952; И. Н. Мельникова. Революционное движение в Закарпатье в 1848—1849 гг. «Научные записки Института славяноведения». М., 1959, стр. 20—48; S. Kieniewicz. Galicja w latach 1846—1848. «W stulecie wiosny ludow 1848—1849», t. 1. Warszawa, 1948; Й. Перени. Из истории закарпатских украинцев (1849—1914). Будапешт, 1957; L. Haraksim. K socialnim a kulturnym dejinam ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava, 1961.

рует автор, в значительной степени охватил и духовенство, представлявшее интеллигенцию в украинской среде. В результате М. Данилак делает справедливый, на наш взгляд, вывод, что единственным носителем национальной самобытности в украинской среде Галиции, Буковины и Закарпатья первой половины XIX в. оставалось крестьянство. Оно боролось за свое социальное освобождение, ликвидацию крепостной системы или ее остатков.

Украинцы Австрийской империи, указывает автор монографии, в отличие от других славянских народов лоскутной монархии, не пережили до революции 1848 г. процесса национального возрождения, будучи оторванными от своего национального корня, от Восточной Украины (стр. 58—63).

Подробно рассматривает словацкий историк процесс развития национального движения в украинской среде в Галиции в период революции. М. Данилак отмечает, что организатором и руководящей силой его было униатское духовенство Львова. Это в значительной мере обусловило характер движения, развивавшегося исключительно на дегальной основе. Требования руководителей движения (Петиция австрийскому генерал-губернатору 19 апреля 1848 г.) носили ограниченный характер. В них говорилось только о языковых и церковных вопросах, возможности участия украинцев в административном управлении. И не было ни слова о ликвидации крепостного права. Политическим представителем движения стала «Головна руська рада», а ее печатным органом — журнал «Зоря галицька». Более радикальными украинскими органами были окружные и сельские «рады», сыгравшие большую роль в активизации национальной жизни украинцев Галиции.

Характеризуя крестьянское движение в Галиции, М. Данилак подчеркивает, что ликвидация барщины и освобождение крестьян (хотя и за выкуп) были единственными достижениями революции 1848—1849 гг. Нельзя не согласиться с автором в оценке крестьянского движения в Галиции как стихийного, страдавшего наивным монархизмом, ловко используемым правящими кругами в борьбе против радикальных течений в революции. Отрицательную роль в разрывании крестьянского движения сыграла и «Головна руська рада», отстаивавшая неприкосновенность помещичьих имений и признававшая право помещиков на вознаграждение со стороны крестьян за ликвидацию барщины. Аграрный вопрос, констатирует автор, был решен лишь частично, крестьяне получили свободу за выкуп, но их земельные наделы оказались урезанными до предела (стр. 193).

Оценивая в целом деятельность «Головной русской рады», автор отмечает ряд ее положительных начинаний как в культурной области (основание печатных органов, созыв съезда ученых и литераторов, создание Матицы, языковые требования), так и в укреплении национального самосознания украинцев, в борьбе за раздел Галиции по национальному принципу, за объединение украинцев монархии. Однако отказ от социальных требований, поддержка правящих кругов, выдвигание на первый план церковных вопросов имели отрицательное значение и привели в конце концов к роспуску «Головной русской рады».

Главным содержанием революционных событий в Буковине, указывает М. Данилак, было крестьянское движение. Подобное положение сложилось и в Закарпатье. Тем не менее украинцы Закарпатья выдвинули из своей среды группу деятелей во главе с А. Добрянским и А. Духновичем, целью которой было возглавить движение закарпатских украинцев, подготовить их национальную программу и попытаться ее реализовать. Значительное влияние на них оказало национально-освободительное движение словаков, с которыми украинцев Закарпатья сближала общность целей в борьбе против шовинизма и мадьяризаторской политики венгерского правительства. Наиболее значительным шагом в деятельности группы Добрянского-Духновича, указывает автор монографии, была разработка вопроса объединения украинцев монархии Габсбургов и их сотрудничество с деятелями львовской «Головной русской рады». М. Данилак подчеркивает прогрессивность таких устремлений, но при этом указывает на их нереальность: силы украинского национального движения в Австрийской монархии были недостаточными для того, чтобы преодолеть сопротивление Вены. Национальное движение украинцев Закарпатья не имело широкой базы, оно ограничивалось узкой группой духовенства (стр. 187—190).

В заключение автор отмечает, что революция 1848—1849 гг. явилась важным переломным моментом в социальной, национальной и культурной жизни украинского населения монархии Габсбургов. Классовая борьба крестьянства стала составной частью революционной борьбы народов монархии, приведшей к ликвидации крепостничества. В период революции, пишет М. Данилак, высшей степени достигают взаимные контакты украинцев монархии. В силу объективных условий, указывает автор, украинцы оказались в революции 1848—1849 гг., как и другие славянские народы империи, на стороне венского двора. Но это не означает, что они были контрреволюционной силой. Их устремления, направленные на обеспечение дальнейшего развития национального самосознания, были в своей основе прогрессивными и отвечали процессу конституирования наций (стр. 191—193).

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Исторически преглед», София, 1974, № 1. С. Дамянов—Франко-русските противоречия на Балканите и дейността на полската емиграция (1830—1848 г.).

В статье «Франко-русские противоречия на Балканах и деятельность польской эмиграции (1830—1848 гг.) С. Дамянов характеризует франко-русское соперничество в этом районе во второй четверти XIX в., отмечая, что по мере усиления русского влияния на Балканах, французские правящие круги искали союзников в борьбе против России. В этих целях они использовали консервативно-настроенные круги польской эмиграции в турецких владениях. Работа написана на основании документальных материалов французских и польских архивов, болгарской, польской, а также русской дореволюционной и советской литературы.

«Przegląd historyczny», Warszawa, 1974, № 1.

Dziubiński A.—Maghreb i Rosja w ostatniej ćwierci XVIII i na początku XIX wieku.

А. Дзюбинский, в статье «Магриб и Россия в последней четверти XVIII—начале XIX в.» анализирует развитие отношений между Россией и странами Северной Африки после русско-турецкой войны 1769—1774 гг., характеризует торговые связи России с Марокко, Алжиром и Тунисом, попытки заключения торгового договора и подписание договора о дружбе между Россией и Марокко в 1787 г. Автор использовал документальные материалы ряда сборников документов, изданных в дореволюционной России.

«Anale de istorie», București, 1974, № 1. Tudor Bagnariu—V. I. Lenin și problemele transformării revoluționare a societății; M. C. Stănescu—Omagiul clasei muncitoare, al forțelor progresiste și democratice din România la încetarea din viață a lui V. I. Lenin.

К 50-летию со дня смерти В. И. Ленина в журнале опубликованы статьи Т. Бугяриу «Ленин и проблемы революционного преобразования общества» и М. К. Стенес-

ку «Отклики рабочего класса, прогрессивных и демократических сил Румынии на смерть В. И. Ленина. Авторы характеризуют вклад В. И. Ленина» в развитии теории марксизма, его роль в создании первого в мире социалистического государства, влияние ленинских идей в буржуазной Румынии, приводят сведения об откликах румынских газет на смерть В. И. Ленина, мероприятиях, проводившихся румынскими коммунистами, профсоюзными и молодежными организациями в память о В. И. Ленине.

«Československý časopis historický», Praha, 1974, № 2.

Yanoušek Ya.—Sovětské hospodářství v letech 1918—1920.

Яр. Яноушек в статье «Советская экономика в 1918—1920 гг.» рассматривает некоторые аспекты экономического развития Советской России в первые послереволюционные годы (слово старой государственной машины, решение продовольственной, топливной и транспортной проблем и т. д.). В работе использованы материалы советских документальных публикаций, пресса, а также литература, изданная в СССР.

* * *

В исторических журналах социалистических стран опубликованы работы ряда советских авторов: О. Кузнецова — «Письма В. И. Ленину из-за рубежа (октябрь 1917—1923 гг.) как исторический источник». — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1974, № 1; Л. М. Спирин — «Опыт исследования истории местных партийных организаций в Советском Союзе». — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1974, № 2; А. И. Еременко — «Битва за Ростов». — «Magazin istoric, București, 1974, № 3; В. Я. Сиполс — «Советский Союз в борьбе против фашистской агрессии и за коллективную безопасность в Европе». — «Československý časopis historický», Praha, 1974, № 2; В. Махалов — «Вдохновляющий пример советского народа в борьбе с фашизмом». — «Historie a vojenství, Praha, 1974, № 1.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

С каждым годом выходит все больше книг, которые в той или иной степени расширяют наши знания в области исторического краеведения. Часть из них представляет общеисторический интерес. Редакция полагает, что эти книги заслуживают внимания читателей нашего журнала.

В этом номере мы рассказываем о некоторых книгах, выпущенных местными издательствами.

ПРОШЛОЕ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Преподаватели пензенских вузов, сотрудники архивов и музеев области создали коллективный труд по истории Пензенского края*. Авторы поставили перед собой задачу — в тесной связи с важнейшими событиями истории нашей Родины показать наиболее существенные и специфические стороны прошлого Пензенского края. Ис данной задачей, на наш взгляд, они справились.

Книга состоит из 14 разделов (очерков).

Автор первого очерка В. А. Калмыкова рассматривает древнюю историю Цзенско-Сурского междуречья. Прошлое края, когда он сначала входил в состав северо-западного улуса Золотой Орды, а затем находился под влиянием Казанского ханства, раскрывается во втором очерке, написанном В. И. Лебедевым. Опираясь на исследования А. Е. Алиховой, А. А. Кроткова, М. Ф. Жиганова и других, автор повествует о героической борьбе местного населения с ордами Батюга, о тяжелом монголо-татарском иго, междоусобных феодальных распрях и войнах, протекавших на средневолжских просторах. В очерке подчеркивается, что, несмотря на всю тяжесть татарского владычества, мордва сохранила свою культуру, развила дальнее земледелие и промыслы, создала новые ремесленные центры. Как и другие народы Поволжья (чувашаи, удмурты, черемисы, мещера), она постоянно поддерживала русских в борьбе против татарских ханств. После взятия Казани войсками Ивана IV мордва добровольно вошла в состав Русского государства.

На протяжении второй половины XVI и всего XVII столетий Пензенский край являлся юго-восточной окраиной нашей страны. Это было время освоения и заселения необжитых участков «дикого поля», возникновения первых русских городов, развития феодально-крепостнических отношений и обострения классовой борьбы. Об этом В. И. Лебедев рассказывает в третьем очерке книги. Используя работы С. Л. Марголина, А. А. Новосельского, А. Л. Хвощева и других ученых, а также материалы, собранные автором в экспедициях, он повествует о системе обороны края от набегов кочевников между Цной и Волгой. В очерке приводятся сведения о возникновении городов-крепостей — Керенска, Верхнего и Нижнего Ломовых, Пензы, Городища, Сердобска, Петровска и др. Автор вносит серьезные поправки в некоторые бытующие в литературе положения. Так, он отмечает, что к Керенску засечная черта шла не от Тамбова (как представлено на многих картах), а от Шацка; что Мокшан основан не в 1535 г. (как утверждается в ряде книг), а в последней четверти XVII в.; что Пенза построена не в начале XVII в. и, тем более, не в XVI в. (как считают некоторые авторы), а в начале 60-х годов XVII в.

Особое место в истории края занимает XVIII в. В это время происходит дальнейшее заселение края русскими, мордвой и чувашами. Плодородные земли захватывают князья Голицыны, Куракины, Долгорукие, Трубецкие, Шереметьевы, Апраксины и другие

* «Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX века», Пенза, Приволжское кн. изд-во, 1973, 328 стр., тир. 5500.

представители феодальной знати. В очерке рассказывается о нарастании классовой борьбы. Не случайно край явился ареной крестьянской войны 1773—1775 гг.

Суровая крепостническая действительность Пензенского края явилась той почвой, которая безусловно способствовала выработке общественно-политических взглядов первого революционера России А. Н. Радищева, декабристов — уроженцев Пензенского края, революционеров-демократов В. Г. Белинского и Н. П. Огарева, великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Именно крепостнические порядки стали причиной таких значительных антифеодальных выступлений, как восстание ратников Пензенского ополчения в 1812 г., волнения крестьян Краснослободского и Инсарского уездов 1813—1814 гг. и др. Об этом говорится в очерках, написанных Е. Я. Дмитруком, В. С. Годиним, В. И. Лебедевым, П. Ф. Мякшашевым и В. П. Арзамасцевым.

Наиболее подробно в книге освещены предреформенный и послереформенный периоды. В очерке «Пензенская губерния накануне падения крепостного права» А. Ф. Дергачев пришел к заключению, что во второй четверти XIX в. в этой губернии явно обнаружился кризис феодального хозяйства. Он отмечает, что несмотря на наличие старых крепостнических форм хозяйства, в промышленности вызревали новые производительные силы и новые капиталистические производственные отношения.

Сельское хозяйство губернии вплоть до реформы 1861 г. сохранило в той или иной мере свои феодальные черты. Однако развитие рынка все более вовлекало крепостное хозяйство в торговый оборот, ускоряло рост товарного производства в земледелии.

В очерке А. Ф. Дергачева «Падение крепостного права. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 60-х годах» показывается, что в Пензенской губернии, как и в других районах Черноземной полосы, реформа 1861 г. носила явно грабительский характер. После 1861 г. крестьянское землевладение уменьшилось на 25,4%; более 97% всех бывших помещичьих крестьян, получивших менее 5 десятин на душу, были обеспечены землей недостаточно; крестьяне должны были заплатить за свою землю в 1,5—2 раза больше ее реальной стоимости. Вот почему ответом на реформу 1861 г. и послужили новые крестьянские выступления. Автор считает, что крестьянское движение в Пензенской губернии по сравнению с другими великорусскими губерниями носило более массовый характер и отличалось активными формами борьбы.

Крестьянское движение оказывало огромное влияние на демократическую интеллигенцию. Об этом повествует очерк А. Ф. Дергачева «Общественное движение в Пензенской губернии в конце 50—60-х годов». Здесь читатель найдет ценные сведения о деятельности учителя математики Пензенского дворянского института И. Н. Ульянова в 1855—1863 гг.; о педагогической работе прогрессивных учителей, об ишутинцах, о Д. В. Каракозове, о деятельности управляющего Пензенской казенной палатой писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Очерк П. Г. Сумерина знакомит читателя с социально-экономическим развитием губернии в 60—90-е годы. Широко оперируя статистическими выкладками, автор отмечает, что в пореформенный период в экономике губернии происходит смена старых крепостнических отношений новыми капиталистическими. В области промышленности при этом, с одной стороны, наблюдается упадок бывших вотчинно-крепостных и помещичьих промышленных заведений, а с другой — рост капиталистических фабрик и заводов. Помещики теряют свою монополию, уступая место растущей буржуазии.

В исторической литературе уже указывалось, что «бунтарская» Пензенская губерния являлась прочной базой действий революционных народников. На основе большого архивного материала А. Ф. Дергачев строит рассказ о крупных кружках П. И. Войнаральского — Д. М. Рогачева (1874) и Н. П. Котова (1879—1881), о пропагандистской работе видных народников.

Последующие два раздела книги — «Первые марксистские кружки в Пензе» (автор В. Ф. Морозов) и «Пензенский период революционной деятельности В. А. Карпинского» (автор В. И. Лебедев) — посвящены малозученным страницам истории становления и развития социал-демократического движения в Среднем Поволжье. «Очер-

ки» заканчиваются разделом «Культура Пензенской губернии во 2-й половине XIX века», написанном В. А. Мочаловым.

Книга не лишена недостатков. Так, по данным арабских путешественников IX—XII столетий, на территории края жили буртасы. Об этом свидетельствует ряд географических названий: река Буртас, села Малый и Большой Буртас, встречающаяся в крае фамилия Буртасовы и др. Однако в очерке «Наш край в далеком прошлом» вопрос о буртасах совершенно обойден.

В «Очерках» слабо представлены данные, характеризующие культуру и быт мордвы, чувашей, хотя по этой тематике имеется соответствующая литература. Не все разделы книги отличаются достаточной полнотой. Так, по сути дела, почти не освещена история края первой половины XVIII в. В известной степени это объясняется скудостью архивных источников. Существенный изъян книги — отсутствие в ней исторических карт, а также диаграмм, схем, таблиц, которые позволили бы более зримо представить социально-экономические аспекты истории края.

Н. А. Шарошкин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

К. Маслов в своей работе* поставил задачу дать комплексную картину особенностей развития каждого экономико-географического района и каждой отрасли промышленности Нижегородской губернии. Помимо оценок и высказываний В. И. Ленина по этому вопросу, автор широко привлек дополнительные исторические, экономические и статистические данные. Это позволило ему проследить те сложные процессы, которые происходили на новгородской земле со времени отмены крепостного права до первых лет XX в.

Работа состоит из пяти глав. В первой — «На рубеже новой эпохи» — дается характеристика Нижегородской губернии в предреформенные годы. Говоря о специфике социально-экономического развития Нижегородской губернии, автор отмечает, что перевод «всероссийского торжища» из Макарьевки в Нижний Новгород создал исключительно благоприятные условия для торгово-промышленной жизни этой промышленной периферии. Находясь у слияния важнейших водных путей, которые соединяли Урал, Кавказ, Среднюю Азию с губерниями промышленного Центра и Северо-Запада России, Нижний Новгород за относительно короткий срок превратился в «главный рынок» страны. На Нижегородской ярмарке в огромных масштабах велась оптовая торговля хлебом, рыбой, тканями, металлами. Перенесение ярмарки в Нижний Новгород способствовало не только росту торгового значения города, но и развитию его промышленности.

В главе раскрывается структура промышленности губернии, количественный и качественный состав рабочих в дореформенное время, приводятся факты крайне низкого жизненного уровня крестьянского населения; анализируются выступления рабочих и крестьян в конце 50-х годов XIX в.

Во второй главе книги «Особенности процесса „раскрестьянивания“» К. Маслов на большом фактическом материале показывает, как в результате осуществления реформы 1861 г. произошло ограбление нижегородского крестьянства (средний душевой надел помещичьих крестьян сократился на 0,4 десятины и стал составлять 3,4 десятины)

---

* К. Маслов. Нижегородская губерния в трудах В. И. Ленина. Основные черты социально-экономического развития. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1971, 176 стр., тир. 4000 экз.

и усилился процесс разрушения старого патриархального крестьянства и образования внутри деревенской общины «двух полярных типов» хозяйств: деревенской бедноты — около 55% и крестьянской верхушки — примерно 20% дворов.

Основываясь на статистических данных, автор освещает малоизученный вопрос о направлении специализации сельского хозяйства губернии. Он отмечает, что в одних уездах получило развитие молочнотоварное хозяйство, в других — промышленное огородничество и садоводство. Важной отраслью земледелия в Нижегородской губернии было выращивание картофеля для винокурения. Материалы о направлении сельскохозяйственной специализации Нижегородской губернии свидетельствуют о широком применении наемного труда и, следовательно, отражают процесс расслоения пореформенного крестьянства.

По данным земской статистики, в Нижегородской губернии в 90-х годах из 242 тыс. крестьянских дворов насчитывалось более 176 тыс. дворов, занимавшихся местными и отхожими промыслами. Вот почему детальному изучению этой группы крестьянского населения В. И. Ленин придавал важное значение. Третья глава работы и посвящена развитию мелких крестьянских промыслов.

Автор рассматривает в эволюционном плане возникновение и состояние промыслов по обработке металлов, промыслов, порожденных потребностями судоходства (судо-строительный, смолокурный, веревочно-канатный, кожевенный и др.). Наиболее развитыми в промысловом отношении являлись Семеновский, Балахнинский, Горбатовский, Нижегородский, Макарьевский, Васильский, Книгининский и Ардатовский уезды. Автор руководствуется ленинской мыслью о том, что рост мелких промыслов в пореформенной России, выражавший собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся двояко. Во-первых, он шел за счет переселения мелких промышленников и ремесленников на окраины. Во-вторых, выражался в образовании новых промыслов и расширении ранее существовавших. Так, скорняжный промысел, зародившийся в Арзамасе, постепенно переходил в пригородные селения. Процесс распространения крестьянских промыслов из старых в окрестные селения был явлением типичным.

Далее в главе раскрывается социальная сторона развития кустарничества. Четко прослеживается положение о том, что процесс расслоения затронул не только среду земледельческого крестьянства, но и «промысловое» население. В результате этого создавалась прочная база для формирования пролетариата.

В четвертой главе книги автор рассматривает процесс зарождения и роста капиталистической мануфактуры, характеризует новый социальный тип работников изучаемых мануфактур. Автор приходит к выводу, что наиболее «типичные работники» капиталистической мануфактуры, населявшие земледельческие центры, стоят ближе к рабочим крупной машинной индустрии, чем к крестьянству.

Автор показывает, что у таких работников мануфактуры и мелких кустарей начала 80-х годов происходит пробуждение классового сознания. Оно выражалось в форме стихийного протеста против той безудержной эксплуатации, которой они подвергались.

Настоящее пробуждение классового сознания, пишет автор, у «типичных работников» мануфактуры и мелких кустарей было связано с деятельностью созданной В. И. Лениным марксистской партии рабочего класса, которая сумела привлечь на свою сторону остальные слои пролетариата и обеспечить их активное участие в борьбе за победу социалистической революции.

«Развитие крупной промышленности и рост индустриального населения» — так называется пятая, заключительная глава исследования.

Исходя из вывода В. И. Ленина о наличии «трех главных типов» важнейших фабричных центров в России (города, фабричные села и «кустарные» села), автор детально анализирует промышленное развитие Нижнего Новгорода, а также ряда промышленных районов. Он делает вывод, что в пореформенный период развитие фабрично-заводской промышленности создало в губернии крупные пролетарские центры: Нижний Новгород, Сормово, Павлово, Арзамас, Балахна, Богородское, Ворсма, Выкса, Кулебаки, Виля, Ташино и множество других «фабричных» и «кустарных» сел, которые уже в первом десятилетии нового, XX века стали опорными пунктами борьбы

против самодержавия и буржуазии. Свое экономическое и общественно-политическое воздействие они распространяли на широкую округу деревенских поселений, в которых проживали тысячи наемных рабочих.

Сводя статистические данные о росте крупных фабрик в Нижегородской губернии в таблицу, К. Маслов выявил, что за 30 лет (1866—1895 гг.) число таких промышленных предприятий здесь возросло в 33,5 раза, число занятых на них рабочих — более чем в 10 раз, а годовая стоимость производственной продукции увеличилась в 35 раз.

Автор говорит, что хаотическое состояние статистики не дало возможности В. И. Ленину во всем объеме показать развитие некоторых отраслей (например, горно-заводской) промышленности. Привлечение новых источников позволило К. Маслову относительно подробно охарактеризовать промышленные районы, в частности Выксунско-Кулебакский, изучить специфику развития горнозаводской промышленности. Так, на Кулебакском, Нижне-Выксунском и Ташинском заводах концентрация рабочих была наиболее высокой. Обобщая цифровые выкладки, автор приходит к следующему выводу: «Таким образом, из 36518 рабочих губернии в 1903 году 31678 рабочих было занято на 50 крупных фабриках и заводах. Большинство крупных предприятий являлось металлургическими и металлообрабатывающими. Наиболее развитые и грамотные рабочие-металлисты составляли самый мощный отряд фабрично-заводского пролетариата Нижегородской губернии, что во многом определяло размах революционной борьбы против самодержавия и буржуазии» (стр. 166).

Несмотря на сложность освещаемых вопросов, работа читается легко.

В. И. Лебедев, Н. А. Николаев

ГЕРОИКА БУДНЕЙ

Книга воспоминаний В. Бушманова* — это рассказ бывшего секретаря райкома и окружкома партии на севере Урала, относящийся к годам первых пятилеток и Великой Отечественной войны. Читатель узнает о том, как строился Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат, создавался крупнейший Керчевский сплавной рейд, зарождалось и набирало силу колхозное движение. «Главное, о чем пойдет здесь речь, — пишет автор, — это пробуждение тайги. Я попытаюсь рассказать, как мы шли в тайгу. Шли не покорять ее — покоряют недругов, — а именно пробуждать к новой жизни, преобразовывать свой край. Не все удавалось сразу, не все получалось. Ошибались, ушибались — что ж тут поделаешь? — шли первотропом. И постепенно, по крупницам накапливали опыт, который помогает нашим потомкам строить коммунистическое общество» (стр. 15).

Примеры, почерпнутые автором из самой жизни, показывают, как изменялся край под влиянием социалистических преобразований в экономической, политической и культурной областях. Характеристика особенностей тех мест, где разворачиваются события, не только географических, но и социальных, рассказ о тайге и о тех, кто в ней действует, останавливают на себе внимание читателя; это, как нам кажется, выразительные страницы воспоминаний. Очевидно, прекрасное знание предмета, о котором идет речь, и умение выделить существенное, привести необходимые детали придадут непосредственность изложению, завоевывают читательское доверие. При этом В. Бушманов ведет повествование о районных буднях в связи с теми задачами, которые решала Советская страна.

---

* Василий Бушманов. Пробуждение тайги. Серия «Искры памятных лет». Пермь, Пермское кн. изд-во, 1973, 244 стр., тир. 10 000 экз.

Герои книги — рабочие и колхозники, первые советские специалисты в промышленности и сельском хозяйстве, вышедшие из народа, партийные и советские руководители. Живой рассказ не только о складывавшемся новом облике Чердынской земли, но и об изменении психологии рядовых тружеников в ходе социалистического строительства, о политическом и духовном росте людей воссоздает достоверную картину тех памятных лет. Этому способствуют и документы, материалы местной печати, привлеченные автором.

Воспоминания В. Бушманова отличаются тем, что ему удалось показать характеры, образы строителей новой жизни. В тех или иных зарисовках, эпизодах — будь то на строительстве Вишерского комбината, лесозаготовках, собраниях в селах — мы видим людей, занятых практическими делами, узнаем, как проявляется характер тех или других, следим за столкновением мнений. В книге много имен. Но именно благодаря тому, что секретарь обкома партии или председатель райисполкома, избач или лесоруб наделены индивидуальными чертами, они запоминаются, вызывают интерес. Не только, точнее, не столько авторское описание, сколько речь героев, диалоги, живые сцены придают убедительность, выпуклость повествованию (литературная запись К. И. Базенковой, редактор Т. А. Ключарева).

Достоверность воспоминаний помогает не просто ощутить пульс, атмосферу эпохи, но понять причины, мотивы поступков, свершений отдельных лиц и больших коллективов. В трудных, порой невероятно тяжелых условиях — ввиду отсутствия оборудования, механизмов, из-за сюрпризов северной природы и по многим другим обстоятельствам — люди вели строительство, налаживали производство. Коммунисты, «солдаты партии», как говорится в книге, вдохновляли массы, личным примером увлекали за собой. Это было «мужество — повседневное, ежедневное». Пуск первенца бумагоделательного производства — Вишерского комбината отмечался как торжественный праздник. «Прибыли гости из Соликамска и Березников, трудовые рапорты об успешном выполнении принятых в честь пуска социалистических обязательств привезли представители колхозников, лесозаготовителей, сплавщиков, рыбаков, охотников, баржестроителей района.

...Я много раз пел "Интернационал" на самых различных торжествах. Но то, как пел "Интернационал" народ 30 октября 1931 года на берегу Вишеры, мне не забыть никогда. Худо одетые, быть может, не очень сытые, забывшие о нечеловеческой усталости своей, люди вкладывали в слова гимна непоколебимую веру в будущее. Воздвигнутый их руками комбинат — кирпичик в основании их счастья» (стр. 40).

Преданность Родине, народу, партии, осознание своей роли в общем деле, мужество присущи героям книги и в труде, и в борьбе с классовым врагом — кулачем. Хотя с той поры прошли десятилетия, боль автора за товарищей, павших в этой борьбе, не утихла и она передается читателю со страниц воспоминаний.

В главе, посвященной Великой Отечественной войне, автор, работавший тогда первым секретарем Нытвенского райкома партии, хорошо воспроизводит обстановку в тылу, связь тыла с фронтом. Мы как бы с этой партией «вышки» наглядно представляем себе обстановку в районе, ощущаем во всей конкретности «суровую хронику районной военной жизни». Ценно то, что тема советского патриотизма нашла в этой главе яркое отображение, прежде всего благодаря приведенным фактам, примерам.

...Из аннотации, предпосланной воспоминаниям издательством, мы узнаем, что автор в 1920 г. семнадцатилетним юношей был принят в Коммунистическую партию, почти четверть века вел партийную работу. Сам автор также приводит в ряде мест биографические подробности. Публикуются и его фотографии разных лет. Но о себе, как о человеке, Василий Капитонович Бушманов не говорит, по сути, ничего. Однако, судя по тому, что и как он говорит о других, по мере того, как мы знакомимся со все большим числом его соратников, ко многим из которых он высказывает свое отношение, обоснованно, просто и ясно, — мы проникаемся все большим уважением к автору воспоминаний. Ибо сам автор с огромным уважением говорит о замечательных передовиках производства, подлинных народных умельцах, сельских активистах: о партийных, советских и хозяйственных руководителях — своих учителях.

Так в воображении читателя после того, как он прочел книгу, возникает запоминающийся портрет автора, представление об его внутреннем облике,— и в этом, на наш взгляд, еще одна особенность книги.

В заключение хотелось бы высказать некоторые частные замечания. В книге говорится об экономическом значении тех или других объектов, приводятся и цифры. Однако об этом следовало бы сказать пусть кратко, но более четко, дать самые основные сравнительные характеристики экономики, сельского хозяйства, культурного строительства рассматриваемого периода. Это помогло бы читателю яснее представить себе итоги огромной работы, придало бы законченность повествованию. Если композиция всей книги, состоящей из восьми глав, оправдана, то большинству глав недостает композиционной стройности; излишняя фрагментарность, к сожалению, свойственна книге, читающейся в целом легко. Язык порой усложнен профессиональными терминами, насыщен диалектизмами, но объяснения даны не во всех необходимых случаях.

Свои воспоминания автор заканчивает словами о том, что ему хотелось показать «истоки пробуждения тайги к новой жизни...» (стр. 243). Нам представляется, что сделать это ему удалось — сделать интересно, правдиво.

М. П. Польский

КНИГА О СИБИРСКОМ КОЛХОЗЕ

В последние десять-пятнадцать лет фронт историко-краеведческих исследований и публикаций значительно расширился. Свидетельство тому — появление многих сотен книг, очерков, статей по истории городов, сел, промышленных предприятий, совхозов и колхозов. Однако этот процесс развивается далеко неравномерно: подавляющее количество изданий посвящено истории городов, заводов, фабрик и очень незначительная часть — селам, колхозам и совхозам.

Среди немногочисленных изданий по истории колхозов книга красноярского историка В. В. Гришаева * отличается глубиной проникновения в историю сибирского колхоза «Красный хлебороб», насыщенностью яркими фактами. Широка источниковая база книги; автор использовал материалы почти 30 архивных фондов — практически все документы темы. Концентрируя внимание на основных моментах истории колхоза, он прослеживает общие процессы и закономерности развития советской деревни на относительно небольшом материале нескольких деревень, не забывая выделить и специфику их развития.

Колхоз «Красный хлебороб» Иланского района Красноярского края уже в 30-е годы считался одним из передовых хозяйств Сибири; он удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина. В годы, когда урожайность районов, областей и краев Сибири падает вниз, в «Красном хлеборобе» она не только остается на прежнем уровне, а даже несколько поднимается. Имя колхоза не сходило со страниц газет в годы Великой Отечественной войны, когда требовалось пойти на огромные жертвы и лишения ради интересов всей страны, всего народа.

Ныне эта артель — настоящая школа передового земледелия Сибири.

Книга «Красный хлебороб» будет одинаково интересна как для историков, так и для организаторов и руководителей современного колхозного производства, и конечно, для широких читателей, кому в первую очередь она и адресована.

В книге на большом конкретном материале показано, что формирование образцового хозяйства — это длительный процесс, и он возможен только при неуклонном повышении уровня механизации, четкой организации, постоянном применении передового опыта и правильном соотношении интересов личных и колхозных, колхозных и государственных. История «Красного хлебороба» убеждает в том, что создание колхоза

* В. Гришаев. Красный хлебороб. История сибирского колхоза. Красноярск, Красноярское кн. изд-во, 1973, 221 стр., тир. 10 000 экз.

высокой культуры земледелия немыслимо без стабильности в его руководстве, без овладения им всем арсеналом передовых методов хозяйствования. Со времени перевода коммуны «Красный хлебороб» на устав артели прошло уже почти 45 лет, но за это время в нем сменилось всего 3 председателя. 26 лет этот пост занимал В. С. Маковецкий и более 15 лет — нынешней руководитель хозяйства заслуженный агроном РСФСР Б. К. Толстов, депутат Верховного Совета СССР седьмого и восьмого созывов, делегат XXIV съезда КПСС.

Заслугой В. В. Гришаева является то, что наряду с показом экономического роста артели и материального благосостояния ее членов, он говорит и о социально-психологических изменениях в среде колхозников.

Почти полувековой путь хозяйства ознаменован не одними победами и успехами; были промахи и крупные неудачи в тяжелой борьбе за хлеб. И о них сказано на страницах книги. Объясняя их, автор обращает внимание читателя на то, что все эти неудачи не вытекали из сущности колхозного строя; первопричины их заключались в привходящих обстоятельствах и в том, что суровые и капризные условия Сибири все еще иногда ставят перед тружениками деревни препятствия, преодолеть которые полностью в тот или иной год невозможно.

Книга не свободна от некоторых недостатков. Автор явно ушел от анализа цифрового статистического материала, что в какой-то степени объясняется ограниченным объемом книги, боязнь «засушить» ее, и, тем самым, уменьшить интерес к ней массового читателя. Нам кажется, что дополнение книги небольшим приложением в 5—6 страниц в виде таблиц, диаграмм, схем повысило бы ее научную значимость. Автор выделил две главы для освещения доколхозной истории деревень, на территории которых образовался «Красный хлебороб». Но без ущерба для содержания этот материал можно было сократить и вместе с тем углубить освещение таких вопросов, как культурный рост членов артели, изменения в социальной структуре колхозного села, шире использовать материалы социологического обследования 1970 г., проведенного под руководством автора книги. В работе мало сравнительных данных.

Эти недостатки в значительной степени объясняются слабой разработкой в исторической литературе методологических и методических принципов исследования истории колхозов. Нам представляется, что решение этой задачи будет содействовать дальнейшему изучению истории тех или иных колхозных коллективов — ячеек социализма.

Ю. В. Журов

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В СССР И ПНР

Симпозиум советских и польских ученых

Очередной симпозиум польских и советских ученых, организованный Комиссией историков СССР и Польши, состоялся в марте в центре крупного промышленного района Польши — г. Катовицы. Он был посвящен проблемам социалистических преобразований промышленности в СССР и ПНР.

К организации симпозиума были привлечены Силезский университет, Институт социалистических стран Польской академии наук и Силезский научный институт. В работе симпозиума приняли участие секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП З. Легомский, вице-воевода М. Вежбицкий, член ЦК ПОРП, ректор Высшей школы общественных наук В. Заставны, заместитель заведующего Отделом науки и просвещения ЦК ПОРП Я. Мацисевский, работники научных учреждений и высших учебных заведений Катовиц и других городов страны. В состав делегации советских историков входили представители академических институтов истории из Москвы, Риги, Минска, Киева, Тбилиси.

Симпозиум открыл ректор Силезского университета Г. Рехович. В речи секретаря воеводского комитета ПОРП З. Легомского было подчеркнуто, что достигнутые успехи в экономическом и общественном развитии Польши стали возможны лишь на основе социализма. Одним из решающих условий прогресса явилась всесторонняя помощь Советского государства. Польско-советская дружба крепнет и развивается, обеспечивая взаимную выгоду и заинтересованность обоих народов. Характер задач, решаемых на современном этапе Польской объединенной рабочей партией, связан с укреплением ведущей роли рабочего класса, повышением творческой активности интеллигенции.

В выступлениях председателя польской части Комиссии историков СССР и ПНР Л. Базылёва и руководителя делегации советских историков И. И. Костюшко была отмечена важная роль Комиссии в укреплении сотрудничества ученых двух стран.

Я. Голембёвский (Польша) в докладе «Национализация ключевых отраслей промышленности — основа социалистического строительства в Польше» охарактеризовал социалистическую природу проведенной сразу же после освобождения Польши от фашистских захватчиков национализации. В Польше, как и в СССР, национализация средств производства носила революционный, социалистический характер, обеспечив быстрое восстановление производства, улучшение жизни трудящихся. Различия состояли в том, что в СССР национализация проводилась после победы социалистической революции, в условиях пролетарской диктатуры, на основе советских законов и означала формирование социалистического уклада хозяйства. В Польше же в результате национализации возникли лишь зачатки социалистического уклада. Явившись экономической основой для упрочения политических позиций рабочего класса, государственной сектор промышленности по мере развития социалистической революции постепенно превращался в социалистический.

Вопрос о роли рабочего класса основных промышленных районов Польши в укреплении народной власти осветил Я. Кантыка (Польша). Об особенностях классовой

борьбы в период послевоенных социально-экономических преобразований в Польше говорил Т. В а л и х н о в с к и й (Польша).

В докладе В. П. Дмитренко (СССР) было прослежено развитие политики КПСС и Советского правительства по обобществлению промышленности на различных этапах переходного периода. В зависимости от расстановки классовых сил, сопротивления эксплуататорских классов, характера решаемых задач по созданию экономического фундамента социализма использовались различные методы. Национализация, конфискация, политика госкапитализма по отношению к средней и крупной буржуазии сочетались с курсом на установление прочного союза с мелкобуржуазными элементами, на кооперирование их производства. Богатство тактических приемов, использованных в переходный период в СССР, определило притягательность советского опыта обобществления для других стран.

На большом фактическом материале Э. А. Жага (СССР) показал, что национализация промышленности в Советской Латвии в 1940 г. при всесторонней поддержке союзных республик была не только проведена в короткий срок, но и позволила сразу поднять производство, привлечь кадры специалистов.

Значение индустриализации для победы социализма в Советской стране было рассмотрено в докладе Л. С. Рогачевской (СССР) «Проведение социалистической индустриализации в СССР». Остановившись на факторах, обусловивших высокие темпы развития промышленности, прежде всего ее ведущих отраслей, на крупных достижениях советского народа в предвоенные годы по обеспечению экономической независимости страны, укреплению ее оборонной мощи, докладчик охарактеризовал также социальные последствия индустриализации, свидетельствовавшие об упрочении и развитии социалистических производственных отношений.

Место Белорусской ССР в решении общих проблем индустриализации Советского государства в период первых пятилеток, влияние крупного промышленного строительства и модернизации производства на все стороны жизни республики показал И. Е. Марченко (СССР). В. Длугоборский (Польша) проанализировал планомерную политику правительства Народной Польши по формированию на базе Верхнесилезского и Домбровского бассейнов многоотраслевого промышленного комплекса, сыгравшего крупную роль в восстановлении и развитии экономики страны.

С. В. Кульчицкий (СССР) посвятил свой доклад проблеме формирования нового отношения к труду среди рабочих в процессе борьбы за социализм, роли их производственной активности как одного из важнейших факторов социалистического накопления в период индустриализации в СССР (1926—1937 гг.). Роль и место индустриального рабочего класса в общественно-политической жизни Польши охарактеризовал Я. Штумский (Польша). С. Д. Чхартшвили (СССР) проанализировал на материалах Грузии основные этапы развития социалистического соревнования.

Доклад «Индустриальное развитие СССР в период завершения строительства социализма и развитого социалистического общества» сделала А. В. Митрофанова (СССР). Она говорила о двух основных этапах подъема промышленности: с 1938 по 1958 г., когда задачи индустриального прогресса решались в процессе упрочения и дальнейшего развития социализма в СССР, и с 1959 г. по настоящее время, т. е. в условиях развитого социализма, когда советский народ приступил к построению экономического фундамента коммунизма. Последний этап на фоне устойчивых и высоких темпов развития промышленности отмечен большим вниманием партии и правительства к решению задач удовлетворения растущих потребностей советских людей. Преимущества социализма обеспечивают широкое и планомерное внедрение в производство результатов научно-технической революции.

Социализм несет с собой принципиально новые отношения между странами и народами, основанные на сотрудничестве и взаимной помощи. Основы таких отношений между советским и польским народами были заложены уже в ходе их совместной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. К. Собчак (Польша), И. И. Костюшко, Ф. Серафин (Польша) и А. Гребенда (Польша), разоблачая измышления буржуазной историографии, на убедительных примерах показали освободительную мис-

сию Советской Армии, ее роль в предотвращении разрушения промышленности Катовицкого воеводства, в налаживании производства.

Советско-польские экономические отношения получили всестороннее развитие в послевоенные годы, когда содействие Советского государства помогло в короткий срок залечить раны, нанесенные экономике Польской Народной Республики войной, осуществить индустриализацию страны. Этой теме были посвящены доклады О. Вышомирской-Кузьминской, С. Лопатюка (Польша). В. Т. Ковальский (Польша) остановился на анализе различных аспектов польско-советского научно-технического сотрудничества.

Участники симпозиума отметили, что состоявшийся обмен мнениями был весьма плодотворен, высоко оценили инициативу Комиссии историков СССР и ПНР, вынесшей на обсуждение ученых двух стран широкую комплексную проблему, затрагивающую коренные вопросы социалистического строительства.

Советские историки были гостями Катовицкого воеводского комитета ПОРП. Они были приняты кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП, первым секретарем воеводского комитета ПОРП Э. Грудзенем. Тов. Э. Грудзень отметил большое значение совместных усилий польских и советских ученых по изучению теории и практики социалистической индустриализации. Он подчеркнул возрастающую роль науки в решении социально-экономических и политических задач, выдвинутых XXIV съездом КПСС и VI съездом ПОРП.

В. П. Дмитриенко

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

В июне 1970 г. во Владивостоке впервые состоялись Дальневосточные исторические чтения, организованные Дальневосточным филиалом им. В. Л. Комарова Сибирского отделения АН СССР. За четыре года на Дальнем Востоке состоялось четыре сессии чтений. Так возникла новая форма координации исследований, ставшая хорошей традицией.

Научные конференции, симпозиумы и чтения на Дальнем Востоке проводятся с 1956 г. Первой сессией во Владивостоке руководил акад. М. Н. Тихомиров. С того времени в разных городах зоны проведены три выездные сессии Бюро Отделения истории АН СССР, восемь дальневосточных научных конференций по проблемам истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, симпозиум востоковедов.

Первая сессия Дальневосточных исторических чтений была посвящена 50-летию образования Дальневосточной республики. На второй сессии (Южно-Сахалинск, декабрь 1971 г.) был рассмотрен план развития исторической науки на Дальнем Востоке на десятилетний период (1971—1980 гг.). Третья сессия чтений (Магадан, декабрь 1972 г.) обсуждала проблему «XXIV съезд КПСС и вопросы истории Северо-Востока СССР».

Четвертая сессия чтений (г. Петропавловск-Камчатский, февраль 1974 г.) проводилась по проблеме «Вопросы истории Камчатки и других областей Северо-Востока СССР». Сессия была подготовлена Камчатским областным комитетом КПСС, Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, Камчатским государственным педагогическим институтом.

На сессию прибыли ученые из Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска, Владивостока и Хабаровска, Якутска и Магадана, Южно-Сахалинска и Благовещенска, Анадыря и Комсомольска-на-Амуре, Читы и Иркутска. Таким образом, сессия явилась комплексной по характеру своей работы. Активными участниками сессии были партийные и советские работники области, местные геологи, географы, биологи, вулканологи, океанологи, в том числе и представители местной нерусской интеллигенции из среды коряков, ительменов, чукчей.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: секретаря Камчатского обкома КПСС С. Г. Танского — «Камчатская область и перспективы развития ее производительных сил в свете решений XXIV съезда КПСС»; акад. А. П. Окладникова — «Советская археология в борьбе против фальсификации исторического прошлого народов Дальнего Востока»; чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанова —

«XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока». А. П. Окладников и А. И. Крушанов выступили также с сообщениями, посвященными перспективам развития исторической науки в Сибири и на Дальнем Востоке в 1976—1980 гг.

На сессии работали три секции: «Деятельность партийных организаций Северо-Востока СССР по осуществлению задач социалистического и коммунистического строительства (1917—1973 гг.)», «История социалистического и коммунистического строительства в северо-восточных районах СССР (1917—1973 гг.)», «Открытие и освоение человеком территории Северо-Восточной Азии и Северной Америки до начала XX в.».

На заседаниях первой секции выступили с докладами: В. В. Величко (Петропавловск-Камчатский) — «Вопросы истории большевистской прессы Камчатки (1917—1922 гг.)», В. Г. Балицкий (Хабаровск) — «Осуществление ленинской национальной политики на Северо-Востоке СССР», В. Г. Ларькин (Петропавловск-Камчатский) — «Идеологическая работа Камчатской партийной организации в годы социалистического строительства в СССР (1923—1940 гг.)», И. С. Гарусов (Магадан) — «О методике определения степени завершения коллективизации в районах Северо-Востока СССР», С. В. Захаров (Петропавловск-Камчатский) — «Работа Камчатской областной партийной организации по оказанию помощи фронту (1941—1945 гг.)», И. Ф. Кулакова (Владивосток) — «Деятельность Камчатской областной партийной организации по развитию народного хозяйства области в послевоенной пятилетке (1946—1950 гг.)», Ю. М. Колесник (Петропавловск-Камчатский) — «Партийное руководство развитием народного хозяйства Камчатки в 1951—1970 гг.», Н. М. Юн (Магадан) — «Методическое обоснование определения некапиталистического пути развития малых народов Крайнего Севера СССР», В. А. Гаврилов (Владивосток) — «Социальные проблемы Севера Дальнего Востока в условиях развитого социалистического общества в СССР», Г. К. Бубнис (Магадан) — «Борьба КПСС за социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Корякского национального округа», Д. И. Райзман (Магадан) — «Создание и организационно-политическое укрепление комсомола на Камчатке».

На второй секции были заслушаны доклады: Б. И. Мухачева (Владивосток) — «О деятельности ревкомов Северо-Востока в период перехода от капитализма к социализму в СССР», В. А. Зибарева (Томск) — «Историография советского строительства у малых народов Северо-Востока СССР», А. Т. Мандрика (Владивосток) — «История создания и деятельности Акционерного Камчатского общества в годы предвоенных пятилеток (1928—1941 гг.)», Г. Г. Рощупкина (Магадан) — «Этапы, особенности и итоги развития горнодобывающей промышленности Чукотки за годы Советской власти», С. И. Набоко (Петропавловск-Камчатский) — «История развития вулканологической науки на Камчатке», Н. М. Балалаевой (Хабаровск) — «Крах курса внутренней и внешней контрреволюции на активизацию деятельности религиозных организаций на Дальнем Востоке (1917—1936 гг.)», К. Г. Кузакова (Петропавловск-Камчатский) — «Динамика численности малых народов Северо-Востока СССР по материалам переписей 1959 и 1970 гг.» и др.

На третьей секции обсуждались доклады: Н. Н. Дикова (Магадан) — «Палеолит Камчатки: итоги и перспективы исследований», Б. П. Полевого (Ленинград) — «Из истории открытия и освоения русскими людьми Камчатки в XVII—XIX вв.», А. И. Алексеева (Москва) — «Путешествие И. Г. Вознесенского по Дальнему Востоку и Русской Америке в 1839—1848 гг.», В. Г. Щебенкова (Владивосток) — «Из истории иностранной экспансии на Камчатке в XVIII—XX вв.», Н. К. Старковой (Владивосток) — «Роль русского народа в прогрессивном развитии ительменов», Ф. И. Тимохина (Петропавловск-Камчатский) — «Переход кочевых коряков на оседлость», Ж. К. Лебедевой (Якутск) — «Традиции эпического певца и поэтическое своеобразие эпоса эвенов Охотского побережья», Ю. В. Баженова (пос. Палана) — «Археологические и этнографические коллекции Корякского окружного краеведческого музея», Л. Н. Стебаковой (Магадан) — «Обзор литературы по истории Северо-Востока СССР (1954—1974 гг.)».

Сессия на Камчатке способствовала подведению итогов исследований по истории, археологии и этнографии Камчатки и Чукотки за послевоенный период; позволила определить основные направления исследовательской работы в перспективе; объединила специалистов Дальнего Востока (особенно Владивостока, Магадана, Петропавловска-Камчатского и Якутска) для создания трудов по комплексной проблеме «История Камчатки и Чукотки в эпоху строительства социализма и коммунизма в СССР».

На сессии принято решение о создании Камчатской секции Научного совета «История и культура народов Дальнего Востока» ДВНЦ АН СССР для координации работы местных авторов. Создан авторский коллектив с целью написания учебника для школ Камчатки — «История Камчатки (от эпохи первобытного строя до наших дней)». Принято постановление о подготовке к печати коллективного труда по истории Корякского и Чукотского национальных округов.

Следующая пятая сессия Дальневосточных исторических чтений состоится в феврале 1975 г. в Благовещенске (Амурская область) по комплексной проблеме «Социальное развитие производственных коллективов Дальнего Востока в условиях развитого социалистического общества в СССР».

Чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов

ХРАНИЛИЩУ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА АН СССР — 25 ЛЕТ

В 1949 г. в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР было открыто Хранилище древнерусских рукописей. Оно создано на базе 32 рукописных книг XVI—XIX вв., привезенных из Усть-Цильмского района Коми АССР научным сотрудником сектора древнерусской литературы института В. И. Малышевым.

Средоточием поисков Пушкинского дома стал Русский Север — селения по рекам Печоре, Мезени, Северной Двине, Пинеге, русские поселения в Прибалтике. В 1949—1973 гг. в эти края было направлено около 60 экспедиций. Поиски проводились также в Горьковской, Пермской и Псковской областях. В этих поездках, кроме сотрудников Пушкинского дома, участвовали студенты Ленинградского университета под руководством доцента Н. С. Демковой; они доставили в Пушкинский дом несколько сот рукописных книг XIV—XIX вв.

Важнейшие принципы археографической деятельности хранилища вырабатывались в процессе сбора рукописей. Участников экспедиций интересовали местные культурные очаги. Поэтому каждый район многократно обследовался с целью наиболее полного выявления рукописных сокровищ. Изучение собранного материала убедительно доказывает, что культурное наследие древней Руси продолжало оставаться живым и в XVIII, и в XIX веках. На Русском Севере его берегли.

С особенностями археографического обследования связано и комплектование находок по территориальному принципу. Существующие в хранилище Печорское, Пинежское, Карельское, Мезенское, Причудское, Северодвинское и другие территориальные собрания объединяют рукописи, которые переписывались и сохранялись в селениях, расположенных по берегам рек Печоры, Пинеги, Мезени, Северной Двины, в Карелии, Причудье и других местах. Эти собрания являются ценнейшими источниками сведений о культуре и быте своего края. Особенно важным в этом плане представляется Печорское собрание, насчитывающее около тысячи рукописей XV—XIX вв. Большое научное значение имеют такие крупные территориальные собрания, как Карельское, Пинежское и Северодвинское. В них также весьма полно представлен книжный репертуар северорусского крестьянина прошлого, дающий возможность наглядно проследить его вкусы и интересы на протяжении нескольких веков.

Значительное место в хранилище занимают частные коллекции, подаренные собирателями при своей жизни или переданные их наследниками; ценнейшие из них — коллекции реставратора Ф. А. Калинина, краеведа М. И. Успенского, этнографа и фольклориста И. С. Абрамова, филолога Е. Ф. Будде, доцента В. Г. Зыкина.

Число личных коллекций непрерывно пополняется. Так, в последние годы поступили интересные коллекции пермского профессора П. С. Богословского, К. П. и А. Г. Гемп —

ученых из Архангельска, историка русской медицины В. Ф. Груздева. Своеобразна коллекция Ф. В. Гумилевича. Она содержит рукописные книги и ряд документальных исторических источников казаков-некрасовцев. Коллекции калужского краеведа Н. М. Маслова и научного сотрудника Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР М. Н. Потockого богаты памятниками демократической литературы. Всего в хранилище находится 23 личных коллекции, включающие более 2000 рукописей XII—XX вв.

По решению Президиума АН СССР, в 1951 г. хранилищу было передано 827 рукописей XII—XX вв. из Института мировой литературы, в том числе замечательная коллекция рукописей акад. В. Н. Перетца, насчитывающая 658 рукописных книг XII—XIX вв. В 1954 г. Президиум Академии передал хранилищу из Карельского филиала АН СССР 386 рукописей XV—XIX вв., разысканных в 1940—1950 гг. на территории республики.

За 25 лет хранилище не только сплотило вокруг себя коллектив собирателей и исследователей древнерусского культурного наследия, но стало одним из авторитетных центров хранения и изучения письменного наследия древней Руси.

В хранилище сосредоточены ценнейшие материалы по древнерусской письменности и древнерусской литературе, по отечественной истории и культуре. Имеется значительное количество делопроизводственного материала XV—XVII вв., относящегося к Украине, Белоруссии и сибирским городам. Многие литературные и исторические памятники представлены несколькими списками, но немало и произведений, хранящихся лишь в единственном списке. Таков Пустозерский сборник И. Н. Заволоко, содержащий автографы протопопа Аввакума и его «союзника» — инока Епифания. Такова книжка, написанная сподвижником Аввакума, попом Лазарем, изданная хранилищем тетрадка с патриотическим произведением XVII в. — «Повестью о Сухане» — и др. В хранилище находится Евангелие XIV в. галицко-волинского письма, второй известный список «Слова о погнуби Русской земли», Евангелие XVII в., переписанное царевной Софьей Алексеевной и украшенное замечательными миниатюрами мастеров Оружейной палаты. Отметим ряд малоизвестных летописцев, таких как Архангелогородский и Пинежский, Полоцкую летопись и др.

В хранилище находятся автографы многих исторических деятелей прошлого: патриарха Никона, протопопа Аввакума, братьев Андрея и Семена Денисовых и других. Много материалов, имеющих отношение к зарубежным связям России XII—XIX вв. Так, многочисленными списками представлено «Хождение» Трифона Коробейникова, несколькими текстами — «Хождения» игумена Даниила и Василия Гагары. Имеются записки путешественников неустановленных лиц: «Дневник путешествия в Египет, Палестину, на Афон и другие места Ближнего Востока», «Записки о путешествии в 1698—1699 гг. в Голландию, Германию и Италию» и «Маршрутник Епифания-мниха от Новгорода до Иерусалима».

В фондах хранилища — более 300 датированных рукописей XV—XIX вв., важных для палеографа, более 400 рукописных книг XIV—XX вв. лицевых и орнаментированных, 12 пергаменных рукописей XII—XIV вв., 40 рукописных книг XV в. и более 150 книг, датируемых XVI в.

Свое 25-летие хранилище встречает 7000 рукописей XII—XX вв. Быстрому росту хранилища содействовал сектор древнерусской литературы института. Большая заслуга в формировании хранилища принадлежит чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (ныне покойной) и сменившему ее на должности заведующего сектором академику Д. С. Лихачеву. Организатором хранилища и его бессменным руководителем является В. И. Малышев, заслуженный деятель науки РСФСР.

По материалам хранилища подготовлено и напечатано большое количество статей, исследований и публикаций советских и зарубежных ученых. С 1949 по 1964 г. они приведены в книге В. И. Малышева «Древнерусские рукописи Пушкинского дома (Обзор фондов)». В течение последних десяти лет журнал «Русская литература» регулярно сообщает о новых поступлениях в хранилище. В 1972 г. по материалам хранилища подготовлен специальный сборник «Рукописное наследие древней Руси», в котором впервые опубликован ценный Пинежский летописец и ряд важных текстов по истории и культуре Родины. Готовится второй такой сборник.

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА

Во втором номере журнала «История СССР» за 1973 г. опубликовано письмо Г. Л. Арша «Правительство Александра I и выступление Ипсиланти». Автор в ответ на мою рецензию по поводу его книги «Этеристское движение в России» (М., «Наука», 1970) и мою статью «Из истории русско-греко-молдавских революционных связей»¹ приводит ряд возражений по вопросу об отношении русского правительства к греческому тайному политическому обществу «Филики Этерия» («Общество дружеского союза») и подготавливаемому этим обществом восстанию 1821 г.

Знало ли русское правительство о возникновении «Филики Этерия» и о подготавливаемом ею греческом восстании 1821 г.? Как оно отнеслось к этому?

После 1815 г. русское правительство взяло курс на мирные отношения с Османской Портой. Однако оно не отказалось от политики покровительства православным подданным султана. Борьба греческого и других балканских народов подрывала изнутри военно-феодальный режим султанской Турции и ослабляла ее мощь. Это было на руку царизму, который использовал освободительные устремления угнетенных балканских народов для распространения своего политического влияния в проливах Черного моря и в других стратегически важных центрах Турецкой империи.

Изучение многочисленных опубликованных и неопубликованных источников и тщательный анализ всей политики Александра I в тот период позволяет сказать, что русское правительство знало о существовании «Филики Этерия» и о подготавливаемом ею восстании 1821 г. и не препятствовало этому.

В начале 1817 г. полномочный представитель «Филики Этерия» Н. Галатис рассказал царскому министру Каподистрия о существовании тайного греческого общества, о готовящемся восстании греков против султанского ига и просил его встать во главе общества. Каподистрия обо всем этом доложил Александру I, который поручил ему получить от Галатиса более подробные сведения о греческом тайном обществе². В 1820 г. по поручению руководства «Филики Этерия» к Каподистрия с предложением встать во главе общества прибыл один из его создателей, Э. Ксантос. Каподистрия на предложение эмиссара этеристов ответил, что оно не согласуется с его положением министра царя, но добавил, что если руководители организации знают средства для достижения своей цели, пусть используют их, и пожелал им божьей помощи³. В связи с этим свидетельством Каподистрия очень интересно замечание известного русского дворянского историка С. С. Татищева: «В виду столь определенно высказанной воли императора Александра I (против войны с Турцией.— И. И.), Каподистрия оставалось только убеждать соотечественников своих, чтобы они отложили на некоторое время всякую мысль о вооруженном восстании»⁴.

Как видно из приведенных материалов, правительство Александра I, получив сведения о греческом тайном обществе и о подготовке этеристами восстания, не предприняло никаких акций, чтобы воспрепятствовать их деятельности. С этим согласен и Г. Л. Арш⁵.

В это время, как и раньше, русское правительство продолжало всячески покровительствовать грекам. Так, в инструкции для русских консулов в Леванте, написанной в 1818 г., Каподистрия предписывалось: «Мы обязаны покровительствовать грекам — турецким подданным и мы обязаны дать им возможность пользоваться этим покровительством, не ставя под угрозу их безопасность и не внося подозрений правительству, под игом которого они находятся, одним словом, мы должны использовать свои преимущества»⁶.

Руководство «Филики Этерия», получив отказ от Каподистрия стать во главе общества, обратилось к А. Ипсиланти. Он принял это предложение. Учитывая положение

¹ См. «История СССР», 1971, №№ 3, 5. См. также ранее опубликованные мною работы: «Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение». Кишинев, 1963; «Страницы из истории деятельности Кишиневской управы декабристов», — «Днестр», 1960, № 12. Эта проблема исследована и в моей кандидатской диссертации «Бессарабия и греческое национально-освободительное движение», ЛГУ, 1967.

² ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 2, д. 10. Об аресте греческого подданного гр. Галатиса Николая.

³ G. G. Gervinius. *Insurrection et régénération de la Grèce*. Paris, 1863, p. 164.

⁴ С. С. Татищев. *Внешняя политика императора Николая Первого*, ч. II. СПб., 1887, стр. 237.

⁵ Г. Л. Арш. *Этеристское движение в России*, стр. 200—201.

⁶ АВПр, ф. Канцелярия, д. 2322, л. 22; Г. Л. Арш. *Указ. соч.*, стр. 227.

Ипсиланти — близкого друга Каподистрия, генерала русской армии и адъютанта Александра I, трудно допустить, что он мог это сделать без ведома последних.

В подтверждение высказанного мнения убедительно свидетельствуют данные пространного рукописного обзора «Возмущение князя Ипсиланти в Молдавии и Валахии», составленного в штабе 2-й армии, в котором, безусловно, активное участие принимал и руководитель южных декабристов полковник П. И. Пестель, хорошо осведомленный о греческом восстании 1821 г. В документе, в частности, говорится: «Для исполнения предприятия своего в половине 1820 года он (А. Ипсиланти.— И. И.) испросил позволения у государя императора отлучиться за границу с тою, вероятно, целью, чтобы, объехав Европу, войти в прямое сношение как со своими единомышленниками, так и с чужестранными свобододумцами... и, приготовив посредством журналов и издаваемых книг умы всех правительств к предстоящим явлениям, восстановить их противу турецкого самовластия...»⁷. Приведенный текст свидетельствует, что Ипсиланти, прежде чем отправиться на юг, где находился руководящий комитет этеристов, и приступить непосредственно к подготовке восстания, встретился с Александром I. Император знал о стремлении греков к свободе. Видный деятель этеристов действительный статский советник граф Я. Н. Булгари (грек по происхождению) показал на следствии, что через Ипсиланти ему стали известны слова царя о том, что греки много говорят, а ничего не делают⁸. О предстоявшем выступлении А. Ипсиланти, по-видимому, знали и местные власти. Об этом свидетельствует ряд документов. Так, в одном из рапортов Буковинского губернатора Стуттерхейма правительству Австрии от 18 марта 1821 г. говорится, что за несколько дней до вступления Ипсиланти в Молдавию посланник от предводителя восставших валашских крестьян Владимиреску приехал в Кишинев со спешными письмами на имя наместника Бессарабии генерала И. Н. Инзова и А. Ипсиланти. Далее в рапорте отмечается, что одна из прокламаций Владимиреску с таким же содержанием, как и прокламации Ипсиланти, была запрещена полицией. Однако по возвращении Инзова из Одессы в Кишинев распространение ее было разрешено⁹.

Надо полагать, и это подтверждают источники, что руководитель греческих патриотов-этеристов А. Ипсиланти делился со своими братьями планами и помыслами. Они хорошо и достоверно были информированы во всех вопросах, связанных с греческим восстанием 1821 г. Поэтому ставить под сомнение достоверность такого важного источника по истории греческого освободительного движения, каким являются воспоминания одного из братьев Ипсиланти — Николая, как это делает Г. Л. Арш, нет никакого основания. А в этих мемуарах говорится: «Н. Ипсиланти утверждает, что его брат получил от Каподистрия заверение, что Россия пришлет восставшим грекам помощь деньгами, амуницией и пр.»¹⁰. Об этом же свидетельствует записка о деятельности «Филики Этерии» одного из видных ее деятелей — шурина А. Ипсиланти, Г. М. Кантакузина¹¹, составленная для начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева. Интересна такая деталь. Прежде чем представить эту записку командованию армии, Кантакузин ознакомил с ее содержанием командира 16-й дивизии 2-й армии генерала (декабриста) М. Ф. Орлова¹², который, как известно, был связан с предводителями этеристов и хорошо осведомлен в вопросах подготовки греческого восстания 1821 г. Это является лишним доказательством ее достоверности. Анализ ее содержания и сопоставление фактического материала с другими источниками показывает, что как это, так и другие свидетельства отражают правильное положение вещей. Поэтому как в этом случае, так и в других опровержения Г. Л. Арша являются необоснованными.

О том, что Каподистрия знал о планах своих соотечественников — греческих этеристов говорится и в исследовании румынского историка Н. Камариано. «Флейшквал показывает в рапорте своем, что Скуфос в своей попытке печатать в Бухаресте одну из греческих газет получил поддержку российского консула Алекс Пини. Это является важным свидетельством, которое доказывает, что полномочный представитель России... поддерживал Этерию и оказывал свою помощь именно с согласия Каподистрия, министра иностранных дел России»¹³.

К. Маркс, тщательно изучив и глубоко проанализировав литературу и первоисточники по Восточному вопросу и политике России и западноевропейских держав в связи с греческим восстанием 1821 г., указывал на тайную поддержку этеристов русским правительством. Говоря о либеральных настроениях и лицемерии Александра I, он писал:

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 737, л. 9.

⁸ РО ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, архив Н. К. Шильдера, к. 8, № 13, л. 96 об.; Сб. биографий кавалергардов. 1801—1826, кн. III. СПб., 1906, стр. 187

⁹ N. Comariano. Tudor Vladimirescu in lumina unor documente din arhivele din Viena. «Studii Revista de istorie», 1963, N 3, p. 646.

¹⁰ A. Oțetea. Eteria. O Sută cincizeci de ani de la întemeierea ei «Studii...», 1964, N 6, p. 1242.

¹¹ G. G. Gervinius. Op. cit., p. I, p. 167.

¹² РО ГПБ, Архив Н. К. Шильдера, к. 9, № 13, л. 20 (франц. яз.).

¹³ N. Comariano. Un eterist fruntaș din București: Nicolae Scifos «Studii...», 1973, № 4, p. 812.

«Мысль выставить Россию защитницей либерализма не нова. Александр I... разыгрывал в свое время роль героя по всей Европе... Разве не был он тайным вождем „Гетерии“ («Этерия». — *И. И.*), хотя одновременно с этим... побуждал Людовика XVIII выступить в поход против испанских мятежников. Разве он не посылал в Валахию Ипсиланти в качестве „вождя священной дружины эллинов“»¹⁴.

Тем не менее Александр I, находясь под влиянием австрийского канцлера монархиста Меттерниха, который утверждал, что восставшие греки «защищают дело революции» и, исходя из принципов Священного союза, осудил из Лайбаха, где он находился на конгрессе Союза, восстание греков.

Греческое восстание 1821 г. поставило царское правительство в трудное положение. Сложившаяся международная обстановка и внутреннее положение страны оказались для России довольно неблагоприятными. Западноевропейские государства — Англия, Австрия и другие — резко противодействовали политике России на Балканах. Экономическое положение в стране после Отечественной войны 1812 г. оставалось тяжелым. Говоря о настроении общественности юга России, тайный военный агент А. Данненберг 4 марта 1822 г. писал из Тирасполя петербургским властям: «...Действие кабинета в рассуждении турецкой политики также обращает внимание многих. Некоторые приписывают это излишней осторожности, другие — бессилию; все же вообще — недостаток денег или сомнительному состоянию Союза (Священного союза. — *И. И.*) с прочими державами...»¹⁵. Политическая атмосфера характеризовалась ростом крестьянских и солдатских выступлений. В такой обстановке Александр I осудил восставших греков и отклонил просьбу А. Ипсиланти о помощи и покровительстве им. Однако русское правительство не могло долго оставаться посторонним наблюдателем событий на Балканах, вызванных греческим восстанием. И оно начало оказывать помощь восставшим грекам сначала дипломатическим путем, а потом и силой оружия, способствуя завоеванию Грецией независимости.

Приведенные официальные документы и фактический материал, тщательный их анализ достаточны для того, чтобы утверждать, что взятый русским правительством курс на мирные отношения с Портой скорее всего был временным тактическим маневром, а не отказом от общей политической линии в Балканском вопросе. Они говорят о том, что правительство Александра I располагало достоверными сведениями о тайном обществе «Филики Этерия» и о подготовке выступления греков во главе с А. Ипсиланти. Другое дело, что оно не знало о масштабах деятельности этеристов и о характере предстоящего их выступления. Дальнейшее изучение этого вопроса, выявление новых источников, их анализ позволит установить окончательно объективную научную истину.

Вызывает удивление отношение Г. Л. Арша к опубликованным и неопубликованным специальным работам по данному вопросу. Он пишет: «...что ни дореволюционные, ни советские историки не занимались этеристским движением в России. На эту тему не написано ни одного специального исследования»¹⁶. Это неправильно. Советские историки опубликовали ряд работ, посвященных этой теме или отдельным ее аспектам. Кроме уже названных работ, следует указать на исследования А. В. Фадеева и О. Б. Шпаро, Б. Е. Сыроечковского и других¹⁷. Г. А. Арш знал и о моей диссертации «Бессарабия и греческое национально-освободительное движение», так как дал в Ученый совет отзыв на автореферат. В 1968 г. ему на отзыв была также направлена подготовленная к печати рукопись монографии под тем же названием. Научная этика требует не замалчивать работ по вопросам избранной темы исследования. Г. Л. Арш в одних случаях просто не упоминает о таких работах, в других — широко использует, но не всегда ссылается на работы предшественников или дает глухие ссылки, ратуя при этом за добросовестное использование источников и литературы. Так, на стр. 12 книги Г. Л. Арш дает ссылку на ЦГВИА, ф. ВУА, д. 837 и на ЦГАОР СССР, ф. 1165, оп. 2, д. 10, тогда как дело из ЦГВИА использовано мною в работе «Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение», стр. 32, 33, а документ из ЦГАОР приводится в моей диссертации (стр. 22, 48, 149, 151). Фактический материал, содержащийся в книге Г. Л. Арша на страницах 94, 95, имеется в названной выше моей работе и в диссертации соответственно на страницах 30, 31 и 200.

И. Ф. Иова

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 511—512.

¹⁵ ИРЛИ, РО, архив П. Д. Киселева, ф. 143, д. 26.6 109, л. 8.

¹⁶ См. Г. Л. Арш. Этеристское движение в России..., стр. 7.

¹⁷ А. В. Фадеев. Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX века. «Новая и новейшая история», 1964, № 3; е го же. Россия и восточный вопрос 20-х годов XIX века. М., 1958. См. также О. Б. Шпаро. Освобождение Греции и Россия. М., 1965; Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов. В сб. «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954.

КТО ЖЕ ДОПУСКАЕТ НЕТОЧНОСТИ

Ответ рецензенту

В четвертом номере журнала «История СССР» за 1973 г. опубликована рецензия А. Б. Мельникова на сборники статей «Ленинская „Искра“ и местные партийные организации России» и «Книга В. И. Ленина „Что делать?“ и местные партийные организации России», выпущенные Пермским издательством.

Касаясь содержания моей статьи «Ленинский план построения партии, и борьба „Искры“ за его осуществление», рецензент считает «неточным» следующий абзац:

«План построения партии при помощи газеты был поистине новаторским и оригинальным. Его практическое осуществление требовало громадной подготовительной работы. И Ленин сразу же после сибирской ссылки развернул кипучую организаторскую деятельность».

А. Б. Мельников полагает, что «кипучую организаторскую деятельность» Ленина по осуществлению плана построения партии следовало бы отнести к периоду сибирской ссылки. В этой связи он приводит ряд аргументов. Однако речь в них идет лишь о том, как Ленин «обдумывал свой план организации газеты»¹. Но «обдумывание плана» не тождественно его практическому выполнению. Проблема борьбы за разработку и осуществление знаменитого ленинского плана создания партии при помощи общерусской политической газеты более сложна и значительна, чем это представляется А. Б. Мельникову.

«Неточно и утверждение А. Ф. Костина, — пишет далее рецензент, — что первый номер „Искры“ вышел в свет 24 декабря 1900 г., в этот день номер был сверстан, а вышел он несколько позже. Позволительно спросить: когда же? Ответа на этот вопрос А. Б. Мельников не дает. Между тем дата выхода первого номера газеты (24 декабря 1900 г.) уже давно установлена в советской литературе и не является дискуссионной.

А. Ф. Костин

¹ См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», М., 1968, т. 1, стр. 244—245; т. 2, 1969, стр. 24.

ПОЛИНА НАУМОВНА ШАРОВА

11 апреля 1974 г. скончалась Полина Наумовна Шарова, член КПСС с 1926 г., доктор исторических наук, старейший сотрудник Института истории СССР АН СССР.

П. Н. Шарова родилась в 1902 г. в деревне Ладыгино Шуевского района Ивановской области в пролетарской семье. Свою трудовую деятельность Полина Наумовна начала в возрасте 14 лет работницей Колобовской ткацкой мануфактуры. Здесь на фабрике в 1919 г. она вступила в комсомол, а затем в партию. Здесь же началась ее активная общественно-политическая деятельность. В 1928—1929 гг. П. Н. Шарова была председателем Слэс-Юрцовского волсполкома, председателем Шуевского райисполкома. Затем она была послана Ивановским обкомом партии учиться в Институт красной профессуры. Успешно окончив институт, а затем аспирантуру, П. Н. Шарова была направлена ЦК ВКП (б) в Институт истории АН СССР, в котором она постоянно работала с 1937 г.

Непосредственный участник коллективизации сельского хозяйства, П. Н. Шарова на многие годы связала свою судьбу с изучением этой проблематики. Ее перу принадлежит монография «Коллективиза-

ция сельского хозяйства в Центральной Черноземной области» и ряд статей. Полина Наумовна принимала участие в написании ряда коллективных работ Института истории («Очерки по истории СССР в восстановительный период», «История СССР. Эпоха социализма». Учебное пособие, многотомная «История СССР», «История Москвы» и др.).

Много сил и энергии она отдала подготовке публикации архивных документов по истории коллективизации сельского хозяйства. П. Н. Шарова была ответственным редактором одной из первых публикаций документов по истории коллективизации («Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935», М., 1957).

П. Н. Шарова вела преподавательскую работу в Институте повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ, в Московском университете и Институте истории АН СССР ею было подготовлено 25 кандидатов исторических наук.

Научную работу Полина Наумовна сочетала с большой общественной деятельностью. В течение ряда лет она избира-

лась секретарем партбюро Института истории АН СССР, была членом бюро парторганизации сектора и группы Отдела истории советского общества, руководила работой исторической секции республиканского общества по распространению политических и научных знаний, принимала активное участие в избирательных кампаниях по выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР и местные Советы.

За большую научную и общественную деятельность П. Н. Шарова была награждена двумя орденами «Знак Почета» и другими правительственными наградами.

Партийная принципиальность Полины Наумовны, высокое чувство ответственности за порученное дело, требовательность к себе и к окружающим, доброта и заботливость — все это снискало к ней глубокое уважение людей, знавших Шарову. Такой она останется в нашей памяти.

**Сотрудники сектора истории социалистического преобразования
сельского хозяйства Института
истории СССР АН СССР**

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Г. М. Максимов — Изменения в профессиональном составе трудящихся СССР (1959—1970 гг.) 3
Г. А. Шистер (Ташкент) — Рабочий класс Узбекистана на современном этапе 18
И. С. Миллер — О некоторых проблемах первой революционной ситуации в России 32
Акад. Л. В. Черепнин — К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) 51

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- К. П. Марсаков, Р. М. Масов (Душанбе) — Изучение истории социалистического и коммунистического строительства в Таджикской ССР 71

К XV Международному конгрессу исторических наук

- Чл.-корр. АН ЭССР Ю. Ю. Кахк (Таллин), чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко — Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях 89

Воспоминания

К 30-летию победы в Великой Отечественной войне

- Герой Советского Союза Н. Г. Кузнецов — День первый и день последний (Эпизоды из воспоминаний о войне) 104

Сообщения и заметки

- А. Л. Хорошкевич — Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV века 129
С. Я. Марлинский — Алексей Алексеевич Покровский 140

Критика и библиография

- И. И. Глущенко, Э. В. Ермакова (Владивосток) — Рабочий класс советского Дальнего Востока в исторической литературе 145
Л. И. Васькина — Л. С. Рогачевская. Ликвидация безработицы в СССР, 1917—1930 гг. 155
В. Е. Полетаев — Ю. Л. Дьяков. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие 157
В. А. Федоров — «Освободительное движение в России». Межвузовский научный сборник 158
М. Т. Белявский — «Россия в период реформ Петра I» 164
Ю. Н. Иванов (Воронеж), Л. М. Матлина (Алма-Ата) — «Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий», части I—V. Отв. ред. проф. В. В. Мавродин 165
А. П. Новосельцев — А. Д. Папазян. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. 167
Акад. А. П. Окладников (Новосибирск) — А. И. Мартынов. Археология СССР 170

История СССР за рубежом

Р. В. Овчинников, С. М. Троицкий — Новейшая американская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева	173
В. К. Багдасаров, В. З. Дробижев — Э. Х. Карр, Р. В. Дэвис. Создание плановой экономики (1926—1929), т. I, ч. 1—2. Э. Х. Карр. Создание плановой экономики, т. II	190
А. С. Кан — Диссертация о дипломатической деятельности А. М. Коллонтай	198
И. И. Поп — Украинцы Галиции, Буковины и Закарпатья в революции 1848—1849 годов	199
По страницам исторических журналов стран социализма	201

Историческое краеведение

Н. А. Шарошкин (Пенза) — Прошлое Пензенского края	202
В. И. Лебедев, Н. А. Николаев (Пенза) — Социально-экономическое развитие Нижегородской губернии	204
М. П. Польский — Геронка будней	206
Ю. В. Журов (Красноярск) — Книга о сибирском колхозе	208

Научная жизнь

В. П. Дмитренко — Социалистическая индустриализация в СССР и ПНР. Симпозиум советских и польских ученых	210
Чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов (Владивосток) — Дальневосточные исторические чтения	212
Г. Н. Моисеева (Ленинград) — Хранилищу древнерусских рукописей Пушкинского дома АН СССР — 25 лет	214

Письма в редакцию

И. Ф. Иовва — Русское правительство и национально-освободительное движение греческого народа	216
А. Ф. Костин — Кто же допускает неточность? Ответ рецензенту	219
<u>Полина Наумовна Шарова</u>	219

CONTENTS

Articles

- G. M. Maksimov — Changes in Professional Structure of the Working People in the USSR (1959—1970) 3
- G. A. Shister (Tashkent) — The Working Class of Uzbekistan at the Current Stage 18
- I. S. Miller — On Some Problems of the First Revolutionary Situation in Russia 32
- Acad. L. V. Cherepnin — On the Problem of Formation of Class Representative Monarchy in Russia (16th Century) 51

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Study

- K. P. Marsakov, R. M. Masov (Dushanbe) — Study of History of Socialist and Communist Construction in the Tadzhik SSR 71

Towards the XVth International Congress of Historical Sciences

- Corr.-Member of the Estonian SSR Academy of Sciences Yu. Yu. Kahk (Tallin), Corr.-Member of the USSR Academy of Sciences I. D. Kovalchenko — Methodological Problems of Using Quantitative Methods in Historical Research 89

Memories

Towards the 30th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

- N. G. Kuznetsov, Hero of the Soviet Union — The First Day, the Last Day (war episodes) 104

Communications, Notes

- A. L. Khoroshkevich — An Episode of the Dynastic Struggle in Russia at the End of the 15th Century 129
- S. Ya. Marlinsky — A. A. Pokrovsky 140

Book Reviews and Bibliography

- I. I. Glushchenko, E. V. Yermakova (Vladivostok) — The Working Class of the Soviet Far East in Historical Literature 145
- L. I. Vaskina — L. S. Rogachevskaya. Elimination of Unemployment in the USSR, 1917—1930 155
- V. Ye. Poletaev — Yu. L. Dyakov. The Northern Base of Coal and Metallurgy in the USSR: Origin and Development 157
- V. A. Fedorov — «Liberation Movement in Russia» 158
- M. T. Belyavsky — «Russia in the Period of the Petrine Reforms» 161
- Yu. N. Ivanov (Voronezh), L. M. Matlina (Alma-Ata) — «A Collection of Documents in the History of the USSR for Seminars and Practical Training», Parts I—IV, Ed. by V. V. Mavrodin 165
- A. P. Novoseltsev — A. D. Papazyan. Agrarian Relations in Eastern Armenia from the 16th to the 17th Century 167
- Acad. A. P. Okladnikov (Novosibirsk) — A. I. Martynov. Archaeology of the USSR 170

History of the USSR in Foreign Studies

- R. V. Ovchinnikov, S. M. Troitsky—Recent American Historiography of the Peasant War Headed by Ye. I. Pugachev 173
- V. K. Bagdasarov, V. Z. Drobizhev, E. H. Carr, R. W. Davies. Foundations of a Planned Economy (1926—1929). Vol. 1, parts 1—2; E. H. Carr. Foundations of a Planned Economy. Vol. 2 190
- A. S. Kan—A Dissertation on the Diplomatic Activity of A. M. Kollontai 198
- I. I. Pop—Ukrainians of Galicia, Bukovina and Transcarpathia in the Revolution of 1848—1849 199
- Through the Pages of Historical Periodicals of the Socialist Countries 201

Study of Local History

- N. A. Sharoshkin (Penza) — The Past of the Penza Territory 202
- V. I. Lebedev, N. A. Nikolaev (Penza) — Socio-Economic Development of the Nizhegorodskaya Province 204
- M. P. Polsky — Heroism of Everyday Life 206
- Yu. V. Zhurov (Krasnoyarsk) — A Book about a Siberian Kolkhoz 208

Academic Life

- V. P. Dmitrenko — Socialist Industrialization in the USSR and Poland. A Symposium of Soviet and Polish Scholars 210
- Corr. Member of the USSR Academy of Sciences A. I. Krushanov (Vladivostok) — Far East Historical Readings 212
- G. N. Moiseeva (Leningrad) — 25 Years of Work of the Depository for Ancient Russian Manuscripts at the Pushkin House of the USSR Academy of Sciences 214

Letters to the Editor

- I. F. Iovva — The Russian Government and National Liberation Movement in Greece 216
- A. F. Kostin — Inaccuracies — by Whom? A Reply to the Reviewer 219
- P. N. Sharova 219

Технический редактор Н. Н. Беллева

Сдано в набор 5/VI-1974 г. Т-12270 Подписано к печати 9/VIII-1974 г. Тираж 10000 экз.
Зак. 4175. Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 19,6. Бум. л. 7. Уч.-изд. л. 21,0

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10